

Сергей
СОЛОВЬЕВ

История отношений
между русскими князьями
Рюрикова дома

История правления династии Рюриковичей представлена как движение к «окончательному торжеству государственных отношений над родовыми, торжеству, купленному страшною, кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей»

Сергей
СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ
между русскими князьями
Рюрикова дома

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
С60

Серия основана в 2001 году

Соловьев С. М.

С60 История отношений между русскими князьями Рюрикова дома / С.М. Соловьев. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 445, [3] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-017477-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-05707-0 (ООО «Издательство Астрель»)

Согласно исторической концепции выдающегося историка С.М. Соловьева (1820 — 1879), смыслом русской истории был постепенный переход родового быта в быт государственный, последовательное превращение племен в княжества, а княжеств — в единое государственное целое. По мнению ученого, историю отношений князей из династии Рюриковичей можно разделить на два периода: «в первом, от Рюрика до Андрея Боголюбского, мы видим исключительное господство родовых отношений; во втором, начиная с Боголюбского, является попытка сменить родовые отношения государственными, которые вступают в борьбу с родовыми и наконец торжествуют над ними».

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4**

Подписано в печать 23.11.2002. Формат 84×108 /32.

Усл. печ. л. 23,52. Бумага офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 1041.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.11.953.П.002870.10.01
от 25.10.2001 г.

ISBN 5-17-017477-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-05707-0 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2003

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы привыкли к выражениям: разделение России на уделы, удельные князья, удельный период, удельная система, исчезновение уделов при Иоанне III, при сыне его Василии, при Иоанне IV. Употребляя эти выражения, мы необходимо даем знать, что Россия, начиная от смерти Ярослава I до конца XVI века, была разделена, ставим *удел* на первом плане, даем ему главную роль; за удел идут все борьбы, около удела вращается вся история, если период называется удельным, если господствует удельная система. Но раскроем летописи от времен Ярослава I до XIII века: идет ли в них речь об уделах? Встречаем ли выражение: удельный князь и великий? Происходит ли борьба за удел, за распространение, усиление одного удела на счет другого, разделена ли, наконец, Россия? Нисколько: все князья суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность; идет речь о том, кто из князей старше, кто моложе в роде, — за это все споры, все междоусобия. Владение, города, области имеют значение второстепенное, имеют значение только в той степени, в какой соответствуют старшинству князей, их притязаниям на старшинство, и потому князья беспрестанно меняют их. Князь, у которого во владении обширная область на севере, оставляет ее и бьется изо всех сил за один город на юге, потому что этот город приближает его к старшинству: одним словом, интерес собственника вполне подчинен интересу родича.

Вместо разделения, которое необходимо связано с понятием об уделе, мы видим единство княжеского рода: разве борьба Святославичей с Мономаховичами есть борьба уделов, борьба Чернигова с Киевом, Смоленском, Суздалем? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, неразделенность владения. «Мы внуки одного деда», — говорят Святославичи и потому помогают Киеву. Начинается вторая борьба, в семье Мономаха, между Мстиславичами и Юрием Долгоруким, и опять не за уделы, но за старшинство. Наконец, третья усобица между Ростиславичами и

Юрьевичами идет также не за уделы, но за родовые отношения: Ростиславичи требуют, чтобы старший князь поступал с младшими, как с братьями, а не как с подручниками. Где же уделы? В летописи вы не находите отношений в. * князя к удельным, вы находите только отношения отца к сыновьям, старшего брата к младшим, дядей к племянникам. Даже самое слово *удел* мы не встречаем в летописи. Если не было понятия о разделе, о выделе, об отдельной собственности, то не могло быть и слова для его выражения. Когда же на север явилось понятие об отдельной собственности, то явился и удел; до этого же времени мы встречаем только слова: *волость* и *стол*.

Таким образом, выражение: удельный период, удельная система приводят к совершенно ложному, обратному представлению, выставляя господство удела, владения, отдельной собственности в то время, когда господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности.

Но я уже сказал, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идет за то, что первые хотят поддержать родовые отношения против стремления северных князей, которые хотят обходиться с родичами, как с подручниками, стать самовластцами в земле своей. Это стремление служит уже ясным признаком ослабления родовой связи, родовых отношений. И точно, скоро мы видим, что единство Ярославова рода рушится, и Русь делится, впервые, на несколько княжеств, каждое с своим в. князем, потому что в. князь означает только старшего в княжеском роде, и если род Ярослава раздробился на несколько особых родов, то каждый род должен был иметь особого старшего: явилось несколько великих князей. Начинается борьба между отдельными княжествами; цель этой борьбы приобретение собственности, усиление одного княжества на счет других, подчинение всех княжеств одному сильнейшему: борьба оканчивается усилением княжества Московского, подчинением ему всех остальных.

Но во время этой борьбы между отдельными в. князьями, или старшими родов, внутри каждого княжества, в каждом роде идет борьба между старшим князем и младшим, теперь уже *удельными* князьями, борьба также за собственность и за государственные отношения против родовых: каждый в. князь хочет уничтожить уделы, привести удельных князей в подданническое к себе отно-

* Авторские сокращения: Акт. юрид. — Акты юридические; в., вел. — великий, великая; др. — другой; к., кн. — князь, княгиня; Лавр. — Лаврентьевская летопись; наз. — называться; напр. — например; примеч. — примечание; след. — следовательно; С. г. г. и д. — Собрание государственных грамот и договоров.

шение; последние ратуют во имя старых родовых отношений, старых прав. Эта внутренняя борьба в других княжествах оканчивается вместе с подчинением их Московскому, в последнем же оканчивается только с пресечением Рюриковой династии.

Таким образом, история княжеских отношений распадается на два главные отдела: в первом, от Рюрика до Андрея Боголюбского, мы видим исключительное господство родовых отношений; во втором, начиная с Боголюбского, является попытка сменить родовые отношения государственными, которые вступают в борьбу с родовыми и наконец торжествуют над ними.

Но что же вызвало государственные отношения и что дало им торжество над родовыми? Естественное раздробление Ярославова рода вследствие умножения и расхождения княжеских линий? Род Ярослава разделился на семьи, которые, преследуя каждый свои интересы, вступили друг с другом в борьбу, окончившуюся усилением одной семьи над всеми прочими? Так легко, по-видимому, объяснить различие, обнаружившееся в явлениях нашей древней истории в XIII веке. Но если род распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться в роды с прежними родовыми отношениями: так, на юге, в старой Руси, являлось стремление нарушить единство Ярославова рода, разделиться на семьи: Мономаховичи хотели разделиться с Ольговичами, но между тем семья Мономаха на юге, разделившись с Ольговичами, сама развилась в род со всеми прежними родовыми отношениями.

Но на севере отдельные княжеские семьи не развивались в роды; как скоро один князь, отделившись от рода и поработив родичей в пользу семьи своей, разделит при смерти своё владение между сыновьями, то тотчас же начинается борьба между ними, причем сильнейший князь подчиняет себе слабейших. Этот сильнейший князь снова при смерти делит свое владение между сыновьями, и снова имеет место то же явление, та же борьба с теми же следствиями, т. е. что семья никогда не развивается в род, ибо нет условия, при котором только было возможно такое развитие, именно нет более понятия об общности, неразделенности владения.

Итак, для нас важно здесь не то, что род разделился на семьи, но то, что семьи не могут более развиваться в роды, для нас важно здесь условие постоянного разделения и постоянной борьбы между княжествами, которое дает сильнейшему возможность подчинить себе слабейшего; эта возможность основывается на понятии об отдельной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятие об общности, нераздельности владения; понятие же об отдельной собственности явилось на севере вследствие преобладания там городов новых, которые, получив свое бытие от князя, были его собственностью¹.

Несмотря, однако, на то, что начиная с XIII века Русь точно разделяется на несколько особых княжеств и при господстве понятия об отдельной собственности об уделе встречаем частое упоминание, являются отношения между удельными князьями и великими, возникает борьба между ними, стремление великих князей уничтожать уделы, — несмотря на все это, и здесь название: удельный период, удельная система, определение деятельности Иоанна III или сына его Василия уничтожением уделов не могут иметь места, ибо Русь разделяется не на уделы, а на несколько независимых княжеств, из которых каждое имеет своего в. князя и своих удельных князей, и отношения между великими князьями играют столь же важную роль, как и отношения великих князей к их удельным; след., название удельного периода и удельной системы и здесь также неверно, потому что не обнимает всех сторон княжеских отношений. Вот причины, которые заставляют исключить названия: удельный период и удельная система из истории княжеских отношений и вместо того принять выражения определеннейшие: отношения родовые и отношения государственные.

Но если несправедливо название: удельный период, то еще менее справедливо название монгольского периода. Это название может быть допущено только тогда, когда мы берем одну внешнюю сторону событий; но, следя за внутренним, государственным развитием России, мы не имеем никакого основания ставить монгольские отношения на первом плане, приписывать азиатской орде такое сильное влияние на развитие европейско-христианского общества.

Мы видели, что стремление заменить родовые отношения государственными началось с Андрея Боголюбского, след., гораздо прежде монголов; это стремление вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношениями, условия для которой были приготовлены прежде монголов. Правда, когда отдельные княжества, явившиеся вследствие разрыва родового единства и преобладания понятия об отдельной собственности, начинают борьбу друг с другом, то монголы принимают деятельное участие в этой борьбе, помогают войском то тому, то другому князю или княжеству: но здесь они действуют безотчетно, бессознательно, точно так, как прежде действовали половцы, помогавшие одному князю против другого в их родовых спорах; однако никто не вносит в русскую историю половецкого периода.

Возразят: половцы не поработали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыков князьям нашим, не казнили их в степях своих: но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имеют никакого понятия о княжеских отношениях, поддерживают, дают ярлыки тем из князей, которые дадут им больше денег; если б

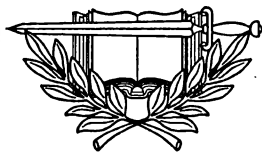
во время монголов продолжали господствовать прежние родовые отношения, то монголы точно бы так же поддерживали то дядей против племянников и, наоборот, Мономаховичей против Ольговичей, и наоборот; в XIII же и XIV веках, когда родовые отношения потеряли господство, монголы помогают князьям московскому, рязанскому, тверскому, нижегородскому ярлыками и войском в борьбе их друг с другом, цель которой есть усиление одного княжества на счет других, подчинение всех княжеств одному, собрание земли Русской.

Какая разница между участием монголов и половцев в княжеских отношениях? Та, что для склонения хана монгольского на свою сторону князь должен был ехать в Орду, тогда как для задаривания половецкого хана князь снимался с ним на границах степей: следствия были одни и те же! Ханы казнили русских князей в Орде: не ханы казнили их, но русские князья посредством ханских палачей истребляли друг друга; ханы служили здесь только орудием для целей чуждых, которых они совершенно не понимали; для нас важно не то, как, посредством кого князья истребляют друг друга, но по каким началам действуют, какие цели преследуют в своей борьбе, а эти начала, эти цели явились независимо от татар и прежде них. Хан могущественно способствовал усилению и обогащению в. князя, сделав его своим прикащиком, сборщиком податей: но какого в. князя понимают здесь? Московского? Но кроме московского были другие в. князья, которые в своих областях были также прикащиками хана, собирали дань в своих удельных и могли также обогащаться и усиливаться на счет последних. Узбек помог Москве восторжествовать над Тверью: но разве половцы не давали победы князьям нашим?

Итак, название монгольского периода должно быть исключено из русской истории, потому что мы не можем приписать монголам самого сильного влияния на произведение тех явлений, которыми отличается наша история, начиная с XIII века: новый порядок вещей начался гораздо прежде монголов и развивался естественно, вследствие причин внутренних, при пособии разных внешних обстоятельств, в числе которых были и монгольские отношения, но не под исключительным их влиянием.

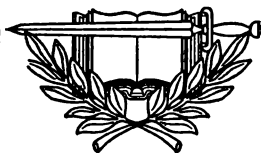
Отстранив название удельного периода, дававшее неверное понятие о характере нашей древней истории, о характере княжеских отношений; отстранив равно название монгольского периода, который незаконно рассекал историю княжеских отношений на две части и тем самым прерывал для историка естественную связь событий, естественное развитие общества из самого себя, мы приступим к изложению истории княжеских отношений, разделив весь труд на четыре отдела: I отдел будет заключать пространство

времени от признания Рюрика до Андрея Боголюбского: здесь княжеские отношения носят характер чисто родовой. II отдел обнимет события от Андрея Боголюбского до Иоанна Калиты: здесь обнаруживается стремление сменить родовые отношения, вследствие чего начинается борьба между князьями Северной и Южной Руси, преследующими противоположные цели; эта борьба после раздробления рода сменяется борьбою отдельных княжеств с целью усиления одного на счет другого, окончательная победа остается на стороне княжества Московского. В III отделе изложатся события, имевшие место от Иоанна Калиты до Иоанна III: вследствие усиления Московского княжества, стремящегося подчинить себе все другие, Северо-Восточная Русь сосредоточивается около одного пункта, Москвы; в то же самое время Русь Юго-Западная сосредоточивается также около одного пункта, Литвы: обе половины Руси, в челе которых стоят две различные династии, вступают в борьбу между собою, но отношения польские сдерживают деятельность литовских князей относительно востока, а между тем московские владетели все более и более дают силы государственным отношениям над родовыми. IV отдел — от Иоанна III до пресечения Рюриковой династии — представит окончательное торжество государственных отношений над родовыми, торжество, купленное страшною, кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей.

Отдел первый

**ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА
ДО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО**

Глава I

О РОДОВЫХ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВООБЩЕ

а) Значение старшего в роде, или великого князя.

Старший в роде княжеском, или великий князь, принимал в отношении к младшим членам рода значение отца, был для них *в отца место*, по тогдашнему выражению. Принимая на себя такой характер, в князь имел обязанность блюсти интересы рода; так, Ростиславичи в 1195 году говорили в князю Всеволоду III: «А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей»². С своей стороны, младшие князья обязаны были в князю как отцу глубоким уважением и покорностью; так, Ростислав Мстиславич Смоленский, призываемый в 1159 году младшими родичами на старший киевский стол, говорил им: «Оже мя в правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцем в себе в правду и в моем вы послушаньи ходити»³. Так, сказано в летописи, что в. к. Святополк в 1111 году послал к Давиду Святославичу, «велячи ему с собою»⁴.

Под 1115 годом читаем: «Приходи Володимер (Мономах) а Глеба (князя минскаго): Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск пожег, и не каяшеться о сем, ни покаряшеться... и обещася Глеб по всему послушати Володимера»⁵. Под годом 1117: «И наказав его (Ярослава Святополчича) Володимер о сем, веля ему к себе приходити, "когда тя позову"»⁶. Под го-

дом 1168: «Посла Ростислав к братъи своей и к сынам своим, веля им всим съвкупитися у себе со всеми полкы своими»⁷. Давид Игоревич в 1097 году послал сказать Васильку Ростиславичу Теробовльскому: «Не ходи, брате, и не ослушайся брата старейшаго...» И рече Давид ко Святополку: «Видиши ли не помнит тебе, ходя в руку своею»⁸.

Формулы для выражения отношений младших князей к великому были следующие: 1) младший обязан был ездить подле стремени старшего: так, Ярослав Галицкий, признавая старшинство Изяслава Мстиславича, говорит: «Ныне, отце, клянутся, прими мя яко сына своего Мстислава тако же и мене, ать ездить Мьстислав подле твой стремянь по одной стороне тебе, а яз по другой стороне подле твоей стремянь ежду, всеми своими полкы»⁹. Ростислав Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «Отец мя переобидил и волости ми не дал; и пришел есмь нарек Бога и тебе, зане ты еси старей нас в Володимирских внуцех, а за Рускую землю хочю страдати, и подле тебе ездити»¹⁰. Давидовичи говорят Изяславу Мстиславичу: «А пусти брата нашего, а мы подле тебе ездим», т. е. если ты освободишь нашего брата, то мы признаем тебя старейшим¹¹.

Примеч. С этим выражением: *ездить подле стремени* должно сравнить древнейшее: *ходить по ком-нибудь*, которое также означало сыновнее отношение младшего к старшему; так, про Игоря сказано: «Игореви же возрастшу, и хожаше по Ользе, и слушаше его»¹².

2) Младший имел старшего господином, был в его воле. «Велми рад, господине отце, — говорит Ростислав Мстиславич дяде Вячеславу, — имею тя отцем господином, яко же и брат мой Изяслав имел тя и в твоей воли был»¹³. Или: «И на том целова крест Володимирич к Святославу, яко имети ему его в отца место и в всей воли его ему ходити»¹⁴. Или: «И поча ему помогати Шварно князь и Василко, нарекл бо бяшетъ Василка отца себе и господина»¹⁵.

3) Младший смотрел на старшего: «Они же вси (рязанские князья) зряху на Ростислава, имеяхуть ѝ отцем себе»¹⁶. Или: «А к тестю своему Рюрикови крест бяшетъ целовал (Роман Мстиславич) перед тем, како ся ему Олгович боле того лишити, а в его воле быти и зрети нань»¹⁷.

В. князь имел право судить и наказывать младших членов рода. Ростислав Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «А ты мене старый, а ты мя с ним и суди»¹⁸. Святополку как старшему в роде поручено было от совета родичей казнить Давида Игоревича: «Яко бе Давидова сколота; то иди, ты, Святополче, по Давида, и любо ими, любо прожени»¹⁹. «Мстислав Владимирович поточи полотьскийи князе... еже преступиша хрестьное целование... заточени были... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшетъ на Рускую землю в помощь»²⁰. Однако в. князь не мог лишить волости младшего князя или наказать его другим каким-нибудь образом по произволу, без обличения в вине; князья говорят Святополку Изяславичу: «Чему еси ослепил брат твой? Аще бы ти вина кая была нань, обличил бы еси пред нами, и упрев, сотворил ему»²¹. Ростиславичи говорят Боголюбскому: «А нам путь кажеши из Руськой земли, без нашей вины»²², след., они признавали право в. князя лишить волости, если младший провинился. Наконец, младший должен был соглашаться на распоряжения старшего без возражений, не имел права подавать совета старшему, и когда последний спрашивал его мнения, то считал это за большую для себя честь и снисхождение; когда Изяслав Мстиславич спрашивал совета у младшего брата своего Ростислава, тот отвечал: «Брате! Кланяются, ты еси мене старей, а како ты угадаеши а яз в том готов есмь; аже, брате, на мне честь покладываешь, то яз бых, брате, тако рекл»²³ и проч.

Из этих свидетельств легко можно заключить, какую обширную власть имел старший в роде над младшими; но те же самые родовые понятия, которые придавали ему такое высокое значение, те же самые понятия стесняли его власть, ограничивали ее в пользу младших членов, а именно: старший в роде до тех только пор сохранял власть, пока сам свято исполнял свои отеческие обязанности, т. е. пока не отделял своих интересов от интересов целого рода, пока не переставал смотреть на каждого младшего, как на собственного сына, не делая никакого различия между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость.

Как же скоро старший в роде пренебрегал своими отеческими обязанностями, как скоро предпочитал собствен-

ные выгоды, выгоды детей своих интересам родичей, то он терял свое значение старшего и отца, все его права, равно как обязанности младших к нему, рушились, его власть заменялась или общим родовым советом, или, в случае раздора между князьями, каждый из них действовал, защищал свои права как умел и как мог.

Так, когда Всеволод Ольгович, доставши киевский стол, пренебрег интересами рода Святославова, которого был старшим, и для выгод собственного сына искал дружбы Мстиславичей, не давал хороших волостей братьям, то последние сказали ему: «Ты нам брат старший, аже ны не даси, а нам самим о соби поискати... и не любяхуть сего Ольгови-чи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь иметь с Мьстиславичи с шюрьями своими, а с нашими ворогы, и осажался ими около, а нам на безголовие и безъместье и себе»²⁴. Так, Ростислав Юрьевич, видя несправедливость отца, не давшего ему волости, отступил от него и обратился ко врагу его Изяславу Мстиславичу; последний при этом случае говорит, что отец Ростислава Юрий старше их всех, но что они, младшие, не могут признать этого старшинства, ибо Юрий не исполняет своих обязанностей в отношении к ним, и что он, Изяслав, принял в таком случае старшинство на себя и клянется выполнять свои отеческие обязанности: «Всих нас старей отец твой, но с нами не умеет жити, а мне дай Бог вас, братью свою, всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою»²⁵.

Наконец, младшие отказывали в повиновении старшему, если тот хотел обращаться с ними не по-родственному, не как с сыновьями, а как с подчиненными правителями, подручниками. Так, Мстислав Ростиславич говорит Андрею Боголюбскому: «Мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дей, а Бог за всем»²⁶.

Обязанность старшего блюсти выгоды своего рода, иметь всех своих родичей «ако и душу» не позволяла ему считать себя полновластным владельцем родовой собственности, располагать ею по произволу, он был только совладельцем с младшими родичами и распоряжал волостями сообща с

ними; этим объясняются множественные формы, встречаемые в летописи, — *посадиша, выгнаша* и проч., которыми означаетя распоряжение целого рода, хотя, по-видимому, действует один в. князь, напр., «преставись Вячеслав, сын Ярославль, в Смоленске, и *посадиша* Игоря в Смоленску»²⁷. Вот почему старший в роде, бывший другим *в отца место*, по занятии старшего стола делал ряд с младшею братьею касательно распределения родовой собственности: «Вячеслав же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: "Ты еси Ростиславу сын любимый, тако же и мне; а поеди семо ко мне, перебуди же, у мене Киев, доколе же придетъ Ростислав, а тогда *ряд* вси учиним"»²⁸. Или: «Иде Святослав к Любчю и призва к собе братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода; *ряды* ему *деюще*, сде же удеся велико зло в Киев и проч.»²⁹.

При этих рядах определяли не только, какому князю владеть какою волостию, но также известные правила, с которыми должны были сообразоваться князья в своем поведении, напр.: «Молвяше же Романови Святослав: "Брате! Я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а муж у голову"»³⁰. После, когда права разных князей на старшинство запутались, то князья делали друг с другом ряды — если кто-нибудь из них получит старшинство, то чтобы отдал другому какую-нибудь область: «Святослав же нача слати к Ярославу с жалобою, река ему: "На чем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекли бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, право ли, криво ли — надели же мене"»³¹.

Ясно, что если каждый в. князь должен был делать ряды с братиею, то *завещания* в Древней Руси существовать не могло, ибо завещание показывает, что завещатель имеет право располагать собственностью по произволу.

b) Как приобреталось великокняжеское достоинство, или старшинство, в роде?

Первым, главным правом на великокняжеское достоинство было старшинство физическое, след., дядя имел первенство над племянником, старший брат над младшим, муж старшей сестры над младшими шурьями, старший шурин над

младшими зятьями: «Рюрик же... размыслив, с мужи своими угадав, *бе бо Святослав старей леты*, и урядився с ним съступися ему старейшинства и Киева»³². Касательно старшинства дяди пред племянниками Изяслав Мстиславич говорит о Вячеславе Владимировиче: «А се ми есть яко отец стрый свой»³³. В другом месте: «Язь Киева не собе ищю, но он отец мой Вячеслав брат старей, а тому его ищю»³⁴. Ростислав Мстиславич говорит Юрию Долгорукому: «Отче! Кланяются, стрый ми еси яко отец»³⁵. Касательно преимущества старшего брата над младшим св. Борис говорит про Святополка: «Тось ми буди в отца место»³⁶. О праве старшего зятя над младшими шурьями Изяслав Мстиславич говорит: «Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, занеже ми брат и зять старей меня яко отец»³⁷. Король венгерский Гейза, женатый на младшей сестре Изяслава Мстиславича, не иначе зовет последнего, как отцом: «То же время король присла к Изяславу, река: "Отце! Кланяются и проч."»³⁸.

Итак, по первому, естественному представлению о старшинстве дядя постоянно имел право пред племянником. Но теперь обратим внимание на второе представление: по смерти отца старший брат заступал его место для младших, становился отцом в отношении к ним, след., его дети должны были стать братьями дядьям своим; и точно такое представление существовало при родовых княжеских отношениях, ибо мы видим, что сыновья старшего брата называются братьями дядьям своим. Так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу Мстиславичу: «Се, брате, на мя еси приходил» и проч.³⁹ Тот же Юрий с братом своим Вячеславом говорят полякам и венграм: «А ве ся с своим братом и сыном Изяславом сами ведаимы»⁴⁰. Наконец, Глеб, сын Юрия, ясно говорит Изяславу, что он для него имеет совершенно то же значение, какое и отец Юрий: «Ако мне Гюрги отец, тако мне и ты отец, а яз ти ся кланяю»⁴¹.

Но при таком представлении необходимо рождался вопрос: старший сын старшего брата, который стал отцом для младших братьев, стал по этому самому братом дядьям своим, но каким братом — старшим или младшим? Здесь опять два представления: первое, основываясь на физическом старшинстве, отдавало всегда преимущество дядьям пред

племянниками, сыновья старшего брата были братьями дядьям своим, но братьями младшими: «Изяслав еда биться с Игорем, тако молвить: яз Киева не себе ищю, но оно отец мой Вячеслав брат старей, а тому его ищю»⁴².

Но в пользу племянников скоро явилось другое представление: старший брат стал отцом для младших, сыновья его из племянников стали для них братьями, старший между сыновьями отца есть необходимо старший между братьями, след., старший племянник старше дядей. Глеб Юрьевич называл своего двоюродного брата Изяслава таким же себе отцом, каким был для него сам Юрий, но на каком основании Мстислав Изяславич, старший сын этого отца, не будет для него старшим братом?

Последнее представление о старшинстве старшего племянника над дядьями явилось при самых первых столкновениях между правами Ярославовых потомков на старшинство, но встретило сильное сопротивление в общем мнении, которое было за естественное представление, основанное на физическом старшинстве дядей над племянниками: отсюда произошли страшные войны между Мстиславичами и Юрием Долгоруким и потомством его, в продолжение которых и до самого разъединения Юго-Западной, старой Руси, от Северо-Восточной, новой, торжество оставалось за представлением о старшинстве дядей над племянниками.

Так, летописец укоряет Ростиславичей северных, что они хотели занять Ростовскую область мимо дядей Михаила и Всеволода и не честили старшего брата: «Потом же Михалко и Всеволод поехаста в Володимирь с славою и честью великою, ведущую пред ним колодники, Богу наказавшую князь креста не переступати и старейшаго брата честити»⁴³. Так, сам Изяслав Мстиславич в борьбе с дядею не смел задевать господствующее понятие, основывал свои права не на старшинстве старшего племянника, а на дурном характере дяди, ясно говорил, как мы видели, что старшинство принадлежит дяде Юрию; и под конец принужден был раскаяться в своих притязаниях и признать старшинство дяди Вячеслава; вот слова его к последнему: «Отце! Кланяются; аче ми Бог отца моего Мистислава отъял, а ты ми еси отец, ныне кланяются, согрешил есмь и первое, а того ся каю; а изнова коли ми

Бог дал победити Игоря у Києва, а я есмь на тебе чести не положил, а потом коли у Тумаша; ныне же, отце, того всего каюсь пред Богом и пред тобою, оже ми отце того отдаси ты, то и Бог ми отдасть; ныне же, отце осе даю ти Киев, поеди, сяди же на столе деда своего и отца своего»⁴⁴. Так Юрий, четвертый дядя, торжествует над сыновьями старшего из Мономаховичей и получает великокняжеское достоинство; сын его Андрей торжествует над Мстиславом Изяславичем, старшим сыном старшего из двоюродных братьев, и Ростиславичи признают его отцом. Мало того! Брат его Всеволод III, самый младший сын 4-го Мономаховича, признается старшим от Ростиславичей, внуков самого старшего из потомков Всеволода.

Но в потомстве Всеволода III в Руси Северо-Восточной пересиливает представление о старшинстве сына от старшего брата уже не над одним младшим, но над всеми дядьями, причем, однако, до самого пресечения Рюрикова рода на престоле московском, дядья самые младшие не хотят уступить старшинства сыну от первого брата, так что оба представления остаются при своих крайностях, не уступают друг другу, не допускают ничего среднего. Так, когда Василий Дмитриевич требует от братьев, чтоб они признали старшинство его сына Василия, пятый и самый младший из братьев Константин вооружается против этого требования; Владимир Андреевич Старицкий, рожденный от четвертого удельного, домогается престола мимо племянника, царевича Дмитрия Иоанновича. Но в других родах, кроме княжеского, мы видим, что оба представления мирятся, а именно: первый племянник уравнивается в старшинстве с дядьями, но только с младшими, начиная с четвертого: таково положение местничества⁴⁵.

Отчего же произошло это различие? Во-первых, оттого, что в борьбу различных представлений о старшинстве в роде княжеском скоро вмешалось понятие об отдельной собственности, явившееся на северо-востоке вследствие господства городов новых. Преобладание отдельной собственности, разрушив родовую связь, заставило старшего брата воспользоваться своим положением для усиления собственной семьи на счет младших братьев; это приобретенное могущество,

силу материальную, он передает своему старшему сыну, который, в свою очередь, пользуется наследственным могуществом для того, чтоб стать выше дядей, подчинить их себе, и таким образом, естественно и незаметно, чрез посредство понятия об отдельной собственности родовые отношения переходили в государственные.

Во-вторых, в роде княжеском подчинение младших братьев старшему гораздо сильнее, нежели в других родах, по той самой причине, что для князей нет более высшей власти в обществе, старший брат для них вместе отец и государь, значение старшего в роде княжеском, след., гораздо выше значения старшего в других родах и естественно, необходимо усиливает значение собственной семьи в князя, особенно его старшего сына: младший брат, чья в в. князе отца и государя, необходимо переносит это уважение и на сына его, своего племянника; тогда как в других родах значение старшего брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствием высшей власти, правительства, государя, к которому и старшие и младшие находятся в одинаких подданических отношениях; след., здесь разница между старшими и младшим братьями вовсе не значительна: они почти равны друг другу, а это равенство и помогло старшим дядьям выиграть в борьбе означенных представлений и остаться старше племянников от первого брата.

Теперь остается вопрос: какое же основание тому, что в местничестве именно четвертый дядя теряет старшинство пред племянником от первого брата? Мы думаем, что объяснение такому счету можно найти в самом физическом старшинстве между членами семьи, ибо почти всегда в многочисленной семье только три старшие брата сохраняют некоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первым и остальными младшими, начиная с четвертого, так обыкновенно велика, что последние находятся еще в детском возрасте, когда первый уже совершенно возмужал; притом обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца только трое первых сыновей достигают зрелого возраста, тогда как другие остаются еще детьми и как несовершеннолетние вступают под надзор старшего брата, который на самом деле заступает для них место отца;

мало того, в первоначальном обществе, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сын уже был женат, имел детей, тогда как младшие еще не родились или были в пеленках; след., старший сын от первого брата приходился физически старшим или, по крайней мере, равным младшим дядьям своим.

Подкрепим сказанное примерами из истории. У в. князя Святополка Изяславича было 4 сыновей: Мстислав, Ярослав, Изяслав и Брячислав; последний, четвертый, остался после отца малолетним, именно 10-ти лет (Лавр., стр. 119), и должен был находиться на руках старшего брата (Ярослава, ибо Мстислав уже умер), который заступал для него место отца. У Мономаха было 8 сыновей: из них Вячеслав, третий, если не считать умерших Изяслава и Святослава, и пятый, если считать их, говорит Юрию (4-му или 6-му): «Я был уже бородач, когда ты родился» (Ипатьев., [с.] 60); но если он был бородач, то мог быть и женат, след., его дети могли быть ровесниками Юрию; но сам Вячеслав был пятый брат, след., какова же разница между Юрием и самым старшим братом, Мстиславом? Но у Мономаха был младший сын Андрей, родившийся в 1102 году (Лавр., [с.] 118), а через 5 лет, в 1107 году, уже Юрий был женат (Лавр., [с.] 120); теперь, какова должна быть разница между самым младшим Мономаховичем, Андреем, и самым старшим, Мстиславом? Ясно, что старшие сыновья последнего должны быть старше дяди своего Андрея. У Мстислава В. было 4 сына: 4-й, Владимир, родился за год до отцовской смерти и должен был остаться младенцем на руках старшего брата — отца. У Дмитрия Донского было 6 сыновей: младший, Константин, родился за несколько дней до отцовой кончины и остался на руках старшего брата, Василия. Итак, равенство 4-го брата с первым племянником основывается на старшинстве физическом, потому что обыкновенно 4-й брат уже слишком разнится возрастом от старшего брата, подходит к нему в сыновние отношения и, след., становится братом своему племяннику.

с) *Случаи, исключавшие князей из старшинства и даже из владения родовою собственностью.*

Род состоял из старших и младших членов; каждый младший мог, в свою очередь, сделаться старшим. Так, напр., у

Ярослава I было 5 сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь, которые по смерти отца были старшими членами рода, их дети и внуки — младшими, но не все, а именно: Изяслав Ярославич как старший заступил место отца для братьев, след., его сыновья стали также братьями дядьям своим и потому также старшими членами рода. Итак, старшими членами рода были 5 сыновей Ярослава + сыновья Изяслава: эти старшие родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владении родовой собственностью; все остальные, т. е. их дети и внуки, были младшими членами рода, сыновьями в отношении к старшим, считались малолетними, не способными владеть родовой собственностью, быть совладельцами с своими старшими. Ясно, что каждый из младших членов мог в свою очередь сделаться старшим, т. е. когда по смерти Изяслава вступил бы в старшинство Святослав и, след., стал бы к остальным братьям в отношении отца, то сыновья его стали бы из племянников братьями дядьям своим, т. е. из младших членов рода старшими, и т. д. переходили бы в старшие сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря.

Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшим членом рода, навсегда малолетним, след., навсегда неспособным не только получить великокняжеское достоинство, но даже участок во владении, быть совладельцем с своими старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умирал, не будучи старшим в роде, или в. князем: в таком случае дети его оставались навсегда младшими. Напр., у Ярослава I было сначала 6 сыновей: Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь. Если бы Владимир остался жив, то по смерти отца стал бы в. князем и отцом для младших братьев, тогда бы сын его Ростислав стал братом дядьям своим, след., получил бы место старшего члена рода. Но Владимир умер при жизни отца, след., не был отцом для братьев своих, и потому сын его Ростислав не имел уже возможности быть братом дядьям своим, остался навсегда племянником, младшим, неспособным ни к великокняжескому достоинству, ни ко владению родовой собственностью.

Одним словом, можно выразиться так: племянники не могли быть совладельцами с своими дядями. Если я говорю

здесь: племянники, то исключают сыновей старшего брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядьям своим, причем разумеются сыновья такого старшего брата, который точно по смерти отца заступал его место для младших братьев; но если старший брат умирал при жизни отца и, след., не заступал отцовского места для младших, то сыновья его были для последних только племянниками и потому исключались из великокняжеского достоинства, равно как из владения родовою собственностью, и если получали волости, то этим обязаны были или милости дядей, или какому-нибудь другому обстоятельству.

Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира, умершего при жизни отца; потомство Владимира, старшего сына Ярослава I, равно как потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохранения сыновей своих от такой участи князья давали друг другу клятву, что в случае преждевременной смерти одного из них оставшийся в живых должен заботиться, чтоб дети покойного не были исключены из владения родовою собственностью. Такую клятву дали друг другу Юрий и Андрей Владимировичи. «Сыну! — говорит Юрий племяннику Владимиру Андреевичу. — Яз есмь с твоим отцем, а с своим братом Андреем, хрест целовал на том яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоим детем отец и волости удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Володимиря ти искати»⁴⁶.

Примеч. [1.] Подобный обычай исключения встречаем и на Западе у народов германского племени; так, читаем у Витикинда в *Annal. Sax.* II: «Произошел спор о законах; говорили, что внуки не должны считаться наряду с сыновьями и делить с последними наследство, если отцы их умерли при жизни деда; вследствие чего король назначил всенародное собрание у города Стелы, где было положено рассмотреть дело чрез посредников. Но король не захотел, чтоб благородные мужи и старшины народа потерпели от того какое-нибудь оскорбление, и приказал решить дело поединком. Победила та сторона, которая внуков от умерших сыновей считала наряду с сыновьями, и подтверждено было, чтоб они делили наследство поровну с дядьями»⁴⁷.

Примеч. 2. Несколько ранняя смерть отца лишала сына права на дедовское наследство, но даже и смерть матери если не лишала совершенно, то по крайней мере уменьшала право. Указание на последний случай мы не встречаем ни в XI, ни в XII, ни в XIII веке, но в конце XVII, а именно: царевич Иоанн Алексеевич говорит, что брат его Петр Алексеевич имеет более права на престол, ибо у него жива мать Наталья Кириловна: «И государь царевич и великий князь Иоанн Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России изволил говорить: "Что пристойно были на Российском царствии и иных к Российскому царствию принадлежащих царствах и государствах великим государем царем и великим князем, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, брату его благоверному государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу, потому что у него, государя, здравствует мать его благоверная государыня царица и великия княгиня Наталия Кириловна"»⁴⁸.

Примеч. 3. Князья, которых отцы умерли при жизни дедов, назывались *изгоями*: «*Изгой* трои: попов сын грамоты не умеет; холоп — из холопства выкупится, купец одолжает, а се четвертое изгойство, и себе приложим, аще князь осиротеет»⁴⁹.

Второе обстоятельство, исключавшее князя из права старшинства или из пользования какою-нибудь волостию, было насильственное лишение права или владения, изгнание из волости, ибо по тогдашним понятиям битва была судом Божиим, где побежденный, след., являлся виновным в глазах всех, его поражение и изгнание считали праведным наказанием за грехи, причем победитель был только исполнителем воли Божией. Если побежденный, изгнанный князь силою оружия возвращал свое право, свою волость, то в этом видели возвращение к нему благосклонности Божией, прощение греха; если же не успевал вернуть потерянное, то он и потомство его навсегда исключались из права на владение. Это понятие, что побежденный есть грешник, раздражавший божество, всего яснее выражено у Прокопия в рассказе его о вандале Гензерихе, который, входя на корабль, предается на волю ветрам, долженствующим примчать его к народу, раздражившему божество: $\epsilon\phi' \omicron\upsilon\zeta \omicron \theta\epsilon\omicron\varsigma \omega \rho\upsilon\sigma\tau\alpha\iota$ ⁵⁰.

В наших летописях князя постоянно именуют битву судом Божиим; Изяслав Мстиславич говорит: «Даже мя постигнуть Володимер с семи, а с тем суд Божий вижю, а како Бог рассудит с ним; паки ли мя устряцеть Гюгри, а с тем суд Божий вижю, како мя с ним Бог рассудит»⁵¹. Тот же Изяслав велел сказать сыну своему Мстиславу: «Се уже мы идем на суд Божий, а вы нам, сыну, всегда надоби»⁵². Вот почему Василий Шуйский, желая доказать права свои на престол, говорит в окружной грамоте о своем воцарении: «Учинилися есмя на отчине прародителей наших, на Российском государстве царем и в. князем, его же дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от римского кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего в. князя Александра Ярославича Невскаго на сем Российском государстве быша прародители мои, и посем на Суздальской удел разделишась, *не отнятием и не от неволи, но по роству*»⁵³. Здесь ясно видно, что отнятие и неволя лишали всякого права.

В заключение должно упомянуть, что после, когда линии разошлись, младшие линии выбирали себе по произволу одного из старших князей в отца место, иногда совершенно из другого рода. Это именно принуждены были сделать князья рязанские рода Святославова: отделившись от своего рода вследствие изгнания от Ольговичей и не могши, однако, существовать отдельно и независимо, рязанские князья выбрали себе в старшие Ростислава Мстиславича Смоленского из рода Мономахова⁵⁴. Такие князья в отношении к старшему, на которого он смотрел, наз[ывались] *ротниками*⁵⁵. Иногда даже младшие князья, обиженные старшими, отступали от них и примыкали к чуждому роду, прибегая в покровительство его старшего⁵⁶.

Примечание [4]. Мы видели, что в. князь не имел неограниченной власти под родовою собственностью, но владел ею сообща с целым родом: вот почему когда Андрей Боголюбский выгнал братьев и племянников из Ростовской области, то летописец говорит, что он захотел быть *самовластцем* в Суздальской земле, т. е. таким властителем, который распоряжается всем самовластно, не стеснен родовыми отношениями, не ограничен правами родичей.

Для означения верховной власти, не стесненной родовыми отношениями, власти крепкой, постоянной, не зависящей ни от каких перемен, употреблялось название *царь, царский*. Так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу: «Дай ми Переяславль, а ты посажу сына своего у Переяславля, а ты седи царствуя в Киеве»⁵⁷, т. е. а ты владей Киевом спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому. В другом месте летописец, говоря о злодействах и гибели епископа Феодора, прибавляет: «Видя бо виде озлобление людей своих сих кротких Ростовския земли, от звероядиваго Федорьца погибающих от него, посетив (Бог) спасе люди своя, рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, *царскою* правдиваго, благовернаго князя Андрея»⁵⁸. Когда после Рутского сражения воины Изяславовы, нашедши своего князя в живых, изъявили необыкновенную радость, то летописец говорит, что они величали Изяслава, как *царя*⁵⁹.

Под именем великого князя разумелся только *старший* в роде княжеском; вот почему когда род Ярослава I разделился на многие независимые роды, то старший в каждом из них стал называться *великим* князем, хотя был владельцем самой ничтожной области и признавал над собою власть другого великого князя, литовского или московского. Так, напр., князь пронский назывался также великим князем, подобно московскому, тверскому и рязанскому, потому что был старшим в своем роде. *Великий* было синонимом: *старший*, и потому к именам некоторых князей прибавляется даже после существительного, напр., Владимир Великий, Мстислав Великий, Всеволод Великий, для отличия их от множества других младших Владимиров, Мстиславов и Всеволодов, а вовсе не в том смысле, в котором мы теперь придаем слово *великий* к именам исторических лиц, напр., Петр Великий, Карл Великий⁶⁰.

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА ДО СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I

Летописец говорит, что три князя варяжские, родные братья Рюрик, Синеус и Трувор, пришли к призвавшим их племенам славянским и финским *с своими родами*⁶¹. Об этих родичах, пришедших с тремя братьями, летопись после ничего не упоминает; Рюрик, по ее свидетельству, раздает города мужам своим⁶². Но хотя под именем мужей после постоянно разумеются члены старшей дружины, однако здесь мы имеем право разуместь родичей, именно потому, что об Аскольде и Дире сказано: «Бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина»⁶³. Если у Рюрика было 2 мужа не племени его, то могли быть мужи племени его, родичи. Второе доказательство мнению, что под именем мужей, разосланных первыми князьями по городам, должно разуместь родичей, представляют слова договоров с греками, напр.: «даяти уклады на руские города; по тем бо городам сидяху князья под Ольгом суще»⁶⁴.

Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов. Об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем: можем только сказать, что эти отношения не были подобны последующим родовым отношениям княжеским, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что указывает на отношение дружинное, след., служебное, а не родовое.

Через два года по призвании умерли братья Рюрика. В 879 году умер он сам, оставив малолетнего сына Игоря, которого отдал на руки родичу своему Олегу, т. е. обязал последнего быть Игорю отцом⁶⁵. Что Игорь находился в сыновнем отношении к Олегу, свидетельствует выражение летописца: «Игореви взрастьшю, и хожаше по Олзе и слушаше его и приведоша ему жену»⁶⁶. Ходить по ком-нибудь, ездить подле стремени и обратное: водить при себе — суть выражения, означавшие всегда сыновние отношения⁶⁷. Равно на сыновнее же отношение указывает известие летописца о браке

Игоря: «и приведоша ему жену», которое непосредственно следует за описанием его сыновних отношений к Олегу.

По смерти Игоря сын его Святослав остался малюткою; правление принимает на себя мать его Ольга: обычай, общий всем народам, явившимся на историческую сцену в начале средних веков, как славянского, так и германского племени. Отношения княжеские становятся сложнее в семействе Святослава, которое состоит уже из троих сыновей. По смерти Ольги, последовавшей в 969 году, Святослав, отправляясь навсегда в Болгарию, отдал прежние свои владения двум сыновьям — Ярополку и Олегу: первый остался в Киеве, второй пошел княжить в землю Древлянскую. Это не значит, чтоб у Святослава не было других владений: Новгород с окружным народонаселением (славянами) постоянно признавал зависимость от киевских князей: Олег наложил дань на славян и особую еще на новгородцев⁶⁸, он же водил славян (т. е. новгородцев) в поход на Греков⁶⁹, равно как и Игорь⁷⁰, жена последнего Ольга устанавливает повозы, оброки и дани в землях новгородских⁷¹.

Но кроме Новгорода за русскими князьями было много других городов и областей: еще Рюрик владел Белоозером, Ростовом, Муромом⁷²; Олег занял Смоленск и Любеч, где посадил своих мужей⁷³. Что эти города и области были заняты не временно только, но постоянно оставались под верховною властью киевских князей, доказательством служит исчисление племен, участвовавших в походах Олега и Игоря, равно как греческие уклады на города: Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч, где сидели князья, подручники Олеговы⁷⁴.

Итак, Ярополк и Олег Святославичи оставались князьями не одного Киева и Древлянской земли: они распределили остальные области между собою точно так, как после сына Ярослава I, князя киевский, черниговский и переяславский, распределили между собою отдаленные северо- и юго-восточные области, хотя об этом распределении лучшие списки летописи не говорят ничего: киевскому летописцу не было дела до отдаленного севера и востока.

У Святослава был еще третий сын, Владимир; но он не мог быть в счету, во-первых, потому что был малолетен, а во-

вторых, потому что был рожден от рабыни; однако и Владимир получил волость благодаря новгородцам, которые хотели непременно иметь своего князя и в случае отказа грозили Святославу взять себе князя из другого рода⁷⁵. Святослав отвечал: «Да кому же идти к вам княжить: у меня только два сына; спросите у них, хотят ли они идти к вам?» И Ярополк, и Олег оба отперлись, говорит летописец. Тогда любчанин Добрыня, которого сестра Малуша, ключница Ольги, была матерью третьего сына Святославова, Владимира, уговорил новгородцев взять себе в князья последнего, ибо тогда при многоженстве не могло быть резкого различия между детьми законными и незаконными⁷⁶ и рождение Владимира от рабы не исключало его совершенно из семьи княжеской. Новгородцы послушались Добрыни и выпросили у Святослава Владимира, который и отправился княжить к ним вместе с дядею.

В 975 году началась вражда в семье Святослава. Мы знаем, что охота, после войны, была господствующею страстию средневековых варваров: для этого везде князья предоставили себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем: Олег, князь древлянский, охотясь в лесах своего владения, встретил незнакомца, который позволил себе в них то же самое удовольствие; узнав, что то был Лют, сын Свенельда, боярина киевского, Олег не мог простить такой злой обиды, такого дерзкого нарушения самого драгоценного из прав своих, и убил Люта. Пролитая кровь требовала мести со стороны Свенельда. Просьбы седого героя, вождя полков дедовских и отцовских, не могли быть тщетны: Ярополк как старший в роде пошел на Олега наказывать его, взять его волость⁷⁷; Олег не хотел уступить, враждебные войска встретились у Овруча, и древлянский князь погиб в битве. Тогда Владимир Новгородский, услышав, что Ярополк убил брата, захватил его владение, побоялся той же участи и убежал за море к варягам.

Эверс, которому принадлежит первое научное воззрение на историю Древней Руси, в своем стремлении подвести все явления под понятия о праве, господствовавшие в тогдашнем обществе, предполагает, что Владимир считал своею

обязанностию отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый исследователь, обращая внимание только на отношения Владимира к Олегу, упустил из виду отношение Владимира к Ярополку.

Точно, по понятиям того времени Владимир должен был мстить за смерть брата, но кому? Принимая в расчет родовые отношения, мы должны обращать внимание на совокупность этих отношений и не брать каждое порознь. Здесь дело идет между родными братьями, членами одного рода, одной семьи: на каждого родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственным средством защиты от насилий в то время, когда каждый род смотрел на себя как на отдельное целое, когда каждый знал только свой род и соблюдал только одни его интересы, не зная интересов и отношений государственных; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разных родов, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый род составлял одно нераздельное целое с своим главою, будь то отец, дядя, старший брат; здесь сын не мог мстить отцу, племянник дяде, брат брату ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу. После того ясно, что понятие о роде как об едином неразделенном теле совершенно исключает возможность мести, которая условливается только разъединением, особенностью; ясно, что Владимир не мог мстить Ярополку, потому что последний был ему старший брат, а старший брат всегда в отца место, мстить же отцу за брата есть несообразность.

Вот почему летописец, говоря о войне Владимира с Ярополком, хранит глубокое молчание о праве или обязанности первого отомстить за смерть Олега, тогда как прямо говорит, что Свенельд уговаривал Ярополка к войне с Олегом, желая отомстить за смерть своего сына⁷⁸. Но не имея права или обязанности мести, Владимир имел полное право воспротивиться незаконным поступкам старшего брата, точно так как после младшие князья считали себя вправе защищаться вооруженною рукою против насилий старшего, который разъединял свои интересы с интересами рода.

В таком точно положении находился и Владимир: он не имел обязанности мстить за смерть младшего брата старше-

му, ибо внутри рода месть не существовала; но имел право вооруженною рукою воспротивиться притязаниям Ярополка, столь ясно им обнаруженным. По возвращении из-за моря с варяжскими полками Владимир нашел в Новгороде Ярополковых посадников; он отослал их к киевскому князю с следующими словами: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, пристроивайся к битве»⁷⁹, а сам между тем оставался в Новгороде, затевая свадьбу. Желая, вероятно, привлечь на свою сторону владельца полоцкого Рогволода, Владимир послал к нему свататься за дочь его Рогнеду: последней предстоял выбор между двумя соперниками, ибо и князь киевский также за нее сватался. Она не замедлила предпочесть Ярополка сыну рабыни. «Не хочу розути робиича, но Ярополка хочю», — отвечала она отцу своему⁸⁰. Этот презрительный отказ ускорил отправление Владимира из Новгорода, ибо он всего более должен был опасаться тесного союза Ярополка с полоцким князем и потому спешил предупредить его. Он присоединил к пришлым варягам славян, кривичей, чудь и пошел на Полоцк, где праздновали кровавую свадьбу: безродная Рогнеда должна была неволею выйти за сына рабы, ибо отец и двое братьев ее погибли от руки Владимира. Из Полоцка последний отправился на Киев, где ждал его легкий успех вследствие измены Блуда, главного боярина Ярополкова.

В то время как, по-видимому, Владимир следовал благородному обычаю отца, послав сказать брату, что идет на него, в то самое время он вел переговоры с Блудом, склоняя его к измене. «Если ты мне поможешь убить брата, — велел он сказать ему, — то будешь мне вместо отца»⁸¹ — самое большое обещание, какое только можно было дать в то время, при господстве родовых понятий и отношений. В летописи помещены также слова Владимира, в которых он оправдывает свое поведение относительно брата. «Не я, — говорит новгородский князь, — начал избивать братью, но он; я пришел на него единственно из страха подобной же участи»: об обязанности мстить за смерть Олега ни слова!

Блуд обещал помощь Владимиру и уговорил Ярополка затвориться в Киеве, вместо того чтоб спешить с войсками против брата. Сперва он представил в. князю, что нечего

бояться Владимира, который не посмеет стать в поле против многочисленных полков киевских⁸², а между тем искал случая, как бы убить Ярополка. Увидав, что между гражданами нельзя ожидать помощи своему намерению, и зная о приближении Владимира, Блуд начал уговаривать Ярополка оставить Киев, представляя, что жители последнего сносятся со врагом. Ярополк послушался и удалился в Родню, где был осажден войсками Владимира и терпел голод. Тогда же Блуд начал представлять невозможность дальнейшего сопротивления и уговорил Ярополка помириться с младшим братом на всей воле последнего, вопреки увещанию верного отрока Варяжко, который догадывался об измене и советовал князю бежать к печенегам за помощью. Предсказания Варяжко сбылись: Ярополк был убит в то время, как шел на свидание с братом⁸³. Владимир занял стол киевский.

При рассказе об этом событии я не могу умолчать об известном отрывке из Иоакимовой Новгородской летописи, сохраненном у Татищева: здесь обнаружена главная пружина действия, сокрытая у летописца киевского, а именно борьба язычества с христианством.

Нам известно, что отец Владимира Святослав по своему характеру не мог склониться на увещания св. Ольги и что поклонники Христа в его княжение подвергались ругательствам со стороны поклонников Перуна, хотя гонения не было. Но во время Греческой войны, по свидетельству Иоакима, Святослав переменил свое поведение в отношении к христианам: поверив внушениям окружавших его язычников, будто виновниками неудачи русского оружия были христиане, находившиеся в войске, князь воздвиг на них гонение, причем не пощадил даже родного своего брата Глеба, и послал в Киев приказ разорить христианские храмы⁸⁴: одна смерть гонителя положила конец бедствиям Русской церкви. Но отказавшись от принятия христианства сам, Святослав между тем оставил сыновей своих при бабке христианке: ясно, какие внушения должны были получить от нее молодые князья. Иоаким говорит, что Ярополк был человек кроткий и милостивый, любил христиан, и если сам не крестился из боязни народа, то по крайней мере иным не препятствовал. Те, которые при Святославе ругались над хрис-

тианством, естественно не любили князя, приверженного к этой религии: этим нерасположением воспользовался Владимир и успел отнять жизнь и владение у брата⁸⁵.

Если мы примем во внимание рассказ Иоакима, то нам объяснится поведение Владимира в первые годы его княжения: торжество Владимира было торжеством языческой стороны над христианскою; вот почему новый князь знаменует начало своего правления необыкновенною ревностью к восстановлению и утверждению язычества, ставит кумиры на высотах киевских, дядя его Добрыня поступает точно так же в Новгороде. Нам известно, что славяне-язычники более всего негодовали на христианство за непозволение многоженства⁸⁶: в ознаменование торжества языческой стороны князь, виновник этого торжества, предается необузданному женолюбию. Судя по выражениям летописца, никогда в Русской земле не было видно такого гнусного идолослужения: «Родители приводили пред кумиры сыновей и дочерей своих и приносили их в жертву бесам, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская»⁸⁷.

Язычество, торжествуя победу, не могло оставить в покое соперничающую религию: к началу Владимирова княжения относится известие о христианских мучениках в Киеве⁸⁸. Что Владимир действовал таким образом в пользу язычества не по убеждению, а единственно в угоду стороне, доставившей ему успех, доказывает скорое обращение его к христианству, когда сторона приверженцев этой религии начала брать верх.

Приняв христианство и обязавшись единобрачием, Владимир был в затруднении касательно прежних своих сожительниц и потому решил разослать их с сыновьями в разные области своего обширного владения⁸⁹. В летописи находим имена 12 сыновей Владимира, но без определения, в каком порядке один за другим следовали по старшинству: в одном месте, при исчислении жен Владимировых, они поставлены по матерям; в другом, где говорится о рассылке сыновей по областям, они следуют в другом порядке. Постараемся, по некоторым данным, определить порядок старшинства между ними.

В Новгород был отправлен Вышеслав: мы знаем, что в этот город посылался обыкновенно старший в семье в князя; из этого можем заключить, что Вышеслав был старший сын Владимира, тем более что в известии о рассылке по областям он поставлен первым⁹⁰. Но в предшествующем исчислении жен Владимировых⁹¹ Вышеслав поставлен после сыновей Рогнединых и гречанки, вдовы Ярополковой, и назван сыном чехини: если Вышеслав был старший, то должен был родиться еще в Новгороде, но странно, что чехиня зашла так далеко на север. Иоакимовская летопись и здесь, поправляя ошибку начальной Киевской, объясняет дело совершенно удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называет Оловою, женою варяжскою⁹². Потом следует сын Рогнеды Изяслав, получивший волость деда своего по матери, Полоцк.

Тотчас после брака с Рогнедою Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожденного от последней Святополка мы имеем полное право поставить в третьих после Вышеслава и Изяслава. Этот Святополк получил в удел Туров и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде, как ясно указывают слова св. Бориса: «Не буди мне възняти руки на брата своего старейшаго; аще и отец ми умре, тось ми буди в отца место»⁹³. За Святополком мы должны дать место Ярославу, также, по летописям, сыну Рогнеды; Ярослав получил сперва Ростов, а потом, по смерти старшего Вышеслава, переведен в Новгород. Этот перевод Ярослава в Новгород мимо старшего Святополка Туровского объясняется свидетельством Дитмара, что Святополк в это время был под гневом отца и даже в заключении. Что Ярослав после Святополка был старшим, доказательством служит также, что сестра его Предслава обратилась к нему с известием о злодействах Святополка как представителю рода. Всеволод, также сын Рогнеды, получил Владимир Волынский; Святослав и Мстислав, которых мать в начальной Киевской летописи названа чехинею другою, в отличие от мнимой матери Вышеслава⁹⁴, получили — первый землю Древлянскую, второй Тмутаракань. Мать Святослава Иоакимовская летопись называет Малфридою; что это имя одной из жен Владимира не вымышлено, доказательством служит в начальной Киевской летописи упоминание под 1002 годом о смерти

Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедою⁹⁵; мать же Мстислава Иоаким называет Аделью или Адилью. Второго сына Адели Станислава этот же летописец, равно как и некоторые другие, отсылает в Смоленск, а Судислава во Псков⁹⁶.

Теперь остается определить мать и возраст Бориса и Глеба. В начальной Киевской летописи матерью их названа болгарыня, волостью первого Ростов, второго Муром. Но ясно, что здесь упоминается уже второе распоряжение, ибо при первом распределении волостей Ростов был отдан Ярославу; поэтому в некоторых списках, бывших в руках у Татищева⁹⁷, прибавлено, что сначала Борис получил Муром, а Глеб Суздаль.

Несмотря на это, молчание лучших списков летописи о первоначальных волостях Бориса и Глеба, равно как совершенное молчание о волостях Станислава, Судислава и Позвизда, ведет нас к заключению, что во время первой рассылки сыновей по волостям все эти князья или были очень малы, или некоторые из них, быть может, еще не родились⁹⁸. Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна царевна, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина, которых тетка, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским⁹⁹. Если б так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведение Ярослава, который, считая себя, при невзгоде Святополка, старшим, но видя предпочтение отца Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде¹⁰⁰ и потому спешил объявить себя независимым.

Как бы то ни было, Борис единогласно описывается человеком в самой цветущей юности: «Аки цвет во юности своей... брада мала и ус, млад бо бе еще». Если предположим, что он был первым плодом брака Владимирова с Анною, то в год отцовской смерти ему было 25 лет. Летописец прибавляет, что Борис *светился царски*, желая, вероятно, указать на его

царственное происхождение по матери. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем видно было намерение сделать его своим преемником на столе киевском, тем более что старший сын Святополк был в совершенном разладе с отцом¹⁰¹.

Святополк имел в супружестве дочь польского князя, знаменитого Болеслава I. Здесь в первый раз Русь вошла в сношение с Польшею, которое повело, однако, к неприязни вследствие разделения церквей, споривших в то время за мир славянский. Западной церкви, которая опиралась на меч германского императора, удалось захватить чехов и поляков. Болеслав, имея главною целью своей деятельности высвобождение Польши из-под зависимости и влияния империи, в то же время сам разрушал свое здание, будучи ревнителем латинства. Вместе с дочерью он прислал к Святополку Рейнберна, епископа колобрезжского (колбергского). Этому прелату удалось склонить туровского князя на сторону западной церкви; Владимир, узнав об этом, велел схватить Святополка с женою и епископом и заключить в темницу¹⁰². Это раздражало Болеслава: он поспешил заключить мир с империею и в начале 1013 года с немецкими наемными войсками и печенегами явился в пределах Руси; но вражда печенегов с польскими войсками помешала походу, притом, как видно, Владимир, склонившись на требования Болеслава, выпустил Святополка из темницы, однако не возвратил в Туров, а держал у себя в Киеве¹⁰³.

Несмотря на то, что Владимир умер, не урядив детей своих, не успев торжественным распоряжением передать Киев Борису, на стороне последнего была отцовская дружина и граждане киевские. Дружина Владимирова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всем его братьям, потому что он постоянно находился при них, привык с ними думать думу, тогда как другие князья привели бы с собою своих любимцев, как это и сделал Святополк, если обратим внимание на намеки летописца о поведении последнего: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун любяй вино пити с гусльми и с младыми советники»¹⁰⁴. Граждане также благоприятствовали Борису, потому что братья их были с ним¹⁰⁵. Вот почему, когда умер Владимир, то хотели скрыть смерть его от Святопол-

ка до прибытия Бориса, которого отцовская дружина уговаривала идти на стол киевский; но молодой князь, верный родовым понятиям, отвечал, что не подымет руки на старшего брата, который будет ему вместо отца: тогда войско разошлось, оставив Бориса с малым числом приближенных служителей.

Между тем Святополк объявил себя князем в Киеве и сыпал дарами в граждан для привлечения их на свою сторону. Видя в Борисе страшного соперника, не зная чистоты его намерений или сомневаясь в них, Святополк решился освободиться от него злодейством: он послал своих приверженцев убить Бориса. Но у последнего был одноутробный брат, Глеб, разделявший вместе с ним предпочтение отцовское. Святополку нужно было избавиться и от этого: он вызвал его с востока под предлогом болезни отцовской и послал убить на дороге. Испуганный Святослав, князь древлянский, вздумал спастись бегством в чуждые страны, но был перехвачен на пути и убит слугами киевского князя.

Тогда Святополк, видя удачу, начал помышлять об истреблении всех остальных братьев и об единовластии¹⁰⁶, следуя близкому примеру тестя своего Болеслава Польского, который изгнанием и ослеплением избавился от братьев и всех родичей. Ярослав Новгородский сведал об этих замыслах от сестры Предславы, когда сам находился в самом затруднительном положении. Мы упоминали уже, что он рассорился с отцом своим Владимиром, отказавшись платить дань к Киеву, и, зная, что отец собирается на него с войском, нанял варягов. Наемники начали поступать с новгородцами, как с завоеванными, а князь, имея в них нужду, смотрел сквозь пальцы на их бесчинства. Тогда граждане решились управиться сами и перебили насильников. Раздраженный князь хотел отомстить и за свою власть, и за своих храбрецов, тем более что безнаказанность новгородцев заставила бы и последних варягов убраться за море: знатнейшие из виновников убийства были позваны на вече к князю и перебиты. Но в следующую же ночь Ярослав получил известие об опасности со стороны Святополка; он собрал вече и простодушно признался, что очень жалеет о смерти новгородцев, потому что теперь они бы ему пригодились, золотом бы купил их¹⁰⁷.

Новгородцы отвечали, что, несмотря на убийство сограждан, они еще имеют довольно силы, чтоб стать за своего князя против братоубийцы¹⁰⁸. Как видно из этих слов, новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашним понятиям, делом обыкновенным, что князь отомстил их согражданам за смерть варягов; притом считали обязанностью стать за своего князя, которого выгоды были связаны с их собственными, который хотел освободить их от зависимости и дани киевской и в случае бегства которого они должны были принять Святополковых посадников. Наконец, не должно упускать из виду того обстоятельства, что в городе, где господствовала вражда родовая, вражда сторон, князь, перебивший старшин одной стороны, мог всегда надеяться на содействие от другой. Ярослав собрал в Новгородской области 40 000 войска да наемных варягов 1000 и пошел на Святополка. Он выставял причиною войны, во-первых, то, что старший в роде убил без вины младших родичей, а потом — право самосохранения¹⁰⁹.

Оба брата встретились при Любече. Дружинники Святополка ругались над войском Ярослава, состоявшим преимущественно из горожан и сельского народонаселения; они кричали новгородцам: «Где вам, плотникам, сражаться с нами, ступайте прочь с хромым вашим князем: мы вас заставим строить нам дома»¹¹⁰. Но эти мирные промышленники, эти плотники умели так же хорошо владеть топором и на поле битвы; раздосадованные насмешками дружинников, новгородцы повестили своему князю, что на другое утро непременно вступят в бой, а если кто не пойдет с ними, того сами умертвят¹¹¹. У Ярослава были доброжелатели в неприятельском стане: они известили его об удобном времени к нападению, когда Святополк с дружиною, пропировавши всю ночь, не был способен к защите. Ярослав одолел в битве и занял Киев; Святополк бежал к печенегам¹¹², хотел с ними овладеть Киевом¹¹³, но был отражен и удалился в Польшу к тестю Болеславу.

Это заставило киевского князя вступить в союз с императором Генрихом II против Польши, вследствие чего Ярослав выступил в поход и осадил Брест, но, как видно, без успеха. Неприязненное движение с востока заставило Болес-

лава поспешить заключением мира с немцами, чтоб обратить все свои силы на Русь. Летом 1018 года вступил он в поход и 22 июля достиг Буга. Русское войско не выдержало натиска Болеслава и обратилось в бегство; Киев отворил ворота победителю. И здесь, точно как прежде у чехов, Болеслав заботился только о своих выгодах, а не о выгодах союзников: он велел развести свое войско по окрестным городам на кормление, причем обнаруживал намерение оставить Русь за собою и утвердить свою столицу в богатом Киеве. Наши летописцы¹¹⁴ приписывают Святополку приказ убивать разведенных по городам польских воинов, но вероятнее, что сами поляки, как прежде у чехов, насильственными поступками возбудили восстание в жителях. Как бы то ни было, Болеслав должен был спешить уходом из Киева, оставив Святополка на жертву князю новгородскому.

Ярослав после Бужского сражения явился беглецом в свой Новгород и хотел уже бежать за море, как был остановлен гражданами, которые теперь не могли ожидать ничего хорошего от Святополка, показавши себя раз столь ревностными защитниками врага его, и потому должны были решиться на самые сильные меры. Они с посадником своим Константином, сыном Добрыни, след., двоюродным братом Ярослава, изрубили лодки, приготовленные князем для бегства, объявили Ярославу готовность свою биться и с Святополком и с Болеславом и не теряли времени: собрали деньги, наняли варягов, и скоро Ярослав мог снова выступить в поход. Святополк, оставленный Болеславом, должен был опять обратиться к печенегам. Оба брата встретились на реке Альте, на том самом месте, где пал Борис под ножами убийц. Святополк был вторично разбит и пропал без вести¹¹⁵. Скандинавские предания приписывают смерть его витязю Эймунду, служившему в войске новгородского князя.

Вступив вторично в Киев, Ярослав щедро наградил своих воинов, особенно новгородцев; но скоро ему представился случай поблагодарить последних за услугу, ему оказанную, тем же самым способом, именно защитою от врага.

Брячислав Изяславич, князь полоцкий, явился внезапно пред Новгородом, взял его, захватил множество граждан с именем и спешил назад в свою отчину, но на пути был на-

стигнут Ярославом, которому удалось обратить его в бегство и отбить пленников¹¹⁶. Брячислав, хотя по тогдашним понятиям не имел никакой возможности вступить в права отца своего Изяслава, который умер еще при жизни Владимира, не будучи старшим в роде, однако, по-видимому, добивался нового распределения волостей между родичами, более раннего, и Ярослав, несмотря на победу, хотел склонить Брячислава к миру прибавкою нескольких городов к прежнему княжеству Рогволодову. Он хотел обезопасить себя со стороны Изяславича, ибо, вероятно, предвидел, что Мстислав Тмутораканский недолго оставит его в покое.

Этот Мстислав, славный удалством в поединках, отличался чисто варяжским характером: он любил только свою дружину, ничего не щадил для нее, но пренебрегал остальным народонаселением¹¹⁷; отдаленное владение на берегу моря и постоянная борьба с окрестными варварами благоприятствовали образованию такого характера. Так как теперь оставалось только трое Владимировичей — Ярослав, Мстислав и Судислав, то князь тмутораканский считал себя вправе требовать нового, более ровного распределения волостей в общей родовой собственности¹¹⁸. В 1023 году, когда в князь был в Новгороде, Мстислав явился на Руси и сел в Чернигове. Ярослав, узнав о таком неприятном соседстве, призвал варягов, встретил Мстислава при Листвене, был разбит и принужден согласиться на ровное распределение волостей: земли на востоке от Днепра достались Мстиславу, на западе — Ярославу¹¹⁹.

Это распределение волостей очень важно, ибо впоследствии на нем основалось мнение, что князь, которому досталась восточная, тмуторакано-черниговская половина русских владений, не имел уже никакого права на западную, киевскую. В 1036 году Мстислав умер на охоте¹²⁰, не оставив потомства, ибо единственный сын его Евстафий умер еще прежде него¹²¹. Оставался теперь из братьев только один Судислав Владимирович: Ярослав не дожидаясь, чтоб и этот брат стал требовать ровного распределения волостей, и поспешил заключить его в темницу¹²². Так окончились отношения между сыновьями Владимира Великого.

Глава III

О РАСПОРЯДКЕ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ЯРОСЛАВА I

По смерти Ярослава I области, занятые первыми варяго-русскими князьями, разделились между двумя владетельными родами: первый род составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира. Летописец рассказывает, что Владимир выделил Изяслава, дав ему Полоцкую область, княжение деда его по матери, Рогволода¹²³. Но выделенный раз член рода не имел уже более права на родовое имущество, и потому полоцкие князья, потомки Изяслава, не могли иметь притязаний на остальную собственность Владимирового рода¹²⁴. Но если бы потомство Изяслава и не было выделенным, то и тогда оно не имело бы права на старшинство и на участие во владении родового собственностью, ибо Изяслав не был по смерти отца старшим, или великим, князем, не был для братьев отцом, и потому сыновья его остались навсегда младшими членами рода, не могли быть сонаследниками с дядьями своими.

Второй владетельный род был род Ярослава Владимировича, которому и достались все остальные русские области. Этот род по смерти Ярослава состоял из 5 братьев: старший из них Изяслав стал к прочим братьям в отца место; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын старшего Ярославича Владимира; Ростислав вследствие преждевременной смерти отца не мог быть сонаследником с дядьями.

Ярославичи распорядились в своих областях следующим образом: четверо старших поместились в области Днепровской; трое на юге, в собственной Руси: Изяслав в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславле; четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске. Что касается до пятого, Игоря, то в летописях встречаем затруднение. В Пушкинском и Кёнигсбергском списке не упоминается об нем, когда говорится о предсмертном распоряжении Ярослава I; в Троицком списке другою рукою написано внизу: «А Игорю Володимерь»¹²⁵.

На этом основании Карамзин¹²⁶ внес в текст, что Игорь, обделенный отцом, получил от старшего брата в частный

удел город Владимир. В самом деле, сыновья Изяслава считали Владимир Волынский своею отчиною. Святополк, собираясь отнять у Ростиславичей их волость, говорил: «Се есть власть отца моего и брата»¹²⁷. Но если так, то по какой же причине Игорь был обделен?

Игорь во время смерти Ярослава не был малолетен; он родился, по Татищеву¹²⁸, в 1036 году, след., в 1054 г. имел 18 лет. Если бы даже кто не захотел верить свидетельству Татищева, то известно, что Игорь, умерший через 6 лет, в 1060 году, был уже женат и оставил двоих сыновей, след., 6 лет назад не мог быть младенцем. Исключение Игоря, по нашему мнению, может объясниться только следующим образом. Ярослав при жизни своей разослал сыновей по разным областям: Изяслава в Новгород, Святослава в Чернигов, Всеволода в Переяславль, Вячеслава в Смоленск; Игорь же как младший оставался при нем. Как скоро Ярослав умер, то Изяслав стал княжить в области Киевской, остальные братья остались в прежних своих областях, а Игорю, еще не имевшему волости, братья отдали Владимир Волынский, точно так как по смерти Вячеслава перевели его в Смоленск¹²⁹. Игорь владел своею областью точно так же, как другие братья владели своими: различия в способе владения, *угелов частных* и каких-нибудь других еще быть в то время не могло, ибо господствовали исключительно родовые отношения, а не отношения по собственности, по зависимости; право же Изяславова потомства на Владимирскую область основывается на том, что после перевода Игоря в Смоленск и после ухода Ростислава Владимировича в Тмуторакань Волынская волость как праздная примкнула к Киевской области Изяслава.

Против нашего мнения могут выставить место в летописи, где говорится, что Ярослав урядил сыновей своих, уже находясь на смертном одре¹³⁰. Но если внимательнее взглядеться в это место, то нельзя не признать его позднейшим сочинением, именно по тем словам, которые летописец влагает в уста умирающего князя и которые получили значение позже, во время страшных усобиц между потомками Ярослава. Вот эти слова: «"Се яз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; аще будете в любви межи собою, Бог будет в вас, и

покорить вы сопротивных под вы, и будете мирно живуще. Ащель будете ненавистно живуще, в прях котороющесь, то погинете сами, и землю отец своих и дед своих, иже налезосша трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушающе"... И так раздели им грады, заповедав им не преступати предел братия, ни згонити». Эти выражения принадлежат к тем местам в летописи, которые встречаются постоянно в известных случаях; так, напр., у летописцев есть освященные обычаем выражения для описания свойств доброго князя; есть обычные выражения, прибавляемые к описанию княжеских котор, народных восстаний, половецких нашествий и проч. Теми же словами, которые летописец вставляет в уста Ярослава, митрополит Николай уговаривает Мономаха не воевать с Святополком¹³¹.

Следов., мы никак не должны принимать описание кончины Ярослава I за факт несомненный; не говоря уже о приведенных выражениях, которые обличают позднейшие обычные вставки; в самом описании событий, как они следовали друг за другом, есть несообразности. В начале описания сказано: «Еще живу суцу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рек им: "Се яз отхожу света сего"». «Наряди сыны своя» показывает, что все сыновья тут были, но каким же образом случилось, что во время кончины в. к. подле него был только один Всеволод? Каким образом Изяслав, которому умирающий князь поручает старшинство и киевский стол, оставляет смертный одр его и едет в Новгород? Он не мог думать, что отец еще долго проживет, потому что в летописи Ярослав говорит: «Се яз отхожу свете сего». Вместе с Изяславом разъехались все другие Ярославичи, кроме Всеволода, который и похоронил отца; даже не было Игоря, самого младшего, которому и стол не был назначен. О Святославе Черниговском сказано, что он был во время отцовской смерти во Владимире — вероятно, для дел ратных. Изо всего видно, что летописец, желая непременно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбии, соединил два отдаленные друг от друга события: рассылку сыновей по областям и кончину Ярослава.

В одной летописи XV века (Синодал[ьная] библиот[ека], № 349, л. 227) и в Новгород[ской] попа Иоанна (стр. 311) ска-

зано, что Изяслав взял себе Новгород и Киев с городами его, Святослав — Чернигов и всю страну восточную до Муром, а Всеволод — Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволожье¹³². Это известие справедливо касательно Мурома. Олег Святославич говорил Изяславу Владимировичу Мономашичу: «Иди в волость отца своего к Ростову, а то (Муром) есть волость отца моего»¹³³. Белоозеро же принадлежало сначала Святославу, потому что в 1071 году мы видим там его данщиков¹³⁴. К областям Святославовым причислен был также Тмуторакань. Ростов не вдруг достался Всеволоду: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему Ростиславу Владимировичу, которого после, однако, по смерти Вячеслава и перемещении Игоря в Смоленск перевели во Владимир Волынский.

Об этом говорит один Татищев¹³⁵; но мы имеем полное право принять его известие, основываясь во 1) на том, что хотя в некоторых списках летописи и находится, что Ростислав убежал в Тмуторакань из Новгорода, зато в других не означено вовсе места, откуда убежал. 2) По смерти Ростислава дети его живут во Владимире Волынском: летописец указывает нам их там. 3) Ростиславичи питают непримиримую вражду к Ярополку Изяславичу: эту вражду можно объяснить только тем, что они видели в нем похитителя своего наследия. 4) Вражда Ростиславичей, Давида Игоревича и Святополка Изяславича может быть объяснена только тем, что все эти князья считали себя вправе владеть Владимирскою областью.

При распорядке между сыновьями Ярослава I необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Между князьями Древней Руси существовало мнение, что Днепром русские области разделяются на две половины так, что та линия рода Ярославова, которой достанется восточная половина, не имеет уже права на западную сторону. Это мнение основывалось на том, что так были разделены русские владения между Ярославом I и братом его Мстиславом Тмутораканским, хотя Мономаховичи, утвердившиеся на западной стороне, ограничивали Святославово потомство одною стороною восточною на основании Ярославова¹³⁶ ряда; но во 1) мы знаем, как верить завещаниям Ярослава I, во 2) если бы

даже все слова, которые летописец влагает в уста Ярославу, точно принадлежали этому князю, то они-то именно и противоречат означенному мнению, ибо Ярослав говорит, что Всеволод должен наследовать киевский стол по братьях, т. е. после Изяслава и Святослава: «Аше ти подаст Бог прияти власть стола моего *по братьи своей* со правдою, а не насильством»¹³⁷; в 3) если бы владение восточною, чернигово-тмутораканскою, стороною исключало из владения западную стороною, в таком случае и потомство Всеволода, по завещанию Ярослава, также исключалось из владения Киевом, ибо Всеволоду назначена была отцом область также на восточной стороне Днепра — Переяславль.

Так владело русскими областями Ярославово потомство. Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, несчастный Судислав, заключенный в темницу братом Ярославом. Племянники освободили всеми забытого и потому неопасного старика, взявши, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного. Судислав воспользовался своею свободою для того только, чтобы принять монашество, после чего скоро и умер¹³⁸.

Глава IV

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ВЛАДИМИРОВИЧА МОНОМАШИЧА

В 10-й год Изяславова старшинства (1064) Ростислав Владимирович, лишенный надежды на старшинство преждевременною смертию отца и обязанный кормиться тою волостию, какую дадут ему дядья из милости, покинул семейство во Владимире Волынском и удалился в Тмуторакань¹³⁹: здесь на отдаленном застепном приморье, окруженном разными варварскими народами, был самый удобный притон варяжничеству; сюда стремились все те, которым почему-нибудь было тесно в обществе, здесь из разноплеменных пришлецев составлялись дружины, готовые на все возможные под-

виги под знаменами первого искателя приключений: здесь же надеялся и Ростислав собрать многочисленную и отважную дружину, с которою ёсли и не мог возвратить утраченное старшинство, то по крайней мере мог быть независим от произвола дядей.

В Тмуторакани, зависевшей, как мы видели, от Чернигова, княжил сын черниговского князя Глеб Святославич. Ростислав вытеснил его оттуда, потом впустил опять, не желая сражаться с дядею Святославом, пришедшим восстановить сына на стол; но, как скоро Святослав удалился, Ростислав снова выгнал Глеба, утвердился в Тмуторакани и стал ужасом соседей¹⁴⁰. Лукавый грек, правитель Корсуня, не усомнился злодейством избавиться от храброго варяга: он отравил Ростислава¹⁴¹.

Но когда восточным областям русским нечего уже было опасаться вторжения от исключенного из старшинства князя, области западные терпели от другого подобного же князя, именно от Всеслава Полоцкого. Всеслав наследовал от отца ненависть к потомству Ярослава¹⁴². В 1067 году он явился во владениях последнего, пожег и разграбил Новгород, не пощадил даже и святыни¹⁴³. Соединенные Ярославичи оплатили Всеславу страшным опустошением его собственных владений и поражением его самого на берегах Немизы, или Немана, которого берега прослыли оттого кровавыми в народе¹⁴⁴. Желая избавиться и от другого исключенного князя, Ярославичи, подобно греческому правителю Корсуня, прибегли также к лукавству: они призвали к себе Всеслава под клятвою не делать ему никакого зла, нарушили эту клятву, схватили доверчивого князя, отвезли в Киев и заключили в темницу¹⁴⁵. Но коварство не помогло: исключенные князья множились все более и более.

По смерти Вячеслава Смоленского и переведенного на его место Игоря остались сыновья, которые не могли быть сонаследниками с дядьями и потому должны были оружием отыскивать владения на Руси. Скоро на помощь обделенным князьям является дикая орда кочевников, которая вписала имя свое в наших летописях тем, что участвовала во всех усобицах Русской земли, опустошая ее под знаменами враждующих князей: я говорю о половцах. Этот бич Божий за гре-

хи народа, по выражению летописца¹⁴⁶, явился в русских пределах еще в 1055 году. Тогда Всеволод Переяславский, вероятно дарами, успел отвратить их от своей области¹⁴⁷, но ненадолго: в 1060 они явились снова, разбили Всеволода, опустошили страну¹⁴⁸; в 1068 Ярославичи должны были соединить свои полки для отражения варваров. Но недавнее клятвопреступление против Всеслава требовало казни, говорит летописец¹⁴⁹, и Ярославичи были наголову разбиты половцами на Альте.

Изяслав явился беглецом в Киев, к ужасу и негодованию граждан, которые считали обязанностью доброго князя умирать за людей, вверившихся его защите. Собралось вече: решили идти просить у князя оружия и коней, чтоб выступить одним против врагов. Согласиться на такое требование значило отказаться от главной своей обязанности и вместе с тем, след., от своих прав, потерять свое значение. Изяслав после долгих споров с киевлянами отверг их просьбу. Тогда народ решился добыть себе князя, который бы мог защищать его, и что предвидели некоторые из думцев Изяславовых, то исполнилось: народ освободил Всеслава из темницы и провозгласил его князем. Изяслав не смел отважиться на борьбу с соперником и убежал в Польшу. Сокровища казны его были разграблены ожесточенным народом¹⁵⁰. Таким образом, чего князь полоцкий не мог никак достигнуть, будучи свободным, того достиг он, сидя в заключении: «Дотронулся копьём до золотого стола киевского и разшиб славу Ярослава»¹⁵¹. Но ненадолго. Ярославичи не могли равнодушно видеть Изяслава внука на старшем столе. Святославу Черниговскому удалось разбить половцев и выгнать их из пределов своего княжества, а между тем Изяслав приближался с польскими полками. Всеслав вышел было к нему навстречу к Белграду, но видел ясно, что ему нельзя с одними киевлянами бороться против Ярославича и Болеслава Польского, и потому ночью тайно, оставя стан киевлянам, бежал в свою вотчину — Полоцк.

В такой крайности покинутые князем киевляне созывают вече: решено было звать на помощь Ярославичей — Святослава и Всеволода с угрозою, что если братья не пойдут, то граждане в отчаянии зажгут город и уйдут в Грецию. Ярос-

лавичи обещали вооружиться против старшего брата, если он вздумает с ляхами сгубить стольный город отцовский, и в самом деле послали сказать Изяславу, что ему не для чего более идти с войском против Киева, что противник его Всеслав бежал и что они не допустят поступить дурно с киевлянами. Изяслав не захотел вооружить против себя братьев и потому, взяв с собою Болеслава и малый отряд поляков, пошел мирно к Киеву. Граждане последнего были успокоены заступничеством младших Ярославичей, но Изяслав отказался не вполне от мести. Прежде него приехал в Киев сын его Мстислав; главные вечники, виновники освобождения Всеславова, были убиты, другие ослеплены, вместе с виновными погибло много невинных. Народ молчал и с поклоном принял старого князя. Болеслав Смелый, по примеру одноименного прадеда своего, загостился в богатом Киеве, и русские принуждены были тайным убийством отделяться от его воинов, разведенных на кормление: тогда Болеслав должен был поспешить уходом в свою землю¹⁵².

Освободившись от поляков, Изяслав не показал себя таким незлобивым, каким величает его летописец¹⁵³. Он пошел на Всеслава, выгнал его из отцовской области, которую отдал сперва сыну своему Мстиславу, а по смерти его — другому сыну, Святополку. Но изгнанный Всеслав, за которым в потомстве осталась слава необыкновенной быстроты, с какою перелетал он из одной области в другую¹⁵⁴, не думал поддаваться Ярославичам: он явился внезапно пред Новгородом, был отражен тамошним князем Глебом Святославичем, но успел выгнать Святополка из Полоцка, хотя и был в том же году разбит другим Изяславичем, Ярополком¹⁵⁵.

Посылая против Всеслава сыновей своих, Изяслав преследовал в Киеве его бывших приверженцев, действительных или мнимых. Эти люди находили убежище в Чернигове у Святослава. Так, св. Антоний, основатель Печерской обители, подвергнувшийся гневу в. князя как приятель Всеслава, был ночью взят и скрыт в Чернигове Святославом. Если бы даже Святослав сделал это единственно из любви и уважения к св. мужу, то Изяслав, с своей стороны, не мог не оскорбиться приязнию брата к человеку, в котором он видел врага своего. Как бы то ни было, несомненно только то,

что между братьями началась распря¹⁵⁶ и что Изяслав вздумал наконец вступить в мирные сношения с князем полоцким, ибо Святослав, уговаривая Всеволода вооружиться на Изяслава, мог переиначить смысл сношений киевского князя со Всеславом, но не мог выдумать факта¹⁵⁷.

Имеем право заключить также из приведенного случая с св. Антонием, что Изяслав принужден был вступить в связь с непримиримым врагом своим, видя недоброжелательство со стороны брата. Святослав, с своей стороны, видел в таком странном сближении явно враждебное для себя намерение и уговорил младшего брата Всеволода предупредить его. Изяслав был вторично изгнан из Киева, на этот раз уже родными братьями, из которых старший, Святослав, сел на главном столе, в Киеве.

Изгнанник Изяслав с семейством опять отправился в Польшу. Он предвидел, что не найдет уже в Болеславе помощника, и потому надеялся единственно на сокровища, вывезенные им из Киева; но поляки, взявши у него большую часть этих сокровищ, показали ему путь от себя, по выражению летописца¹⁵⁸.

Тогда осмеянный Изяслав принужден был обратиться к верховному повелителю Польши, римско-германскому императору, и признал себя данником империи¹⁵⁹. Но Генрих IV не мог думать об утверждении своей власти на востоке Европы, потому что на западе встретил себе противника, который хотел поделить с ним владычество. Генрих мог только отправить к киевскому князю посольство с требованием возвратить престол Изяславу и с угрозою, что в случае отказа похититель испытает силу немецких полков. Послы возвратились к своему государю с богатейшими дарами, каких никогда не видывал двор немецкий¹⁶⁰; после того можно ли было ссориться с таким богатым и щедрым князем! Наш летописец говорит, что Святослав, желая произвести сильное впечатление на императорских послов, велел показать им свою казну, какой не могли они видеть на западе. При этом летописец вложил в уста послов слова, приписанные прежде св. Владимиру: «Храбрая дружина лучше мертвого богатства, с нею можно приобрести и больше этого»¹⁶¹. Летописец прибавляет¹⁶², что богатство

Святослава подобно богатству Езекии рассыпалось ровно по смерти владельца.

Из этих слов летописи можно усмотреть, с каким негодованием смотрели современники и ближайшие потомки на поведение старших Ярославовых сыновей, которые не следовали примеру деда и копили сокровища, полагая на них всю надежду¹⁶³, тогда как настоящий, добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в сокровищах¹⁶⁴.

Изяслав, не получив успеха при дворе императорском, принужден был обратиться к другому владыке Запада, папе Григорию VII. Изяслав послал в Рим одного из сыновей своих, который просил папу утвердить его самого на престоле властию св. Петра, уверяя, что имеет на то родительское согласие¹⁶⁵. Это известие, что сын Изяслава просил княжения для себя, а не для отца, можно объяснить только таким образом, что Изяслав, отчаявшись сам возвратить себе престол, просил папу употребить старание, чтоб по крайней мере потомство его не было исключено из родового наследства и не осталось век в изгнании на чужой стороне. В письме папа говорит также, что дальнейшие переговоры Изяслав может вести устно с подателями письма. Какие были следствия этих переговоров — неизвестно. Григорий писал также и к Болеславу Польскому с увещанием отдать сокровища, взятые у Изяслава¹⁶⁶. Вероятно, и это письмо не произвело никакого действия: Болеслав был в союзе с Святославом, и в 1076 году молодые князья Олег Святославич и Владимир Всеволодович ходили на помощь полякам и воевали чехов¹⁶⁷. Но в том же году умер Святослав в Киеве, а между тем Изяслав явился в пределах Руси с польскими войсками.

Каким образом поляки опять стали союзниками Изяслава? Одно только известие, находящееся у Татищева¹⁶⁸, проливает несколько света на это событие: здесь сказано, что Олег и Владимир во время похода своего на помощь Болеславу, узнав, что последний примирился с чехами и идет на пруссов и поморян, не захотели за ним туда следовать, но пошли одни на Вратислава Чешского и заключили с ним выгодный мир, что оскорбило поляков. Вероятно, этот посту-

пок молодых князей раздражил Болеслава, который потому и решился помочь Изяславу против братьев. Всеволод не захотел сражаться с Изяславом и уступил ему старший стол, оставив за собою Чернигов, как было при Святославе¹⁶⁹.

Мы видели, что преждевременная смерть троих Ярославичей — Владимира, Вячеслава и Игоря оставила сыновей их без волостей на волю старших, которые не хотели признать их сонаследниками с собою. Один из таких князей, Борис Вячеславич, узнав, что в. к. Святослав умер, а Всеволод выступил против Изяслава, вздумал воспользоваться раздором дядей и занял Чернигов; но сидел там только 8 дней, был выгнан Мономахом¹⁷⁰ и бежал в Тмуторакань, где по смерти Ростислава Владимировича княжил Роман Святославич. Последний принял Бориса, но за ним должен был принять и родных братьев, потому что мстительный Изяслав не хотел дать уделов Святославичам. Глеб был изгнан дядею из Новгорода¹⁷¹, Олег из Владимира¹⁷²; хотелось изгнать и Всеслава Полоцкого, но не удалось¹⁷³. Вытеснив племянников, Изяслав и Всеволод роздали своим сыновьям области: Святотополку Изяславичу отдали Новгород, брату его Ярополку Вышгород, а Всеволодову сыну Владимиру Смоленск¹⁷⁴.

Изгнанный из Новгорода Глеб Святославич погиб далеко на Севере; брат его Олег не захотел жить в отцовском стольном городе *изгоем* и есть хлеб дяди Всеволода, которого считал похитителем своей отчины¹⁷⁵: он ушел в Тмуторакань к родному брату Роману и двоюродному Борису Вячеславичу. Тмуторакань наполнялась изгнанниками, Русь не могла быть спокойна.

В 1078 году Олег и Борис явились в Руси с половцами и выгнали Всеволода из Чернигова. Обоим Ярославичам грозило изгнание: они совокупили свои силы и выступили против обделенных князей. На Нежатиной Ниве, близ Чернигова, встретились дяди с племянниками; в страшной битве Изяслав Киевский, со стороны дядей, и Борис Вячеславич, со стороны племянников, пали, но победа осталась за старшими: Олег должен был опять бежать в Тмуторакань, Всеволод остался в. князем на Руси¹⁷⁶.

Так первый из Ярославичей погиб уже вследствие усобицы, вследствие стремления старших членов рода исклю-

чить младших из владения родовою собственностью, вследствие вышеприведенного обычая, что племянники не могут быть сонаследниками с дядьми своими. Но последний обычай имел ли силу относительно Святославичей, которых отец умер, будучи старшим в роде?

На это можно отвечать, что Святослав захватил старшинство не по праву, при жизни старшего брата, и в таком случае Святославичи подходили под обычай, осуждавший племянников на исключение. Но Изяслав был изгнан Святославом и Всеволодом вместе, след., с согласия всех старших членов рода, за то, что не умел блюсти его выгоды, сносясь со Всеславом Полоцким, и если Изяслав гнал Святославичей по личной вражде, то Всеволод уже не имел никакого права исключать их, ибо, обвиняя Святослава в похищении старшинства, тем самым обвинял самого себя как участника в этом беззаконии. И точно, впоследствии мы видим, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на владение Киевом, ни слова не говорят о беззаконном старшинстве Святослава, но представляют только завещание Ярослава I, по которому князья восточных областей не должны были вступаться в западные. Вот почему Святославичи считали себя жестоко обиженными, питали ненависть к потомству несправедливых дядей и старались всеми силами возратить себе отцовскую область, а при случае и старшинство. «Вы первые начали нас губить», — говорили они Мономаховичам¹⁷⁷.

Летописец, описывая погребение Изяслава, высчитывает добродетели этого князя, и между прочим незлобие¹⁷⁸. Благочестивый монах по своим понятиям считал обязанностью сказать что-нибудь хорошее об усопшем (при этом не надобно забывать, что первое составление летописи относят к княжению сына Изяславова), тогда как в других устах похвала незлобию Изяславову могла бы показаться злою насмешкою. Можно ли назвать незлобивым князя, который позволил сыну своему замучить множество киевлян, даже и невинных в его изгнании, жестоко преследовал Всеслава Полоцкого, в отношении к которому сам был больше виноват, преследовал в Киеве людей, которых подозревал в приязни ко Всеславу, не уважая в них даже святости жизни, на-

конец, преследовал несчастных сыновей Святослава? Что же касается до помощи, которую он оказал Всеволоду, то она была вынуждена обстоятельствами, потому что племянники, выгнав Всеволода, не пощадили бы и самого Изяслава, который был против них более виновен, чем Всеволод.

Летописец хвалит и третьего из Ярославичей, Всеволода, которому досталось старшинство по смерти Изяславовой: он хвалит его за его правду, любовь к духовенству, воздержание¹⁷⁹; говорит, что отец Ярослав любил его больше других сыновей своих.

Но из слов того же летописца видно, что старшинство было не по силам Всеволоду, уже престарелому и больному¹⁸⁰, особенно в то время, когда семейные княжеские отношения были так запутаны, когда было столько исключенных князей, которые оружием старались добыть себе области на Руси.

Сюда присоединилось еще другое зло, следствие господства родовых отношений между князьями. Князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собою свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя; отсюда проистекала невыгода во 1) для народа, потому что пришлецы не соблюдали интересов чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во 2) для старых бояр, которых пришлецы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, заезжали их, по местническому выражению. Вот почему мы видим ненависть старых дружинников к пришлецам, старание первых сбить во что бы то ни стало последних, а для этого единственным средством было завести крамолу против князя и перезвать на его место другого. Это явление обнаруживается очень рано, именно при Всеволоде, который привел в Киев свою дружину, набранную им в Переяславле и Чернигове. Эти пришлецы, пользуясь расположением князя, привыкшего к ним, старались отвратить его от первой дружины, т. е. от старых киевских бояр Изяславовых, и, захватив себе должности, угнетали народ. «И нача, — говорит летописец, — любити смысл уных, съвет ствоя с ними; сижь начаша заводити и негодовати дружины своя первая, и

людem не доходити княже правды начаша тиуни грабити, людей продавати, сему не ведуцю в болезнях своих»¹⁸¹. Ясно, что здесь под именем уных разумеются не молодые люди, но люди, новые для киевлян, пришлецы, ибо странно предположить, чтобы Всеволод на старости лет покинул своих повесников и прилепился к юношам.

Всеволод, приняв один всю власть русскую, по выражению летописца¹⁸², распорядился так: отдал Чернигов сыну своему Владимиру; в Новгороде остался Святополк, сын Изяслава; другому Изяславичу, Ярополку, отдана была область Владимиро-Волынская с придачею Турова; стол переяславский отдан был Ростиславу, второму сыну Всеволодову¹⁸³. Неизвестна участь Смоленска: вероятно, он был присоединен к волости Мономаха, ибо последний пишет, что он ходил защищать его от нападений полоцкого князя, не упоминая при этом ни о каком особом князе смоленском¹⁸⁴. В Ростове мы после увидим молодого Мстислава Владимировича, след., и этот город зависел от Мономаха. В Тмуторакани сидели двое Святославичей, Олег и Роман, выжидая случая возвратиться на Русь. Где были остальные Святославичи, Давид и Ярослав, — известные списки летописи не говорят об них ни слова; только Татищев упоминает об отдаленном Муроме, как убежище Святославичей¹⁸⁵.

Отдача Чернигова Мономаху была делом несправедливым и безрассудным, ибо при таком распоряжении Русь никогда не могла быть спокойна от притязаний Святославичей. Но в то время, как с востока надобно было беспрестанно ожидать нападения от изгнанников тмутораканских, на западе область Владимиро-Волынская еще менее могла быть спокойна. Мы видели, что она была отдана Ярополку Изяславичу, но в то же время здесь жили обделенные князья: Ростиславичи — Рюрик, Володарь и Василько и Игоревичи — Давид с братом; все они видели во Владимирской области свою отчину, потому что здесь сидели отцы их — Ростислав и Игорь. Таким образом, Волынь была спорною волостию между тремя линиями — Изяслава, Ростислава и Игоря. Это обстоятельство чрезвычайно важно, потому что оно объясняет усобицы, имевшие место не только в княжение Всеволода, но и его преемника.

Едва Всеволод успел взять на себя старшинство, как Роман Святославич явился в Руси с половцами. В. князь успел, вероятно дарами, склонить варваров оставить Романа; этот князь, раздраженный коварством половцев, завел с ними распрю и был убит¹⁸⁶. В то же время шайка козаров, окружавшая Олега, брата Романова, изменила ему и силою отправила его в Грецию¹⁸⁷. Из этого мы ясно видим, сколько разноплеменных народов толпилось в степном приморье, из смешения которых с беглецами русскими образовались многочисленные шайки, готовые вести всякого на Русь.

Убийством Романа и изгнанием Олега Тмутаракань была очищена от исключенных князей, и Всеволод послал было туда своего посадника¹⁸⁸, но ненадолго. В 1081 году явилось туда двое других обделенных князей — Володарь Ростиславич и Давид Игоревич¹⁸⁹, а в 1083 прибыл из Греции Олег и выгнал Володаря с Давидом¹⁹⁰.

Между тем Ростиславичи, остававшиеся на Волыни, также не хотели быть без дела: пользуясь отсутствием Ярополка Изяславича, бывшего в Киеве у дяди, они отняли у него стол. В. князь послал на них сына своего Владимира, который и возвратил Волынь Ярополку¹⁹¹.

Счастливее Ростиславичей был Давид Игоревич: он с своею дружиною пробрался к Днепровскому устью, в Олешье¹⁹², и начал там грабить купцов, производивших торговлю с Грециею и потому называвшихся гречниками. От греческой торговли зависело богатство и значение Киева, след., богатство казны великокняжеской: Всеволод принужден был прекратить грабежи Давида обещанием дать волость, и точно — назначил ему Дорогобуж на Волыни¹⁹³. Но этим несчастным распоряжением Всеволод не прекратил, а еще более усилил княжеские которы. Ярополк Изяславич, князь волынский, в отдаче Дорогобужа Давиду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость и потому начал злобиться на в. князя и собирать войско. Всеволод хотел предупредить Изяславича и отправил против него Мономаха. Ярополк испугался и ушел в Польшу. Владимир был отдан Давиду Игоревичу, а между тем Ростиславичи отняли у поляков червенские города, захваченные Болеславом II, утвер-

дильсь в них и таким образом поделили с Игоревичем прежнюю Владимиро-Волынскую область, как она была по смерти Ярослава I¹⁹⁴.

В Польше Ярополк не мог найти помощи, ибо в ней самой происходили волнения. Знаменитый Болеслав II гал жертвою ненависти вельмож и притязаний прелатов; место Болеслава заступил слабый Владислав Герман. Князь Волынский видел, что от Польши ожидать нечего, и спешил примириться с в. князем. Мономах от имени отца согласился на мир и возвратил Ярополку Владимир. Примирением Ярополка с дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича: первые не могли быть спокойны в городах червенских, отнятых у союзников Ярополка; Давид принужден был выехать из Владимира.

Тогда решились злодейством освободиться от Ярополка; на дороге от Владимира к Звенигороду несчастный князь был поражен убийцею, который убежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу¹⁹⁵. Летописец ясно говорит, что Ярополк погиб от братьев, подвергся одной участи с св. Борисом и Глебом¹⁹⁶. Сам Ярополк, почувствовав удар, вскричал: «Ох, тот мя враже улови». Бегство убийцы к Рюрику Ростиславичу показывает, на кого намекал Ярополк. После Давид прямо говорил Святополку, что Ростиславичи убили брата его¹⁹⁷. Так совершенно было первое преступление, первое братоубийство за эту несчастную Владимирскую волость: мы увидим, что оно не было последним.

Всеволод не хотел оставить злодейства без наказания: он ходил на Рюрика к Перемышлю¹⁹⁸, но поход кончился ничем: Ростиславичи остались в червенских городах, а Давид стал опять княжить во Владимире¹⁹⁹.

В 1093 году умер Всеволод. Мы видели, что и этот Ярославич не внес наряда в Русскую землю: к усобицам на востоке за область Черниговскую присоединились усобицы на западе за Волынь, все вследствие того, что племянникам не хотели дать части в родовой собственности; и на востоке, и на западе гибли князья — там от наемных варваров, здесь от братьев, и кости Ярославовых внуков белелись в степи непогребенные²⁰⁰. Наряд был нарушен: для его восстановления явился Мономах.

Мономах принадлежит к тем великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества, которые своею высокою личностью умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но высокими личными доблестями, строгим исполнением своих обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка вещей, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям.

Тогдашнее общество требовало прежде всего от князя, чтоб он свято исполнял свои семейные обязанности, не котовался с братьями, мирил враждебных родичей, вносил мудрыми советами наряд в семью: Мономах во время злой вражды между братьями заслужил название братолюбца, умными советами и решительностию отвращал гибельные следствия княжеских котор, крепко держал в руке узел семейного союза. Новообращенное общество требовало от князя добродетелей христианских: Мономах отличался необыкновенным благочестием. Общество требовало от князя строгого правосудия: Владимир сам наблюдал за судом, чтоб не давать сильным губить слабых²⁰¹. В то время, когда другие князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться²⁰². Когда другие князья позволяли себе невоздержание и всякого рода насилие, Мономах отличался чистотою нравов и строгим соблюдением интересов народа. Общество больше всего ненавидело в князе корыстолюбие: Мономах всего больше им гнушался. Новорожденное европейско-христианское общество, окруженное варварами, требовало от князя неутомимой воинской деятельности: Мономах почти всю жизнь не сходил с коня, стоял на стороже Русской земли: в каком краю была опасность, там был и Мономах, добрый страдалец за Русскую землю. Если мы, отдаленные веками от этого лица, чувствуем благоговение,

рассматривая высокую его деятельность, то как же должны были смотреть на него современники? Не дивно, что народ любил его и перенес эту любовь на все его потомство.

По смерти отца Мономах не встретил бы никакого препятствия со стороны граждан, если бы захотел тотчас занять престол отцовский²⁰³. Но Мономах ненавидел усобицы и потому не хотел возбудить нового кровопролития со стороны Святополка Изяславича, которому принадлежало старшинство между двоюродными братьями. Мы видели этого князя в Новгороде. Узнав о насильственной смерти брата своего Ярополка, видя, что теперь уже некому заботиться об интересах его рода на юге, Святополк покинул новгородцев и поспешил на Русь, где занял Туров. По смерти Всеволода Мономах послал звать его как старшего в роде на киевский стол²⁰⁴.

Если бы мы не знали всей правоты и простоты Мономахова характера, то можно было бы подумать, что он нарочно хотел дать старшинство Святополку, дабы показать народу все различие между ним и собою. В самом деле, трудно было найти противоположность более поразительную. Со слабостию характера в Святополке соединялось властолюбие и, что еще хуже, ненасытное корыстолюбие, порок, который всего более ненавидели в князе. Киевляне жаловались на Всеволода, что он пренебрегал старою дружиною и давал волю пришлецам недавним; Святополк не думал приобрести расположения граждан исправлением дядиной ошибки; он также пренебрег старыми боярами киевскими и слушался только тех, которых привел с собою. Эти люди, не говоря уже о том, что как пришлецы не имели с киевлянами общих интересов, но, будучи набраны на севере, где князь их провел большую часть жизни, не знали состояния дел на юге и, след., могли только вредить своею неопытною²⁰⁵. Сам Святополк позволял себе грабежи и насилия в своей области. Так, однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде: Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтоб продавать ее самому дорогою ценою. Но и тут Мономах служил грозою для незаконного князя: так, из страха вооружить против себя Владимира, Святополк возвратил из изгнания игумена

Иоанна, который ревностно обличал корыстолюбие и жестокость князя. Каков был отец, таковы были и сыновья. Однажды разнеслась весть, что двое монахов нашли клад в варяжской пещере: молодой князь Мстислав Святополчич мучил без пощады этих монахов, пытаясь у них, где клад²⁰⁶. Этот Мстислав был рожден от наложницы²⁰⁷, которая, по словам источников Татищева, имела сильное влияние на бесхарактерного Святополка²⁰⁸.

Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошего от такого князя? И вот усобицы не замедлили открыться, и все там же: на востоке за область Черниговскую, на западе за Владимиро-Волынскую.

В 1094 году явился Олег из Тмутаракани с половцами у Чернигова. Мономах сказал: «Не хвалиться поганым» — и отправился княжить в свою отчину Переяславль, уступив Чернигов Олегу²⁰⁹. Владимир думал, что, загладив несправедливость дяди и отца, возвратив Святославичам отцовскую волость, он тем самым умирит Русь, ибо исключенные князья не будут уже более наводить на нее половцев, но, к несчастью, ошибся в своем расчете.

Мономах для успокоения Руси хотел восстановить родственную любовь, крепкий семейный союз между ее князьями, но в характере Олега встретил сильное тому препятствие. Несправедливость дядей ожесточила в молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчуждила его от родины, заставила думать только о самом себе; потерпев несправедливость, он считал справедливым все средства для возвращения прав своих; потерпев гонение от родственников, он уже не верил более родственной любви, святости семейного союза, в поступках братьев видел одно коварство и считал себя вправе быть также коварным; добыв мечом часть в родовой собственности, он полагался только на один меч и не любил никаких дружественных, миролюбивых сделок. Таков был Олег Святославич: между ним-то и Святополком поставлен был Мономах с своим высоким стремлением поддержать семейный союз князей.

Уступив Чернигов Олегу, Мономах дозволил сначала другому Святославичу, Давиду, княжить в Смоленске. Неизвестно, где был Давид в последние годы старшинства Изясла-

вова и при Всеволоде, — вероятно в Муроме²¹⁰. По смерти Всеволода мы видим его в Смоленске; вероятно, успех брата Олега в овладении Черниговом дал Давиду смелость завладеть Смоленском. Но Смоленск не был никогда отчиною Святославичей, и потому в 1095 году Мономах вместе с Святополком пошли на него к Смоленску: Давида вывели из этого города, но зато дали Новгород, откуда Мстислав Владимирович вышел в Ростов. Кем был замещен Давид в Смоленске, в известных списках летописи не находим известий, один Татищев говорит, что Изяславом Владимировичем Мономаховичем²¹¹. Но как скоро князья удалились, Давид опять явился в Смоленск (след., если возьмем во внимание известие Татищева, выгнал Изяслава, который удалился в свою прежнюю волость, Курск и оттуда в отщизнение Давиду занял Муром, отчину Святославичей)²¹². Давид, заняв опять Смоленск, не хотел вместе с тем отказаться и от Новгорода: узнав, что новгородцы, недовольные его удалением, взяли к себе вторично Мстислава Владимировича, он пошел к Новгороду, но, видя, что граждане были против него, возвратился опять в Смоленск²¹³.

Из этих движений Давида мы легко можем усмотреть, что Святославичи действовали дружно и наступательно, желая захватить сколько можно более областей в свой род. Мономах и в. князь видели покушения Святославичей, особенно беспокоило их поведение Олега Черниговского. Когда они соединенными силами ходили в степи громить половцев, Олег не давал им никакой помощи²¹⁴. Тщетно после того соединенные князья звали его в Киев для совещания, по обычаю, с епископами, боярами и гражданами: Олег видел в этом приглашении только оковы, думал, что в Киеве произведут над ним суд; особенно должен был оскорбить и утешить его намек на присутствие в совете епископов и граждан, ибо он знал, что духовенство и граждане ненавидят его за опустошение страны половцами, как это ясно из многих мест летописи; вот почему Олег отвечал: «Не пойду на суд к епископу, или игумену, или смердам»²¹⁵. Этот ответ показал князьям, что им нечего более ждать от Олега. Святополк хотел непременно войны, Мономах послушался его²¹⁶, и оба повестили князю черниговскому: «Ты не помогаешь нам в войне

с половцами, ты неидеешь к нам на совет: из этого ясно видим, что ты в союзе с погаными, и потому идем на тебя с помощью Божиею»²¹⁷. Услышав о приближении князей, Олег ушел из Чернигова и заперся в Стародубе; князья осадили его здесь; Святополк хотел непременно погубить Святослави́ча, но Мономах воспротивился²¹⁸. Олег был выпущен с условием идти в Смоленск к брату Давиду и вместе с ним явиться на общий съезд²¹⁹.

Но вместо того, чтоб сдержать свое обещание, Олег пошел к Мурому, убил в кровопролитном сражении сына Мономахова Изяслава, засевшего, как мы видели, там, потом бросился в землю Суздальскую и Ростовскую и укрепился тут, собираясь овладеть и Новгородом. Это заставило вооружиться Мстислава Владимировича, князя новгородского. Мстислав, прямой наследник своего отца, свято чтивший родственный союз, тщетно уговаривал Олега решить дело мирными распоряжениями со старшими князьями; не могши победить племянника силою, Олег хотел победить коварством; но и это не удалось: он был вытеснен отовсюду. В такой крайности Святославич решился наконец явиться на общий съезд.

В 1097 году в Любече на одном ковре, в знак односемейности, сидели внуки Ярослава и рассуждали о средствах умирить землю²²⁰. «Зачем губим Русскую землю, подымая которую на самих себя, — говорили двоюродные братья, — а между тем половцы несут нашу землю розно и радуются, что между нами идет непрерывная рать; возьмемся же наконец в одно сердце блюсти Русскую землю»²²¹. Положено было, чтоб каждый князь держал ту волость, которую имел отец его; Святополк — старший стол Киев, Мономах — Переяславль²²², Святославичи: Олег, Давид и Ярослав — область Черниговскую с принадлежащими к ней землями на востоке. Что же касается до князей, исключенных преждевременною смертию отцов своих, то решено было держаться распоряжений последнего из Ярославичей — Всеволода: вследствие чего Давид Игоревич получил Владимир, Ростиславичи: Володарь — Перемышль и Василько — Теребовль²²³; брата их Рюрика уже не было в живых²²⁴. Мономах достиг своей цели: семейный союз между князьями был восстановлен, Русь

умирена. В самом деле, Святославичи, увидя искренность двоюродных братьев и введенные снова во владение родою собственностью, начинают жить с этих пор спокойно.

Но в то время как мир был восстановлен на левой стороне Днепра, на правой, в области Владимирской, возникли опять усобицы, ибо земля Черниговская отдана была в исключительное владение одному роду Святославичей, тогда как Владимирская область была поделена между двумя враждебными линиями, из которых каждая считала себя вправе на обладание целою волостию.

Давид Игоревич, которому достался Владимир, опасался, что Ростиславичи, сгубившие Ярополка, не оставят и его в покое. Особенно боялся он младшего из них, Василька, который отличался необыкновенно предприимчивым духом и питал геройские замыслы. Наделав много зла Польше во время господствовавших в ней смутений после Болеслава II, Василько хотел нанести решительный удар этой державе, потом собирался идти на дунайских болгар и поселить их у себя (знак, как тяготились князья малолюдностью русских владений и заботились всего более об умножении городов и народонаселения); наконец, Василько думал ударить на половцев и либо стяжать себе славу, либо положить голову за Русскую землю²²⁵.

Ясно, что соседство такого князя, прямого внука старого Святослава, не могло нравиться Давиду. Притом узнали, что толпы степных варваров — берендеи, торки, печенеги идут к Васильку: Давид не мог не встревожиться этим известием; скоро явились люди, которые начали подтверждать его опасения: то были трое из близких к нему дружинников — Туряк, Лазарь и Василь²²⁶. Они уверяли Давида, что двое самых доблестных князей — Мономах и Василько сложились вместе, чтобы выгнать Святополка из Киева, а его, Давида, из Владимира. Игоревич поверил, но решение, принятое на съезде, что все князья должны вооружиться на зачинщика усобиц²²⁷, связывало ему руки, и потому он решился употребить орудием в князя.

С этою целию Давид, на возвратном же пути из Любеча захав в Киев, стал наговаривать Святополку, что им обоим не ждать добра от Ростиславичей, что они убили Святопол-

кова брата и теперь в союзе с Мономахом хотят завладеть Киевом, что должно предупредить врагов, для чего необходимо захватить Василька. Напоминание о несчастной кончине брата взволновало Святополка; с другой стороны, он боялся нарушить клятву, только что данную целому роду; напоследок злые советы перемогли: Святополк решился задержать Василька, коварно зазвав его к себе на перепутье. Но, начав дело, опять не знал, как кончить; созвал совет из бояр и граждан: советники отвечали неудовлетворительно, что если слова Давида справедливы, то Василько достоин казни, духовенство же прямо заступилось за пленника²²⁸. Тогда Давид начал говорить, что по крайней мере нужно ослепить Василька, и увез наконец свою жертву у полусогласного Святополка. Злодеяние было совершено на дороге: Ростиславич ослеплен.

Легко себе представить отчаяние Мономаха при этом известии; он тотчас повестил Святославичам о случившемся, приглашая их поправить зло. Черниговские князья изъявили равный ужас и поспешили соединить полки свои с Мономаховыми. Союзники послали к Святополку требовать отчета в преступлении; они говорили в князю: «Зачем сделал ты зло в Русской земле и ввергнул в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если он был виноват, то ты должен был обличить его перед нами и, доказав преступление, наказать его; а теперь объяви вину его, за которую подвергся он такой лютой казни»²²⁹. Святополк сложил всю вину на Давида. Тогда союзники хотели было уже приступить к Киеву, но Мономах испугался ненавистной усобицы, склонился на просьбу мачехи своей и духовенства и вступил в переговоры с киевским князем, на которого как на старшего в роде возложена была обязанность наказать виновного Давида.

Святополк отправился, имея другое в виду: он хотел, изгнав Давида, изгнать вместе и Ростиславичей, потому что считал всю Владимирскую область владением отца и брата²³⁰. Старинная распря за Волынь между тремя княжескими линиями возобновилась теперь с новою силою. Давид, видя беду, отослал ослепленного Василька к брату его Володарю и спешил призвать на помощь поляков; Святополк, с своей стороны, обратился к ним же: поляки брали дары от обоих и

не помогали ни одному²³¹. Тогда Давид нанял половцев, а Святополк венгров. Венгры были разбиты половцами, но Давид все же не мог удержаться: Владимир был занят Святополком, но Ростиславичи отбили нападения последнего и сохранили свою волость²³². Изгнанный Давид послал сказать князьям, что хочет жаловаться им на обидчиков. Родичи снова съехались в Витичеве в 1101 году и послали за Давидом. Через 20 дней Игоревич явился, сел на общий ковер и спросил: «Зачем прислали за мною, я явился и готов отвечать на жалобы, какие будут против меня». Тогда Мономах отвечал ему: «Не мы призвали тебя, но ты сам присылал, говоря, что хочешь жаловаться братьям на обидчиков: теперь ты сидишь на одном ковре с нами, для чего же не жалуешься?» Давид молчал. Тогда князья встали, сели на коней, разъехались каждый порознь с своею дружиною и начали совещаться о Давиде. Потом, собравши мнения, послали каждый от себя по боярину объявить Давиду: «Ты ввергнул в нас нож, сделал зло, какого не бывало на Руси; однако мы не хотим заключить тебя в оковы или наказать как-нибудь иначе, но вот Святополк дает тебе три города, а Владимир, с своей стороны, 200 гривен денег, и Святославичи столько же от себя»²³³. Давид повиновался. После Святополк дал ему вместо трех городов один Дорогобуж, где он и умер²³⁴. Святополк достиг своей цели, хотя потерял сына Мстислава, убитого в усобице: Владимир остался за его родом, он поместил там сына своего Ярослава²³⁵. Ростиславичи удержали за собой прежние волости вопреки решению соединенных князей, которые, рассуждая, что слепец Василько не в состоянии будет управлять сам своим княжеством, и не желая усиливать Володаря, хотели оставить обоим братьям один Перемышль, обязываясь содержать Василька на свой счет, если Володарь будет этим тяготиться²³⁶. Так оба княжеские съезда достигли своей цели: один, Любечский, кончил усобицу за область Черниговскую, другой, Витичевский, — за волость Владимиро-Волынскую. По-настоящему право оканчивать все споры с братиею, рядить и судить между ними принадлежало старшему в роде; но Святополк не был в уровень своему положению. Уступив ему старшинство для избежания усобицы, Мономах для прекращения других смятений должен был

прибегнуть к другому средству, чтоб заменить власть великокняжескую. Это средство было — съезд всех князей для братского совещания, для распоряжения волостями, для суда над виновными родичами.

В 1112 году умер Давид Игоревич, в 1113 — Святополк. Летописцы, которые любили по кончине каждого князя сказать что-нибудь в похвалу покойного, хранят о Святополке глубокое молчание: это молчание поражает нас более, чем самое страшное проклятие²³⁷. Жена Святополка раздала по нему милостыню, какой никогда не раздавали ни по ком другом²³⁸: но народ знал, каким образом скоплены эти сокровища, и в первые же дни по смерти в. князя бросился грабить жидов, в которых видел сообщников Святополка.

На собранном вече не хотели слышать ни о каком другом князе, кроме Владимира Мономаха, и потому послали звать его на старший стол. Мономах, отказавшись раз в пользу старшего, не хотел и тут нарушить права Святославичей: он отказался. Но граждане питали ненависть к Святославичам за то, что эти князья пренебрегали одною из самых главных обязанностей в отношении к ним, а именно, вместо того, чтобы защищать Русскую землю, они наводили на нее половцев. Вот почему киевляне, узнав об отказе Владимира, изъявили буйно свое негодование и разграбили дом тысяцкого Путяты; есть известие, которое объясняет причину народного восстания на тысяцкого: Путята был на стороне Святославичей²³⁹. Тогда отправлено было вторичное посольство к Мономаху с представлением, что если он не поспешит с приездом, то волнение народа превзойдет всю меру, что тогда не только жиды, тысяцкий и соцкие, но вдовствующая в. княгиня, церкви и монастыри будут находиться в опасности, и за все это Мономах отдаст ответ Богу²⁴⁰. Владимир должен был согласиться и приехал в Киев.

Так воля граждан заставила переменить порядок старшинства и передала его достойнейшему мимо старейшего. На этот раз никто не смел ей противиться: Олег видел недоброжелательство к себе народа, притом был и стар и слаб; уже давно не ходил он в походы с братьями по причине болезней²⁴¹. Но, не могли сами действовать против Мономаха, Святославичи передали детям свою обиду и ненависть к роду,

похитившему их право: отсюда ведут начало усобицы между потомством Святослава и потомством Всеволода, но они не скоро еще могли обнаружиться.

По смерти Ярослава I Мономаха был первый в. князь, первый родоначальник, который был в уровень своему положению, который хотел и мог заставить всех младших членов рода повиноваться себе, ездить подле своего стремени, ходить, куда велит.

Первый беспокойный князь, испытавший силу Мономаха, был Глеб Всеславич Минский; верный преданию своего рода, Глеб питал также непримиримую вражду к Ярославичам, разорял их области и укорами отвечал на увещание Мономаха²⁴². Тогда последний велел собраться всем князьям, на него смотревшим: ни один не смел послушаться; Давид Святославич и Ольговичи примкнули свои полки к Мономаховым. Глеб видел, как города его один за другим сдавались Владимировичам, видел приготовление самого в. князя к осаде Минска и просил помилования, обещаясь слушаться во всем Владимира. В. князю того только и было нужно: он отдал Глебу Минск по-прежнему и возвратился в Киев²⁴³. Но Глеб, освободившись от грозы, не думал исправиться; тогда Мономах принужден был вторично идти на него: на этот раз он взял Минск, пленил Глеба и привел его в Киев, где тот и умер²⁴⁴.

Второй беспокойный князь, с которым надобно было управиться оружием, был Ярослав Святополчич, женатый на внучке Мономаха, дочери Мстислава. Мы видели, что этот князь еще при жизни отца получил область Владимиро-Волынскую, часть которой удержана была Ростиславичами. Ярослав был сын Святополка и племянник Ярополка Изяславичей, след., питал родовую вражду к Ростиславичам. Эта наследственная вражда в княжеских линиях, разделявших область Владимирскую, должна была определить их отношения к соседней Польше. Ростиславичи были заклятые враги Польши; это уже одно обстоятельство заставляло Ярослава быть ее другом; но, кроме того, родная сестра его Сбыслава была замужем за Болеславом Кривоустым²⁴⁵, сыном и наследником Владислава Германа: отсюда естественный союз владимирского князя с Польшею. Так, Болеслав Кривоустый в

войнах с побочным братом своим Збигневом постоянно получает помощь от Ярослава; с своей стороны, Ростиславичи входят в союз с пруссаками и поморянами, врагами поляков.

Как же должен был смотреть на эти отношения родоначальник — Мономах? Ясно, что он не мог с удовольствием видеть тесную связь Святополкова сына с Польшею; притом он был связан родством с Ростиславичами: дочь Володаря была за сыном его Романом²⁴⁶. Но безрассудное поведение Ярослава подало повод к явному разрыву с в. князем: в надежде на родственный союз с владетелями Польши и Венгрии²⁴⁷ и считая себя законным преемником старшинства после Мономаха, Ярослав гордо вел себя в отношении к в. князю; несомненно, что и связь Мономаха с Ростиславичами имела также влияние на нерасположение владимирского князя. Заметив эту неприязнь, Мономах, уже престарелый, перевел в 1117 году старшего сына своего Мстислава из Новгорода поближе к себе в Белгород, дабы иметь в нем защитника против замыслов Ярослава, и в том же году предпринял поход на последнего вместе с Ростиславичами; Ярослав смирился на этот раз и обещал повиновение²⁴⁸; но на следующую же год прогнал жену свою, Мономахову внучку²⁴⁹. Тогда в. князь, не могши терпеть долее злобы его, как сам выразился²⁵⁰, пошел вторично на владимирского князя; последний бежал к заграничным союзникам своим, дружина его передалась победителю. Мономах отдал Владимир сперва сыну своему Роману, Володареву зятю, а по смерти его — другому сыну, Андрею.

Поляки видели опасность своего положения: покровительствуя Ярославу, они возбудили нелюбье Мономаха: сын последнего сидит теперь во Владимире в союзе с Ростиславичами и воюет Польшу²⁵¹. В 1121 году Ярослав явился с поляками под Червенем, но был отражен²⁵². В таких обстоятельствах, не могши ничего взять силою, они решили действовать хитростию: Володарь был схвачен тайно и уведен в плен в Польшу²⁵³; Василько Ростиславич должен был истощить всю казну перемышльскую, чтоб выкупить брата; кроме того, Ростиславичи принуждены были обязаться постоянным союзом с поляками. Вот почему, когда в 1123 году Ярослав с поляками, венграми и чехами явился добывать прежнего сто-

ла, Ростиславичи находились в польском лагере. Союзники осадили Владимир, где сидел, как было сказано, Андрей Владимирович Мономахич; но однажды, когда Ярослав возвращался от градских стен в лагерь, два поляка, неизвестно по какому побуждению, выскочили из засады и убили его; союзники его, не имея более цели, примирились с Владимиро-новичем и возвратились домой²⁵⁴. Это уже третий князь, который погиб за владими-ро-во-лын-ский стол, не считая ослепления Василька.

В 1125 году умер Мономах: он своим правлением показал, каковы должны были быть на самом деле отношения младших членов рода к старшему и как при общем владении мог быть сохранен наряд.

По смерти Мономаха старшинство принимает прямо сын его Мстислав. Святославичи не противились занятию киевского стола Мономахом, след., этим самым, по тогдашним понятиям, отказались от старшинства за себя и за целый род свой, ибо род составлял одно целое, и когда один родич терял право, то с ним терял целый род, понижался перед родом того, кому было уступлено; отношение, допущенное раз одним членом рода к чужому роду, это отношение тяготело над всеми членами рода для настоящего времени и надо всеми потомками их для будущего. Оставался еще род старшего Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его — Ярославом, Изяславом и Брячиславом Святополчичами; но род Святополка потерял даже Владимиро-Во-лын-скую область; Изяслав и Брячислав, вероятно находившиеся на стороне брата, как ослушники воле старшего родича подверглись исключению; по крайней мере младший, Брячислав, не мог иметь волости, оставшись после отца 10-ти лет²⁵⁵, а через четыре года уже начались бедствия его семьи. Оба, Изяслав и Брячислав, умерли в 1127 году²⁵⁶, пережив свою мать только тремя годами²⁵⁷. Ясно, что эти князья не могли оспаривать старшинства у Мстислава Владимировича, который наследил пот отца своего, по выражению летописца²⁵⁸, и потому должен был наследовать и стол отеческий. Со стороны черниговских князей нельзя было также ожидать возобновления притязаний: Олег и Давид Святославичи умерли еще при жизни Мономаха²⁵⁹, меньшей брат их Ярослав не умел, как

увидим после, удержать и черниговского стола против родного племянника: ясно, что он не мог спорить со Мстиславом и заключил с ним союз, требуя только, чтоб в. князь поддерживал его на столе черниговском²⁶⁰.

При Мстиславе Мономахов род владел большею частию русских областей. Мономах, призванный на старший стол, посадил в Переяславль сына своего Святослава, выведенного из Смоленска, и на его место послал туда Вячеслава²⁶¹. Но где же сидел Ярополк, который был старше Вячеслава? Летописцы молчат, след., он оставался при отце для ратного дела как самый храбрый из сыновей Мономаха: имя его чаще всех других Мономаховичей упоминается в описаниях походов, особенно против половцев. По смерти Святослава Ярополк был переведен в Переяславль, а Вячеслав оставался в Смоленске, когда же потомство Святополка было лишено своих областей, то Вячеслав был переведен в Туров, а в Смоленске на его место сел третий сын Мстислава Ростислав: первый, Всеволод, княжил в Новгороде, а второй, Изяслав, отличавшийся храбростью из всех Мстиславичей, был отправлен в новозавоеванный и, след., менее прочный Курск, хотя Курск, разумеется, был ниже Смоленска по достоинству²⁶². Юрий Владимирович княжил в Ростовской области, Андрей — во Владимире на Волыни.

Я сказал, что Мстислав был похож на отца, след., княжение его должно было служить продолжением Мономахова. Князья полоцкие не хотели повиноваться старшему в роде Ярослава: Мстислав собрал всех князей и послал их на кривскую землю. Я приведу слова летописца, чтоб показать, в каком послушании были у Мстислава все родичи, чтоб показать, какие отношения долженствовали быть между старшим и младшими родичами при умном и твердом в. князе: «В то же лето посла князь Мстислав братью свою на кривиче, четырьмя пути: Вячеслава из Турова, Андрея из Володимеря, и Всеволодка из Городна²⁶³ и Вячеслава Ярославича из Кльчьска²⁶⁴, тем повеле ити к Изяславлю; а Всеволоду Олговичю повеле ити с своею братьею на Стрежев к Борисову, и Ивана Вонтешича туже посла с торкы, и сына своего Изяслава, из Курьска, с своим полком посла и на Логожеск, а другого сына своего Ростислава посла с смолняны на Дрьютеск, рек им в один

день всем пустити на ворог, месяца августа в 4 день»²⁶⁵. Полочане, стесненные такою сильною ратью, выгнали князей, неприятных Мстиславу, и приняли князя от его руки²⁶⁶. Но потомки Рогволода не могли забыть наследственной ненависти к Ярославичам и не думали слушаться слов в. князя, звавшего их на помощь против половцев: тогда Мстислав, управившись с варварами, послал схватить 5 полоцких князей и в трех лодках отправил их в Царьгород; по городам кривским сели посадники Мстислава²⁶⁷, но после мы видим там второго сына его, Изяслава, переведенного в Полоцк из Курска.

В 1132 году умер Мстислав. Здесь мы оканчиваем первую главу в нашей истории княжеских отношений по смерти Ярослава I. Какой же мы заметили характер в этих отношениях? Мы видели, что все борьбы, все усобицы, имевшие место от смерти Ярослава I до смерти Мстислава I, происходят от исключения племянников из сонаследия с дядьми; борьба идет в трех областях: Полоцкой, Черниговской, Владимиро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславе I изгнанием потомков Изяслава Владимировича в Грецию; вторая — при Святополке Изяславиче на Любечском съезде возвращением несправедливо исключенным Святославичам отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополке на Витичевском съезде исключением Давида Игоревича и разделением области между двумя остальными соперничающими линиями — Изяслава и Владимира Ярославичей: но это самое разделение спорной области вело к новой вражде между линиями, поделившими ее, между Ярославом Святополчицем и Ростиславичами, сюда присоединилась вражда Ярослава к Мономаху, и дело кончилось тем, что участок Изяславичей перешел ко Всеволодовичам.

При этом не должно думать, однако, что междоусобия идут за области — Черниговскую или Владимиро-Волынскую; эти области служат только средством для исключенных князей снова войти в род и во владение родовой собственностью; им нет нужды, какие бы волости им ни дали, только бы ввели их в род; но так как отцы их княжили в означенных областях, то они домогаются по крайней мере получить их,

хотя в *отдельную собственность*, наподобие княжества Полоцкого, чего и достигли Ростиславичи в Галиции; но Святославичи, получив опять отцовскую Черниговскую область, не хотят ограничиваться ею и выделиться из рода Ярославова, что и подаст повод к новым спорам, о которых будет речь в следующих главах.

Второе главное явление, замеченное нами в описанном периоде, есть отстранение волею граждан старшей линии от старшинства и передача его в третью линию Ярославова потомства.

Глава V

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ДО ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

После Мстислава старшинство принял брат его Ярополк Владимирович. Летописец говорит, что Мстислав оставил княжение брату своему Ярополку и детей своих передал ему на руки²⁶⁸. Но в другом списке летописи объясняется, почему Мстислав распорядился таким образом, почему был уверен, что брат получит после него старшинство, и потому поручил ему позаботиться об участи своих детей, что Ярополк, сам бездетный, мог исполнить как нельзя лучше: Мстислав знал расположение киевлян, которые не хотели никого, кроме Мономаховичей. Вот что говорит летопись: «Преставися Мстислав, сын Володимерь; и седе по нем брат его Ярополк, княжа Кыеве, *людь бо кыяне послаша понь*»²⁶⁹. След., черниговские князья не могли и на этот раз ничего предпринять против Мономаховичей, потому что обстоятельства были те же самые, как при Мономахе и Мстиславе. Им не было никакой надежды, пока мир господствовал в роде Мономаха; но, к несчастью для Руси, это господство было непродолжительно.

Мы видели, что усобицы, имевшие место при сыновьях и внуках Ярослава I, происходили оттого, что дядья исключали племянников из владения родовой собственностью, но

борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носит совершенно другой характер: теперь уже князья бьются не для того, чтобы снова получить участки в родовой собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуют теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Киев, теперь уже Мономаховичи не изгоняют Святославицей из Чернигова, но хотят только исключить их из владения Киевом, твердят им: оставайтесь за Днепром, как распорядился прадед наш Ярослав Великий; Ольговичи отвечают: «Мы не венгры и не ляхи, но потомки одного предка и отказаться от Киева не можем», след., являются защитниками нераздельного, общего владения; но они знают, что право старшинства раз нарушено и восстановить его трудно вследствие столкновения противоположных прав и интересов: Мономаховичи считают полное право на своей стороне, ибо Святославичи не противились троекратному нарушению своего права и таким образом добровольно отказались от него.

Вот почему, когда Святославичам удастся перейти на западную сторону Днепра, овладеть Киевом, то они хотят перебраться все на эту заветную сторону, оставить ее за потомством, в свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить их на восток. Какая же цель этого стремления? Желание прервать единство рода, разделиться? Проглядывает ли тут начало нового порядка вещей, новых отношений? Ничего подобного: им хочется только удержать постоянно старшинство за собою, в том самом значении, в каком его тогда понимали, оставляя в силе все прежние отношения старшего к младшим членам рода; одним словом, Святославичи хотят Киев не для Киева, но для старшинства.

Но борьба за старшинство идет не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжеские линии, игравшие прежде важную роль — линия Изяслава Владимировича Полоцкого, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь из борьбы (хотя полоцкие князья возвращаются из Греции, но уже не имеют никакого влияния на отношения между Ярославичами); но зато встала страшная котора в самом роде Мономаховом. Здесь, по-видимому,

повторяется прежняя борьба, борьба дядей с племянниками, но опять уже с другим значением: дядья не исключают племянников из владения родовой собственностью, но враждуют с ними за старшинство, не хотят допустить, чтобы дети старшего брата отнимали старшинство и стол киевский у младших дядей своих вследствие нового представления, что старший сын старшего брата есть старший брат дядьям своим.

Но борьба за это новое представление о старшинстве началась не между Мономаховичами, а между Святославичами еще при жизни Мстислава I. В 1128 году Всеволод Ольгович схватил дядю своего Ярослава в Чернигове, отправил его в Муром, а сам сел на старшем столе своего рода. Мстислав хотел было защищать права дяди, но был остановлен одним духовным лицом, игуменом киевского Андреевского монастыря Григорием, который пользовался всеобщим уважением. Один ли страх пролития христианской крови руководил советами этого игумена или другое что-нибудь, неизвестно; по крайней мере летопись говорит, что Всеволод богатыми подарками склонял на свою сторону киевских бояр, думцев великокняжеских; вероятно, киевляне, не терпевшие Черниговских, радовались междоусобию, между ними возникшему, и не хотели проливать кровь свою ни за одного из Святославичей. Как бы то ни было, Всеволод удержался на черниговском столе; однако Мстислав, помня отцовское завещание не нарушать данного слова, всю жизнь терзался мыслию, что не сдержал клятвы, данной Ярославу²⁷⁰.

Несмотря, однако, на то, Мстислав сам был виновником подобного же явления в собственном роде: он уговорился с братом и преемником своим Ярополком, чтобы тот, перейдя из Переяславля в Киев, отдал прежний стол старшему сыну Мстислава Всеволоду, тогда князю новгородскому, под незаконным предлогом, что Мономах отдал Переяславль им обоим вместе, Мстиславу и Ярополку²⁷¹. Последний поклялся исполнить желание брата, и точно, как скоро получил старшинство, так тотчас же послал звать Всеволода в Переяславль. Но этот город был самым старшим столом после Киева в областях Мономаховичей, сто-

лом Всеволода и Мономаха, который отдал его старшим сыновьям своим²⁷², след., Мстислав перешел в Киев из Переяславля, Ярополк также.

Вот почему, когда младшие Владимировичи — Юрий Ростовский и Андрей Владимиро-Волынский узнали о перемещении племянника Всеволода в Переяславль, то первой их мыслию было, что это шаг к старшинству мимо их, особенно когда пред глазами был пример Ярослава Святославича, согнанного со старшего стола племянником при видимом покровстве старших Мономаховичей — Мстислава и Ярополка. Летопись говорит, что Юрий и Андрей прямо сказали: «Се Ярополк, брат наю, по смерти своей хочеть дати Киев Всеволоду, братану своему»²⁷³, и спешили предупредить племянника. Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда еще был выгнан дядею Юрием²⁷⁴, который, однако, сидел в том городе не более 8 дней, потому что великий князь, помня клятву, данную покойному брату, вывел его оттуда и вызвал на его место другого Мстиславича, Изяслава, княжившего в Полоцке²⁷⁵, дав ему клятву поддержать его в Переяславле. Вероятно, Всеволод уже не хочет в другой раз менять верный удел на неверный, да и Ярополк не хотел раздражать новгородцев.

Но такое распоряжение не могло успокоить дядей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего владельца киевского; притом полочане, не терпевшие, подобно всем гражданам русским, когда князь покидал их город для другого, выгнали Изяслова брата Святополка и приняли другого князя²⁷⁶.

Тогда Ярополк, видя неудовольствие братьев и видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрым Изяславом, отходит от Мономахова рода, перевел неволею Изяслава опять в Минск (все, что осталось у Мономаховичей от Полоцкого княжества), придав ему Туров и Пинск, волость старшего своего брата Вячеслава, которого перевел в Переяславль, и таким образом прекратил вражду Юрия и Андрея, хотя с двукратным нарушением клятвы — Мстиславу и Изяславу.

Но все планы Ярополка разрушил Вячеслав; этот честолюбивый, но вместе с тем слабый, бесхарактерный, роб-

кий князь прельстился сначала честью переяславского стола, но потом ему стало страшно сидеть здесь вблизи Святославичей Черниговских и половцев; он вышел из Переяславля и сел в прежней волости своей, Турове, выгнав оттуда Изяслава.

Тогда Ярополк решился на последнее средство для прекращения которы: он склонился на требование Юрия Ростовского, отдал ему Переяславль, с тем, однако, чтоб тот уступил в князю прежнюю свою Ростовскую область, хотя не всю, ибо Юрий оставлял себе на всякий случай убежище на севере²⁷⁷. Вероятно, Ярополк хотел отдать Ростовскую землю Изяславу: этой сделкой он надеялся успокоить братьев, поместив их всех около себя на Руси и отдав племянникам как младшим самую отдаленную область на севере. Но он уже не был более в состоянии исполнить это намерение: Изяслав, дважды изгнанный, видел только одну несправедливость со стороны дядей; он удалился в Новгород к брату Всеволоду и, питая ненависть к Юрию как виновнику всех своих бедствий, уговорил брата идти с новгородцами на этого дядю: война началась на севере²⁷⁸.

Тогда-то Святославичи увидали, что пришла наконец их пора; они заключили союз с недовольными Мстиславичами, призвали половцев и вооружились на старших Владимировичей. «Вы первые начали нас губить», — говорили они последним. Всего более Ольговичи были озлоблены за то, что старшие Мономаховичи, Мстислав и Ярополк, собираясь идти войною на Всеволода Ольговича за изгнание Ярослава Святославича и не желая допустить первого до соединения с половцами, поспешили захватить Курск и города по р. Семи: в Курске посадили Изяслава Мстиславича, а по Семи — своих посадников²⁷⁹; после Всеволод, довольный уже тем, что остался на черниговском столе, не смел требовать у Мстислава возвращения отчинных городов, которые и остались за Мономаховичами; но теперь черниговский князь, пользуясь усобицею между Мономаховичами, начал требовать у Ярополка их возвращения: «Возврати наши отчинные города, если же не возвратите, то не жалейте о следствиях: вы будете виноваты, на вас будет кровь»²⁸⁰.

Ярополк, располагая соединенными силами всех братьев, думал сначала, что может дружным ударом задавить Святославичей, и спешил к Чернигову; но принужден был отступить без успеха от этого города, а между тем Всеволод Ольгович с Изяславом и Святополком Мстиславичами, пришедшими с севера, и с половцами пожег область Переяславскую и доходил до самого Киева. Тогда дядя, чтобы отвлечь племянников от Святославичей, примирились с ними. Изяславу отдали Владимир-Волынский, из которого Андрея Владимировича перевели в Переяславль²⁸¹. Юрий Ростовский видел, как спорны русские столы, и потому, пожив несколько времени на Руси, удалился в свою верную северную волость; он был успокоен тем, что в Переяславле будет княжить младший брат его, а не сын старшего брата: знак, что Изяслав имел больше прав на старшинство, чем Андрей Владимирович, и потому казался опаснее дяде Юрию²⁸².

Примирение членов Мономахова рода расстроило планы Святославичей; но, испытав раз свои силы с успехом, они хотели кончить начатое. В 1136 году они явились под Переяславль, Ярополк вышел к ним навстречу, Святославичи отступили к Супою. Ярополк, о воинственности которого мы уже имели случай заметить, обнаружил тут безрассудную храбрость: понадеясь на силы одной своей дружины, он не дождался остальных полков и завязал бой, в котором был разбит наголову. Святославичи подступили к Киеву и заключили мир на всей своей воле: в. князь уступил им Курск и посемские города. Все Мономаховичи сильно вознегодовали на своего старшего за такой постыдный договор, но уже нельзя было поправить дела²⁸³.

Изгнание Святослава Ольговича из Новгорода Великого заставило братьев его снова приняться за оружие и призвать половцев. Андрей Переяславский, покинутый братьями без помощи, не мог один сопротивляться Черниговским и хотел было уже бежать из Переяславля; но Святославичи, обрадовавшись неудовольствию Андрея на братьев, захотели снова посеять вражду между Мономаховичами и потому уверили его в своем дружелюбии²⁸⁴. Задержание Святослава Ольговича в Смоленске еще более усилило вражду Святос-

лавичей: они двинулись к Киеву. Это заставило в. князя принять меры решительные: он соединил войска всех братьев и племянников, призвал на помощь венгров и берендеев и пошел к Чернигову; Всеволод не мог противиться такой силе и принужден был смириться²⁸⁵.

Это был последний подвиг в жизни Ярополка: возвратясь в Киев, он скончался в 1139 году. Клятва, данная брату, соделала несчастье всей жизни Ярополковой: связанный ею, он хотел непременно поместить племянников на Руси и между тем хотел вместе удовлетворить требованиям братьев; почему обращался от одной полумеры к другой, которые, не утишая вражды, возбуждали только негодование против его, как в братьях, так и в племянниках. Увидав страшное зло от союза Мстиславичей с черниговскими князьями, Ярополк благоразумно поспешил разорвать этот союз удовлетворением племянников: но безрассудная храбрость вождя испортила дело умного родоначальника, и Супойская победа дала Святославичам возможность предъявить снова свои требования. Чего они не могли вполне достигнуть при Ярополке, того достигли при слабом преемнике его Вячеславе. Едва последний успел сесть на братний стол, как Всеволод Ольгович подступил к Киеву; Вячеслав не мог сопротивляться, выехал опять из Киева в Туров, а Всеволод занял его место²⁸⁶.

Мы должны обратиться к причинам такого странного явления: каким образом Мономаховичи позволили Святославу внуку занять старший стол? В это время линия Мономаха была в самом затруднительном положении, именно была без главы, и притом вражда господствовала между ее членами. Старшим в этой линии оставался Вячеслав Туровский, но мы видели его характер, делавший его совершенно неспособным блюсти интересы рода, поддерживать в нем единство, наряд. Следующий за ним брат, Юрий Ростовский, не был похож на отца ни в умственном, ни в нравственном отношении: как правитель и как человек он не мог заслужить уважения и привязанности родичей и чужих; третий брат, Андрей Переяславский, также не отличался деятельностью, да если б и захотел отличиться ею, то как самый младший из братьев должен был бы войти в неприязненные столкновения с интересами старших.

Князь, который своими личными доблестями один мог быть представителем Мономахова рода, поддержать его интересы, — это был Изяслав Мстиславич Владимиро-Волынский, старший сын старшего из Мономаховичей (Всеволод Мстиславич умер в 1138 г.). Он вполне наследовал благородный характер своего знаменитого деда. Как тот — неутомимый воитель, как тот — необыкновенно щедрый к дружине, не разделявший своих выгод от выгод людей, его окружавших, и, наконец, необыкновенно приветливый к народу, Изяслав был образцом князя, по тогдашним понятиям, и, след., один был в состоянии поддержать любовь народа к Мономахову потомству. Но, к несчастью, события предшествовавшие поставили Изяслава во враждебные отношения к старшим членам рода: дядья видели в нем хищника прав своих, а он смотрел на дядей, как на гонителей несправедливых.

Эта-то несчастная вражда лучшего из Мономаховичей со старшими членами рода и объясняет нам успех Ольговича. Находясь, с одной стороны, во вражде с родными дядьями, с другой — Изяслав был в тесном свойстве со Всеволодом Ольговичем, который был женат на старшей его сестре и, по тогдашним понятиям, как старший зять заступал место старшего брата и отца. Вот почему Изяслав охотно бы видел на старшем столе Всеволода Ольговича, если бы последний, считая себя по жене старшим в семье Мстиславичей, примкнул совершенно к этой семье, ибо тогда по смерти его Киев естественно переходил к старшему по нем брату между Мстиславичами, т. е. к Изяславу. Но в таком случае Всеволод Ольгович должен был бы отказаться от рода Святославова, пренебречь его интересами, а тогда что случилось бы с его сыновьями? Внуки Олега, и между тем исключенные из рода Святославова, могли ли они ожидать, что Мстиславичи признают право их на старшинство потому только, что они происходят от внуки Мономаха; не ясно ли было, что, оставши от своего рода и не примкнув к другому, они будут отвергнуты обоими и лишены всякого участия в родовой собственности?

Таким образом, интересы сыновей должны были удержать Всеволода от измены своему роду, но те же самые

интересы сыновей заставляли его щадить и Мономаховичей, ибо он видел, что они превосходят Святославичей материальными силами по самому количеству волостей, ими владеемых, и личными доблестями старшего Мстиславича, которому нельзя было противопоставить ни одного из Святославичей; видел, что только одно разъединение в этой могущественной семье дает ему надежду овладеть старшинством, но что рано или поздно Мономаховичи могут соединиться, пересилить снова Святославичей, и тогда опять что станет с его сыновьями? Между тем как, щадя Мстиславичей, он приобретал в них покровителей для своего сына, а их племянника, в чем и не ошибся, как увидим после. Притом Всеволод, как мы уже сказали, знал могущество Мономаховичей, знал, что, только поддерживая разъединение в этой семье, он может утвердиться в Киеве, и потому никак не хотел выводить Мономаховичей из терпения, что заставило бы их соединиться; напротив, ему было необходимо иметь на своей стороне самого доблестного в их роде, Изяслава Мстиславича, отвлечь его от союза с дядьями, что ему было легко сделать по такому близкому родству с ним.

Одним словом, Всеволод сознавал непрочность, шаткость своего положения и потому, смотря более вперед, решился щадить на всякий случай и тех и других, и родных братьев, и шурьев Мстиславичей, и тем поставил себя навсегда в ложное положение. Татищев²⁸⁷ прямо говорит, что Всеволод, намереваясь овладеть Киевом по смерти Ярополка, сделал такой ряд с братьями, что двоюродные, Давидовичи, получали Чернигов, а родные, Ольговичи, должны получить волости Мономаховичей, которых предположено изгнать в области отдаленнейшие и худшие. Такого распоряжения требовали собственно интересы Святославова рода. Но в то же время Всеволод вошел в сношение с Изяславом Волынским, обещаясь действовать в интересах семьи Мстиславовой и отдать после себя ему Киев.

Но тотчас же Всеволод испытал следствие такого двоедушия: по первому договору с братьями он должен был изгнать Мономаховичей, но вместо того он начал договариваться с ними о мире. Тогда родные его братья, обманутые в на-

дежде получить волости Мономаховичей, требовали по крайней мере своей отчины — Чернигова: но Всеволод оставил последний город во владении Владимира Давидовича и радовался, что, таким образом поссорив родных братьев с дзюродными, останется в покое со стороны собственного рода, ибо разъединенные враждою за Чернигов Святославичи не могли быть страшны²⁸⁸.

Но не так было легко сладить с Мономаховичами: увидав Ольговича в Киеве, дядья начали ссылаться с племянниками, чтобы сообща противодействовать унижению рода; Юрий приехал в Смоленск к племяннику Ростиславу Мстиславичу, которого он любил за неучастие в борьбе братьев с дядьями и за постоянное уважение к последним²⁸⁹.

Видя, с одной стороны, расположение дядей к соглашению, а с другой — двоедушие Всеволода в поступке его с братьями, Изяслав Мстиславич не стал более верить ему и не поехал в Киев, когда зять звал его туда для переговоров²⁹⁰. Тогда Всеволод решился предупредить Мономаховичей и действовать открыто против них в пользу своего рода. Здесь мы должны обратить внимание на роль, которую играют Ростиславичи Галицкие в великой борьбе за старшинство.

Оба брата, Володарь и Василько, умерли в 1124 году, и оба оставили по двое сыновей²⁹¹: Володарь — Владимира и Ростислава, Василько — Григория и Иоанна. Самый замечательный из них, о котором всего чаще будет речь впоследствии, был старший Володаревич — Владимир, или Владимирко. Этот князь по своему характеру был совершенно в уровень своему положению. Окруженный со всех сторон соседями, гораздо сильнейшими его, далеко отошедший от господствующих линий на Руси, Владимир только в необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбирании средств, игре договорами и клятвами видел свое спасение и силу. Он начал свое политическое поприще ссорою с братом Ростиславом, которого непременно хотел выгнать, чтобы одному владеть отцовскою областью и таким образом быть в состоянии противиться могущественным соседям. Но этому намерению воспрепятствовал Мстислав, в. к. киевский, и двоюродные братья Васильковичи.

Когда Мономаховичи были соединены и, след., сильны, Владимир с братьями соединяли свои дружины с полками старшего Мономаховича; когда же, по смерти Ярополка, началась тройная усобица между Мстиславичами, Юрием и Черниговскими, тогда-то открылось Володаревичу обширное поле деятельности. Мы видели, что Ростиславичи, принужденные ограничиться только одною частью Владимирской области, Галициею, смотрели, однако, на всю область как на свое достояние и потому постоянно враждовали с потомством Изяслава и Игоря Ярославичей. Теперь, когда обе эти линии сошли со сцены и владимирский стол перешел в род Мономахов, теперь всякий из Мономаховичей, который сидел во Владимире, необходимо должен был подвергаться вражде Ростиславичей, особенно если этот князь отличался доблестями и, след., был тем для них опаснее. Вот почему, когда Всеволод Ольгович решился с родом своим выгнать Мономаховичей с западной стороны Днепра, Владимир был в союзе с Ольговичем против Изяслава Мстиславича Волынского. Но намерение Всеволода заставить врасплох Мономаховичей и не дать им соединиться не удалось.

Хотя Юрий, раздосадованный отказом новгородцев идти на Ольговича, ушел назад в Ростовскую землю, однако войско, посланное на Изяслава ко Владимиру, возвратилось безо всякого успеха; дружина Андрея Владимировича Переяславского разбила Святослава, Всеволодова брата, который хотел приобрести Переяславль для себя, а Мономаховича прогнать в Курск. Ростиславичи — Василькович и Володаревич, пользуясь невзгодою Мономахова потомства, хотели продать свою дружбу волынскому князю дорогою ценою и потому призвали его к себе для переговоров; но Изяслав не был склонен к уступкам, и дело кончилось ничем²⁹².

Однако Изяслав (которого волею воевали также поляки, союзники Всеволода) и дядя его Вячеслав отчаялись с успехом противиться Ольговичам и просили мира у в. князя киевского, соглашаясь признать его старшинство. Всеволод сначала было не хотел вступать в переговоры с ними, но после рассудил, что ему *нельзя без них быть*, и потому примирился с ними²⁹³. Между тем Всеволод видел приверженность

народа к Мономаховичам; новгородцы прямо говорили ему: «Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимера»²⁹⁴, и в. к. принужден был наконец исполнить их просьбу, послать в Новгород Святополка Мстиславича²⁹⁵. Это ясно показывало ему, как страшно действовать открыто против Мономахова рода, чего непременно хотели братья его Ольговичи; насилиу Всеволод мог успокоить Святослава, дав ему Белгород; но Игорь не был доволен и ходил отнимать Чернигов у двоюродного брата, однако без успеха²⁹⁶.

Смерть Андрея Владимировича Переяславского, случившаяся 1141 года, еще более спутала отношения: Всеволод перевел в Переяславль Вячеслава, а Туров отдал сыну своему Святославу на том основании, что Переяславль была отчина Мономаховичей, а Туров по распорядку между сыновьями Ярослава I принадлежал к Киевской области. Такое распоряжение возмутило братьев в. князя, не только уже родных, но и двоюродных, ибо они видели в этом, что Всеволод заботится только о помещении сына на Руси и пренебрегает интересами рода: тяжело было на сердце Игорю и Святославу, что старший брат дает волости сыну, а им уступает только по городу, землю же вятичей бережет для себя на всякий случай.

В таких обстоятельствах все Святославичи целовали крест стоять за один и послали объявить старшему: «Ты сидишь в Киеве, а мы просим у тебя Черниговской и Северной волости, а Киевской не хотим»²⁹⁷. Всеволод не уступил; тогда Святославичи, видя, что старший брат отказывается блюсти интересы рода, решились «поискати самим о себе» и двинулись на Переяславль, думая, что им легко будет осилить слабого Вячеслава; в. князь принужден был послать помощь последнему против братьев своих; но гораздо деятельнее помогали Вячеславу племянники: Изяслав и Ростислав с двух разных сторон заставили Святославичей отказаться от враждебного намерения. Тогда последние поневоле должны были склониться на прежние предложения старшего брата: но и тут Всеволод, боясь союза родных братьев с двоюродными, преклонил Давидовичей разорвать этот союз обещанием наделить их;

тогда ему легко уже было уладиться с братьями: он дал каждому по два города²⁹⁸. Вячеслав, напуганный враждебными замыслами Святославичей, не хотел сидеть по соседству с ними в Переяславле и уступил этот опасный удел смелому племяннику Изяславу, а сам перешел в свой прежний Туров, откуда сын в. князя Святослав переехал во Владимир-Волынский на место Изяслава²⁹⁹.

Святославичи сильно роптали на брата, что он перепустил такой важный стол, каков был Переяславль, храброму Изяславу, а последний, с своей стороны, видел, что Всеволод щадит Мстислава только из страха, чтобы они не соединились с дядьми, старшинство же прочит своему роду и потому решился примирить всех членов Мономаховой семьи и действовал наступательно против Святославичей: с этою целию он не усомнился поехать для личного свидания к заклятому врагу своему Юрию Ростовскому, чтобы убедить его отложить вражду для блага целого рода; но притязания дяди и племянника не могли быть соглашены, и оба князя расстались более врагами, чем были прежде³⁰⁰. Между тем перемещение сына великокняжеского на владими́ро-во́лынскій стол завязало новые отношения. Мы видели, что потомки Ростислава питали вражду ко всякому владими́ро-во́лынскому князю, из какой бы линии он ни был; видели, что Владимир Галицкий был в союзе со Всеволодом против Изяслава как во́лынского князя; теперь, когда владими́рский стол занял Ольгович, сын в. князя, князь галицкий стал враждовать против последнего, тем более что Всеволод Ольгович был в тесном союзе с поляками, заклятыми врагами Ростиславичей. Владимир мог отважиться на вражду с в. князем: весь Галич принадлежал ему, оба Васильковича умерли, родной брат его Ростислав также, оставив сына Ивана, но Владимир изгнал племянника из его отчины. В 1144 году в. князь должен был с оружием в руках заступиться за сына своего против галицкого князя³⁰¹. Всеволод, собрав своих братьев, родных и двоюродных, равно Вячеслава Мономаховича с обоими племянниками — Изяславом и Ростиславом и других мелких князьков, двинулся на Владимирка; поляки сделали то же самое.

Мы упоминали уже о характере Володаревича: он выкал его совершенно в описываемом событии. Не желая прямо просить мира у Всеволода, он послал к брату его Игорю с следующими словами: «Если ты примиришь меня с братом, то я помогу тебе после него достать Киев». Ничего не могло быть искуснее этого: в самом деле, Игорь, окруженный враждебными Мономаховичами и ненадежными Давидовичами, мог ожидать помощи только от одного Владимира, которому также было опасно преобладание Мономаховой семьи в соседстве. Игорь начал упрашивать брата оставить Галицкую землю в покое. «Видно, ты не хочешь мне добра, — говорил он ему, — обрек мне Киев, а приятелей не даешь приобретать». Всеволод признал справедливость этой просьбы и примирился с Владимиром³⁰². Но на обещания последнего нельзя было полагаться: уже на следующий год он снова начал вражду, и снова в князь принужден был идти против него, на этот раз поход был неудачен³⁰³.

Это был последний поход Всеволода Ольговича; еще прежде, в 1144 году, он сделал предсмертный ряд с братиею; Ольговичи, Давидовичи и Изяслав Мстиславич были позваны для того в Киев. В присутствии последнего Всеволод объявил, что поступок Мономаха и сына его Мстислава, которые, не обращая внимания на род Святослава, отдали Киев один сыну своему, а другой брату, что этот поступок дает и ему также право передать старшинство родному брату Игорю мимо Мономаховичей. В князь требовал клятвы со всех присутствующих в признании Игоря Ольговича на столе киевском; Изяслав Мстиславич после долгого упорства принужден был также целовать крест по неволе³⁰⁴.

В 1146 году, почувствовав приближение смерти, Всеволод хотел взять такую же клятву и с граждан киевских. Киевляне и вышгородцы целовали крест, замышляя уже клятвopеступление, ибо ненавидели Всеволода и весь род его. Причина этой ненависти была следующая: Всеволод привел с собою старых слуг своего рода, дружину черниговскую, которой, разумеется, отдавал преимущество пред старыми боярами киевскими, слугами рода Мономахова: это жестоко оскорбило последних³⁰⁵; сверх того черниговские дружинники, которым Всеволод роздал должности, не имея ничего

общего с новыми согражданами, притесняли их: это возбудило против Всеволода и остальное народонаселение. Тотчас по смерти в. князя киевляне собирают вече и объявляют Ольговичам, что тиуны их брата стубили народ, и требуют, чтобы вперед сами князья судили тяжбы. Ольговичи, Игорь и Святослав, уступили желанию народа и целовали крест, что отныне не будет ему никакого насилия и что тиуны будут избираемы по воле граждан³⁰⁶.

Но Игорь не думал сдержать своего обещания³⁰⁷: тогда киевляне послали в Переяславль звать Изяслава Мстиславича на дедовский стол. Он тотчас двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода Ольговича как мужа старшей сестры своей, которого, след., считал себе отцом, но не может терпеть на одном столе других Ольговичей³⁰⁸. Едва узнали, что стяг Мономаха поднят доблестным внуком его, как отовсюду начали присылать к Изяславу с приглашениями: «Поезжай к нам, ты наш князь, Ольговичей не хотим»³⁰⁹.

Игорь видел всеобщее недоброжелательство; насилию он мог уговорить двоюродных братьев Давидовичей остаться на его стороне, для чего спешил удовлетворить всем их требованиям; но тщетно уверял бояр киевских, что оставит их в прежних должностях; пятеро самых знатных, и между ними тысяцкий Улеб, люди (что всего страннее казалось для современников), бывшие в большой чести у Всеволода и брата его, решились вместе с гражданами передаться на сторону Изяслава³¹⁰. Едва последний явился у Киева, как граждане взяли его тысяцкого и стяг, и вышеозначенные бояре бросили стяги Ольговичей, которые принуждены были бежать: Святославу удалось уйти от неприятеля, но Игорь был взят в плен и заключен в монастырь, где скоро испросил у победителя позволение постричься. Изяслав с торжеством вступил в Киев и объявил, что не отлучит от своего рода Святослава, сына Всеволодова, но что будет ему отцом³¹¹.

Тогда-то оказались следствия коварного поведения Всеволода, разрознившего интересы родичей: Давидовичи Черниговские, вместо того чтобы помогать двоюродным братьям Ольговичам в несчастьи, думали, как бы вконец погубить

их: они боялись, чтобы Игорь и Святослав, лишенные надежды на Киев, не стали домогаться отцовского черниговского стола. Вот почему они послали к Изяславу с просьбою не выпускать из плена Игоря и с предложением преследовать с ними вместе Святослава³¹².

Святослав, оставленный родичами, изгнанный отовсюду, не хотел более ничего, как только выручить из плена брата Игоря: для этого он обратился к единственному князю, которого интересы были связаны с его собственными: то был Юрий Ростовский.

Торжество Изяслава над Игорем было торжеством Мономахова рода над Святославовым, но вместе и торжеством нового представления — о старшинстве старшего племянника над дядьми. Торжеству этого представления способствовали следующие обстоятельства: если бы Изяслав по примеру деда своего свято уважал права старших родичей, то подобно Мономаху же был бы принужден гражданами принять великокняжеское достоинство: слабый Вячеслав, старший из дядей, не мог ни управлять сам³¹³, ни защищать Киев от Черниговских и половцев; здесь мы можем оставить даже бы и говорить утвердительнее, основываясь на следующем: Изяслав, двинувшись к Киеву на Ольговичей, объявил, что идет возратить дедовский стол старшему брату своему (дяде) Вячеславу³¹⁴. Что же, кроме воли граждан, могло заставить его переменить намерение? Так, когда после Юрий бежал из Киева перед Изяславом, а Вячеслав занял его место, то граждане, вышедши навстречу к Изяславу, говорили ему: «Гюрги вышел из Киева, а Вячеслав сидит ти в Киеве; а мы его не хотим»³¹⁵.

Юрия Ростовского не знали на юге, и еще хуже, если бы знали: по своему характеру он не мог привлечь любви народной, которою пользовался в высокой степени племянник его Изяслав. Последний знал, что посадить на киевский стол Вячеслава значит дать дорогу притязаниям Юрия, непримиримого врага своего, и потому принял на себя старшинство.

Сперва Вячеслав надеялся было, что племянник почтит его, и потому, узнав о низложении Ольговичей, забрал назад города, отнятые у него прежде Всеволодом; мало того,

начал уже как старший распоряжаться волостями, занял Владимир-Волынский и посадил в нем племянника Владимира Андреевича.

Но Изяслав спешил показать, как он намерен действовать в отношении к дядьям: он послал брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава и отнял у него Туров, где посадил сына своего Ярослава³¹⁶, а стольный город Мономаха Переяславль отдал старшему сыну Мстиславу³¹⁷. Такое распоряжение могло оскорбить братьев Изяславовых, особенно старшего, Ростислава Смоленского; но, вероятно, этот нехрабрый и вовсе не честолюбивый князь сам отказался от Переяславля: здесь он должен был беспрестанно отбивать Черниговских, половцев и вступить в смертельную вражду с дядею Юрием, чего он никак не хотел.

Ростовский князь, узнав, что в Киеве сидит племянник, а в Переяславле внук, не мог оставаться спокойным; он принял предложение Святослава Ольговича освободить Игоря и сесть на киевском столе и ополчился; но ему трудно было осилить Изяслава, которого братья и союзники со всех сторон окружали Юрия: в Смоленске сидел брат его Ростислав, в Новгороде другой брат, Святополк; князь рязанский Ростислав Ярославич питал наследственную ненависть к Ольговичам за изгнание отца своего из Чернигова и потому был ревностным союзником Мстиславичей³¹⁸. Юрий, сведав о вторжении рязанцев в свою область, должен был отложить поход свой на юг и ограничиться отправлением сыновей на помощь Святославу, которому между тем удалось поправить свои дела относительно Давидовичей.

Тогда Изяслав решился принять наступательный образ действия против князя ростовского: созвав вече, он требовал у граждан содействия; но киевляне решительно отrekliсь поднять руки на сына Мономахова, обещаясь, однако, с охотою идти на ненавистных Ольговичей³¹⁹. Изяслав кликнул клич по охотникам и с ними выступил в поход³²⁰. Граждане на вече остерегали также своего любимого князя от союза с Черниговскими³²¹; их предчувствие сбылось: на дороге в князь узнал, что Давидовичи и племянник его Святослав Всеволодович изменили, соединились с Юрием и

Святославом Ольговичем и даже замышляют схватить его хитростию или убить. Причины отпадения были следующие: Игорь был в это время уже монахом, след., притязаний его на Чернигов нечего было бояться³²², Святослав же домогался только Северской стороны; но более, чем притязания брата, было опасно для Черниговских могущество Изяслава Мстиславича; впрочем, как видно из летописи, примирение Святославичей между собою и союз их всех с Юрием против Изяслава были делом Святослава Всеволодовича: этот молодой князь понимал, что его выгоды требуют снова примкнуть к роду Святославову, в котором, по новому представлению, ему предстояло старшинство как старшему внуку Олега; что от Мстиславичей ему нечего ждать много: Изяслав взял у него Владимиро-Волынскую область и дал ему только 5 городов; вот почему он стал проситься у в. князя в Чернигов, чтоб вытребовать волость у дядей: следствием его прибытия было примирение Святославичей и союз их с Юрием³²³. Узнав об этом, Изяслав немедленно дал знать киевлянам о вероломстве Черниговских и напоминал им обещание помогать ему на них, при этом также напомнил он гражданам, что их выгоды тесно связаны теперь с его собственными, что в случае торжества Черниговских им нечего ждать от них для себя хорошего за измену Игорю³²⁴.

Киевляне отвечали единодушным согласиём идти со своим князем на общих врагов; но кто-то на вече подал ужасный совет прежде вступления в поход убить монаха Игоря, чтобы в их отсутствие кто-нибудь не вздумал освободить его, как некогда Всеслава Полоцкого. Совет был принят раздраженною толпою, и несчастный Ольгович заплатил жизнью за вероломство братьев³²⁵: на увещания Владимира, Изяслова брата, киевляне отвечали: «Мы знаем, что добром не кончить с этим племенем, ни нам, ни вам».

В. князь с негодованием узнал об этом отвратительном и вместе безрассудном поступке киевлян, который давал повод врагам обвинять его в соумышлении с народом, приписывать убийство Игоря тайному его приказу³²⁶. Однако и Святославичи ошиблись в своем расчете. Силы Юрия Ростовского не были в уровень с силами Мстиславичей, область

его была обширна, но мало населена, и потому он не мог решиться подать деятельную помощь союзникам, притом мы узнаем после лень Юрия, его неспособность к быстрым ратным движениям. Сыну его Глебу не удалось овладеть Переяславлем, и он только получил от Изяслава позволение занять прежнюю отцовскую волость Городец³²⁷, а между тем в. князь вместе с братом Ростиславом и венграми страшно опустошал черниговские волости. Тогда Святославичи увидели необходимость просить мира у Изяслава, который и дал им его, желая умирить юг, дабы иметь возможность нанести сильный удар Юрию в собственных областях его³²⁸. Тогда же старший сын Юрия Ростислав, отчаявшись в успехе отцовского дела, перешел на сторону Изяслава, признал его старшинство и получил города на Руси, которые прежде держал Всеволодич Святослав³²⁹, и отчинные города, занятые прежде братом его Глебом, который был принужден выйти из них.

В том же 1148 году в. князь отправился в Новгород и оттуда причинил сильное опустошение Юрьевой области, мстя за обиды, которые дядя беспрестанно наносил новгородцам³³⁰. Этот поход жестоко оскорбил Юрия, но еще более оскорбила его другая обида, нанесенная ему племянником. Мы видели, что Изяслав приютил на Руси сына Юрьева Ростислава; но по возвращении из Новгорода в. князю начали говорить про Юрьевича, будто он возмущал киевлян и берендеев против Изяслава. «Держишь у себя заклятого врага на свою голову», — твердили Изяславу. Последний, не выслушав оправданий Ростислава, выгнал его из Руси³³¹. Что обвинение было не совсем несправедливо, доказывают слова самого Ростислава отцу по возвращении: «Я слышал, что вся Русская земля и черные клобуки хотят тебя, ступай на Изяслава»³³².

На этот раз Юрий в самом деле собрался и пошел на племянника; последний поступок Изяслава вывел его из терпения. «Стало быть, мне и моим детям нет части на Русской земле», — говорил старый дядя; притом он надеялся на успех предприятия; сын его недаром жил в Руси: переяславцы были привлечены на сторону Юрия, как увидим впоследствии³³³. Давидовичи Черниговские, зная по опыту силу Изя-

слава, хотели на этот раз остаться ему верными и известили его о походе дяди. Но Святослав Ольгович хотел торговаться. «Отдай мне имение брата Игоря, — велел он сказать в князю, — так буду за тебя». Благородного Изяслава оскорбило такое двоедушие, он велел отвечать Святославу: «Ты целовал мне крест не думать больше об Игоре, а теперь, когда дядя идет на меня, ты опять вспомнил об нем; уже одно твое требование есть клятвопреступление, я без тебя и на Волгу ходил, а теперь был бы со мною Бог!» Святослав присоединился к Юрию³³⁴.

Но неприятности ждали Изяслава с другой стороны. Мы уже несколько раз имели случай заметить, как народ благоговел к памяти Мономаха: в противоположных концах русских владений, на севере, востоке и юге, в Новгороде, Курске и Киеве граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей; они с ужасом смотрели на усобицу в потомстве того, кто всю жизнь трудился над примирением братии; распря в семье Мономаха казалась народу греховным поруганием над памятью великого братолюбца и доброго страдальца за Русскую землю: так Мономах и по смерти своей оставался хранительным духом Руси, и по смерти сдерживал ненавистные ему при жизни усобицы родовые!

В другой раз отказались киевляне идти за Изяславом на дядю Юрия. «Мирись, князь: мы нейдём», — говорили они ему³³⁵. Тяжка была для Изяславовой гордости эта жертва, которой требовал от него народ ради памяти Мономаха. «Как мне просить мира у дяди? — отвечал Изяслав. — Не стыдно ли мне будет помириться с ним теперь и тем показать, что он принудил меня силою к миру? Если бы он пришел один с детьми только, то я бы дал ему любую волость, но он привел половцев и врагов моих Ольговичей»³³⁶. Жаль было киевлянам любимого князя, нехотя пошли они за ним: дурное предвещание для успеха!

В Переяславль явился посол от Юрия. «Брат! — велел сказать Изяславу дядя. — Ты приходил на меня, повоевал мою землю и старейшинство снял с меня; теперь, брат и сын, ради Русской земли и христианства не прольем христианской крови, но дай мне посадить в Переяславле сына, а ты царствуй себе спокойно³³⁷ в Киеве». Не полюбилась эта речь

Изяславу: он не хотел видеть Юрьевича подле себя на таком столе, которого князь считался постоянно наследником старшинства. Особенно ненавистна была храброму князю мысль уступить дяде без битвы; неприятны были ему слова переяславского епископа, который со слезами говорил ему: «Князь, примиришь с дядею: много спасения примешь от Бога и землю свою избавишь от великой беды»³³⁸.

С досадою отвечал Изяслав: «Я добыл головою Переяславля и Киева», и пошел против Юрия. У Янчина села произошла битва: полк переяславский, доброжелательствуя Юрию, обратил тыл и решил этим дело³³⁹. Изяслав, пробившись с невероятным мужеством сквозь неприятельские ряды, явился в Киев с братом Ростиславом и спросил граждан: «Можете ли биться за нас?» «Господа наши князи, — отвечал народ, — не погубите нас до конца; теперь отцы, и братья, и сыновья наши одни в плену, другие побиты, если будем долее противиться, то не миновать и нам плена; ступайте лучше в свои волости: ведь вы знаете, что нам с Юрием не ужиться, и где только увидим стяги ваши, так тотчас будем готовы идти за вами». Изяслав поехал во Владимир Вольнский, а Ростислав в Смоленск. Юрий вступил в Киев, и множество народа вышло к нему навстречу — с радостью великою, прибавляет летописец³⁴⁰.

Юрий начал распорядиться как в князь: посажал сыновей своих на ближайшие столы к Киеву³⁴¹. Идя на Изяслава, он также объявил, что хочет возвратить старший стол Вячеславу³⁴², и хотел было после исполнить свое обещание, но бояре отсоветовали ему, говоря: «Брату твоему не удержать Киева, и этот город не достанется ни тебе, ни ему»³⁴³. Тогда Юрий взял у Вячеслава Дорогобуж и Пересопницу, оставленные ему Изяславом, и перевел его в Вышегород.

Изяслав, с своей стороны, начал слать за помощью к соседним государям на Западе, с которыми со всеми был в родстве: за королем венгерским была родная сестра его, за Болеславом IV Польским родная племянница, Владислав Чешский был также сватом ему по жене брата его Святополка. Венгры, ляхи и чехи явились на помощь к Изяславу, но против него встал знаменитый Владимирко Галицкий, которого соединяла с Юрием постоянная вражда к каждому

волынскому князю, а на Волыни сидел теперь Изяслав. Вооружения сильного Владимирка испугали союзников; еще более испугала поляков весть, что пруссаки напали на их области; чтоб скорее кончить дело в Руси, они предложили посредничество свое между дядею и племянником. «Сойдите с Русской земли, — отвечали Юрий и Вячеслав, — тогда вступим в переговоры». Союзники послушались и покинули Изяслава, который никак не соглашался мириться с дядею до тех пор, пока последний не возвратит новгородцам всех северных даней, им захваченных.

Юрий, видя племянника беззащитным, хотел совершенно изгнать его отовсюду; вражду в князя особенно разжигали сын его Ростислав, злобившийся на Изяслава за бесчестное изгнание из Руси, и Юрий Ярославич³⁴⁴, один из потомков Изяслава, старшего сына Ярослава I. Этот забытый князь радовался усобице, возникшей между ненавистными Мономаховичами, снявшими с рода его старшинство и даже лишившими его честного стола. Но Владимирко, которого интересы зависели от постоянного соперничества соседних владельцев и который не хотел, след., решительного торжества ни той, ни другой стороны, стал между соперниками и заставлял мириться; другой сын Юрия, знаменитый впоследствии Андрей Боголюбский, изначала не любивший старую, Южную, Русь, также увещевал отца примириться с Изяславом и покинуть страну, которая ничего не обещала, кроме усобиц³⁴⁵. И дядя Вячеслав, с своей стороны, упрашивал брата помириться с племянником: старик боялся, что, когда Юрий уйдет, Изяслав опустошит волость его³⁴⁶.

Юрий согласился наконец возвратить новгородские дани и все пограбленное у дружины Изяславовой³⁴⁷. Но последнее условие не было исполнено: тогда Изяслав решился не терпеть обиды и, соединясь с черными клобуками, изгнал беспечного дядю из Киева, объявляя, однако, постоянно детям Юрия, что враждует только с их отцом, а не с ними³⁴⁸. Это заставило Владимира Галицкого подняться снова на Изяслава; тогда последний, желая отнять у Юрия предлог к войне, вызвал в Киев старшего дядю Вячеслава, который не мог сам управлять княжеством и, довольный одним почетом, представил всю власть Изяславу³⁴⁹.

Урядившись с дядею, Изяслав выступил против Владимирка, которого встретил при Ольшанице. Черные клобуки, бывшие в войске Изяслава, испугались силы галицкой; они начали говорить князю: «Князь! Сила вражья велика, а у тебя мало дружины, не погуби нас, да и сам не погинь; но ты наш князь, когда силен будешь, и мы от тебя не отступим, а теперь не твое время, поезжай лучше прочь»³⁵⁰. Внук Мономаха отвечал по-Святославовски, как прилично храброму князю, вождю дружины: «Лучше, братья, умрем здесь, а не положим на себя позора!» Но городские киевские полки пели ту же песню, что и черные клобуки, и обратились в бегство, варвары последовали их примеру; тогда Изяслав, видя, что не может противиться с одною своею дружиною, удалился и сам³⁵¹.

Это событие показывает нам отношения того времени. Князья с своею верною дружиною сохраняют прежний характер неустрашимых бойцов, предпочитающих смерть постыдному бегству. Но не так думают сбродные полчища варваров пограничных, не так думают граждане: родовые отношения князей, произведшие беспрестанную их смену, сделали подданных равнодушными к особе правителей, они любят князя за его личные доблести, но верны ему тогда только, когда он силен, когда на его стороне счастье: «Ты наш князь, коли силен будеши!»

Узнав о неудаче племянника, Юрий приступил вторично к Киеву. В то время как Изяслав с дядею Вячеславом сидели за обедом, увидели они, что киевляне одни поехали в лодках к Юрию, другие начали перевозить его дружину. Тогда князья сказали друг другу: «Теперь не наше время!» — и выехали — Вячеслав в Вышегород, а Изяслав во Владимир-Волынский³⁵². Юрий в другой раз занял Киев, и в другой раз не умел удержать его против деятельного племянника. Тот призвал на помощь венгров и пошел опять к Киеву, а за ним следом пробирался Владимирко Галицкий, который, как тень, не отставал от волынского князя. Дружина говорила Изяславу: «Князь! Ты идешь на одного врага, а сзади тебя другой». Внук Мономаха остался верен своему характеру вождя дружины, не отделявшего своих интересов от интересов верных сподвижников; он отвечал

своим мужам: «Вы для меня вышли из Русской земли, лишились всех сел и всего имущества, и я, с своей стороны, не могу отказаться от дедины и отчины: но либо сложу свою голову, либо возвращу отчину и все ваше имущество; с кем ни встречусь, с Владимирком или с Юрием, с тем и вижу суд Божий»³⁵³. После этого Изяслав двинулся к Киеву. На дороге жители городов выходили к нему навстречу с крестами, но с робостию смотрели на союзников Изяславовых. «С тобою иноземцы, угры, — говорили они ему. — Не сделали бы они какого зла городу?» Внук Мономаха отвечал: «Я привел угров не на людей моих, а на врагов; вы же не бойтесь: вы люди отца моего и деда моего», и, минуя города, спешил на Юрия, зная, что в киевлянах найдет сильных союзников³⁵⁴. В самом деле, едва услышал Юрий о приближении Изяслава, как сел в лодку и уехал в Городец, а киевляне встретили Изяслава, по обычаю, с радостью³⁵⁵. В страшный гнев пришел Владимир Галицкий, узнав о такой оплошности и малодушии Юрия. «Вот как княжит сват мой³⁵⁶, — говорил он сыну Юрия Андрею, — как же он не знал, что на него идет рать из Владимира, а вы, сыновья его, сидите один в Пересопнице, а другой в Белгороде, и не могли устеречь Изяслава! Если так княжите с своим отцом, то управляйтесь одни!» — и возвратился в Галич, собирая на пути серебро с граждан³⁵⁷.

Изяслав оставался верен прежнему намерению княжить именем дяди Вячеслава и перезвал опять последнего в Киев; простодушный старик, довольный такою честью, отдал племяннику все управление³⁵⁸.

Между тем Юрий не думал оставлять своих притязаний: он соединился с Ольговичами, призвал половцев и хотел снова взять Киев. Тщетно Вячеслав посылал сказать ему, что он уже теперь не имеет никакого предлога воевать с племянниками, что Изяслав, оставя свои притязания на старшинство, отдал киевский стол ему, Вячеславу. Юрий отвечал, что он готов почтить старшего брата как отца, но требовал удаления Мстиславичей из Киева. Напрасно Вячеслав представлял ему, что Мстиславичи усыновлены им и что несправедливо со стороны Юрия отгонять от бездетного старика племянников усыновленных.

Юрий не слушался увещаний³⁵⁹: он знал, что, пока племянники в Киеве или даже около этого города, ему нельзя думать о старшинстве. Но теперь ему трудно было одолеть Мстиславичей, теперь киевляне не хотели более щадить Мономахова сына: вовсе не любезный характер Юрия и предпочтение, которое он оказывал своей северной дружине, вооружили их против ростовского князя. Граждане объявили Изяславу: «Хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя и за брата твоего Ростислава, и за всех братьев ваших сложить свои головы, и либо честь вашу отыщем, либо изомрем вместе с вами, а Юрья не хотим»³⁶⁰.

На чем положили старшие, на том стали и пригороды: когда Юрий подошел к Белгороду и повестил гражданам: «Вы мои люди, отворитесь!» — то они отвечали ему: «А Киев разве тебе отворил ворота? Князь наш Вячеслав, Изяслав и Ростислав»³⁶¹. Суздальский князь пошел к западу в надежде соединиться с Владимирком Галицким; Вячеслав и Мстиславичи вместе с Давидовичами Черниговскими шли за ним; киевляне повестили: «Пусть идут все, а кто не пойдет, того убьем сами»³⁶² — и двинулись вслед за дружинами Мстиславичей.

У реки Рута встретились войска противников; оба сына Мономахова — Вячеслав и Юрий были не способны к ратному делу, войском Вячеслава предводительствовал Изяслав, войском Юрия — сын его, знаменитый Андрей. Таким образом, при Руте сошлись два двоюродных брата, один — Изяслав, полный представитель старой Руси, доблестный вождь дружины, сражающийся для чести, для славы, но не для силы; другой — человек будущего, который ненавидел старину на юге и непреодолимою силою влекся к северу, чтобы там положить основание государству, чтоб из князя — вождя дружины стать первым князем — правителем, первым самовластцем. Однако здесь, при Руте, оба князя соперника бились еще по-старому, как вожди дружин, которые отчаянным мужеством хотят заслужить славу первых бойцов.

Сеча была одна из самых кровопролитных в истории усобиц княжеских³⁶³: со стороны киевских князей пал союзник их, Владимир Давидович Черниговский, сам Изяслав был

найден полумертвым; несмотря на то, полки Юрия потерпели страшное поражение. Он удалился было в Переяславль, но брат и племянники прямо объявили ему, что если хочет, то пусть оставит сына в Переяславле, но что его самого они не могут видеть на Руси, ибо он наведет опять половцев³⁶⁴. Юрий принужден был целовать крест — не искать Киева под Вячеславом и Изяславом и оставить Русь, однако медлил исполнить последнее обещание и хотел также удержать сына своего Андрея, но тот решительно объявил, что им незачем более оставаться на Руси, и спешил в свой северный пригород, Владимир Клязьменский³⁶⁵. Юрий заперся было в Городке, но и оттуда был вытеснен и удалился наконец на север. Битва при Руте была последним важным делом во время этой усобицы между Изяславом и Юрием. Ростовский князь предпринимал еще два похода на Русь, один в 1152, другой в 1154 году, но оба кончились ничем³⁶⁶.

Обезопасив себя со стороны Юрия, Изяслав хотел отомстить Владимиру Галицкому, который был главным виновником всех его неудач. Соединясь с венгерским королем, Вячеслав разбил наголову Владимира; тогда последний поступил сообразно своему характеру: притворившись отчаянно больным, он послал умолять короля о мире и поручал ему сына своего, а между тем щедро задаривал вельмож венгерских. Король разжалобился положением галицкого князя и согласился дать ему мир, заставив его поклясться возвратить Изяславу все русские города, захваченные им во время усобицы, и быть в воле киевского князя. Последний сильно противился миру, зная коварство Владимира. В самом деле, едва освободился он от врагов, как вовсе перестал думать об обещании. Напрасно Изяслав посылал к нему боярина напомнить о крестном целовании. «Что мне сделает маленький крестик, который целовал я», — отвечал галицкий князь; но еще не успел боярин Изяслава отъехать от города, как внезапная смерть поразила клятвopеступного Владимирка. Сын и единственный наследник его, знаменитый впоследствии Ярослав Осмомысл, пораженный судьбою отца, согласился было сперва признать старшинство Изяслава, но, подобно отцу, не сдержал обещания; Изяслав отправился на него

в 1153 году, но после нерешительной битвы при Теребовле возвратился³⁶⁷.

Это было последним воинским делом Изяслава. В 1153 году он умер. Летописец называет его честным и славным и говорит, что о нем плакала вся Русская земля и все черные клобуки как по царю и господину своему, особенно же как по отцу³⁶⁸. В самом деле, это был один из самых светлых характеров, какие являлись в нашей древней истории: верный понятиям своего века, Изяслав был образцом князя; блюдя выгоды дружины, как свои собственные, будучи ласков, снисходителен к гражданам, обращаясь с ними по-родственному, он являлся точно отцом среди народа. Его княжение, его отношения к родичам, к дружине, к гражданам представляют нам верную картину того времени, картину общественного быта старой Руси. Изяслав был образцом тех южных князей-богатырей, которые предпочитали все-му честь и славу, которые славу Русской земли полагали в том, чтоб князья ее никогда не были побеждены на поле брани; вот что говаривал Изяслав своей дружине пред битвами: «Братья и дружино! Бог всегда Руския земле и русских сынов в безчестьи не положил есть, на всех местех честь свою взимали суть; ныне же, братья, ревнуимы тому вси, в сих землях и перед чюжими языки дай ны Бог честь свою взяти!»³⁶⁹ К несчастью, злая котора похитила всю деятельность Изяслава, и потому он не заслужил от современников прозвания доброго страдальца за Русскую землю, как называли деда его Мономаха.

По смерти Изяслава дядя Вячеслав послал в Смоленск за другим племянником, Ростиславом. Между тем Юрий, только что сведал о смерти храброго Изяслава, как двинулся с полками из Суздаля; с другой стороны Изяслав Давидович, сидевший в Чернигове, по смерти брата своего Владимира, павшего в битве при Руте, также обнаружил неприязненное намерение, думая взять Киев у слабого старика, пока еще не прибыл Ростислав. В таких обстоятельствах Мстислав, сын покойного Изяслава, князь переяславский, и бояре присоветовали Вячеславу ослабить силу Святославичей привлечением на свою сторону самого храброго и самого деятельного из них, именно Святослава Всеволодо-

вича, родного племянника Мстиславичей по матери. В. князь послал к Святославу с следующими словами: «Ты Ростиславу сын любимый, также и мне, приезжай сюда в Киев и побудь у меня, пока приедет Ростислав, и тогда все урядимся насчет волостей»³⁷⁰.

Это предложение прельстило Всеволодича, притом он сам как старший сын старшего из Ольговичей метил на старшинство, на Киев, и хотел приобрести расположение и доверенность жителей этого города: вот почему, не сказавшись дядьям, ни Ольговичу, ни Давидовичу, Святослав приехал в Киев и дожидался там Ростислава. Вячеслав и киевляне приняли Ростислава с необыкновенною радостью, потому что прибытие его освобождало их от страха быть застигнутыми с двух сторон, из Чернигова и из Суздаля; Вячеслав передал племяннику управление, и киевляне посадили его у себя на стол, обязались быть ему верными до самой его смерти, заключив, однако, ряд, чтоб он не затевал которы с дядею Вячеславом, но чтил его, как чтил покойный Изяслав³⁷¹. Мономаховичи сдержали слово относительно Святослава Всеволодовича: Ростислав дал ему богатую волость — Туров и Пинск за то, что он берег Киев в его отсутствие³⁷².

В это время пришла весть, что Глеб Юрьевич, подвешенный черниговским князем, приближается с половцами к Переяславу. Ростислав немедленно выступил, отразил половцев от Переяслава и намеревался начать наступательное движение на Чернигов, как вдруг пришло известие о внезапной смерти Вячеслава. Похоронивши дядю, Ростислав снова спешил к Чернигову, хотя бояре убеждали его заключить новый ряд с киевлянами, укрепить их себе крестным целованием на случай прихода дяди Юрия³⁷³. Ростислав не послушался и тотчас же показал, как далеко не имел доблестей своего брата: увидав множество половцев, пришедших на помощь к Изяславу, он струсил, вступил с последним в переговоры и начал уступать ему под собою Киев, а под племянником Мстиславом Переяславль. Такое малодушие раздражало Мстислава Изяславича. «Не доставайся же ни мне Переяславль, ни тебе Киев», — сказал он дяде и поворотил коня; дружина последовала его примеру, войско Ростислава обратилось в

бегство, сам он убежал в Смоленск, Мстислав Изяславич во Владимир на Волыни, Святослав Всеволодович попался в плен к половцам. Киевляне, оставленные князьями и утраченные приближением варваров, принуждены были принять Изяслава Давидовича.

Здесь представляется вопрос: какое право имел последний быть представителем Святославова рода и его прав на старшинство, на Киев, при жизни Святослава, сына Олега? Но вспомним, что сам Святослав добровольно соступился со старшинства после несчастья с братом его Игорем, он говорил Давидовичам: «Не хочу ни волости, ничего другого, только выпустите мне брата!»³⁷⁴ — и после он не искал Чернигова под Давидовичами³⁷⁵, даже при торжестве своего союзника Юрия, тем более не мог этого сделать при торжестве Мстиславичей; след., Изяслав, сидя на старшем столе в Святославоном роде, переносил на себя представительство этого рода и право его на Киев.

Однако приближение Юрия заставило черниговского князя выехать из старшего города всей Русской земли, и Юрий в третий раз сел на отцовском столе³⁷⁶. Его княжение замечательно по тем движениям, которые обнаружили в различных линиях Ярославова потомства и которые все носят одинакий характер, служат отзвуком и продолжением великой борьбы за старшинство между племянниками и дядьми, начавшейся по смерти Мстислава Великого.

Мы видели, что Мстислав Изяславич удалился в отчинную волость свою Волынь, но эту волость он должен был поделить с братом Ярославом и младшим дядею своим Владимиром Мстиславичем. Последний родился незадолго до смерти отца и потому был, вероятно, моложе или по крайней мере ровесником старшему племяннику своему Мстиславу, который потому вовсе не хотел признавать его старшинства; но Юрий Долгорукий, который боролся всю жизнь против нового представления о старшинстве племянника над младшими дядьми, Юрий по этому самому должен был поддерживать права Владимира против Мстислава, и точно — доставил ему стольный город Владимир, а племянники должны были поместиться в других, менее важных³⁷⁷. Но Мстислав Изяславич, верный отцовскому примеру, выгнал младшего

дядю из Владимира³⁷⁸ и заставил его бежать в Венгрию. Этим воспользовался в. к. Юрий, чтоб посадить во Владимире племянника своего Владимира Андреевича. Сын Андрея Владимировича, младшего из сыновей Мономаха, Владимир не мог быть сонаследником с своими дядями, ибо отец его умер, не будучи старшим в роде; но Юрий, которого дело поддерживал Андрей, поклялся последнему, вопреки обычаю, ввести его сына Владимира во владение Вольты³⁷⁹. Возобновив ту же клятву и самому Владимиру, Юрий воспользовался теперь усобицею в самой семье Мстиславичей, чтоб исполнить клятву. Но Мстислав подобно отцу не любил уступать того, что добыл головою, и не дал Владимира в. князю с союзниками его: Юрий принужден был оставить в покое Изяславичей и посадил Андреевича в Дорогобуже³⁸⁰.

На востоке между Святославичами происходили подобные же явления: сын Владимира Давидовича начал которую с младшим дядею Изяславом, князем черниговским, захватил у него все города по Десне и перешел к роду Мономаховичей, именно к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому³⁸¹; и в то же время встал на дядей известный уже нам Святослав Всеволодович, который, потеряв Туров по смерти Вячеслава, принужден был еще поступиться несколькими городами, взятыми у него дядею Святославом в наказание за измену роду³⁸².

Чем дело кончилось, неизвестно: летопись говорит только, что дядья помирились с племянниками. Этому миру, вероятно, содействовал Ростислав Смоленский, покровитель обоих племянников — и Владимировича, и Всеволодовича; Ростислав в то время заключал союз с Изяславом Давидовичем и племянником своим Мстиславом Изяславичем против Юрия, которого только внезапная смерть уберегла от окончательного изгнания³⁸³. Ненавидимый князьями, Юрий еще больше был ненавидим гражданами киевскими, в глазах которых он был вырождаком из доблестной семьи Мономаха, потому что подобно Святославичам наводил половцев на Русскую землю; но всего более возбудил он нелюбье киевлян тем, что привел с собою суздальских дружинников, которым роздал должности на Руси и которые спешили обогатиться на счет граждан. Едва узнал народ о кончине нелюбимого

князя, как не мог удержать своей ненависти; дворы его и сына его были разграблены, суздальские тиуны по городам и селам были побиты, имение их расхищено³⁸⁴.

Киевляне опять приняли Изяслава Давидовича, и на этот раз никто из Мономаховичей не вооружился на него. Что же была за причина? Мы видели, что ненависть к Юрию соединила Давидовичей и Мстиславичей — дядю Ростислава и племянника Мстислава: должно быть, в основании этого союза лежало условие, что Изяслав по изгнании Юрия получит старшинство; Ростислав Смоленский, уже однажды обративший тыл пред Изяславом, не хотел в другой раз вступить с ним в борьбу за Киев; Мстислав Владимиро-Волынский не имел никакой возможности принять на себя старшинство в роде Мономаха; задев господствующее тогда понятие о старшинстве дяди, он вооружил бы против себя и Ростислава, и особенно Андрея Юрьевича Владимиро-Клязьменского, который, будучи внуком Мономаха, считал себя старше Мстислава, правнука его; притом в собственной волости на Волини Мстислав был окружен врагами — Владимиром Мстиславичем, Владимиром Андреевичем и Ярославом Галицким; после того можно ли было думать ему о соперничестве с Изяславом Давидовичем? Таким образом, разделение в роде Мономаха дало в другой раз возможность Святославичу достать старшинство.

Изяслав, идя на стол в Киеве, оставил в Чернигове племянника своего Святослава Владимировича, вследствие чего в роде Святославовом младшая линия Давидовичей исключала из старшинства старшую линию Ольговичей. Святослав Ольгович не имел более никакого права на Чернигов, уступив его Давидовичам, сперва старшему Владимиру, а потом даже младшему Изяславу; но что уступил дядя, того не хотел уступить племянник, Святослав Всеволодич. Узнав, что в Чернигове сидит Владимирович, оба Святослава, дядя и племянник, явились под этим городом; против них спешили из Киева Изяслав Давидович и Мстислав Волынский; однако дело не дошло до битвы, князья примирились, и Ольговичи получили снова старшинство в роде Святославовом: Святослав Ольгович сел в Чернигове,

Святослав Всеволодич в Новгороде Северском, а несчастный Владимирович принужден был опять удовольствоваться Вщижем³⁸⁵. Вероятно, это дело было улажено по настоянию Мстислава Изяславича, который, кроме родства своего с Святославом Всеволодичем, находился к Мономахову роду точно в таком же отношении, в каком Всеволодич к роду Святославову, и, след., защищая права последнего, он с тем вместе защищал и свои собственные.

Между тем на сцену действия выступает забытый князь Юрий Ярославич, один из потомков Изяслава, старшего сына Ярослава I. Воспользовавшись бессилием Мономаховичей, он вздумал возобновить свои притязания если не на старшинство между потомками Ярослава I, то по крайней мере на родовые волости — Туров и Пинск, из которых и вытеснил Бориса Юрьевича, сына Долгорукого. В. князь вместе с Ярославом Изяславичем Луцким, Ярополком Андреевичем, вторым сыном Андрея Владимировича Мономаховича, Рюриком Ростиславичем, сыном Смоленского князя, Владимиром Мстиславичем и галицкою помощью двинулся на Юрия, но не для того, чтоб возвратить Туров сыну ненавистного Долгорукого, но чтоб посадить там Владимира Мстиславича: вот почему Мстислав Волынский, находившийся во вражде с младшим дядею, и не мог участвовать в походе, вот почему этот поход и не был удачен, ибо из всех князей, его предпринимавших, не было ни одного, который бы наследовал доблести Мономаховы: Юрий Ярославич заставил отступить союзников и удержался в Турове, а Борис умер в следующем году³⁸⁶.

Приязнь, которую обнаружил в. князь к Владимиру Мстиславичу, не могла нравиться Мстиславу Волынскому, представителю Мономахова рода на юге по своим личным доблестям; таким образом, рушился союз между Мстиславичами и в. князем, которым только последний и был крепок в Киеве. Но скоро он имел благородную неосторожность возбудить против себя могущественного князя галицкого Ярослава, покровительствуя двоюродному брату его несчастному Ивану Ростиславичу Берладнику³⁸⁷, изгнанному еще отцом Ярославовым Владимирком: Изяслав хотел посадить его на галицком престоле. Тогда Ярослав принужден был

переменить всегдашнюю политику своего рода и соединился с Мстиславом Изяславичем Волынским. Вопреки советам родичей своих, князей черниговских, Изяслав начал одну неравную борьбу и лишился Киева, куда Мстислав, боясь задевать господствующее понятие о старшинстве, перезвал вторично из Смоленска дядю Ростислава³⁸⁸. Изяслав Давидович, отказавшись прежде от Черниговской отчины и теперь лишенный Киева, видел себя без волости. «Не умирать же мне с голода или жить между половцами!» — говорил он³⁸⁹, и с толпами этих варваров опустошал Русь, бросаясь то на Чернигов, то на Киев, и нашел смерть свою в битве при Желани³⁹⁰.

Старик Ростислав княжил 7 лет в Киеве. Хотя Мстислав Волынский и уступил ему старшинство, однако раз происшедшее столкновение прав дядей и племянников вело к беспрестанным спорам между ними, и Мстислав не мог ужиться в мире с дядею, тем более что, взяв Киев под Давидовичем и отдав его дяде, он считал себя вправе требовать от последнего больших уступок. Летописец не сообщает нам подробностей о причинах войны, он говорит только, что Мстислав выехал из Киева, разгневавшись на Ростислава, и сильные речи встали между племянником и дядею; последний захватил несколько городов у Мстислава, тот хотел было силой противиться в. князю, но, видя, что родичи не хотят взять его сторону, оставил намерение; наконец, в 1163 году в. князь заключил мир с племянником, отдал ему захваченные города — Торческ, Белгород и Канев: последний вместо Триполя, который с 4-мя другими городами отдан был Владимиру Мстиславичу³⁹¹. На следующий год умер Святослав Ольгович Черниговский, и старший стол занял, по всем правам, племянник его Святослав Всеволодич³⁹².

В 1168 году умер в. к. Ростислав Мстиславич. Сыновья покойного тотчас отправили посольство к старшему двоюродному брату Мстиславу Волынскому звать его на киевский стол; с ними соединился и дядя Волынского князя Владимир Мстиславич, след., здесь в первый раз младший дядя уступает права свои старшему племяннику, но мы увидим, что эта уступка не была искренняя: Владимир знал, что в то

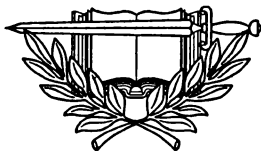
же время киевские граждане отправили от себя посольство к Мстиславу, черные клобуки от себя, и потому не надеялся успеть в борьбе с племянником, который наследовал от отца любовь граждан и варваров союзных. Но, уступая Киеву волыньскому князю, Владимир вместе со внуками Мстислава В[еликого] — Ярославом Изяславичем, Ростиславичами и Владимиром Андреевичем целовали крест между собою: вытребовать у нового в. князя волости, какие сами захотят³⁹³. Тогда сын Изяслава поспешил ниспровергнуть замыслы родичей. Взявши войско у Ярослава Осмомысла Галицкого (который теперь постоянно на стороне Мстиславичей, ибо дурно живет с женою своею, сестрою Боголюбского) и взяв клятву в верности с варваров, он быстро двинулся к Киеву, урядился здесь с братьями (Ярославом Луцким и Влад[имиром] Андреевичем), гражданами и дружиною (т. е. боярами киевскими) и осадил дядю Владимира в Вышгороде: последний, равно как и Ростиславичи должны были уладиться с в. князем о волостях уже не так, как прежде хотели³⁹⁴.

Эта неудача еще более озлобила дядю Владимира: целый год не давал он покоя в. князю; наконец, оставленный варварами и собственною старшею дружиною, которая осердилась на него за то, что он не объявлял ей своих советов³⁹⁵, Владимир удалился на север к князю, равно оскорбленному Мстиславом в правах своих и могущему отомстить за свое оскорбление: то был Андрей Юрьевич Боголюбский. Мстислав Изяславич, приняв на себя старшинство, точно так же нарушил права Андрея, как отец его Изяслав нарушил права отца Андреева Юрия: одинакие отношения должны были произвести одинакие следствия — вражду непримиримую; но теперь все выгоды были на стороне Юрьевича, ибо Мстислав со всех сторон был окружен князьями ему враждебными. Мы видели, как родичи хотели заставить в. князя согласиться на все их требования; неудача, претерпенная вследствие решительности и деятельности Мстиславовой, оскорбила их: они не любили в. князя; летописец не один раз говорит: «Что сердце их не бе право с ними»³⁹⁶. Они наскучивали ему просьбами о волостях и сердились, получая отказ³⁹⁷. Вот почему, когда Андрей вздумал отыскивать свое старшинство и Киев, 11 князей стали под его знамена.

Несправедливо думать, что могущество северного князя заставило всех остальных признать его старшинство и вооружиться на Мстислава: мы увидим после, что южные князья не боялись многочисленных полчищ северных и всегда с успехом выходили из борьбы с ними, след., только одно нелюбье родичей к Мстиславу помогло Боголюбскому восторжествовать над последним.

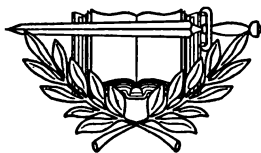
В 1169 году Киев был взят войсками союзных князей и разорен, как еще никогда не бывал прежде; Мстислав должен был сослупиться со старшинства и удалиться в свою Волынскую область³⁹⁸.

Здесь мы оканчиваем первый отдел нашего исследования и второй период княжеской борьбы, которого главный характер есть борьба за старшинство между племянниками и дядьями, причем торжество осталось на стороне последних, ибо победа Андрея над Мстиславом была вместе победою представления о праве всех дядей, даже самых младших, над племянниками от первого брата.

Отдел второй

ОТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО
ДО ИОАННА КАЛИТЫ

Глава I

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АНДРЕЕ БОГОЛЮБСКОМ

Мы потеряли Боголюбского из виду с тех пор, как он ушел впереди отца своего на север после окончательного торжества Изяслава над дядею. Мы заметили в этом князе отчаянную храбрость, но вместе с тем заметили неодолимое влечение на север, чем он разнился от своей семьи. Это влечение объяснить нетрудно: бесспорно и рожденный на севере³⁹⁹, Андрей провел там большую половину жизни и ту половину, впечатления которой закрепляются в человеке и никогда его не покидают; след., Андрей воспитался и окреп в понятиях, господствовавших на северо-востоке в городах новопостроенных.

Уже только в 1149 году⁴⁰⁰, след., 38 лет от рождения, явился Андрей на юге, в Руси, с полками отца своего, который хотел во что бы то ни стало добыть Киева. Не понравился Андрею юг, ибо чужд был для него порядок вещей, здесь господствовавший. В то время как старший брат его Ростислав побуждал отца преследовать Изяслава, Андрей умолял Юрия примириться с племянником и уйти поскорее на родной и любимый север. Желание Андрея исполнилось, как мы видели, но не совершенно: по смерти Изяслава Юрий опять ушел в Киев и, обрадовавшись, что пересилил наконец Мстиславичей, роздал старшим сыновьям волости в Руси: Андрею достался Вышгород⁴⁰¹. Но в том же 1150 году Андрей вопреки воле отцовской оставил Вышгород и ушел в Ростов-

скую землю, во Владимир Клязменский⁴⁰². Эту область Юрий завещал младшим сыновьям своим⁴⁰³.

Новые города, дав клятву основателю своему Юрию принадлежать только младшим его сыновьям, хотели свято исполнить ее: «ялись крепко по правду» (правда — крестное целование). Но среди этих городов возвышался город древний Ростов Великий, к нему примыкал Суздаль; Ростов как старший город вовсе не считал себя собственностью князя, пренебрегал его завещанием и считал себя вправе выбирать из княжеского рода кого хотел. Вот почему, когда Андрей явился на север, то ростовцы и суздальцы с радостью признали его своим князем как старшего в семье Юрия⁴⁰⁴. С негодованием смотрели новые города на такое нарушение воли завещателя, но принуждены были покориться, ибо не привыкли к самоуправству и, как пригороды, слушались веча вого приговора старших городов.

Но старые города скоро увидели свою ошибку: Андрей прибыл на север вовсе не в угоду старым городам: он бежал от старых городов с юга, для того чтоб на севере, среди новых, установить новый порядок вещей. Он утвердил свой стол ни в Ростове, ни даже в Суздале, а в новопостроенном Владимире Клязьменском, для украшения которого не щадил своей казны, имея в виду сделать его стольным городом великокняжеским. Старые города — Ростов и Суздаль сильно негодовали на такое предпочтение⁴⁰⁵, но Андрей продолжал свое дело: он хотел даже учредить во Владимире митрополию, дабы отнять у Киева и Южной Руси и церковное старшинство, но константинопольский патриарх не согласился разделить Русскую церковь⁴⁰⁶.

Зная, что отец Юрий отказал Ростовскую область младшим сыновьям, зная негодование новых городов за нарушение этой воли, а старых за предпочтение, оказываемое пригороду Владимиру, Андрей хотел избавиться от опасных соперников и выгнал младших братьев и племянников, сыновей Ростислава, из Ростовской области; изгнанники удалились в Грецию⁴⁰⁷. Но старый дух, враждебный новому порядку вещей, жил в старых боярах Долгорукого.

Бояре русских князей во все время господства родовых отношений, пользуясь своим положением, нуждою, какую

имел князь в храбрых товарищах, сохраняли прежний характер дружинников, братски живших с вождем своим, привыкли обращаться с князьями, как с товарищами, присутствовать при всех советах князя, видеть, что князь ничего не делает без их ведома и согласия⁴⁰⁸, привыкли, наконец, при первом неудовольствии оставлять князя и отъезжать к другому.

Но Андрей, питомец новых городов, привык к повиновению беспрекословному: он изгнал вместе с братьями и старых бояр отцовских⁴⁰⁹. Такие поступки северного князя возбуждали сильное негодование в старой Руси. «Он все это делает, желая быть самовластцем в Суздальской земле», — говорили современники. Летописец записал: «Правда, Андрей угодил Богу своим благочестием, но побеждался властолюбием непомерным, хотел быть единодержателем всего отеческого наследия».

Когда Киев был взят его войсками, Андрей не поехал туда и отдал старший из городов русских младшему брату своему Глебу Переяславскому. Это должно было раздосадовать Владимира Мстиславича, ибо по представлению о старшинстве всех дядей над племянниками, представлению, которое защищал Андрей, враждуя со Мстиславом, Владимир имел гораздо более права на старшинство, чем Боголюбский, будучи сыном старшего из Мономаховичей. Вот почему, когда Мстислав начал неприязненные действия против Глеба, Владимир стал на сторону племянника против Юрьевичей и торжественно отказался от своего старшинства не только перед Мстиславом, но и перед младшим братом его Ярославом и перед детьми Мстиславовыми, за что Изяславичи позволили ему сесть в Дорогобуже по смерти Владимира Андреевича. Но попытка Мстислава овладеть снова Киевом была неудачна⁴¹⁰, и он умер в 1172 году, сделавши ряд с младшим братом Ярославом, чтобы тот не отнимал у сыновей его владимирских волостей. Ряд любопытный!

Ярослав Изяславич, второй брат Мстислава, обязывается не искать старшего стола на Волини, Владимира, под племянниками и довольствоваться Луцком⁴¹¹. При этом не должно забывать, что Ярослав был старшим дядею! Но тотчас же и явилось доказательство, как еще колебались оба пред-

ставления о старшинстве: в 1173 году умер князь киевский Глеб Юрьевич, и Ростиславичи призывают на киевский стол Владимира Мстиславича. Этот князь, забыв крестное целование к Изяславичам Волынским — Ярославу с племянниками, тайком приехал в Киев⁴¹². Но Боголюбский не хотел видеть Владимира в Киеве — во-первых, потому что он сел, не спросив его, на что давало ему право старшинство пред самим Андреем; во-вторых, потому что Владимир отступил от Андрея на сторону племянника и вместе с последним воевал против Глеба Юрьевича. Северный князь прямо послал сказать Владимиру, чтоб шел из Киева, и только скорая смерть уберегла Мстиславича от изгнания⁴¹³. Тогда Боголюбский послал сказать Ростиславичам: «Вы нарекли меня отцом, и потому хочу вам добра и даю брату вашему Роману Киев»⁴¹⁴. Новый тон в обхождении с родичами, обличающий северного единоподдержателя!

Но Ростиславичи не умели понять этого нового тона, и потому дружественные отношения их к Андрею скоро исчезают, и начинается отчаянная борьба между ними, перешедшая в потомство. В этой борьбе Ростиславичей с Юрьевичами высказалась вполне противоположность характеров северных и южных князей, противоположность их стремлений.

До сих пор мы были свидетелями борьбы или вследствие исключения младших князей из владения родовой собственностью, или за старшинство; так, борьба, продолжавшаяся от смерти Ярослава I до Мономаха или сына его Мстиславича включительно, происходила вследствие стремления изгнанных князей получить волости на Руси.

По смерти Мстислава Великого начинается снова борьба, но уже с другим характером: здесь враждуют уже не исключенные князья, но враждуют племянники с дядьми за старшинство; к этой борьбе между Мономаховичами присоединяется еще борьба Святославичей с Мономаховичами, также за старшинство. Борьба оканчивается собственно взятием Киева войсками Боголюбского: с этих пор потомство старшего сына Мстиславова Изяслава сходит со сцены в борьбе за старшинство, в которой до сего времени играло главную роль, и удаляется на запад, где начи-

нает играть другую роль, не менее блестящую, именно в Галиции, или Червонной Руси. Ему на смену в борьбе с князьями северными, или Юрьевичами, выступает потомство второго сына Мстиславова Ростислава Смоленского; но эта третья великая борьба наших князей носит опять ное зй характер, а именно: здесь борются не за волости отцовские и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовой быт, который хотят упразднить Юрьевичи. В этой великой и многозначительной борьбе обе враждебные линии княжеские, или, лучше сказать, обе Руси, выставляют каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляют двоих Мстиславов — отца и сына, прямых правнуков Мономаха, представлявших образец князей старого времени, героев в битвах, щедрых к дружине и народолюбивых; новая, Северная, Русь имеет представителями двоих братьев Юрьевичей, Андрея Боголюбского и Всеволода III. Оба князя стремятся к уничтожению прежних родовых отношений. Приступаем к описанию этой борьбы.

Мы видели, что Андрей отдал Киев одному из Ростиславичей, Роману. Но скоро ему наговорили, что брат его Глеб погиб насильственной смертью, и указали убийц: Андрею трудно было не поверить извету, ибо он знал, как не терпели Юрьевичей на юге, и потому потребовал у Ростиславичей выдачи обвиненных; те не послушались⁴¹⁵. «Не ходишь в моей воле, — велел сказать северный самовластец Роману, — так ступай вон из Киева, а Давид из Вышегорода, а Мстислав из Белгорода, ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите». Кроткий Роман испугался и оставил Киев, куда на его место Андрей назначил брата своего Михаила.

Но другие Ростиславичи — Рюрик, Давид и особенно Мстислав послали к Андрею с такими словами, которые звучали стариною: «Брат, мы называли тебя отцом, целовали к тебе крест и стоим в крестном целовании, желая тебе добра; но вот ты вывел брата нашего Романа из Киева, а нам кажешь путь из Русской земли, безо всякой вины с нашей стороны; но Бог и сила крестная равно помогают правым, как сильным, так и слабым». Андрей не отвечал ни слова. Тогда Рос-

тиславичи выгнали Юрьевичей из Киева и посадили там брата своего Рюрика; мало того, заставили Михаила Юрьевича отступить от брата и присоединиться к ним⁴¹⁶. Святослав Всеволодич Черниговский обрадовался возобновлению вражды между Мономаховичами и послал к Андрею с предложением своего союза⁴¹⁷. Последний послал снова сказать Ростиславичам: «Не ходите в моей воле, так ступайте же — ты, Рюрик, в Смоленск к брату, а ты, Давид, ступай в Берлад, а в Русской земле не велю тебе быть, а ты, Мстислав, всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле».

Мстислав, говорит летопись, с малолетства привык никого не бояться, кроме одного Бога⁴¹⁸: он велел остричь голову и бороду посланнику Андрееву, потом отпустил его с следующими словами: «До сих пор мы имели тебя вместо отца по любви; но если ты присылаешь к нам с такими речами, считая нас не князьями, но подручниками своими и простыми людьми, то делай, что умыслил, а Бог за всеми».

Поблелдел Андрей, услышав такие речи⁴¹⁹, и собрал огромную рать: под его стягом стали ростовцы, суздальцы, владимирцы⁴²⁰, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы, числом 50 000. Сам Андрей был уже стар и не ходил с полками; теперь он послал вождями сына своего Юрия и воеводу Бориса Жидиславича с таким повелением: «Рюрика и Давида выгоните, а Мстиславу не делайте никакого зла, но приведите его ко мне живого». — «Умен был князь Андрей во всех делах, — говорит летописец, — и доблестен, но погубил свой смысл необузданностью, распалился гневом и потому произнес такие дерзкие слова»⁴²¹. На дороге к войску Андрееву присоединились полки смоленские неволею, полоцкие, туровские, пинские, городненские, киевские, переяславские, черниговские и разные степные народцы; никто не смел ослушаться Боголюбского; всех князей было больше 20⁴²².

Это громадное войско осадило Мстислава в Вышгороде; но оробело при первом его натиске; 9 недель стояло оно около маленького городка безо всякого успеха: Мстислав отражал все приступы; наконец, сведав, что на помощь Мстиславу идет двоюродный брат его Ярослав с полками волынскими, союзные князья обратились в постыдное бегство. Так не

удалась попытка Андрея наказать примерно дерзкого южного князя: его войско пришло с высокомерием, говорит летописец, но отошло со смирением в дома свои⁴²³.

Ярослав Луцкий, узнав о рати между Андреем и Ростиславичами, пошел было с своими полками прежде к войску Андрееву, но здесь раскаторовался о старшинстве со старшим из Ольговичей, Святославом Черниговским, и перешел на сторону Ростиславичей, которые обещали ему в случае победы уступить Киев⁴²⁴. Таким образом, Ярослав, который прежде уступил старшинство племяннику Роману, отдав ему Владимир Волынский, теперь ищет старшинства во всей Русской земле. При этом замечательно бездействие Романа Мстиславича, который спокойно сидел во Владимире⁴²⁵, не приступая ни к той, ни к другой стороне, ибо к обеим питал нелюбье: Андрей был заклятый враг его рода, Ростиславичи вместе с этим Андреем лишили старшинства отца его.

Ростиславичи сдержали слово и положили старшинство на Ярославе, отдав ему Киев; но это не могло не оскорбить старейшего между русскими князьями, Святослава Всеволодича Черниговского, который еще помнил начало усобицы за старшинство и не спускал глаз с Киева: отсюда опять начинается борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Мы видели, как по смерти Мстислава I Всеволод Ольгович воспользовался усобицею в семье Мономаха и достиг старшинства; теперь сын его Святослав Всеволодич хочет воспользоваться также враждою в роде Мономаховом между Мстиславичами и Юрьевичами и добыть себе Киев.

Здесь в первый раз Мономаховичи ясно говорят Ольговичам, что западная сторона Днепра принадлежать им не может; Ярослав велел сказать Святославу: «Зачем ты вступаешься в нашу отчину, тебе эта сторона не надобна». Святослав отвечал ему: «Я не угрин и не лях, мы все одного деда внуки, и сколькими степенями ты отстоишь от него, столькими и я»⁴²⁶. Слова многозначительные! В то время, когда Мстиславичи боролись с новыми понятиями, явившимися на севере, когда так геройски отстаивали родовые отношения между старшим князем и младшими, — в то самое время, с другой стороны, они должны были вести борьбу с князем, для которого уже Мстиславичи являются нововводителями,

нарушителями старого порядка вещей, с князем, который стоит не только за родовые отношения между в. князем и младшими князьями, но напоминает об единстве всего потомства Ярославова, ратует за общность владения всею Русскою землею, тогда как Мстиславичи хотят удержать Киев навсегда за собою.

Таким образом, в одно и то же время в разных концах Руси идет борьба за три разные порядка вещей, которых представителями являются три линии Ярославова потомства: Ольговичи бьются за нераздельность целого рода Ярославова: мы все внуки одного деда, говорят они. Мстиславичи хотят исключить Ольговичей из старшинства и владения Киевом, но хотят поддержать родственные отношения между старшими и младшими в Мономаховичах: не хотим слушаться тебя, говорят они Андрею, потому что ты обходишься с нами не как с князьями, но как с подручниками. Наконец, Юрьевичи стараются заменить родственные отношения государственными, смотреть на младших князей не как на младших братьев, но как на подчиненных правителей: вы не слушаетесь меня, так ступайте вон из Русской земли, говорит Андрей Ростиславичам. Победа, как мы видели, осталась на стороне последних, но они, воспротивившись насильственным поступкам Андрея, остались, однако, верны своим понятиям и продолжали смотреть на Боголюбского как на старшего в роде Мономаха. Так, когда Ярослав не умел удержаться в Киеве против черниговского князя и потом возбуждал негодование в гражданах своим недостойным поступком⁴²⁷, то Ростиславичи послали к Андрею просить Киева опять брату своему Роману. В. князь хотел сперва знать положение дел на юге и потому отвечал им: «Подождите немного, пока придут ко мне вести от братьев из Руси»⁴²⁸. Но он не дождался этих вестей.

Мы видели, что Андрей, гоня все, что питало старый дух, выгнал с севера старых бояр отца своего и окружил себя новыми. Мы знаем также, что русские князья принимали к себе в службу пришлецов изо всех стран и народов; Андрей подражал в этом отношении всем князьям: он охотно принимал пришлецов из земель христианских и нехристианских, латинов и православных, любил показывать им свою

великолепную церковь Богоматери во Владимире, чрезвычайно любил, когда кто-нибудь из них крестился: так, он крестил много болгар, жидов и язычников⁴²⁹.

В числе последних находился один яс именем Анбал: этот Анбал пришел к Андрею в самом жалком виде, князь принял его в свою службу и дал место ключника⁴³⁰; в числе приближенных к Андрею находился также другой человек именем Ефрем Моизич, которого отечество Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение⁴³¹. Эти-то восточные рабы, разумеется не имевшие характера доблестных дружинников, умевших великодушно умирать за вождей своих, а не умерщвлять их, совершили до сих пор неслыханное на Руси злодейство, убили своего князя и благодетеля.

До сих пор, если некоторые князья погибали насильственной смертью, то вследствие междоусобий, — Андрей же погиб от своих приближенных.

К двоим вышеупомянутым людям присоединился еще боярин Яким Кучкович, ближний родственник в. князя. Мы видели, каким повелительным тоном говорил Андрей даже и с князьями: разумеется, он был повелителем и строг с окружавшими его. Один из Кучковичей, брат Якима, был казнен смертью по повелению в. князя. До сих пор при постоянной борьбе князей приближенным их была возможность при первом неудовольствии переходить от одного князя к другому; но теперь кто из князей смел принять боярина, навлекшего гнев могущественного князя северного? Вот почему Кучкович решился злодейством освободиться от строгого господина; он говорил сообщникам: «Нынче казнил он брата, а завтра казнит и нас»⁴³².

Андрей был умерщвлен самым варварским образом: рабы сперва украли у него меч, а потом зарезали безоружного; по совершении убийства кинулись грабить княжескую казну, захватили и оружие, желая быть готовыми на случай прихода владимирцев, к которым послали сказать: «За что вы на нас поднимаетесь, мы хотим с вами урядиться мирно; ведь и среди вас есть наши соумышленники». Владимирцы благородно отвечали: «Кто был с вами в думе, тот пусть и идет к вам, а нам не надобен», и послали в Боголюбов за телом

Андрея, которое встретили со слезами и с честью погребли в основанной покойным князем церкви Богоматери⁴³³. Так погиб Андрей Боголюбский, но дух его перешел к остальным Юрьевичам, преимущественно ко Всеволоду, в княжение которого еще резче обозначилось различие между северными и южными князьями.

Глава II

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ВСЕВОЛОДЕ III И ПО СМЕРТИ ЕГО ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА СТАРШИЙ СТОЛ СЫНА ЕГО ЯРОСЛАВА

Я не буду говорить здесь о событиях, последовавших за смертью Андрея, ибо не хочу повторять того, что сказано было в предыдущем моем исследовании⁴³⁴. Здесь замечу только одно, что торжество младших Юрьевичей, Михаила и Всеволода, над племянниками Ростиславичами было торжеством старого представления о старшинстве всех дядей над сыновьями от старшего брата.

Всеволод III провел молодость свою изгнанником в Греции и потом жил в Южной Руси. Здесь не могло его не порадовать господство противогосударственных отношений и отсутствие наряда, оттого проистекавшее, и когда он возвратился на север, то ему легко было уразуметь различие между Северной и Южной Русью и воспользоваться им для усиления новых отношений.

Между тем дела на юге шли обычным порядком, т. е. здесь ссорились Мономаховичи с Ольговичами или, помирясь на короткое время, ходили вместе на половцев: явления, не представляющие нам ничего нового в развитии княжеских отношений, и потому мы коснемся их слегка, обратив все внимание наше на отношения южных князей к северному в. князю.

Мы оставили в Киеве Ярослава Изяславича: видя, с одной стороны, опасность от Святослава Черниговского, а с другой — нерасположение Ростиславичей, Ярослав отказался от Киева и уехал в свой Луцк; племянник его Роман Вла-

димиро-Волынский не объявлял своих притязаний на Киев, и, таким образом, Ростиславичи, свободные и от Юрьевичей вследствие северных усобиц, могли распоряжаться в Руси, т. е. воевать или рядиться с Ольговичами. Они опять посадили в Киеве старшего своего брата Романа⁴³⁵.

После междоусобий, вовсе не важных в своих подробностях, Святославу Всеволодичу удалось наконец утвердиться в Киеве: Ростиславичи признали его старшинство и поместились в ближних к Киеву городах русских, выжидая смерти Святослава, чтоб опять предъявить свои права на старший из русских городов⁴³⁶. Двое из них в это время сошли с поприща: знаменитый Мстислав умер, как жил, — героем и защитником старых городов, старого порядка вещей. Скоро после Мстислава умер и брат его Роман Смоленский, памятный в народе необыкновенною кротостию⁴³⁷.

Мы должны также заметить на юге участь Переяславля Русского: мы видели, как доискивался его Юрий Ростовский; теперь, когда сыновья его покинули юг и утвердили старший стол на севере, Переяславль Русский остается, однако, постоянно во владении одного из Юрьевичей. Так, Глеб Юрьевич, заняв по приказу брата Андрея Киев, отдал Переяславль сыну своему Владимиру, который остался там и по смерти отца; он княжил спокойно в стольном городе Мономаха среди усобиц Ростиславичей и Ольговичей: никто не смел тронуть его, ибо скоро Всеволод III показал, что намерен быть подобно брату старейшим, т. е. по новым северным понятиям сильнейшим, князем, и южные князья должны были признать его старшинство, или, лучше сказать, его силу.

Мы уже упомянули раз, что Всеволод по возвращении из Греции жил в Южной Руси, именно в Чернигове, у Святослава Всеволодича. Вот почему последний, надеясь на его благодарность, думал, что с севера ему опасаться нечего, когда там княжит прежний гость его. Но Всеволод, в своем стремлении к цели, указанной Боголюбским, умел забыть личные отношения, и, когда черниговский князь послал своего сына Глеба на помощь к некоторым из рязанских князей, бывших во вражде со Всеволодом, последний схватил молодого князя и в оковах отослал во Владимир⁴³⁸. Раздраженный Святослав немедленно собрал полки и вошел в Суздальскую землю.

Тогда обнаружилась перемена, происшедшая в характере князя на севере. До сих пор князь был по преимуществу предводитель дружины, храбрый из храбрых. При встрече с неприятелем его место было впереди всех, след., до сих пор необыкновенная личная храбрость, отважность простого воина необходимо требовалась от князя: таковы были все герои-князья старой, Южной, Руси. Но Всеволод III отличался уже другим характером: встретившись с черниговским князем недалеко от Переяславля Залесского, на берегах реки Влены, он выбрал выгодное положение, укрепился станом и не хотел вступать в решительную битву с южными полками, отличавшимися своею стремительностью в нападениях.

Святослав послал сказать ему: «Брат и сын! Я сделал тебе много добра и не думал получить от тебя такой благодарности; но если уже ты умыслил на меня зло, взял моего сына, то тебе недалеко искать меня: отступи немного от этой речки, дай мне путь, я перееду к тебе поближе, и Бог нас рассудит; если же не хочешь мне дать пути, то я тебе дам, переезжай на эту сторону, и здесь Бог нас рассудит»⁴³⁹. Такие слова, отзывавшиеся южнорусскими понятиями о битве, как о суде Божиим, не понравились северному князю: он велел взять послов Святославовых и отправил их во Владимир, а князю их не дал ответа; тогда последний, постояв еще несколько дней и боясь оттепели, принужден был покинуть стан на жертву суздальцам и удалиться.

Таким образом, Всеволод первый перестал полагаться на битвы, как на суд Божий, первый начал предпочитать осторожность в битвах решительности, и он достиг своей цели, ибо тот же самый Святослав Черниговский, который прежде, надеясь на свою старость и добро, оказанное им Всеволоду, вздумал было называть северного князя сыном, тот же самый Святослав в 1194 году, когда хотел идти войною на рязанских князей, должен был сперва послать ко Всеволоду попросить позволения воевать с Рязанью, и в. князь владимирский отказал в просьбе⁴⁴⁰.

В это время область Рязанская была разделена между многими князьями, потомками Ярослава Святославича; как везде, так и здесь родовые отношения завязали споры; как везде, так и здесь в описываемое нами время шла борьба

между дядьми и племянниками, с тем только различием, что в княжестве Рязанском эта борьба не могла принять характера войны междоусобной, потому что по слабости своей Ярославичи всегда были ротниками какого-нибудь сильнейшего князя; теперь они признавали старшинство Всеволода, который не любил позволять младшим своим самоуправства; след., князьям рязанским в их борьбе оставалось одно средство вредить друг другу, именно возбуждать друг на друга нелюбье в князя.

В 1207 году, когда Всеволод предпринял поход против Ольговичей Черниговских и послал приказ рязанским князьям явиться в его стан, двое из них, Глеб и Олег Владимировичи, и двоюродный дядя их Давид Юрьевич Муромский донесли на остальных своих родичей, что они передавались Черниговским⁴⁴¹. Всеволод, поверив доносу, велел схватить обвиненных вместе с их думцами и отвести во Владимир, а Рязань отдал сыну своему Ярославу; но, узнав, что рязанцы неохотно повинуются чужому князю, явил пример неслышанной до тех пор строгости: он велел жителям Рязани выйти из города, который был превращен в пепел. Ту же участь имел и Белгород Рязанский. Не пощадив князей и народа, северный князь не пощадил и духовенства: епископ Арсений был приведен пленником во Владимир⁴⁴².

Еще замечательнее были отношения Всеволода к южным Мономаховичам. В это время Южная Русь наслаждалась спокойствием, потому что могущество северного князя сдерживало в ней все междоусобия, Ольговичи не смели трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который как Мономахович вступился бы за своих. С другой стороны, Мономаховичи южные не смели трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотел усиливать своих родичей на счет Ольговичей, потому что такое усиление было для него столь же опасно, как и могущество Ольговичей; напротив, как видно, Всеволод III хотел держать оба враждующие рода в равновесии, держать в страхе один посредством другого, что необходимо давало ему самому важное пред ними преимущество. Такое поведение Всеволода, сдерживая усобицы на Руси, давало ей возможность обратить все свои силы на по-

ловцев: вот почему это время ознаменовано самыми блестящими успехами русского оружия в степях подонских.

Но скоро сцена военных действий переносится с востока на запад, поводом к чему послужило прекращение Ростиславова рода, княжившего в Галиче. Я не могу останавливаться долго на галицких происшествиях; всего важнее для нас будет указать на причины различия, скоро обнаружившегося между Галицким княжеством и остальными областями русскими.

На Руси дружинники, благодаря непрерывному переходу князей из одной области в другую, не могли нигде основаться в качестве постоянных землевладельцев, нигде не могли приобрести аристократического характера с особым сословным интересом, и потому в отношениях между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не как лица независимые, действующие в смысле своего сословного интереса, но всегда только как побочные деятели при князе; так, напр., бояре являются постоянными советниками, неразлучными сопутниками князя, но здесь они действуют постоянно в интересах князя и никогда в интересе сословном; если боярин, перейдя от одного князя к другому, поссорит их, то чрез это он имеет влияние на события, однако и здесь опять этот боярин действует в личном интересе, а не в сословном.

Не так было в Галиче: эта страна, ставшая владением Ростиславичей, князей, исключенных из старшинства в роде Ярослава I, равно как из владения остальною родою собственностию, по этому самому не переменяла князей своих, с другой стороны — не дробилась на мельчайшие волости в роде Ростиславичей, ибо Владимиру удалось избавиться от всех родичей и стать единовластителем в Галиче, которое единовластие продолжалось и при единственном сыне его Ярославе. Таким образом, когда остальная Русь представляла зрелище непрерывного движения и перехода, в княжестве Галицком не было никакого движения, никакого перемещения князей, вследствие чего и боярам княжеским была возможность установиться в стране, получив значение постоянных землевладельцев, приобрести великое влияние на дела страны. Вот почему галицкие бояре имеют другой характер, чем

бояре в остальной Руси. Касательно различия между обоими можно выразиться так: бояре в остальной Руси были бояре князей, бояре галицкие были бояре княжества.

Таким образом, на двух концах — северо-западном и юго-западном, в Новгороде и Галиче, — обнаруживаются в формах быта отмены против быта в остальной Руси, а именно: в Новгороде вследствие непрерывной смены князей усиливается народовластие, тогда как в Галиче вследствие оседлости, неподвижности князей усиливается боярство, причем, разумеется, соседство Венгрии и Польши не могло остаться без влияния.

Бояре галицкие показали свою силу еще над самим Ярославом Осмомыслом, которого могущество так славилось на Руси. Этот князь дурно жил с женою своею, дочерью Юрия Долгорукого, следуя внушениям любовницы своей, которой одно имя (Настасья) осталось в летописи. Несчастливая княгиня не могла долго терпеть поведения мужа и, сопровождаемая многими боярами, недовольными господством княжеской любовницы, удалилась из Галича вместе с сыном Владимиром. Но около князя оставались еще другие бояре, враги Настасьи: они схватили князя вместе с любовницею, перебили ее доброжелателей и княжеских любимцев, после чего возвратили бежавшую княгиню с сыном, а ненавистную Настасью сожгли живую; сын ее Олег был отослан в заточение, а князь Ярослав принужден дать клятву, что будет хорошо жить с женою⁴⁴³. Но эта клятва была вынужденная: по смерти своей Ярослав отдал галицкий стол не Владимиру, законному своему сыну, которого не любил за дурной нрав и непослушание, но Олегу, рожденному от Настасьи, причем взял клятву с Владимира не искать стола под братом, а с бояр — повиноваться Олегу.

Но мы уже имели случай заметить, что в старой, Южной, Руси на предсмертные распоряжения князей мало обращали внимания. Так и в Галиче тотчас по смерти Ярослава встал страшный мятеж: бояре, которых ненависть к матери перешла и на сына, преступили клятву, выгнали Олега и провозгласили князем Владимира⁴⁴⁴. Но они скоро увидели, что ошиблись в своем выборе: Владимир, не подражая отцу своему в хорошем, подражал ему только в дурном. «Он любил

только пить, — говорит летописец, — а не любил думать думу с мужами своими, отнял жену у попа и обвенчался на ней; мало того, если понравилась ему чья-либо жена или дочь, брал себе насильем»⁴⁴⁵.

В это время ближайшим соседом Галичу на столе волынском сидел Роман Мстиславич, внук знаменитого Изяслава. Мы имели уже случай заметить совершенное бездействие его при всех событиях, имевших место на Руси по смерти отца его Мстислава. Причины такого бездействия не лежали в характере Романа: напротив, это был один из самых энергических князей наших, который умел не дрогнуть ни перед какою, даже самую насильственную, кровавою мерою, если она была необходима для достижения его цели. Страшные поражения, которые он нанес половцам, прославили имя его на Руси, и варвары страшали им детей своих⁴⁴⁶. Не менее страшен был Роман и для других варваров, соседей своих литовцев: подражая всем князьям русским, предшественникам своим, в старании распространять пределы гражданственности на счет варваров, пролагать пути в стране, прежде непроходимой, строить города на месте дремучих лесов и обращать пустыни в хлебородные поля, Роман, говорит предание, запрягал пленных литовцев в плуги и заставлял их таким образом вырывать дикие корни и готовить землю для пашни.

Что же заставляло такого князя, каков был Роман, спокойно смотреть на дела между князьями русскими? Старший из правнуков Мстислава Великого, он мог бы, по новому представлению о старшинстве, предъявить свои права пред детьми второго Мстиславича, и особенно уже пред младшим сыном четвертого из Мономаховичей. Но это новое представление о старшинстве старших племянников было низложено вследствие торжества Боголюбского и могущественного брата его: самый младший дядя, Всеволод Юрьевич, был признан не только старшим, но и сильнейшим из князей: сила севера видимо тяготела над разъединенным югом; Роман понял это и начал стремиться к тому, чтобы усилиться в свою очередь.

Желая поддержать себя на столе отеческом среди сильнейших его князей, Роман вступил с ними в брачные союзы: женился на дочери Рюрика Ростиславича, а свою дочь вы-

дал замуж за одного из сыновей Владимира Галицкого⁴⁴⁷. Несмотря на такое близкое родство с галицким князем, дурное поведение последнего и неудовольствие могущественных бояр внушили Роману мысль овладеть богатым наследием Ростиславичей: он начал сноситься с боярами, подучая их на Владимира и предлагая себя на его место. Бояре приняли совет Романов, утвердились крестом между собою и послали сказать Владимиру: «Князь! Мы не на тебя восстали, но не хотим кланяться попадье, а хотим ее убить». Так говорили они, ведая, что Владимир сильно любит жену свою и ни за что ее от себя не отпустит, и потому грозилась убить ее, чтоб поскорей прогнать князя. И точно так случилось, как они думали: Владимир испугался, взял семейство и уехал в Венгрию; Роман приехал на его место княжить в Галиче⁴⁴⁸.

Но если князь волынский хотел воспользоваться волнениями в Галиче, чтоб утвердиться там, то и другой сосед, Бела, король венгерский, также хотел воспользоваться этими волнениями и приобрести Галич для себя. Он немедленно вступился за изгнанного Владимира, пошел с войском на Галич, выгнал Романа, однако не восстановил Владимира, а распорядился сам в Галиче и посадил там князем сына своего Андрея⁴⁴⁹. Несчастный Владимир был посажен в башню. Через несколько времени ему удалось убежать из заключения и пробраться к императору немецкому Фридриху Барбароссе. Фридрих, узнав, что Владимир был родной племянник в князю Всеволоду, принял его с великою честью и обещался помочь ему с условием, однако, ежегодной дани в 2000 серебра. Собираясь в крестовый поход, император послал Владимира к старшему из польских князей, Казимиру Справедливому, с повелением восстановить его на отеческом престоле. Казимиру легко было исполнить желание императора, ибо галичане, терпя жестокие насилия от венгров, горько раскаивались в том, что выгнали родного князя. Вот почему они с радостью приняли возвратившегося Владимира и выгнали королевича.

Но Владимир боялся вторичного изгнания от соседей, которым всем нравилась богатая волость его, и потому обратился с просьбою о помощи к старейшему и сильнейшему из князей русских, дяде своему по матери Всеволоду III.

«Отец и господин! — писал он к нему. — Удержи подо мною Галич, а я Божий и твой со всем Галичем, и в твоей воле всегда!» Тогда Всеволод послал ко всем князьям, и русским и польским, и взял с них клятву не искать Галича, пока там княжит племянник его. После этого Владимир утвердился в Галиче, и никто не смел против него вооружиться: так все боялись Всеволода Суздальского⁴⁵⁰!

В 1194 году умер Святослав Всеволодич Киевский, самый старший из князей русских; Русь снова перешла к Ростиславичам; самый старший из них, Рюрик, сел в Киеве, назывался великим князем в Руси, но по воле другого великого князя: Всеволод III прислал в Киев бояр своих, которые и возвели Рюрика на стол⁴⁵¹.

Последний повестил братьям, что они теперь старшие в Русской земле, и начал делать ряды с ними касательно областей⁴⁵², как вдруг пришло к нему грозное слово с севера от Всеволода Владимирского. Брат Боголюбского велел сказать Ростиславичам: «Вы назвали меня старшим в племени Владимира; а теперь ты, Рюрик, сел в Киеве, а мне не дал части в Русской земле, роздал волости другим, младшим братьям своим; если мне нет части в Русской земле, то блюди и стереги ее с теми, кому роздал волости; увидим, как-то ты удержишь ее с ними, а мне не надобно!»⁴⁵³

Не ничтожных городков добивался могущественный князь севера, у него были другие замыслы: он требовал у киевского князя именно только тех 5 городов, которые Рюрик отдал зятю своему Роману Волынскому; тщетно Рюрик предлагал ему другие, Всеволод не хотел ничего слушать⁴⁵⁴. Цель его при этом ясна: для него были опасны Ростиславичи на юге, сильные своим братским единодушием и личными доблестями, и потому он хотел поссорить их с храбрым и деятельным Романом, питавшим родовую ненависть к Юрьевичам.

Рюрик по совету митрополита взял города у Романа и отдал их непреклонному Всеволоду. «Что делать, — говорил киевский князь, — нам без Всеволода нельзя быть!»⁴⁵⁵ Но Всеволод, получив города, отдал один из них сыну Рюрикову, своему зятю, а в другие послал посадников. Этим распоряжением владимирский князь совершенно достигал своей цели, ибо Роман тогда легко мог подумать, что Рюрик нароч-

но отнял у него города, дабы чрез Всеволоды руки передать их своему сыну. Так и случилось: тщетно Рюрик уверял зятя в невинности своих намерений; Роман не хотел ничего слышать, кипел гневом на тестя и начал ссылаться с Ольговичами, подущая их на Ростиславичей.

Отсюда начинаются опять междоусобия на юге, в семье Мономаха, теперь уже между самими Мстиславичами, т. е. между внуком Изяслава Романом и Ростиславичами; в этой борьбе опять, как прежде, берут участие Ольговичи с прежнею целию достигнуть киевского стола, вытеснить Мономаховичей с западной стороны Днепра.

Ясно, что в этой борьбе Всеволод III как старший в роде Мономаха не мог остаться спокойным зрителем. Как же он действовал? На словах он был постоянно за Ростиславичей, посылал вместе с ними к Черниговским с требованием, чтоб они отреклись навсегда от Киева⁴⁵⁶; но как скоро начиналась война, Всеволод медлил помощью и если выступал с войском, то тотчас же принимал мирные предложения Ольговичей⁴⁵⁷, вовсе не желая их конечным падением усилить опасных Ростиславичей. Последние горько жаловались на такое небратское поведение Всеволода. «Сват! — писал к нему Рюрик. — Ты мне крест целовал на том, что кто мне враг, тот и тебе враг; а в Русской земле части просил у меня, и я тебе дал волость лучшую не от обилья, но отняв у братьи своей и у зятя своего Романа ради тебя; а теперь Роман мне враг, а ни за кого другого, как все за тебя же; потом ты обещал сесть на коня и помочь мне, но перевел все лето и зиму, а теперь и сел на коня, но как помог? А мне от Ольговичей какая обида была? Про тебя же я с ними во вражде, и воевал с ними, и волость свою пожег»⁴⁵⁸.

Недовольный Рюрик отнял у Всеволода города, которые прежде дал ему; но северному князю нужны были не города на Руси, ему нужна была вражда и бессилие князей ее.

Между тем как Ростиславичи не могли ожидать себе ревностной помощи от северного князя, своего старшего, гроза скоплялась над ними с запада: Владимир Галицкий умер без потомства⁴⁵⁹. Тогда Роман Волынский с помощью приятелей своих князей польских утвердился вторично в Галиче.

Усилившись таким образом, Роман не думал оставить в покое врага своего, киевского князя. В этой усобице Киев

несколько раз переходил из рук в руки и был страшно опустошаем своими и половцами. Наконец Роману удалось захватить в свои руки все семейство Рюрика: самого в. князя он постриг в монахи, равно как дочь его, свою жену, которую ненавидел; однако принужден был отдать Киев сыну Рюрика Ростиславу, потому что тот был зятем Всеволода III.

В 1205 году Роман нашел себе смерть в битве с поляками. Мы видели, каков был характер этого князя. Вступив в управление Галичем, он увидел здесь необыкновенное для русского князя явление, а именно страшную силу и своеволие бояр, и, сообразно своему характеру, предпринял против них самые крутые, кровавые меры. «Не раздавивши пчел, меду не есть», — говаривал Роман.

Смерть сильного и строгого Романа была знаком к страшным волнениям в Галиче: бояре опять подняли головы и начали продавать отечество то тому, то другому из соседних владельцев, которые наперерыв старались приобрести себе богатое княжество мимо законных наследников — двоих малолетних сыновей Романа, Даниила и Василька.

Борьба за Галич усилила распри в Южной Руси, потому что Ростиславичи и Ольговичи равно хотели достать себе это княжество⁴⁶⁰. Старший между Ольговичами был тогда сын покойного Святослава Всеволод Чермный: он беспрестанно воевал с Ростиславичами и несколько раз захватывал Киев; между тем и Галич достался на время Ольговичам, именно сыновьям Игоря Северского, знаменитого своим походом на половцев. Игоревичи подобно Роману видели единственное средство успокоить страну в обуздании бояр, чего не умели достигнуть иначе, как только насильственной смертью последних. Тогда некоторые бояре, видя беспрестанное убийство своих собратий князьями, удалились в Венгрию и выпросили у короля помощь молодому Даниилу Романовичу. Игоревичи не могли сопротивляться венграм, были взяты в плен и повешены озлобленными боярами; это явление, чуждое остальной Руси, возмутило ее.

В то время как Юго-Западная Русь была зрелищем таких волнений и злодейств, Русь Северо-Восточная лишилась Всеволода III. Княжив 37 лет с постоянною удачею, Всеволод при конце жизни подобно брату Андрею должен был

испытать, как еще силен был старый порядок вещей, против которого они боролись. Как замыслы Андрея рассеялись пред доблестями Мстислава Храброго, так замыслы Всеволода разрушены были сыном этого Мстислава — Мстиславом Торопецким, или Удалым.

Всеволод привел в свою волю В. Новгород; граждане последнего, желая избавиться себя от самовластия владимирского князя, призвали на помощь Мстислава. Всеволод, осторожный даже и в молодости, не хотел искушать судьбы в битве с храбрейшим из князей русских и уступил Мстиславу Новгород, довольствуясь тем, что торопецкий князь признал себя сыном его. Таким образом, при конце жизни своей, Всеволод должен был уступить старому порядку вещей, войти к новгородскому князю в родственные отношения, поддержания которых требовали князья старой Руси и уничтожения которых домогались князья новой.

Кроме этого на смертном ложе Всеволод должен был испытать новую неприятность, и опять от старого порядка вещей, который нашел себе поборника в самой семье в. князя: именно, старший сын его Константин, напившись старыми понятиями сперва в Новгороде, а потом в Ростове, хотел непременно возвратить последнему городу старшинство пред Владимиром. Всеволод разгневался на ослушного сына и, созвав собор, объявил в. князем и старшим в роде второго сына, Юрия, дал ему Владимир со всеми боярами и со всеми людьми, укрепил к нему всех крестным целованием и поручил ему младших братьев.

Но князь ростовский не думал отказываться от старшинства в пользу младшего брата, и тотчас же по смерти Всеволода, последовавшей в 1212 году, открывается борьба между братьями, которая опять принимает характер борьбы между старым и новым порядком вещей. На помощь старшему князю, который преследовал интересы старого города, явился, как и следовало ожидать, представитель старой Руси — Мстислав Удалой: это случилось при посредстве старшего из городов русских, В. Новгорода.

Ярослав Всеволодович, брат Юрия, принятый новгородцами, вздумал поступать у них по примеру отца и по примеру дяди Андрея, утвердить свой стол в пригороде Торжке,

где его не беспокоило вече. Удалой тотчас явился помешать такому дерзкому намерению и соединился с Константином Ростовским, тогда как на помощь Ярославу пришел Юрий. Младшие князья, представлявшие новый порядок вещей, не наученные опытом Андрея и Всеволода, дали битву (при Липице) храброму из храбрых и потерпели поражение⁴⁶¹. Константин получил старшинство, Новгород, в свою волю, но ненадолго.

Константин скоро умер, и Юрий снова получил старшинство и снова начал теснить Новгород, распространяя в то же время пределы своей области на востоке, строя города и равнодушно смотря на старые усобицы на юге между Мономаховичами и Ольговичами то за Киев, то за Галич⁴⁶²: старая Русь с господством родовых отношений видимо клонилась к своему падению, ибо, несмотря на доблести князей своих, преклонялась пред могущественным собственником севера, признавала, что она не может обойтись без этого собственника.

Это признание, произнесенное Рюриком Ростиславичем и повторенное чрез несколько веков позже гетманом Зиновием Хмельницким, служит самым лучшим оправданием нового порядка вещей, зачавшегося в Руси Северо-Восточной.

Какие же явления характеризуют описанный период времени от вступления на владимирский стол Всеволода III до гибели сына его Юрия в битве при Сити? Новое стремление, начатое Боголюбским, стремление утвердиться на севере, приобрести силу и посредством ее изменить родовые отношения в государственные, неуклонно преследуется братом его Всеволодом, что видно из поведения его касательно Новгорода, Рязани, князей южных, с которыми он избегает столкновения в чистом поле, зная их неодолимую храбрость и слабость в битвах северного народонаселения, не окрепшего в усобицах⁴⁶³, и однако умеет заставить южных князей признаться, что они не могут обойтись без него. Представление о старшинстве всех дядей над племянниками, по-видимому, торжествует, ибо старшинство держит самый младший сын четвертого из Мономаховичей; но этот старший живет на севере, где господство понятия о собственности ведет неминуемо к торжеству представления о старшинстве старшего племянника над всеми дядьми, что показал рази-

тельно поступок Всеволода, который как собственник и самовластец отнимает старшинство у старшего сына и отдает его младшему; этот младший с другими младшими братьями идут против прав старших, основываясь на своей силе. Распоряжение отца — собственника, имевшего, след., право располагать своею собственностью, и сила — вот права младших Всеволодичей. «Перемоги нас, — говорят они старшему брату, — и тебе вся земля!»⁴⁶⁴

Итак, теперь вследствие понятия об отдельной собственности является понятие о праве силы без уважения к старым родовым обычаям. Отсюда уже тотчас же является недоверчивость младших к старшим, ибо они знают, что старший сильнее их, знают притом, что сила богатого собственника заставляет его увеличивать эту собственность на счет слабейших, и потому младшие при первом подозрительном движении старшего вооружаются, заключают союз, чтоб отразить силу силою; так, в 1229 году летописец говорит, что Ярослав Всеволодич усомнился в своем старшем брате Юрии и поспешил соединиться против него с Константиновичами Ростовскими: насилу Юрий успел разуверить родичей насчет своих замыслов⁴⁶⁵. В следующих главах мы увидим только повторение этих явлений.

Глава III

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ВСТУПЛЕНИЯ НА ВЛАДИМИРСКИЙ СТОЛ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА ДО НАЧАЛА БОРЬБЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО

Во время нашествия монголов на Северо-Восточную Русь в Киеве сидел младший брат в. князя Ярослав Всеволодич. Едва узнал он о гибели Георгия при Сити, как тотчас оставил юг, чтоб принять великое княжение Владимирское: так потомки Долгорукого предпочитали уже опустошенный север еще не тронутому югу! Новый в. князь отдал брату своему Святославу Юрьевскому Суздаль, а другому, Ивану, — Старадуб Северный⁴⁶⁶.

Любопытнее для нас распоряжения, имевшие место между князьями ростовскими, детьми и внуками Константина Всеволодича: в это время оставался в живых Владимир Константинович с племянниками от двух умерших братьев — Василька и Всеволода; но старший стол ростовский видим во владении не дяди Владимира, но сына от первого брата, Бориса Васильковича, а Владимир владеет Угличем⁴⁶⁷.

Так легко принялось на севере старшинство сына от первого брата над дядьми, именно вследствие того, что на севере уделы (здесь это слово имеет свое настоящее значение) неотъемлемы, даются на всю жизнь и в потомство; из Константиновичей: Василько был посажен в Ростове, Всеволод — в Ярославле, Владимир — в Угличе: они так и остаются навсегда и те же самые столы передают детям своим; один только стольный город великокняжеский еще переходит к старшему в роде, но и это скоро прекращается.

Скоро Ярослав по зову Батыя принужден был отправиться в Орду; от Батыя в. князь возвратился с честью, пожалован старшинством⁴⁶⁸; но потом должен был отправиться к самому великому хану на берега Амура. Здесь начались интриги: какие-то люди, желавшие получить земли Ярослава, приобрели благосклонность старой ханши, матери в. хана, и с ее помощью томили несчастного Ярослава. Кто были эти люди? Разумеется, кто-нибудь из князей русских, вероятнее всего Константиновичи Ростовские. Летописцы, умалчивая о князьях, называют одного боярина, Федора Яруновича, который был при этом главным действующим и клеветал хану на в. князя; когда клевета не удалась вполне, то прибегнули к легчайшему средству освободиться от Ярослава: он был отравлен из рук самой ханши⁴⁶⁹.

По кончине Ярослава Всеволодича, по старому еще обычаю в. князем стал брат его Святослав, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на уделах, завещанных им покойным князем, след., здесь уже не имел места ряд старшего с младшими, но приведено в исполнение завещание⁴⁷⁰. Но на другой же 1248 год один из младших сыновей Ярослава⁴⁷¹ Михаил по прозванию Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава в. княжение и сам заступил его место.

Это явление чрезвычайной важности, ибо здесь мы видим совершенный произвол, совершенное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного. Михаил мог бы еще утверждаться на известном представлении о праве племянника от старшего брата над дядьми, если бы сам был старшим сыном Ярослава, но этого условия не было; итак, Михаил Ярославич действовал здесь вполне независимо от всяких родовых отношений, он действовал здесь против дяди, как независимый князь, владетель против другого независимого владетеля⁴⁷².

Михаил погиб в битве с литовцами, в то время как старшие братья его Александр и Андрей были в Орде. Получив известие о делах в Руси и о смерти Михаила, они возвратились в отечество, будучи утверждены ханом — Андрей на столе владимирском, Александр на киевском. Изгнанный дядя Святослав ездил в Орду; неизвестно, требовал ли он у хана возвращения великокняжеского достоинства или нет; известно только то, что не получил его и скоро умер⁴⁷³.

Оставался князь, который мог предъявить свои права на в. княжение: именно Владимир Углицкий, сын Константина Ростовского, старшего из детей Всеволода III; но кто мог думать о праве Владимира в то время, когда Михаил Московский не обращал никакого внимания ни на свое бесправие, ни на право дяди: Ярославичи были сильнее углицкого князя, этого было довольно, чтоб заставить позабыть о последнем. Владимир умер в 1249 году⁴⁷⁴.

Но раздел между Ярославичами не был мирен. Татищев говорит, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому в Киеве, и будто хан отдал Киев Александру, а Владимир Андрею, основываясь на завещании покойного в. князя Ярослава.

Что же могло заставить Ярослава завещать старшему Александру Киев, а младшему Андрею Владимир? Быть может, особенная любовь к Андрею, который оставался всегда при нем; быть может также, что Ярослав, желая удержать и Южную Русь в своем роде, отдал Киев Александру как более способному, по своим доблестям, удержать его. Но если подобное завещание существовало в самом деле, то оно исключало необходимо брата Святослава; но летописец гово-

рит прямо, что Святослав утвердил племянников на уделах, как распорядился покойный Ярослав. Впрочем, есть средство согласить оба свидетельства: Ярослав при жизни назначил Александра в Киеве, Андрей оставался на севере; по изгнании Святослава Михаилом и по смерти последнего Андрей, желая получить владимирский стол, настаивал на том, что уже старший брат его получил старший стол — Киев и Русскую землю по распоряжению покойного отца, и тем убедил хана⁴⁷⁵. Но Александр как старший⁴⁷⁶ не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом касательно старшинства, давно уже киевские князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда вся Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский имел полное право сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих.

В 1252 году Александр поехал в Орду к новому хану Сартаку жаловаться на брата⁴⁷⁷, хан, давши старшинство Невскому, отправил на Андрея трех полководцев своих; недалеко от Переяславля Андрей встретил татар, был разбит в злой сече, побежал в Новгород, не был там принят и удалился ко врагам Александровым, шведам, которыми вследствие этого был принят с радушием. Кроме сознания прав своих Александр не мог терпеть Андрея на великокняжеском столе и по другим причинам, а именно: из слов летописца видно, что Андрей по совету бояр своих (и, вероятно, жены, дочери Даниила Галицкого) хотел свергнуть татарское иго, что доказывает выступление его навстречу к полкам ханским и злая битва с ними. Но Александр видел всю необдуманность этого намерения, которое могло подвергнуть Русь только новому нашествию и тягчайшему игу⁴⁷⁸. Александр приехал во Владимир. Андрей также возвратился в отечество, примирился с братом и получил в удел Суздаль⁴⁷⁹.

Александр умер в 1263 году; брат его Андрей Суздальский скончался весною следующего года. У Татищева⁴⁸⁰ сохранилось известие, что Андрей по смерти брата снова хотел занять престол владимирский, но что брат его Ярослав перенес дело на решение хана, и тот утвердил Ярослава мимо Андрея, вероятно помня прежнее непослушание этого кня-

зя. Свидетельство Татищева подтверждается тем, что в летописях вступление Ярослава на великокняжеский престол означено не тотчас по смерти Александра в 1263, но уже по смерти Андрея в 1264 году⁴⁸¹. Неизвестно, где Невский имел свое пребывание, в отчинном ли городе Переяславле Залесском⁴⁸² или во Владимире, по крайней мере погребен был в последнем; брат же его Ярослав не оставил своего наследственного города, Твери⁴⁸³, и был похоронен в нем⁴⁸⁴.

Ярослав подобно всем князьям северным хотел приравнять В. Новгород к пригородам⁴⁸⁵. В этой крайней опасности Новгород был спасен не князем Южной, старой, Руси, но родным братом в. князя Василием Ярославичем Костромским. Этот князь вступился за старый город не по сочувствию с его бытом, но из соперничества с братом, ибо как князь костромской Василий боялся усиления князя тверского, каковое усиление грозило не только правам его на в. княжество Владимирское, но даже независимости его княжества Костромского. Вот почему Василий отправился к хану сам и представил несправедливость Ярослава и правоту новгородцев; тогда Ярослав, оставленный монголами, на помощь которых надеялся, должен был уступить новгородцам.

В 1271 году умер Ярослав Тверской; по старому порядку вещей в. княжество переходило к брату его Василию Костромскому; но старший сын Невского Димитрий, князь переяславский, объявил себя соперником дяди и прислал в Новгород просить княжения. Этот поступок Димитрия как будто указывает нам, что представление о старшинстве дядей дошло до той границы, на которой остановилось местничество и которую далеко перешли отношения княжеские, а именно: Димитрий ищет Новгорода под дядею Василием, ибо последний был ему 4-й дядя, тогда как тот же Димитрий отвечал прежде новгородцам, призывавшим его против Ярослава: «Не хочу взяти стола перед стрьем своим»⁴⁸⁶, ибо Ярослав был еще только третий дядя⁴⁸⁷. Но между князьями, как уже выше замечено, самые младшие дядья не думали уступать старшим племянникам, и потому Василий, опираясь на свое право, утвержденное постоянным торжеством младших дядей над старшими племянниками, послал в Новгород наместников с приказанием отвергнуть грамоты брата свое-

го⁴⁸⁸. След., и костромской князь хотел привести в исполнение намерение отца и братьев, имея более нужной к тому твердости характера, чем покойный Ярослав Тверской: вооруженною рукою он принудил племянника оставить Новгород, который привел в свою волю. Костромской князь восторжествовал, достиг своей цели, но умер преждевременно в 1276 году.

Таким образом, мы видели, что при разрушении родственной связи, при постоянном стремлении каждого в князя усилить во что бы то ни стало собственное княжество жребий — усилиться пред прочими княжествами и стать чрез это сосредоточивающим пунктом Руси — выпал сперва Твери, но слабохарактерность Ярослава Тверского и соперничество Василия воспрепятствовали усилению Твери; Василий Костромской, едва получил в[елико]княжескую область, как начал действовать точно таким же образом, какой осуждал в брате, подобно ему привел татар на вольных людей, тогда как прежде заступился за последних и отклонил от них татарское нашествие; но кратковременное пятилетнее правление не позволило ему усилить Костромское княжество, и очередь перешла к Переяславу Залесскому, которого князь Димитрий Александрович получил старшинство с областию в княжества Владимирского по всем правам. Но против него вооружился меньшей брат его Андрей Городецкий вопреки всем правам — явление, после поступка Михаила Московского, чрезвычайной важности!

Глава IV

БОРЬБА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО

Обыкновенно у наших историков мы находим возгласы против Андрея Городецкого как разорителя отечества, злодея, истреблявшего христиан руками монголов. Но пришла пора взглянуть поближе в явления. В это время все прежние понятия о праве старшинства исчезли; в князя показали, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получив область в княжества Владимирского,

старается увеличить свою собственность, упрочить силу в своей семье, на счет других князей, других княжеств. Но мы знаем, что и в прежнее время младшие князья как скоро видели, что старший разрознивает свои интересы с интересами рода, то восставали против него, и каждый заботился о себе. Теперь же, когда преобладание собственности, отдельности владения заставляло каждого в князя неминуемо заботиться только о самом себе, теперь все остальные князья не могли уже более доверять родственной связи, должны были также заботиться о самих себе, всеми средствами должны были стараться приобрести силу, потому что им оставалось на выбор: быть жертвою сильнейшего или других сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь восстания князей на великого с попранием всех старинных прав, всех родовых отношений.

Димитрий, присоединив к Переяславлю в княжение Владимирское, показал, что идет по примеру своих предшественников. Он выпросил у новгородцев позволение поставить крепость Копорье на их земле⁴⁸⁹, новгородцы согласились, думая, что эта крепость будет оплотом для них от врагов внешних; но скоро увидели, что ошиблись в своем ожидании. Димитрий построил крепость для себя и ввел в нее свою дружину. Новгородцы воспротивились этому поступку, в князь пришел на них с полками и заставил согласиться на свою волю: дружина его осталась в Копорье.

Вероятно, этот поступок Димитрия, вполне обличавший его стремление к усилению себя на счет других, послужил Андрею знаком к восстанию на брата; впрочем летописцы указывают на бояра его, и преимущественно на одного из них, Симеона Тонилиевича, как главного виновника этого восстания. Как бы то ни было, Андрей отправился в Орду, «имея споспешника себе и помощника Семена Тонилевича, и иных многих»⁴⁹⁰ — кого именно, летопись не говорит.

Это известие также чрезвычайно важно: оно показывает нам, как бояре, члены старшей дружины князя, теперь двора, усевшись вместе с князем в одном владении, приобрели от этой оседлости более важности, значения; но вместе с усилением своего значения бояре получили от оседлости постоянные интересы; их судьба теперь тесно соединена с

судьбою известного княжества. Прежние бояре если интриговали, то с целью не быть вытесненными от пришлой дружины; теперь бояре хотят усиления своего князя, своего княжества на счет других, ибо ясно видят, что при уничтожении равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами их, что если князья из равных родичей станут подручниками в князя, то ясно, что и бояре их должны занять второстепенное место пред боярами сильнейшего князя. Все сказанное теперь нами объяснится впоследствии из деятельности бояр московских.

Андрей с своими помощниками, подарив хана, получил ярлык на Владимир и войско против Димитрия, потому что последний не думал повиноваться слову ханскому и нужно было принудить его к тому силою, след., здесь отношения татарские вполне совпадают с прежними отношениями половецкими: князь, желая воевать против другого, идет в Орду, как прежде на снем к половцам, и нанимает у татар войско. Любопытно, что все князья, ближние и дальние родственники, соединились с Андреем против Димитрия⁴⁹¹.

Мы не станем натягивать событий, не скажем, что Димитрий обнаружил своевластие, дурно обходился с ними; пусть Димитрий был добрый, кроткий князь (что, впрочем, мы будем иметь случай после отвергнуть): для нас важна здесь недоверчивость князей к в. князю владимирскому, эта постоянная оппозиция их против каждого князя, присоединившего к своему уделу область Владимирскую.

Димитрий, видя союз князей и татарские полки против себя, бежал к Новгороду; новгородцы злобились на него более других за Копорье, они не позволили ему остаться в своей области. Несчастный князь принужден был бежать за море⁴⁹², Андрей получил Владимир. Но скоро Димитрий возвратился из-за моря (с наемными войсками)⁴⁹³, засел в своем Переяславле, начал там укрепляться и собирать войска. Андрей услышал об этом, будучи в Новгороде; окруженный войсками преданных новгородцев, он пробрался в свою отчину Городец и оттуда в Орду, опять вместе с Семеном Тонилиевичем, жаловаться хану на брата и просить помощи; а между тем в его отсутствие князь Святослав Ярославич Тверской, Даниил Александрович Московский и новгородцы с своими посад-

никами двинулись на Дмитрия (на этот союз также нельзя не обратить внимания): враждебные ополчения сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мире, и наконец заключили его, неизвестно, на каких условиях⁴⁹⁴. Здесь мы заметим также один раз навсегда, как редко на севере князья вступают в битвы друг с другом: обыкновенно, сошедшись, они заключают мир и расходятся без битвы.

Между тем Андрей пришел из Орды с полками татарскими; Дмитрий бежал вторично, но на этот раз уже не за Балтийское море, а к берегам Черного: там в степях раскинулась другая орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда ногайская. Повелитель ее, знаменитый Ногай, из соперничества с ханом Золотой Орды принял с честью Дмитрия и дал ему свои полки; на этот раз Андрей должен был уступить и возвратил брату великое княжение Владимирское.

Как же Дмитрий воспользовался своею победою? В 1283 году двое переяславских бояр, Антоний и Феофан, явились в Кострому, схватили тайно Семена Тонилиевича и начали допытываться у него о прежних и настоящих намерениях его князя. Городецкий боярин отвечал: «Напрасно допрашиваете меня; мое дело служить верою и правдою своему князю; если же были между ним и братом его какие раздоры, то они сами лучше знают причины их». — «Ты поднимал ордынского царя, ты приводил татар на нашего князя», — говорили переяславские бояре. «Ничего не знаю, — отвечал Семен, — если хотите узнать подробности об этом, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тот ответит вам на все ваши вопросы». — «Если ты не расскажешь нам о всех намерениях твоего князя, — продолжали Дмитриевы бояре, — то мы должны убить тебя». — «А где же клятва, которою клялся ваш князь моему, — отвечал Семен, — клятва мира и любви? Неужели ваш князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояр нашего господина?» Переяславские бояре исполнили поручение своего князя — убили Семена Тонилиевича⁴⁹⁵.

Весть об этом гнусном убийстве поразила Андрея; сильно горевал он о благородном и верном боярине⁴⁹⁶ и начал ссылаться с новгородцами. В Торжке Андрей и вольные люди об-

менялись клятвами стоять друг за друга против Димитрия. Но последний был силен, Андрей уступил и на этот раз — и даже нашелся принужденным вместе с Димитрием и его татарами опустошать волости новгородские⁴⁹⁷. После этого Андрей обратился опять к татарам и привел на Димитрия какого-то царевича из Орды: но когда варвары рассеялись для грабежа, Димитрий собрал большую рать и ударил на них (вот как уважали татар!): царевич убежал в Орду, бояре Андрея попались в плен, и городецкий князь должен был опять уступить⁴⁹⁸.

Прогнав татар, смилив городецкого князя, Димитрий хотел смирить самого храброго и самого предприимчивого из князей — Михаила Ярославича Тверского, который получил княжение по смерти брата своего Святослава. Но Михаил не думал уступать: он выставил свои полки навстречу полкам Димитрия; последний не захотел вступить в бой, и дело кончилось, по северному обычаю, мирными переговорами⁴⁹⁹. Но в следующий 1288 год Димитрий вместе с братьями Андреем и Даниилом и с князем ростовским вступил в области тверские, опустошая их огнем и мечом, но, когда двинулся к Твери, опять увидел перед собою сильные полки Михайловы, и опять дело, по обычаю, не дошло до битвы, а кончилось миром⁵⁰⁰.

Всех этих явлений нельзя оставить без внимания: летописец говорит глухо, причин вражды не объявляет; но нельзя не усмотреть, что идет сильная борьба, в которой каждый князь и каждое княжество беспокойно стерегут движения других князей и порознь или вместе с другими стараются предупредить движение противника, ибо дело идет о том, быть государем всей Русской земли или слугою этого государя; при таком вопросе нельзя было разбирать прав и средств: каждый пользовался первым удобным случаем, первым попавшимся средством, чтоб выиграть шаг вперед при достижении одной общей цели. В такой борьбе каждый из князей имел право на своей стороне — право самосохранения, и, кто бы из них ни осилил — московский или переяславский, городецкий или тверской, следствие было одно и то же — соединение и могущество Руси. За что же мы будем проклинать Андрея Городецкого исключительно пред Димитрием Переяславским или Михаилом Тверским? За что же мы

будем проклинать кого бы то ни было из них? Благословим лучше всех участников в этой великой борьбе, всех — победителей и побежденных в благодарность за то, что пользуемся плодами их борьбы, плодами их трудов и бедствий.

Что Димитрий Переяславский не был чужд современных стремлений, что, след., брат его Андрей имел право противиться этим стремлениям, доказательством служит постоянный союз князей против Димитрия: не один Андрей восстал против него!

В 1293 году 6 князей отправились к хану Ногаю жаловаться на Димитрия Переяславского, а именно: Андрей Городецкий, Димитрий Борисович Ростовский с братом Константином Углицким, двоюродный брат их Михаил Глебович Белозерский, тесть последнего Федор Ростиславич Ярославский, Иван Дмитриевич Ростовский вместе с епископом того же города Тарасием⁵⁰¹. Ногай выслушал жалобы и отправил с ними брата своего Дюденя с многочисленным войском; Андрей Городецкий и Федор Ярославский с татарами выгнали Димитрия из Переяславля во Псков и поделили добычу: Андрей взял великокняжескую область Владимирскую и Новгород, Федор получил Переяславль⁵⁰², откуда сын Димитрия Иван должен был удалиться в Кострому⁵⁰³.

Димитрий думал было пробраться из Пскова в Тверь (вероятно, Михаил Тверской не хотел усиления князей городецкого и ярославского и вступился за Димитрия), но на дороге обоз его был захвачен Андреем, сам Димитрий достиг Твери и оттуда послал с поклоном к брату. Городецкий князь послушался увещаний тверского епископа Андрея и помирился с братом; как видно, последнему был отдан Переяславль, ибо сказано, что Федор Ярославский пожег этот город⁵⁰⁴, вероятно, с досады, что должен был отступить от своего приобретения, и после видим в Переяславле сына Дмитриева. Но сам Димитрий не достиг своей отчины: он умер на дороге в Волок в 1294 году, погребен же, по обычаю, в своем Переяславле.

Мы обозревали борьбу Димитрия с другими князьями и братом Андреем: но в отдельных княжествах происходили события замечательные, ибо обнаруживали те самые современные стремления, стремления усиливаться на счет других,

приобретать собственность, с совершенным презрением прежних родственных отношений. Под 1279 годом читаем у летописца⁵⁰⁵: «Князь Дмитрий Борисович Ростовский поотнимал волости у князя Михаила Глебовича Белозерскаго з грехом и с неправдою, и тако брата своего изобиде и з насилствова». В 1281 году страшная крамола и вражда господствовала между князьями ростовскими, едва епископ и в. князь Димитрий успели примирить их⁵⁰⁶.

Но еще замечательнее было событие в семье князей ярославских. По смерти смоленского князя Ростислава осталось трое сыновей: Глеб, Михаил и Федор; Глеб и Михаил обидели Федора, давши ему один только Можайск. Между тем в Ярославле умер князь Василий Всеволодич, оставив только одну дочь. Тогда на Руси произошло явление, до сих пор неслыханное: до сих пор княжество не считалось собственно стию князей, но собственностью целого рода, и если какой-нибудь князь умирал, не оставив сыновей, то волость его, по воле в. князя и всех родичей, передавалась другому; но теперь понятие собственности, отдельности владения так утвердилось на севере, что удел за неимением сыновей переходил к дочери покойного князя, вследствие чего дочь Василия Всеволодича начала княжить в Ярославле с матерью, которая выбрала ей в мужа Федора Ростиславича Можайского. Этот князь был рад приобрести такую богатую собственность, каков был Ярославль, и таким образом один из Ростиславичей смоленских получил в приданое за женою собственность суздальских Юрьевичей⁵⁰⁷.

Глава V

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ПРИ АНДРЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Андрей заступил место брата и потому при тогдашних обстоятельствах не мог ни оставить других князей в покое, ни сам остаться от них в покое. Мы видели, что Андрей был в тесном союзе с Федором Ростиславичем Ярославским и что этот союз усиливал обоих на счет остальных князей. Послед-

ние не могли смотреть на это равнодушно и составили другой союз, членами которого были: Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Дмитриевич Переяславский.

В 1296 году в присутствии ханского посла Неврюя князь собрались во Владимире для окончания своих споров, этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные, независимые владельцы; старшего, отца, между ними не было больше. Владимирский сейм кончился ничем⁵⁰⁸; в том же году Андрей пошел с войском на враждебных князей, но не был допущен ими к Переяславлю и принужден остаться⁵⁰⁹ в покое.

Однако это спокойствие не могло быть продолжительным: каждое движение князя было опасно для всех остальных; ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность. Так, в 1301 году Даниил Московский явился с войском под стенами Переяславля Рязанского, взял город и пленил князя изменою боя⁵¹⁰.

В это же время важный вопрос занимал князей, именно — кому из них достанется богатое наследство после бездетного Ивана Дмитриевича Переяславского. Мы уже имели случай заметить, что со времен Ярослава Всеволодовича его удел Переяславль Залесский вследствие неотчуждаемости уделов постоянно переходил к старшему сыну в прямой нисходящей линии, точно так, как после Москва при постоянном дроблении области княжества всегда переходит к старшему сыну последнего владельца. След., все князья, потомки Ярослава Всеволодовича, т. е. Андрей Городецкий и в. князь владимирский, Даниил Московский и Михаил Тверской должны были смотреть на Переяславль как на старший удел в своем роде, как на удел своего родоначальника (любопытно, как Переяславль северный совпадает в своем значении с Переяславлем южным): из этого легко понять, какое важное значение придавал он тому князю, которому доставался после Ивана, и вместе с тем какое могущество, потому что был один из богатейших и сильнейших городов. След., в великом вопросе: кому из князей быть сильнее всех, т. е. кому из князей подчинить себе всех прочих, Переяславль должен был играть значительную роль.

Сюда присоединялся еще важный вопрос: каким образом можно было получить Переяславль по смерти Ивана? Кто из князей имел право на это богатое наследство? Как родовая собственность Переяславль по пресечении прямой линии Ярослава Всеволодовича должен был перейти к представителю старшей из боковых линий, т. е. Андрею Городецкому, который должен был распорядиться им по общему совету со всеми родичами, сделать с ними ряд, по старому выражению. Но на севере родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь как частный собственник, отделенный от рода, имел право завещать свою собственность, кому хотел.

В 1301 году князья снова съехались в Дмитров: Андрей, Даниил, Иван уладили свои дела, но Иван и Михаил Тверской разъехались в распре — знак⁵¹¹, что на этих новых съездах каждый князь толковал отдельно о своих отдельных интересах и, уладивши дело с одним, мог не уладиться с другим. В следующем 1302 году знаменитый переяславский вопрос решился, как следовало ожидать, по новым северным понятиям: Иван Дмитриевич завещал свою собственность мимо старшего дяди Андрея младшему — Даниилу⁵¹².

Эта передача старшего из уделов в роде Ярослава II, передача, можно сказать, прихотливая, происходившая от произвола Ивана Дмитриевича, основанная на праве его располагать своею собственностью, имела, однако, еще другое значение: Переяславль, перейдя к московскому князю по завещанию последнего собственника, не был присоединен, однако, к Московскому княжеству, ибо после считался всегда принадлежностью в. княжества Владимирского; след., переходя к Даниилу, Переяславль давал ему вместе с силою и старшинство, право на великое княжение. Эта передача была понята так, что Иван, отдавая Переяславль Даниилу, признавал старшинство последнего перед Андреем и Михаилом Тверским; след., московский князь, овладев Переяславлем, этим самым предъявил свои права на в. княжение, этим самым вооружился против Андрея, как Андрей вооружился прежде против Димитрия. Когда после Юрий не отдал Переяславля Андрею — это была точно такая же попытка, ибо, повторяю, Переяславль никогда не считался городом московским, но в. княжества Владимирского⁵¹³.

Андрей хотел было силою вступить в свои права и тотчас по смерти Ивана отправил в Переяславль своих наместников, но Даниил не думал уступать: он выгнал наместников Андреевых и посадил своих. Андрей отправился в Орду, вероятно, за татарскою помощью⁵¹⁴.

В следующем 1303 году умер Даниил Александрович. Старший сын его Юрий был совершенно в уровень своему веку: приобретать и усиливаться во что бы то ни стало было единственною его целию. Тотчас же по смерти отца он пошел с братьями на Можайск, взял город, пленил князя и отвел его в Москву⁵¹⁵, и, когда Андрей возвратился из Орды с милостивым ярлыком ханским, Юрий не уступил ему Переяславля⁵¹⁶.

В 1304 году умер Андрей⁵¹⁷; смерть его служила знаком к великой борьбе между Москвою и Тверью.

Глава VI

БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ ДО ИВАНА КАЛИТЫ

По прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Тверскому, потому что он был внуком Ярослава Всеволодича, а Юрий Московский правнуком, притом же сыном третьего, младшего Александровича, и, наконец, отец его Даниил не держал старшинства при жизни. Но соперничество по праву старшинства отыграло свою роль; теперь соперничество шло только по праву силы: Юрий Московский был столь же силен, если еще не сильнее Михаила Тверского и потому считал себя вправе быть его соперником. Как прежние князья соперники обращались к половцам, так теперь обращаются к монголам. Юрий сговорился с татарскими вельможами, которые сказали ему: «Если ты дашь выход больше князя Михаила, то мы дадим тебе в. княжение»⁵¹⁸. Михаил отправился в Орду, Юрий начал собираться туда же; митрополит Максим уговаривал его не ходить и не затевать усобицы с Михаилом. Юрий обманул митрополита. «Я иду в Орду так, по своим частным делам, отец мой, и вовсе не имею намерения искать в. княжения»⁵¹⁹, — говорил он ему.

Но бояр тверских нельзя было обмануть, они решились силою не пускать Юрия в Орду. Здесь опять важными действующими являются бояре; тверские бояре, именно потому, что тверские бояре, а не бояре князя Михаила Ярославича, в отсутствие князя дружно и сильно действуют в интересах своего княжества с целью дать ему первенство и силу, т. е. первенство и силу самим себе. Тверские бояре, посланные Михаилом во Владимирскую великокняжескую область, поставили всюду заставы, чтоб не пропускать Юрия в Орду; но хитрый князь пробрался другим путем.

Кроме древней области великокняжеской шла еще борьба за удел покойного Андрея Городецкого, умершего бездетным; брат московского князя Борис Данилович захватил Кострому, но здесь был захвачен тверскими боярами и отослан в Тверь.

У Юрия в Москве оставался еще другой брат, знаменитый после Иоанн Калита. Иоанн, видя сильную и дружную деятельность бояр тверских, поспешил занять Переяславль, но едва вступил в этот город, как под стенами его явился с войском тверской боярин Акинф: мы должны обратить внимание на это лицо. По смерти в. к. Андрея бояре его, из которых главным был именно означенный Акинф, перешли на службу к московскому князю; но в Москву пришел в то же время на службу знаменитый киевский боярин Родион Нестерович с сыном и привел собственный двор, состоявший из 1700 человек. Ясно, как должны были обрадоваться московские князья такому служебнику: они дали ему первое место между своими боярами. Этим оскорбился городецкий боярин Акинф: он отъехал к сопернику московского князя Михаилу Тверскому и, как уже сказано, явился с войском под Переяславлем и три дня держал Калиту в осаде; но на четвертый день явился на выручку Родион, зашел тверичам в тыл, Иоанн сделал вылазку из города, Акинф, потерпевший поражение, был убит собственноручно Родионом, который, воткнув голову его на копье, представил Калите со следующими словами: «Се, господине, твоего изменника, а моего местника глава»⁵²⁰.

В 1305 году Михаил возвратился из Орды с ярлыком на в. княжение, Юрий — без успеха⁵²¹. Узнав о смерти боярина

своего Акинфа, Михаил пошел на Юрия⁵²², и хотя поход кончился ничем, однако борьба не могла прекратиться. Юрий видел вражду соперника и спешил усилиться: двое братьев его принуждены были бежать в Тверь⁵²³; желая усилиться на счет Рязани, он убил князя ее, плененного отцом его Даниилом⁵²⁴, и хотя не успел в своем намерении касательно всего княжества, однако удержал за собою Коломну. Можно себе представить, какими глазами смотрел на все это князь тверской: в 1308 году он приступил с многочисленным войском к Москве, но был отражен⁵²⁵; в 1312 году летописец извещает о походе сына Михайлова Димитрия на Юрия; молодой князь должен был, однако, удержаться от войны по увещанию митрополита Петра⁵²⁶.

В 1313 году умер хан Тохта, которому наследовал сын его Узбек; перемена хана заставила тверского князя отправиться в Орду. Новгородцы, притесненные Михаилом⁵²⁷, воспользовались этим отсутствием и обратились к сопернику Михайлову князю московскому с просьбою избавить их от насилия тверских бояр. Юрий согласился; но между тем Михаил успел пожаловаться хану на Юрия, и последний был позван в Орду⁵²⁸. Он действовал там успешно, не только оправдался в обвинениях Михаила, но умел сблизиться с семейством самого хана и женился на сестре его. При таких связях Юрий мог вступить в борьбу с тверским князем. Он привел с собою троих послов ханских, из которых главный был Кавгадый; но Михаил не думал уступать: он собрал сильное войско, снесся с другими князьями и вышел навстречу Юрию; последний не осмелился вступить с ним в бой и отказался от притязаний на в. княжение⁵²⁹. Но Михаил знал, что Юрий отложил борьбу только на время, и потому спешил укрепить свою Тверь на случай нападения ханского⁵³⁰ зятя; теперь обстоятельства переменились: он уже не смел более идти на Москву, где княгинею была Узбекова сестра, и ждал соперника в свои владения; ожидания не обманули его.

Мы видели, что князья давно привыкли подозревать великих, или сильнейших, князей в замыслах стеснить их, усилиться на их счет, и потому были в постоянной оппозиции против князя, владевшего великокняжескою Владимирскою областью; мы видели, какую деятельную помощь находил в

них Андрей Городецкий в борьбе со старшим братом Димитрием; то же самое случилось и теперь: Михаил был сильнее Димитрия и потому еще опаснее для князей; в первый раз они дали ему помощь против Юрия, но когда Михаил восторжествовал над последним, то князья принимают сторону московского князя против могущественного Михаила; они соединились с ним в Костроме; за 40 верст от Твери Михаил встретил врагов и наголову разбил их: Юрий спасся бегством, но жена его, брат и татарские послы достались в плен победителю⁵³¹.

Ханский посол Кавгадый действовал с Юрием заодно без Узбекова приказа, как после сам признался Михаилу. Юрий начал войну с тверским князем точно так, как прежде Михаил начал войну с ним после первой поездки в Орду. Решения ханские не сдерживали междоусобий, не устанавливали отношений; когда Михаил вооруженною рукою воспротивился Юрию, то последний уступил ему великое княжение, причем не обратился к хану с просьбою о помощи на Михаила как на ослушника, который вопреки ханскому ярлыку не отдает ему в княжение, но обратился к другим князьям русским, чтобы соединенными силами низложить Михаила. Когда же и это не удалось, когда Михаил и здесь остался победителем, Юрий опять не обратился к хану, но, собрав новгородские полки, пошел тою же зимою на Михаила: соперник встретил его на Волге; Юрий опять отчаялся победить его и заключил мир, при котором оба князя условились идти в Орду и там решить спор: это было последнее средство, к которому прибег Юрий, ибо видел, что силою взять нельзя; при том же мирном договоре было положено освободить пленных брата и жену Юрьеву⁵³²; но последняя умерла в Твери: разнеслась весть, что она была отравлена⁵³³.

Был ли Юрий уверен, что жена его точно отравлена, или хотел только воспользоваться этим слухом для пагубы противника, решить трудно; известно только то, что Михаил, испуганный, вероятно, следствиями кончины Агафиной и слухами о злобе Кавгадыя, отправил в Москву к Юрию посла Александра Марковича с мирными предложениями; Юрий не хотел теперь слышать о мире и велел убить посла⁵³⁴; после этого все было кончено между князьями, только смерть одного из них могла положить конец вражде.

Юрий отправился в Орду, надеясь всего более на Кавгадыя, которого теперь собственная безопасность заставляла искать гибели Михайловой: он должен был обвинить последнего, дабы оправдать свой поступок, свое участие в войне Юрия против тверского князя; он сам признавался Михаилу, что боится ханского гнева за это участие⁵³⁵. Михаил был обвинен пред ханом в следующих преступлениях: в том, что он был горд и непокорен, позорил посла Кавгадыя, сражался с ним и побил его татар; собирал дань для хана и между тем брал ее себе и с казною своею хотел бежать к немцам, отправил уже сокровища свои к римскому папе и, наконец, уморил Юрьеву жену отравою⁵³⁶.

Сперва Михаил послал вместо себя в Орду сына своего Константина. Кавгадыю не хотелось видеть Михаила в Орде из боязни, что этот князь обнаружит перед ханом поведение его в России, и потому он уговаривал хана отправить войско на Михаила, говоря, что этот гордый послушник никогда не явится в Орду⁵³⁷. Узбек согласился и велел было схватить Константина и уморить его голодом; но некоторые из приближенных, или благоприятствуя Михаилу, или будучи по крайней мере равнодушными, дали голос послать сперва за Михаилом и не делать Константину никакого зла, ибо, узнав о гибели сына, Михаил, разумеется, не пойдет в Орду⁵³⁸.

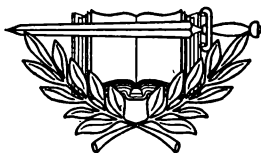
Хан послушался этого совета; посол его Ахмыл встретил тверского князя во Владимире и объявил ему зов ханский и необходимость послушаться этого зова; Михаил решился отправиться в Орду; тогда Кавгадый послал отряд монголов перенять в князя на пути и убить его⁵³⁹, но и это не удалось: Михаил явился в Орде. К его несчастью Узбек не имел охоты сам заниматься судом между русскими князьями; он только заставлял вельмож несколько раз следовать дело для большей достоверности⁵⁴⁰.

Кавгадый пересилил в суде, Михаил был обвинен и казнен, Юрий получил в княжение, но знал, что ярлык ненадежен, и потому старался принять другие меры. Прежде всего он пошел на князя рязанского и принудил его к миру⁵⁴¹; обезопасив свои границы с этой стороны, он двинулся на тверского князя Димитрия Михайловича и вынудил от него 2000 рублей серебра и обещание не домогаться великого кня-

жения. Несмотря, однако, на это обещание, Димитрий поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык; есть известие, что он объяснил хану всю неправду Юрия и особенно Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Димитрию дал великокняжеское достоинство, узнав от него, что Юрий собирает ханскую дань и удерживает ее у себя⁵⁴².

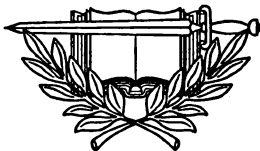
Тверь взяла перевес: Юрий видел необходимость идти опять в Орду и упросил новгородцев проводить его туда, зная, что новгородские гривны имеют большой вес у хана⁵⁴³; но на пути из Новгорода Юрий был захвачен врасплох братом Димитриевым Александром, казна его была отнята, он едва спасся во Псков, откуда опять возвратился в Новгород. Здесь граждане заставили его идти на немцев, тогда как злая тоска съедала сердце несчастного князя⁵⁴⁴; наконец явился посол из Орды и потребовал Юрия пред хана, тот повиновался.

Димитрий Тверской знал, как опасно пускать соперника одного в Орду, и поспешил туда сам. Мы не знаем подробностей о встрече двух врагов; летописец говорит, что Димитрий понадеялся на благоволение ханское⁵⁴⁵ и убил участника в убийстве отца своего. Узбека поразили этот поступок: он долго думал, наконец велел умертвить Димитрия, но великое княжение отдал брату его Александру: след., Тверь не теряла ничего ни от смерти Михаила, ни от смерти Димитрия; в третий раз первенство и, след., сила перешла к ее князю; но Тверь теряла все вступлением на братий стол Александра, а соперница ее Москва выигрывала тем перед нею, что место Юрия занял брат его Иоанн: две противоположные личности правителей в то решительное время, когда оба княжества были одинаково сильны и, след., ждали только одного внешнего, случайного обстоятельства для решения своего спора, две противоположные личности правителей были именно этою могущественною случайностию.

Отдел третий

**ИСТОРИЯ
КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ОТ ИОАННА КАЛИТЫ
ДО ИОАННА III**

Глава I

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ВООБЩЕ

Приступая к третьему отделу нашей истории, мы должны сделать то же самое, что сделали в начале первого ее отдела, именно: изложить те принятые правила, те обычные формы, которыми князья наши руководствовались в сношениях друг с другом; мы должны здесь снова приступить к этому изложению по следующим причинам: во-первых, потому что прежние родовые отношения князей, изложенные в первой главе первого отдела, значительно изменились; во-вторых, потому что в третьем отделе нашей истории, т. е. начиная с Иоанна Калиты, происходит важная перемена в источниках, из которых почерпаем мы известия о княжеских отношениях, а именно — вместо скудных, недосказанных известий летописи мы получаем богатое собрание духовных княжеских грамот и договоров⁵⁴⁶.

Князь, умирая, обыкновенно *приказывал* младших сыновей своих и княгиню старшему сыну; это слово: *приказывать* объясняется выражением, которое всегда следует за ним в духовных грамотах, а именно, что старший брат должен быть *печальником*, т. е. заступником, защитником младших. В договорах в. князя, или старшего брата, с младшими братьями, удельными князьями, они обязывались быть всегда за один, младшие клянутся чтить старшего брата *во отцово место*, держать его великое княжение *честно и грозно* и

хотеть ему добра во всем. Братья должны иметь одних друзей и врагов; старший брат, или в. князь, не должен заключать ни с кем договоров (не доканчивать ни с кем) без ведома младших, и, наоборот, младшие не должны ни с кем сноситься без ведома старшего. Братья обязуются взаимно, услышав о чьих-нибудь вредных замыслах против одного из них, объявить о том немедленно *в правду, без примышления, по крестному целованию*. Если кто начнет посеять раздоры между братьями, *сваживать их*, то они не должны, поверя злым людям, держать нелюбье друг на друга, но исследовать дело, *учинить исправу*, и смутника казнить по исправе. Младшие обязаны садиться тотчас на коня, как скоро в. князь выступит в поход; если даже сам не пойдет, но пошлет одних удельных, то и тогда последние должны идти без послушания. Если во время похода случится ошибка (просторожа) со стороны в. князя, или со стороны удельных, или от тысяцкого великокняжеского, или от наместника удельных князей, то братья должны также исследовать дело, а нелюбья не держать друг на друга.

Бояре и слуги вольные имели право переходить от одного князя к другому не только между удельными князьями, но также от великого к удельным и наоборот, и за принятие отъезжих бояр князья обязывались не держать нелюбья друг на друга, ни на самих бояр. Если какой-нибудь князь, старший или младший, заведет тяжбу с боярином другого (будет чего искать на боярине), то оба князя высылают для исследования и решения дела по боярину (те тому делу учинят исправу); если же оба боярина не уладятся между собою (сопрутся), то должны положиться на решение третьего, кого сами изберут (ехати им на третий). Если боярин отъедет от одного князя с кормления, не отслужив службы, то получает кормленье только за то время, какое пробыл на службе, или, если хочет получить полное кормление, то должен остаться до окончания срока службы.

Касательно поместий встречаем в духовной Калиты следующее распоряжение: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, и дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сину моему которому служити, село будет за ним; не иметьли служити детям моим, село отнимут».

Что же касается наследственных владений боярских, до отчин, то бояре могли иметь их в разных уделах, вследствие чего боярин, служивший у одного князя, мог жить в уделе другого, причем князья обязывались блюсти таких бояр, как и своих, и дань взяти как и на своих. Даже отъезжие бояре сохраняли свои отчины во владениях прежнего князя. Впрочем, князья понимали невыгоду подобного положения: через своего боярина, жившего в чужом уделе, князь мог удобно знать все, что делалось в этом уделе, такие бояре всего легче могли быть смутниками между князьями: притом всякому князю было неприятно видеть земли своего удела во владении слуг чужого князя, особенно в случае вражды с последним: вот почему князья обязывались в договорах, чтоб бояре не покупали сел в чужих уделах без позволения князей этих уделов. Однако это средство мало помогало, и боярские отчины постоянно были рассеяны по разным уделам, что происходило следующим образом: уделы несколько раз соединялись в одно княжество и потом снова разделялись; боярин Донского мог свободно покупать села на всем пространстве владений этого князя, но когда по смерти Донского его область разделилась на несколько уделов между его сыновьями, то села боярина необходимо стали принадлежать к разным уделам. При этом ненадобно забывать также вышеозначенного обстоятельства, что отъезжие бояре сохраняли свои отчины во владениях прежнего князя.

Если в. князь посылал на рать своих воевод, то бояре его и дети боярские, жившие в уделах, должны были ехать с воеводою удельного князя того удела, в котором жили; и наоборот, бояре удельных князей, жившие в области в. князя, должны были ехать с воеводою последнего⁵⁴⁷. Но это положение является исключением в договорах, обыкновенно же имеет место следующее условие: «А где будет итьти нашим ратем, и хто живет в наших отчинах, и кто кому служит, тот с своим осподарем и едет. А где яз к. в. пошлю своего воеводу котораго города, а которые люди тебе служат того города, и тем людем итьти под твоим воеводою, а твоему воеводе итьти с моим воеводою, опрочь бояр введеных и путников; а хто служит мне в. князю, и живет в твоей отчине, и где пошлем своих воевод, и тем людем итьти под моим воеводою, и

твоим воеводам итѣти с моими воеводами. А городная осада, где кто живет, тому туто и сидети, опричь бояр введенных и путников».

Здесь представляется вопрос, кто же эти были бояре введенные и путники, которые исключались из общей обязанности? Введенным наз. боярин, которого князь вводил во владение известным городом, известною областью; так, о Логгине Михайловиче Кикине говорится, что он был у в. к. Дмитрия Ивановича боярин введенный и города державец; держал города Волок и Торжок без отнимки⁵⁴⁸. Ясно, что боярин введенный не мог идти в поход с воеводою князя, ибо должен был оставаться в городе, ему вверенном, в управление которым он был введен; равно во время осады он не мог оставаться на том месте, где случайно жил, имея там собственность, но должен был спешить в свой город.

Теперь надобно решить, что такое боярин *путный*, или *путник*. *Путем* наз. право пользоваться чем-нибудь; так, старейший путь означал право старшего, или в., князя пользоваться гораздо большими доходами против младших братьев: «А сына своего князя Василья благословляю на старший путь в городе и в стенах моего удела двою жеребьев половина... А на старший путь сыну моему кн. Василью Василцево сто и Добрятиньская борть с селом з Добрятиньским»⁵⁴⁹. Отсюда выражение: конюший путь, сокольничий, ловчий и т. д. Самым лучшим подтверждением сказанному могут служить следующие места с. г. г. и д. (т. I, стр. 76): «А дети мои брат в братень удел и в матери моей удел не въежжают на свою утеху, оприче того, аже ся *путь* получить поперег удела ехати», т. е. если получить право, позволение охотиться в чужом уделе. В Акт. юридич. (стр. 194): «И Сидору на том жребию двор поставить и землю распахать и огороды огородить, и впусе не покинут тое двенадцатые доли обежные; да в том ему и *путь гали*». На стр. 195 там же: «И Офонасью на том участки на верху жить, и двор поставить, и землю распахать, и огород городить, и впусе не покинуть, и в том ему на тот участок и *путь дал*». — След., боярин *путный* был такой боярин, который получил право пользоваться известною волостью, податьми в известном городе и т. п.; дворецкий с *путем* был такой дворецкий, который получал известный доход в каком-нибудь

городе или области: «А в путь пожаловали велели ему (кн. Львову Ярославскому) дать и владети в Ярославле на посаде Ловецкими слободами; а оброчныя деньги с тех слобод имати на него боярина нашего и дворецкаго» и пр.⁵⁵⁰

Почему путный боярин исключался также из общей обязанности идти с воеводою в поход и сидеть в осаде на том месте, где жил, объяснить можно двояким образом: 1) он должен был подобно введенному защищать то место, где имел путь; 2) должен был находиться при князе во время войны; был слишком знатен⁵⁵¹, чтоб становиться под знамена другого воеводы, ибо и после звание дворецкого с путем было чрезвычайно важно: простой дворецкий мог быть иногда ниже окольных, тогда как в дворецкие с путем жаловался всегда боярин за какие-нибудь отличные заслуги. То же самое разумелось и о других придворных должностях с путем⁵⁵².

Примеч. В некоторых договорах (напр., стр. 94) говорится о боярах вообще, что они не садятся в осаду в том месте, где живут: «и городная осада, где кто живет, туто тому и сести, опроче бояр и путников». Но вероятно здесь пропущено: введенных.

Боярин обязан был давать дань со своей отчины тому князю, в уделе которого она находилась; равно все судные дела подлежали тому князю, в уделе которого находилась отчина: «А судом и данью потянути по уделам, где кто живет». Или: «А судом и данью потянуть по земле и по воде; а на холопех дани не имати, на которых ключники целуют; а которых бояр и слуг села, а имут жити в вашей отчине, взяти вы на них дань и суд, как и на своих».

Бояре обязаны были данью не только с отчин, но даже с кормлений и путей; но эта последняя дань требовалась только в чрезвычайных случаях, т. е. при сильном запросе из Орды; в. к. обыкновенно договаривался с удельными: «А коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих также по кормленью и по путем, да дати ти мне». Иногда в. князь обязывает удельного в случае нужды доставить ему дань с известного числа бояр: «А коли нам взяти на своих боярех на путных, и тебе взяти на своих боярех на десяти»⁵⁵³.

По прекращении усобицы князья обязывались не держать нелюбья на боярах, служивших им в этой усобице. Иногда

князья взаимно обязывались не принимать к себе боярина, *вшедшего в коромолу* к одному из них⁵⁵⁴. Касательно князей служебных владетьельные князья, великий со своими удельными, обязывались не принимать их в службу друг от друга с отчинами, в случае же если служебный князь отъедет от одного владетьельного князя к другому, то лишается своей отчины, которая остается за тем князем, от которого отъехал.

Удельные, или младшие, князья имели свои жребии в главном городе княжества: так было в Московском в. княжестве, так было в Рязанском⁵⁵⁵, след., имеем право заключить, что так было и в остальных. Касательно земельной собственности и доходов с нее князья — старший и младшие были в своих уделах особными, полновластными, совершенно независимыми владетьельными: князь, по выражению грамот, владел своим уделом с волостями и с погосты, с околицами, слободами, отъездными месты, станами, дворами городскими, селами, путми, лавками, дворами гостиными, торгами, бортью, тамгою, пудом и померным, мытом, осмничим, оброки, со всеми пошлинами и со всем, что к нему потягло, также с прикупамы, примыслами и починками. Касательно слова: волость должно заметить, что оно означало всякое владение и пользование чем бы то ни было, напр.: «А из городских волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городскими поделются сынове мои».

Князья обязываются взаимно в договорах: в уделы друг к другу не вступаться, приставов своих не всылать, судов не судить, дани не брать, грамот жалованных не давать, закладней и оброчников не держать, сел не покупать. В Москве для удобства князья пользовались доходами, или своими жребьями, сменяясь по годам⁵⁵⁶; в Москве и других местах, подлежащих общему владению, сборщики податей (данщики), посылаемые удельными князьями, должны были собирать вместе с данщиками великокняжескими, а не порознь.

Касательно дворов, которыми удельные князья владели в Москве, встречаем следующее распоряжение в духовной Ивана III: «А что есмь подавал детям своим селца у Москвы з дворы з городскими на посадах: и дети мои в тех дворех торгов не держат, ни жытом не велят торговати, ни лавок не ставят, ни гостей с товаром иноземцов, и из Мос-

ковские земли и из своих уделов в своих дворах не велят ставить; а ставятся гости с товаром иноземци, и из Московские земли и из их уделов на гостиных дворах, как было при мне; а дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлыны не вступаются. А кто учнет в детей моих селцах и в дворах в городских торговати съестным товаром: и сын мой Василей тех торгов не велит сводити, а пошлыну полавочную с них берет сына моего Васильев прикащик, как было при мне».

Торгов, или ярмарок, князя не могли переводить (сводить) из одного удела в другой, не могли запретить купцам своих уделов ездить на торги, находившиеся в чужих владениях. Иван III говорит в завещании: «А что есмь свел торг с Холопья городка на Мологу, и тот торг торгуют на Молозе съезжаяся; как было при мне; и сын мой Дмитрий емлет пошлыны, как было при мне, а лишних пошлын не прибавливает ничего; а сын мой Василей и мои дети того торгу на свои земли не сводят, не заповеди в своих землях не чинят к тому торгу ездити».

Касательно народонаселения, князя в своих договорах делят его на два разряда, народонаселение свободное и несвободное. Из первого в духовных и договорах княжеских упоминаются: во 1) граждане, люди городские, преимущественно торговые, гости и суконники; касательно московских граждан князя обыкновенно заключают следующее условие: «А гости и суконников и городьских людей блюсти ны с единого, а в службу их не примати». Рать, набранная из московских граждан, ходила в поход особо под своим тысяцким, а по уничтожении этого сана — под особыми воеводами великокняжескими, и князя обязывались не принимать московских ратников в свои дружины: «А московская рать хто ходил с воеводами те и нонеча с воеводами, а нам их не примати». «А московская рать ходит с моим воеводою великого князя, как было переже сего». 2) *Черные люди*, свободные граждане, не принадлежавшие ни к какому известному, определенному разряду; касательно их князя обязывались: «тых в службу не примати, но блюсти их с единого, а земь их не купити». Подобное же обязательство существовало и относительно 3) *численных людей*, или *числяков*. Чис-

ленными они назывались потому, что подлежали числу, т. е. поголовной переписи для платежа дани: дань в это время, несмотря на монгольскую перепись, взималась не с души, но с капитала, с приравнением всех промыслов к сохе; те же люди, которых занятия не были приравнены к сохе, подлежали поголовной подати, числу⁵⁵⁷. 4) Ордынцы и делюи. Под именем первых разумелись пленники, выкупленные князьями из Орды; под именем вторых — деловые, мастерские люди; касательно их князья обязывались: «А что наши ордынцы и делюи, а тымь знати своя служба, как было при наших отцах, а землю их не купити». Подтверждением сказанного мнения об ордынцах служит следующее место из договора Симеона с братьями: «А которые люди по нашим волостем выиманы нын... воины... нам к себе не примати: а которых людей отец наш к. в. выимал из... (т. е. из Орды) в службу, те так и знают свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к себе не примати»: распоряжение, совершенно одинакое с приведенным распоряжением об ордынцах. 5) *Слуги, которые потягли к дворскому, кто будет под дворским слуг*. Они отличаются от слуг вольных, которые подобно боярам имели право отъезда: «А бояром и слугам, кто будет не под дворьским, вольным воля»⁵⁵⁸. «А кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи себя не принимают, ни от сотников; а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел». След., слуги вольные подобно боярам и детям боярским могли отъезжать от одного князя к другому, удерживая свои земли, а слуги под дворским теряли их посредством отъезда, ибо эти земли были данные от князей. Земель, этим слугам принадлежащих, равно как земель, черным людям принадлежащих, князья обязывались не покупать⁵⁵⁹.

В духовных завещаниях князей упоминаются люди несвободные, доставшиеся князю разным образом и приставленные к разным должностям в княжеском хозяйстве, которых князья делили между собою. Так, упоминаются бортники и оброчники купленные. Калита пишет в завещании: «А что моих бортников и оброчников, которые в котораго (т. е. сына) росписи, то того; а что мои люди купления в великом свертце, а теми ся поделять сынове мои». Деловых

же людей и отправлявших разные почетные службы князя обыкновенно перед смертью отпускали на волю⁵⁶⁰. Князя обыкновенно обязывались в договорах не покупать в Москве человека с двором; обязывались также не замышлять *выводов*, т. е. не выводить, не переманивать народа из чужих уделов.

Касательно торговли между уделами князя обязывались не замышлять рубежа, обязывались держать мыты старые, пошлые, и новых мыгтов не замышлять, ни пошлин: «а мыта с воза и в городех всех пошлин денга, а с пешехода мыта нет; а тамги и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи со дски по алтыну, а с струга с набои по два алтына, а без набои денга». Лодьи в князей освобождались от пошлин: «а со князей великих лодей пошлин нет»⁵⁶¹.

Касательно спорных дел между самими князьями, между подданными разных уделов и касательно судопроизводства в Москве, в которой имели участки все родичи, в договорных грамотах встречаем следующие положения: «А которая дела учиняться межи нами, и нам отослати своих бояр, ини переговоряться; а о чем сопрутся, ини едут к митрополиту; а не будет митрополита в сей земле, ине на третей, кого себе изберут: а которые бояре умолят (в др. — и котораго князя бояр умолять, т. е. котораго князя бояр убедят в неправде их дела), то подойдет князь, котораго умолят (в др. — тот князь подыметь), а бояром вины нет».

Касательно распрей между подданными разных уделов: «А даному, положенному, поручному, заемному, кабальному, холопу, робе суд по исправе; а татя, разбойника, душегубца, рубежника (кто сведет, переменит рубеж), беглеца по исправе выдати. А пошлина за беглеца с семьи 2 алтына, а с одинца алтын. А суженаго не посужати; а суд нам держати межи своих отчин по старен, в правду, бес перевода». В. князь договаривался с удельным: «А буду опроче Москвы, а ударить ми челом москвитин на москвитина, пристава ми дати, а послати ми к своим наместником, ини исправу учинять, а твои наместники с ними: а ударит ми челом хто из в. княженья на москвитина на твоего боярина, и мне пристава послати по него, а тебе послати за своим своего боярина. А ударит ми челом мой на твоего, хто живет в твоём уделе, и мне послати

к тебе, и тебе ему исправа учинити: а ударит ти челом твой на моего, хто живет в моем уделе и в княженьи, и тебе послати ко мне, и мне ему исправа учинити; а за ними слати нам своих бояр». В случае несогласия судей с обеих сторон назначался третейский суд: «А о чем судьи наши сопрутся, ини зовутся на третей, а берут себе третьего из моих бояр в князя дву бояринов, а ис твоих, брате, болшого боярина единого, а воименует третьего тот, хто ищет, а тот берет, на ком ищут: а не изберут себе судьи третьего ис тех трех бояринов, ино им третий яз князь велики, ини придут перед меня перед в князя, и мне им велети брати ис тех же трех бояринов третьего, на которых ся звали; а не всхочет тот, на ком искали, ис тех трех бояринов третьего, на кого ся звали, и мне в. к. того обвинити, и велети на том доправити». Третий не мог назначаться из другого в княжества, напр., если дело шло между подданными уделов Московского в княжества, то третий не мог быть избран из Рязанского в княжества⁵⁶². Касательно московского суда в князь договаривался с удельным: «А судов ти московских без моих наместников не судити, а яз иму московский суд судити; тем ми с тобою делити». Или: «А городьских судов и становых, что к городу тянет, того ми без твоего наместника не судити; ни тебе без наших наместников не судити»⁵⁶³.

Относительно ханов в князь предоставлял себе исключительное право *знать Орду*, т. е. удельные князья должны были давать ему со всех уделов дань, которую он и отвозил в Орду. Издержки ордынские, которые поднимали все князья сообща, были следующие: 1) *ордынская тягость*, т. е. количество денег, даваемое в выходе, или дань; это количество денег определялось или в завещаниях князей при распределении уделов между сыновьями, или в последующих договорах между братьями, напр., Донской пишет в завещании: «А коли детям моим взята дань на своей отчине, чем есмь их благословил, и сын мой князь Василий возмет с своего удела с Коломны и со всех коломенских волостей триста рублей и сорок и два рубля. А князь Юрьи возмет с Звенигорода и со всех звенигородских волостей двесте рублей и семьдесят рублей и два рубля. А князь Андрей возмет с Можайска» и т. д. Так как количество выхода не было определено, а зависело или от прихоти

ханов, или от различных отношений к ним в. князей, то, след., и количество дани с уделов должно было изменяться; вот почему в договорах князя обыкновенно прибавляют: «а прибудет ли убудет ли, ино по розочту». Уже начиная с Дмитрия Донского встречаем постоянно в договорах условие, что если Бог освободит от Орды и не будет более выхода, то деньги, собираемые с уделов, будут идти в казну их князей. С словом *гань* в договорах постоянно соединяется другое слово — *ям*: «дань и ям, а коли придет дань или ям»; «а дань и ям давати ти мне с своее отчины из Галича с волостьми по давному... а переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и тебе имати дань и ям с своее отчины себе»⁵⁶⁴. Как *гань* происходит от *гавать*, так *ям* происходит от *имать, емлю*.

2) *Протор*, издержки, употребляемые в. князьями для поездки в Орду, подарков хану, ханшам, князьям ордынским и мурзам, для приема послов и т. д. Когда между в. князем и удельным было нелюбие и последний принужден был выезжать из своей отчины и не пользовался доходами с нее, то по заключении мира удельный князь выговаривал, чтоб с него не брать татарских проторей, которым подвергался в. князь во время отсутствия удельного из отчины своей. Равно удельный князь не обязан был участвовать в тех татарских проторях, которые в. князь понес для получения ярлыка на собственные примыслы; и наоборот, в. князь не участвовал в издержках удельного, которые тот понес для примыслов к своему уделу⁵⁶⁵.

3) *Долг*. Часто в. князья для удовлетворения требованиям из Орды должны были занимать деньги; долг разделялся на бесерменский, т. е. деньги, занятые в самой Орде у купцов бесерменских и вообще у иностранцев, и долг русский, деньги, занятые у русских подданных⁵⁶⁶. Но когда прекратилась ордынская тягость, и тогда в. князья не переставали требовать с удельных денег не в выход уже, но для содержания служебных татарских царевичей.

Касательно татарских нашествий и завоеваний в договорах и духовных грамотах встречаем условие: если татары отнимут у одного из братьев какую-нибудь волость, то должен иметь место новый дележ для вознаграждения князя, потерявшего волость.

При заключении мирных договоров между князьями одного в. княжества имели место следующие условия: все взятое в неприятельском уделе во время розмирья возвращалось сполна, кроме съестного и пограбленного во время битвы и у пленников; если же взявшие не отдавали добровольно, то имели место суд и исправа⁵⁶⁷. Пленники также возвращались без выкупа; если они были отданы на поруки, или даны были на них кабалы, или взято с них крестное целование, то поруки сводились, кабалы уничтожались и крестное целование снималось. Иногда в. князь требовал, чтоб удельный выкупил пленников, проданных за границу княжества, и возвратил их ему⁵⁶⁸. Управление наместников и волостелей, сидевших в областях, отнятых в неприятельском уделе, должно было по заключении мира быть предано рассмотрению, и если окажется, что они взяли что-нибудь несправедливо, то должны возвратить⁵⁶⁹. Иногда, впрочем, князья условливались, чтоб все пограбленное во время войны было предано с обеих сторон забвению⁵⁷⁰.

В заключение мы должны обратить внимание на положение женщины в княжеском семействе касательно владения собственностью. Умиравший князь обыкновенно завещал вдове своей известные волости *до ее живота*, а по смерти ее эти волости переходили или к старшему сыну, или к тем сыновьям, из уделов которых они были выделены. Но в каждом уделе были села *княгининские пошлые*, постоянно назначавшиеся на содержание жене князя; эти села по смерти князя находились во владении у вдовствующей княгини до тех пор, пока старший сын ее женится, и тогда она должна была передать их своей снохе⁵⁷¹. Кроме сел княгининских пошлых и волостей, которые князь давал княгине своей до ее живота, он давал ей иногда волости в полное владение с правом распоряжаться ими как хочет, завещать их кому хочет: такие волости назывались *опришниною*⁵⁷². Равно княгиня могла покупать волости или делать примыслы и этими примыслами располагать по произволу⁵⁷³. Во всех своих участках княгиня была полною, независимою владельницею, пользовалась всеми теми правами, какие имели и удельные князья⁵⁷⁴. Все князья-братья сообща должны были заботиться о боярах княгини матери своей⁵⁷⁵.

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ КАЛИТЕ

Иван Калита Московский продолжает поведение брата своего Юрия, т. е. будучи проникнут господствовавшей в то время мыслью — усилить во что бы то ни стало свое княжество на счет других, он примышляет к своему владению земли, делает это с меньшим насилием, но не с меньшею пользою и прочностью. Кто приобретает, тот дорожит своим приобретением и не рискует им; такой характер бережливого хозяина, который трепещет за свою собственность, за свои приобретения и потому избегает мер решительных, был необходим в наших князьях вследствие нового порядка вещей, именно вследствие понятия о собственности, вследствие того, что все северные князья были собственниками: отсюда этот хозяйственный характер, господствующая мысль о приобретении и сбережении, избежание решительных мер, которые отличают большинство северных князей, и преимущественно князей московских, от Даниила до Иоанна III, последнего князя-хозяина и первого государя.

Разумеется, что такой хозяйственный характер северных князей лишен той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характер князей южных, героев, предводителей дружин, которые не собирали себе ни золота, ни серебра, но все раздавали дружине — и расплодили Русскую землю. Точно, наши древние князья своею отвагою, своею беспокойною деятельностью расплодили Русскую землю, наметили границы ее европейской государственной области, неутомимо пробегая ее пустынные пространства, строя города, прокладывая пути чрез леса и болота, населяя степи, соединяя расточенное народонаселение: но здесь и оканчивается их благодетельная деятельность, ибо прочности, крепости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходим был хозяйственный характер северных князей — собственников. Южные князья до конца удержали прежний характер, и Южная Русь веками бедствий должна была поплатиться за это и спаслась единственно с по-

мощию Северной Руси, собранной и сплоченной умным хозяйством князей своих.

Я сказал, что большинство северных князей отличалось этим хозяйственным характером; были исключения: к ним принадлежал Александр Михайлович Тверской, князь храбрый и благородный, но далеко не предусмотрительный и покорный первому внушению. Такой соперник не мог быть опасен Калите, и торжество Москвы было бесспорно; но еще прежде Иван постарался упрочить это торжество.

В 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и перешел на жительство во Владимир. Последний город был столицей великих, или сильнейших, князей только по имени, каждый из них жил в своем наследственном городе: однако пребывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай. После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтоб митрополит утвердил в нем свое пребывание: это необходимо давало ему вид столицы всея Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом: мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо туда со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления; наконец, митрополит необходимо должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание.

Калита умел⁵⁷⁶ приобрести расположение св. митрополита Петра, так что этот святитель жила в Москве больше, чем в других местах⁵⁷⁷, умер и погребен в ней. Гроб св. мужа был для Москвы столь же драгоценен, как и пребывание живого святителя; выбор Петра казался внушением Божиим; разнеслось пророчество его о будущем величии Москвы, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева; другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и негодовали⁵⁷⁸, но помочь было уже нельзя.

В то время как московский князь сделал в престоле митрополичьем такое приобретение для своего княжества,

которое было важнее многих областей, Александр Тверской легковерием своим погубил себя и все княжество.

В 1327 году явился в Твѣрь посол ханский именем Шевкал, или Щелкан (как называют его наши летописцы), племянник Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся нелепый слух, что Шевкал хочет погубить в. князя со всем семейством, а жителей обратить в магометанство.

Я назвал этот слух нелепым, ибо татары отличались веротерпимостию, необыкновенным уважением ко всякой чужой религии и никогда не были ревнителями магометанства. Известно, что они получили от Чингисхана предписания, носящие имя Тунджин, или Яса-Намэ, т. е. Книги Запретов, где Темучин предписывал терпимость и уважение ко всем религиям вообще. Вследствие этого монгольские ханы были всегда окружены людьми всех вер, которые свободно отправляли свое богослужение; в Сарае Русская церковь имела свое епископство; русское духовенство пользовалось большими правами, данными ему от ханов. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как видели, выдал сестру свою за Юрия Московского и позволил ей креститься⁵⁷⁹.

Из всего приведенного легко усмотреть, как неоснователен был слух, разнесшийся в Твери о намерениях Шевкала; но Александр вполне ему поверил; он созвал граждан, вооружился и пошел на Шевкала, целый день бились с остервенением, к вечеру тверичи одолели, Шевкал бросился в дом князя Михаила, где был сожжен вместе с остальными татарами, даже купцы восточные, пришедшие с ними, были истреблены⁵⁸⁰.

Можно было предвидеть, что Узбек не оставит этого дела без мести. Зная соперничество между князьями тверскими и московскими, зная также лично Ивана, который уже бывал в Орде, хан послал за ним⁵⁸¹. Калита понял, об чем идет дело, и отправился немедленно; понял свое положение и несчастный Александр и послал в Новгород просить убежища; новгородцы отказали сыну злейшего врага своего и приня-

ли наместников Калиты, которого братья так ревностно бились за их выгоды⁵⁸².

Иван возвратился из Орды с 5 темниками (50 000 войска), присоединил к себе князя суздальского и пошел на Тверь. Вся область была страшно опустошена, и это опустошение было одною из причин, почему Тверь после не могла успешно бороться с Москвою⁵⁸³. Александр убежал во Псков, братья его — в Ладогу.

Опустошив Тверское княжество, Иван отправился в Орду. Однако хан не был доволен одним опустошением Александровых областей: он отдал их брату его Константину (доказательство, что татары ничего не переменили из старого), а Калите велел отыскать Александра и прислать в Орду. Вследствие этого приказа Калита вместе с другими князьями — тверским и суздальским и с новгородцами двинулся ко Пскову; послы в князя и В. Новгорода явились к Александру с убеждениями идти в Орду; «лучше тебе одному пострадать, чем губить всю Русскую землю», — говорили они. Александр отвечал горькими словами: «Правда, я должен пострадать за всех; но и всем вам надобно бы было единодушно стоять друг за друга, за Русскую землю и за православие, а вы вместо того наводите татар и братию свою предаете им»⁵⁸⁴.

Благородные псковитяне не могли стерпеть, чтоб Александр пошел от них на явную смерть; сдружившись с опасностью в беспрестанных битвах с немцами и литвою, псковитяне приобрели это благородство, это высокое умение жертвовать благому делу собственною корыстью и спокойствием; они сказали Александру: «Не ходи в Орду за напрасною смертью, но сиди во Пскове, а мы все за тебя головы свои сложим». Тогда союзные князья начали советоваться, как помочь делу: им страшна была решительность псковитян, им страшны были соседние немцы, с которыми в крайности псковитяне могли соединиться⁵⁸⁵; наконец придумано было средство: князья уговорили митрополита Феогноста наложить церковное запрещение на псковитян. Тогда Александр объявил на вече, что не хочет подвергать граждан святительскому проклятию, и удалился в Литву. Союзные князья были довольны таким окончанием дела и оставили псковитян в покое.

Пробыв полтора года в Литве, Александр снова явился во Пскове, и граждане объявили его князем своим⁵⁸⁶. Но Александр не мог обещать себе безопасности во Пскове, ни псковичи иметь самостоятельного князя с одними своими силами, и потому решились признать зависимость от могущественного уже тогда Гедимины, князя литовского. Чтоб разорвать совершенно связь с Новгородом, псковитяне с Александром и Гедимином хотели иметь особого епископа, на что, однако, митрополит Феогност никак не хотел согласиться⁵⁸⁷.

10 лет княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери, особенно видя, что Псков по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его; касательно же родной области он знал старый обычай, что дети изгнанного князя лишаются наследства⁵⁸⁸. В 1337 году Александр явился в Орде, удостоверившись прежде чрез сына Феодора, что есть надежда на прощение. Ханы любили тщеславиться великодушием, благосклонно принимали и отпускали славных князей русских, Даниила Галицкого, Александра Невского, тогда как гибелью их могли более укрепить свое господство в Руси; Узбеку приятно было видеть русского князя, смелого истребителя татар, теперь покорно молящего о милости. Слова Александра, отзывавшиеся восточными понятиями, были способны тронуть варвара. «Я сделал много зла тебе, — сказал ему тверской князь, — но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что Бог возвестит тебе»⁵⁸⁹. Узбек сказал окружавшим: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти» и позволил ему возвратиться в Тверь снова на великокняжеский (т. е. тверской) стол; брат его Константин не смел ослушаться хана и уступил княжество.

Возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью; непримиримая родовая вражда не могла уснуть в Александре. Скоро встречаем в летописи известие, что тверской князь не мог поладить с московским и не заключили они между собою мира⁵⁹⁰. Еще прежде видим, что бояре тверские отъезжают от Александра к Ивану⁵⁹¹. Последний видел, что спор мог кончиться только гибелью одного из них, и решился предупредить противника. В 1339 году Калита отправился с 2 сыновьями в Орду, и тотчас

Александр получил приказ явиться туда же; этот зов последовал *гумою* Калиты, говорит летопись⁵⁹². Александр предпочел смерть вторичному изгнанию, отправился в Орду и был там убит вместе с сыном⁵⁹³. Иван остался без соперника.

Мы видели, что князья хорошо понимали, к чему поведет усиление одного княжества на счет других при исчезновении родовых отношений, и потому старались препятствовать этому усилению, составляя союзы против сильнейшего. Что предугадывали они, то и случилось. Московский князь, ставши силен без соперника, спешил воспользоваться этою силою, чтоб примыслить сколько можно более к своей собственности. Начало княжения Калиты было, по выражению летописца, началом насилия для других княжеств, где московский собственник распоряжался своевольно.

Горькая участь постигла знаменитый Ростов Великий; три раза проиграл он свое дело в борьбе с презренными пригородами, и хотя после перешел как собственность, как опричина в род старшего из сыновей Всеволодовых, однако не помогло ему это старшинство без силы: ни один из Константиновичей Ростовских не держал стола великокняжеского, ни один, след., не мог усилить свой наследственный Ростов богатыми примыслами, и скоро старейший из городов северо-восточных должен был испытать насилия от младшего из пригородов. «Отъялась от князей ростовских власть и княжение, имущество, честь и слава!»⁵⁹⁴ — говорит летописец. Приехал с Москвы боярин именем Василий, прозвищем Качева, да с ним еще другой — Миняй, и не было конца гонениям, которые должны были претерпеть от них граждане: самые первые бояре не были пощажены, и многие из них должны были выселиться из родного города⁵⁹⁵.

Историк не может принять вполне этого известия: он слышит здесь только один голос обвиняющий и, не имея оправданий со стороны обвиненного, не может приступить к суду беспристрастному. Впрочем, насилий со стороны Москвы не могло не быть, ибо не могло быть добровольного, тихого подчинения старых, независимых княжеств одному из самых младших городов.

Со стороны утесненных князей также не обошлось без сопротивления. Так, в. к. встретил врага в зяте своем Василии

Давидовиче Ярославском, который, видя, какую гибелью грозит усиление Москвы другим княжествам, взял сторону Александра Тверского и помогал ему в Орде⁵⁹⁶. Чем кончилась эта вражда, неизвестно; знаем только, что Василий был вызван ханом вместе с Александром, но что возвратился благополучно из Орды и пережил Калиту. По смерти Александра и Тверь не избежала насилий Москвы: так, в 1338 году Калита велел снять от св. Спаса колокол и привезти в Москву⁵⁹⁷.

В 1340 году умер Калита⁵⁹⁸. Знаменитый хозяин, богатый собственник, он должен был распорядиться своею собственностью, своими примыслами, оставить завещание. И точно, до нас дошли две духовные грамоты Ивана Даниловича, обе писаны в 1328 году⁵⁹⁹. Все братья Калиты, которых было четверо⁶⁰⁰, умерли прежде него и без потомства; след., он мог приказать сыновьям своим все Московское княжество со всеми старыми примыслами. Между 3 сыновьями и женою поделил Калита свое движимое и недвижимое имение: старшему Семену отдано 26 городов и селений, в числе которых примыслы Юрия Даниловича — Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, — 23 города и селения, из них главные Звенигород и Руза; третьему, Андрею, — 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми — опять 26. Здесь замечательно, что величина уделов следует старшинству; след., самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, напр., Можайск был прежде особым княжеством; притом княгиня вдова, как увидим из последующих завещаний, пользовалась уделом своим по жизнь, а по смерти ее он переходил к старшему же сыну⁶⁰¹.

Глава III

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СИМЕОНЕ ГОРДОМ

По смерти Калиты все русские князья отправились в Орду; хан объявил Симеона Московского в князем владимирским; благодаря усилению Москвы это уже не был теперь пустой титул, но чего опасались князья еще со времен Мстислава Храброго, то исполнилось: они перестали быть

родичами и стали подручниками: «и все князи русские под руже его даны»⁶⁰².

Мы видели, что с уничтожением родового единства все старшие князья отдельных родов необходимо принимают титул великих, который именно и означал только старшего в известном роде; Симеон, князь московский и владимирский, взяв под свои руки всех других князей великих, называет уже себя в. князем всея Руси и таким образом отделяет родовые понятия от государственных, оставляет другим князьям название великих, но себе берет титул начальника не рода княжеского, но всей Русской земли, государства. И прежние сильные духом в. князья повелевали младшими, которые должны были ездить подле их стремени и приходиться по первому зову, но тогда они повиновались как дети отцу; теперь в. князь Симеон требует безусловного повиновения, но требует как государь, и тяжело было для князей подобное повиновение: они прозвали Симеона Гордым. Есть известие⁶⁰³, что Симеон, созывая князей для известных целей своих, напоминал им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему, и что теперь только таким же беспрекословным повиновением ему, Симеону, они могут надеяться освобождения от татарского ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношениями, знали, к чему поведет такая покорность. Говорят⁶⁰⁴, что Симеон и личным характером своим был способен возбудить почтение, умел остеречься от того гнусного порока, который был тогда общим, от пьянства, и не терпел его в других; ненавидел крамолу и неправду и строго наказывал за них; он умел приобрести уважение и тем, что, довольный богатым наследством, не собирал всякими средствами имения, но расточал его на выкуп пленных; мало того, Симеон хотел показать князьям, что они могли только выиграть, признав себя его подручниками, так, напр., исходатайствовал в Орде для разоренного тверского княжения свободу не платить дани монголам⁶⁰⁵.

Княжение Симеона необильно событиями: при нем не было сильных междоусобий, ибо князья не могли тронуться из страха пред в. князем всея Руси; при нем не было татарских нашествий, ибо ханы и князья ордынские чтили молодого

го, но умного князя московского: 5 раз ходил Симеон в Орду и всякий раз приходил оттуда «со мною честию и с пожалованием». Только в 1351 году летописец упоминает о походе Симеона к Смоленску, кончившемся скорым миром; причины неизвестны: вероятно, смоленский князь не хотел признать себя подручником московского⁶⁰⁶.

Я сказал, что в княжение Симеона Русь не испытала ни кровавых усобиц, ни татарских нашествий; но зато в 1352 году явилась страшная язва под именем черной смерти, которая опустошила русские области сильнее, чем междоусобия и монголы; в 1353 г. она поразила в Москве митрополита Феоноста, самого в. князя, двоих сыновей его и брата Андрея Ивановича. Симеон умер еще очень молод, 36-ти лет; он также оставил завещание, в котором отказал удел свой и все движимое и недвижимое имущество жене, по смерти которой все это перешло к брату Симеонову в. князю Ивану Ивановичу: это явление важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились в один и таким образом сделали в. князя Ивана вдвое сильнее. Третий сын Калиты Андрей умер в одно время с Симеоном, и уже по смерти его родился сын, знаменитый после Владимир; по новому понятию об отдельной собственности послерожденный младенец вполне получил удел отца своего, но, разумеется, не мог иметь притязаний на удел дяди Симеона⁶⁰⁷.

В завещании Симеона любопытно следующее наставление братьям, из которого оказывается оседлость бояр вследствие нового порядка вещей, явление старых отцовских бояр, которых мы так мало видим прежде⁶⁰⁸: «А по отца нашего благословенью, что нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю своей братьи жити за один; а лихих бы есте людей не слушали, и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, также старых бояр, хто хотел отцю нашему добра и нам. А пишу вам се слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Еще замечательнее для нас другая грамота, оставшаяся от княжения Симеона, — это договор его с братьями. Теперь, когда родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями, знак, что они уже не смотрят более

на себя, как на братьев, уже не верят родственному союзу, видят друг в друге отдельных владельцев. Нас не обманут здесь выражения из мира прошедшего: так, в начале договора младшие братья обещаются чтить Симеона «во отцево место». Младшие родичи постоянно требуют поддержания прежних родовых отношений, мы увидим, что они будут требовать этого до самого пресечения Рюриковой династии; но уже то одно обстоятельство, что они заключают договор со старшим, показывает тщету их требований.

Прежде князья не иначе называли друг друга, как брат, отец, сын: в нашем договоре младшие братья, обещая, что будут иметь Симеона во отцево место, не смеют, однако, или не хотят, или, скажу более, не умеют назвать его: *отче*, но: *господине*, князь великий! Младшие братья более всего толкуют о собственности, о своем участке, чтобы старший не обидел, чего не отнял у них, также: «кто из нас что примыслил или прикупил, или кто по семь что кто прикупить или примыслить чужее (к) своим волостем, и того блюсти, а не обидети». Каждый, след., предоставляет себе право действовать отдельно, прикупать и примышлять собственно для себя, к своему участку.

Показав отношения в роде Калиты, мы должны обратиться к другим родам княжеским, в которых происходят также любопытные явления. По смерти Александра Тверского стол его занял по-старому брат Константин Михайлович; но если племянники, по-новому, не медлили вооружиться против дядей, то и последние, с своей стороны, спешили предупредить племянников: так, Константин Михайлович начал теснить вдову Александрову и сына Всеволода Холмского; замечательно средство, избранное им для этого утеснения: он угнетал бояр и слуг их. Всеволод Александрович, не могши сносить этого, ушел сперва в Москву к Симеону, а потом в Орду; Константин отправился за ним вслед туда же, но умер прежде решения дела. Всеволод получил ярлык; но другой дядя (четвертый), Василий Михайлович Кашинский, не захотел подчиниться племяннику; в отсутствие последнего он захватил дани в Холмском уделе и отправился с ними к хану в надежде золотом перебить ярлык у Всеволода; на дороге оба соискателя встретились, и племянник ограбил дядю, след., сделал по-

ездку его в Орду невозможною⁶⁰⁹. Можно догадаться, что вражда между тверскими князьями этим не кончилась: «И сотворися межю ими нелюбие, и мало кровопролития не бысть межю их, а людям тверским (сотворися) тягость и мнози люди тверския того ради настроения разыдошася»⁶¹⁰.

В 1348 году тверскому епископу Феодору удалось примирить князей; тронутый его увещаниями, племянник уступил великое княжение дяде (четвертому!): «И приеха во Тверь князь Василей Михайлович на великое княжение, и нача жити с братаничем своим со князем Всеволодом Александровичем Холмским тихо, и кротко, и мирно; в любви мнозе. И поидоша к ним людие отвсюду во грады их, во власти и во всю землю Тверскую, и умножишася людие и возрадовашася радостию великою»⁶¹¹.

Я нарочно привожу собственные слова летописца, дабы показать, в каком брожении находилось тогда общество: когда князья начинают ссориться, люди стремятся вон из их области; когда мирятся, приходят снова, кочуют из одного княжества в другое; ясно, какие огромные толпы людей бездомных должны были образоваться в это время, которые привыкли к жизни кочевой, к бездомовью, ко внеобщественному положению: отсюда усиление казачества. Ясно также, что при этих непрерывных насилиях и от своих, и от чужих народ отвыкал от собственности, от удобств жизни, скрывал имущество, становился сам скрытным и диким; женщина, спасаясь от оскорбления, запиралась в отдаленные покои, не выходила из дому, не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно вследствие необходимости скрыться от оскорблений; женщины дичали, запертые в теремах, мужчины дичали вследствие их отсутствия, — и между тем так сильна была общественная связь, в основании которой лежало христианство, что, несмотря на все препятствия, общество не распалось, но претерпело до конца и спаслось. Даже в самых бедствиях, описанных нами, которые принуждали граждан к беспрестанным переселениям, были свои выгоды для общества: эти переселения, эти движения уничтожали местные, областные различия, областные народности, уничтожали враждебные отношения между жителями разных княжеств; вот одна из причин, почему разные

княжества так легко примкнули к Московскому, почему сопротивление было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселения.

Любовь и мир между дядею и племянником были непродолжительны; как скоро в 1351 году Василий Михайлович получил подтверждение от хана, так начал опять теснить племянника: «и нача братанича своею обидити чрез докончание, и бояр его, и слуг его тягостию данною оскорбляти, и бысть межи их неимоверство и нелюбие, по бесовскому злодейству»⁶¹².

Посредничество св. митрополита Алексея не помогло несчастному Всеволоду, равно как и поездки в Орду; он был выдан ханом дяде: «И бысть князю Всеволоду от дяди его томление велие, покаже (?) и бояром его и слугам, и продажа, и грабление велие на них; такоже и черным людем данная продажа велия»⁶¹³. Подобные отягощения были для сильных князей самым лучшим средством принуждать области слабых князей к отложению от них, что увидим и после.

Не одно, впрочем, Тверское княжество было сценою подобных явлений: они повторялись везде, ибо везде родовая связь рушилась, и каждый князь стремился к усилению себя на счет других во что бы то ни стало, не разбирая средств. Еще в 1339 году встречаем у летописца известие, что один из Ольговичей, князь козельский Андрей Мстиславич, был убит племянником своим Васильем Пантелеичем⁶¹⁴. В Рязанском княжестве две линии князей — рязанских и пронских враждовали друг с другом. Князь рязанский Иван Коротопол, исходя из старшей линии, считал себя вправе быть единственным в князем и знать Орду исключительно пред другими; но князь пронский Александр Михайлович хотел быть также старшим, или в князем в своем роде и знать Орду независимо от князя рязанского. В 1340 году Иван Коротопол, возвращаясь из Орды, встретил Александра Пронского, отправлявшегося туда же с выходом, ограбил его, привел в Переяславль Рязанский и там предал смерти⁶¹⁵. В 1342 году сын убитого Александра Ярослав Пронский выхлопотал себе ярлык на Рязань и выгнал Коротопола, который, однако, после опять овладел Рязанью и был убит там неизвестно кем⁶¹⁶. Ему наследовал сын его знаменитый Олег Иванович.

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ ИОАННОВИЧЕ

События, описанные нами в конце предыдущей главы, не имели места в Московском княжестве при наследнике Симеона. Вначале он встретил себе соперника в князе суздальском Константине, который также пошел в Орду за ярлыком на великое княжение Владимирское. Какое право имел Константин, хотя бы даже по старинным родовым счетам? Правда, он был троюродный брат Калиты, след., дядя сыновьям его; но такое старшинство и прежде было недействительно, если оно ограничивалось известными обстоятельствами, которые здесь имели место. Андрей Ярославич похитил старшинство и был свергнут Невским, по смерти последнего в. князем не был, сын его Василий также: но мы знаем, что если отец не был старшим в роде, то сын считался постоянно младшим и не способным к наследованию старшинства⁶¹⁷. След., Константин Суздальский искал в княжении не по старому, но по новому порядку вещей, т. е. всякий князь имел право в том случае, если был богат и силен — богат, чтобы купить ярлыки, силен, чтобы поддержать себя против соперника. Для покупки ярлыка суздальский князь был довольно богат не собственными средствами, а новгородскою помощью; однако московский князь был щедрее, и ярлык отдан ему. Но ни князь суздальский, ни новгородцы не хотели обращать внимания на ярлыки: Константин примирился с Иваном только в 1354 году; тогда же и новгородцы приняли наместников московских.

Княжение Ивана II замечательно также продолжением вражды с Рязанью. Мы видели, что эта вражда началась при Данииле насильственным движением со стороны Москвы, захвачением городов и князя, потом убийством последнего при сыне Данииловом. Только что умер Симеон, как рязанцы начали с своей стороны наступательные движения и захватили Лопасню: здесь в первый раз упоминается молодой князь их, знаменитый Олег Иванович. Лопасня и 6 других мест были потеряны: вместо Лопасни Владимиру Андрееви-

чу дан Новый Городок на устье Поротли⁶¹⁸; но этот урон был вознагражден другими приобретениями в Рязанской области, что видно из слов Ив[ана] Ив[ановича] в завещании: «А то ся ми достали места рязаньская на сей стороне Оки, и с тех мест дал есмь князю Владимиру в Лопастны места, Новый городок на усть Поротли; а иная места рязаньская отъменьная сыном моим, поделятся на полы без обиды».

Всего замечательнее княжение Ивана следующим в Москве происшествием: мы имели уже случай говорить, что вследствие оседлости князей бояре должны были приобрести большее значение в княжестве; по той же самой причине и тысяцкий как член княжеской дружины, как боярин приобрел важное значение на северо-востоке. Теперь, при оседлости князей и переходе княжества от отца к сыну, тысяцкий получил возможность отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, след., будучи посредником между князем и городовым народонаселением, имел возможность приучить народ к себе, приобрести его расположение не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначили в тысяцкие сына умершего чиновника для удовольствия народного: отсюда наследственность должности в одном доме⁶¹⁹. Ясно, что такая сила могла быть опасна прежде всего другим боярам, которых влияние стеснялось влиянием тысяцкого, а потом могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интерес бояр, равно как интерес самого князя, требовал уничтожения сана тысяцкого.

В описываемое нами время должность московского тысяцкого отправлял знаменитый боярин Алексей Петрович; гордый народным к себе расположением, он поднял крамолу против Симеона Гордого, но был изгнан и лишен своих волостей; все три брата — Симеон, Иван и Андрей поклялись не принимать в свою службу мятежного боярина⁶²⁰, и, несмотря на то, он является тысяцким при в. князе Иване. Зимой, 3 февраля 1357 года, рано, во время заутрени тело Алексея Петровича было найдено на площади со всеми признаками насильственной смерти. Никто не видал, как совершилось убийство, но слух шел, что бояре собирали на тысяцкого тайный совет и ковали ковы, и погиб он от своих

товарищей, общему всех думою, как погиб Андрей Боголюбский от Кучковичей⁶²¹. Сильный мятеж встал в народе, озлобленном гибелью любимого сановника, и большие московские бояре должны были отъехать в Рязань с женами и детьми⁶²². Сам ли князь, оскорбленный злодеянием, заставил удалиться бояр или уступил требованиям граждан, неизвестно; известно только то, что в следующем году Иван перезвал к себе опять из Рязани двоих бояр⁶²³.

В 1359 году умер Иван, также еще очень молод, 33-х лет, оставив 2 малолетних сыновей Димитрия и Ивана и малолетнего племянника Владимира Андреевича. След., Московское княжество по смерти Ивана находилось точно в том же положении, как и по смерти Калиты, а именно — разделялось на три участка: старший сын Димитрий получил удел дяди Симеона⁶²⁴, младший, Иван, участок отца своего Ивана, а двоюродный, Владимир, удержал волость отца своего Андрея. Но Иван скоро умер, и Димитрий опять соединил два участка; Владимир Андреевич имел только один участок отцовский, борьба между братьями была невозможна, и Владимир должен был подчиниться распоряжениям Димитрия, как увидим впоследствии. В завещании в. к. Иван приказывает отчину свою Москву обоим сыновьям своим только, но Владимир Андреевич удерживает треть городских доходов как отеческое состояние, ибо Андрей получил эту треть по завещанию Калиты.

Ранняя смерть Ивана, казалось, была гибельна для Москвы, ибо малютка сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли отбивать притязания других князей на Руси? И точно, когда все князья явились в Орду и недоставало одного московского, хан отдал великокняжескую Владимирскую область князю суздальскому. По какому праву? Мимо всех прав: это явление было совершенно в новом духе, ибо и по старым понятиям Владимир мог принадлежать одному князю московскому; князь суздальский получил его не по отчине и не по дедине, повторяет летописец⁶²⁵. Еще замечательнее здесь то, что выпросил у хана ярлык не старший из суздальских — Андрей, но младший — Димитрий. Андрей, говорит летописец, не захотел взять ярлыка⁶²⁶; Татищев прибавляет причину — Андрей говорил⁶²⁷: «Доискиваться ярлыка — потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник

Димитрий Московский, то надобно будет воевать с ним; при том должно нарушить клятву, данную отцу его Ивану».

Димитрий не был так умен: он поехал во Владимир и, чтобы упрочить его за собою, остался жить в этой древней столице великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ее, которые в продолжение 3 княжений были боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую степень и старались достать ярлык своему князю. Малютка Димитрий отправился в Орду, но там нельзя было ничего добиться при страшных смятениях, когда один хан сменял другого; Димитрий спешил возвратиться в отечество. Скоро Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом; московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Димитрию. Есть известие, что за московского князя ходатайствовали в Орде родственники его, князья ростовские и тверские⁶²⁸, вероятно думавшие, что гораздо безопаснее для них видеть на владимирском столе малютку, чем взрослого. Тогда бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих — Димитрия, Ивана и Владимира и выступили с ними на Димитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и внук Калиты получил в княжение Владимирское.

Глава V

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Мы оставили знаменитое Галицкое княжество среди беспрестанных войн и крамол боярских, последовавших за смертью Романа Великого. Сыну его Даниилу удалось наконец утвердиться в нем; он оставил Червонную Русь, безопасную извне, умиренную внутри, сыновьям своим: Льву, Шварну и Мстиславу, княжеством же Владимиро-Волынским продолжал владеть брат Данилов — Василько.

Должно обратить внимание на это разделение. Мы видели, что Галицкое княжество было особным владением Ро-

стиславичей, след., не входило в общую родовую собственность потомства Ярослава I. Отделенная этим самым от остальной Руси и окруженная чуждыми государствами, в которых господствовал совершенно иной порядок вещей, область Галицкая необходимо с самого начала должна была иметь свою особую историю и не могла не подпасть чуждому влиянию. Семья Ростиславичей, отрезанная от рода Ярослава, не развилась сама в род со всеми теми отношениями, какие мы видим на Руси.

Владимирко Володаревич, нудимый своим положением, стремится к усилению себя, отделяется от родичей насильственными средствами и остается единовластителем. Это единовластительство передает он сыну своему Ярославу Осьмосмыслу, тот своему сыну: таким образом, изначала Галич привык переходить от отца к сыну. По пресечении Ростиславовой линии им овладевает Роман Волынский: это его собственность, его примысл. По смерти Романа, после страшных войн и смятений, он достается сыну его Даниилу, другой сын, Василько, получает Волынь.

Но Даниилу стоило тяжкого труда утвердиться в Галиче; он был его завоевателем, мало того, он был возобновителем, творцом своего княжества, след., более, чем отец Роман, имел Даниил права смотреть на Галич как на свою собственность и не делиться ею ни с кем; при этом не должно упускать из виду, что Галич и Волынь входят в самые тесные отношения с западными государствами: Даниил ходил на запад, в Богемию, так далеко, как никто еще из его предшественников, Даниил хотел приобрести сыну своему герцогство Австрийское посредством брака на сестре последнего герцога, наконец, Даниил принял новый, чуждый Древней Руси титул короля (гех.). Ясно, что при таких отношениях древнерусские родовые понятия должны были исчезнуть в Галиче, и король Даниил не мог смотреть глазами старинных князей русских, но смотрел на право наследства, как смотрели на него короли соседние; народонаселение галицкое также не могло смотреть иначе: бояре давно приняли характер чуждый, что доказывает быстрое их ополячение, городское же народонаселение состояло преимущественно из немцев, жидов и армян, толпами стекавшихся в богатую область.

Таким образом, те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания, которые явились в Северо-Восточной Руси изнутри, развились из ее собственного организма, в Галич были занесены извне, но прижились и утвердились необходимо, вследствие обстоятельств исторических. Так, по смерти Даниила сыновья его наследуют области галицкие, Василько остается на своем прежнем столе и после себя передает его сыну своему Владимиру. Роман Данилович, искатель австрийского престола, умер, но другой брат его, Шварн, также вследствие брака на дочери князя литовского, получил богатое наследство — Литву. К несчастью, Шварн скоро умер бездетным, и Литва отложилась от Руси, выбрав князей из своего народа.

По смерти Шварна последовало любопытное явление в Галиче: Галицкий удел покойного достался весь старшему брату Льву, младший Мстислав не получил ничего; но еще замечательнее поступил Владимир Василькович Волынский: почувствовав приближение смерти, он завещанием своим, прочитанным всенародно в церкви, отказал свое владение младшему двоюродному брату Мстиславу⁶²⁹ мимо старшего, след., распорядился своею собственностью совершенно по произволу, точно так, как на севере распорядился ею Иван Дмитриевич Переяславский.

Мстислав умер бездетным, и сын Льва Юрий соединил снова Галич и Волынь и потому назывался rex Russiae, princeps Lodomeriae; после Юрия известны сыновья его Андрей и Лев, duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae⁶³⁰; после них Юрий-Казимир, dux totius Russiae minoris⁶³¹. Юрий-Казимир умер бездетным в 1337 году, и владения его достались родственнику его Болеславу, князю мазовецкому. Развратная жизнь Болеслава, его презрение к русской народности и стремление ввести латинство заставили галичан отделаться от него ядом; тогда Казимир Великий, пользуясь несогласием галичан касательно выбора князя, успел овладеть Галициею, а Волынь досталась вместе с остальной Южной Русью князьям литовским Гедиминова рода, к истории которого теперь и обратимся.

Изначала судьба Литвы была тесно связана с судьбою Руси. Начиная со 2-й половины XIII века, мы видим, что ли-

товские князья усиливаются в Юго-Западной Руси, женятся на русских, принимают христианство православного исповедания, окружают себя русскими боярами⁶³², говорят русским языком, одним словом, совершенно русятся.

Выше было упомянуто, что Литва вследствие прекращения Миндовгова дома перешла на время в род князей галицких, но по смерти Шварна Даниловича отложились и выбрали собственных князей. Последний из них Витен был убит конюшим своим Гедимином, который похитил его власть и начал думать об усилении своего рода над всеми соседними родами княжескими. Его обыкновенно называют завоевателем русских областей: какой же был характер этого завоевания? Он заставил всех князей Юго-Западной Руси, потомков св. Владимира, признать свое первенство точно так, как прежде они признавали первенство северного князя владимирского, и князья литовские рода Гедиминова исполнили в отношении к Юго-Западной Руси только то, что начали Юрьевичи Владимирские, т. е. сначала заставили южных князей признать свое первенство, заставили признаться, что они не могут быть без них, потом мало-помалу привели их в подручные отношения и наконец сделали вполне служебными, одним словом, род Гедиминова относительно Юго-Западной Руси играет точно такую же роль, какую род князей московских играет относительно Северо-Восточной: Литва собирает Юго-Западную Русь точно так, как Москва собирает Северо-Восточную. Как здесь, так и там родовой быт, господство родовых отношений между князьями рушится: здесь — вследствие преобладания новых городов и произникшего оттуда понятия об отдельной собственности, там — вследствие того, что в челе князей рода св. Владимира стал чуждый род Гедиминов, стремившийся к приобретению могущества, к увеличению своей собственности на счет других владетельных родов, и это же самое стремление не позволило Гедиминовичам утвердить русских родовых отношений и друг к другу: они видели, что для сохранения приобретенного могущества необходимо постоянное сосредоточение власти в руках одного, и потому всегда сильнейший из них гнал, истреблял братьев; сюда нужно прибавить еще могущественное влияние государственных идей Запа-

да, с которым литовские владельцы с самого начала вошли в тесную связь.

Мы сказали, что литовские князья имеют для Юго-Западной Руси то же самое значение, какое князья московские для Северо-Восточной, т. е. значение собирателей земли Русской; но как скоро обе Руси собрались в два сильных тела, то необходимо должны были вступить в борьбу между собою; трудно, невозможно было разъединить, разнять на две половины страну, единую по своему географическому положению, происхождению народа, его языку, вере, истории; князья литовские и московские хорошо понимали невозможность дележа и потому, принявши оба титул князей русских, тем самым вызвали друг друга на отчаянный бой.

Эта борьба между обеими половинами Руси началась, как и следовало ожидать, при сыне Гедимины Ольгерде и сыне Калиты Симеоне Гордом, князе всея Руси. Любопытно, что летописцы наши приписывают обоим соперникам почти одинаковые похвальные качества, в обоих прославляют необыкновенную по тому времени трезвость и деятельность неусыпную в делах правления, чему приписывают их силу и то уважение, которое питали к ним другие князья и города⁶³³.

Ольгерд начал наступательное движение на Северо-Восточную Русь: в 1341 году, в первый год вступления своего и Симеонова на отцовские престолы, Ольгерд явился под Можайском, опустошил окрестности, осадил, но города взять не мог⁶³⁴. Скоро Ольгерд с братом Кестутием вздумали захватить владения других братьев; Наримант Гедиминович принужден был бежать в Орду, другой, Евнутий, в Москву, где и крестился⁶³⁵.

Таким образом, мы видим, что князья литовско-русские, теснимые сильнейшим, перебегают в Москву, а восточно-русские князья и бояре — в Литву; явление для нас не новое: ибо и прежде имел место непрерывный переход князей, бояр и городов то к южным, то к северным сильнейшим князьям.

Ольгерд, которого великому коварству удивляются летописцы, чувствуя, что еще нельзя одними собственными силами подчинить всю Московскую Русь, вздумал сгубить ее

в князя с татарскою помощью. В 1349 году он отправил брата своего Кориада к хану возбуждать его против Симеона Московского. Последний, узнав об этом, тотчас послал сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, усилившись непомерно, восстанет и на тебя самого». Хан был столько умен, что понял всю справедливость слов Симеоновых, задержал Кориада и выдал его князю московскому⁶³⁶.

Ольгерд присмирел на время и отправил послов в Москву с дарами и челобитьем, прося освободить брата: Симеон исполнил просьбу. Мало того, оба брата, Ольгерд и Любарт, женатые и прежде на княжнах русских, но овдовевшие, в один год прислали к Симеону просить за себя двух его родственников: Любарт — племянницу, княжну ростовскую, а Ольгерд свояченицу, княжну тверскую. Симеон спросился митрополита, и тот разрешил эти браки, имея в виду пользу, какая могла произойти от них для православной Юго-Западной Руси⁶³⁷: там Любарт Волынский боролся с Казимиром Польским, который в Галиче угнетал православие⁶³⁸.

Между Русью Московскою и Литовскою находилось княжество Смоленское; одним из первых примыслов Москвы был Можайск, город этого княжества; Литва, с своей стороны, смотрела на Смоленск, как на богатую добычу: для обеих важно было не уступить его сопернице. Вот почему, когда Симеон с огромною ратиею двинулся к Смоленску, Ольгерд отправил к нему навстречу послов с богатыми дарами и уговорил оставить в покое смоленского князя; Симеон не оставил Ольгердова слова, говорит летописец, ибо опасно было не уважить такого ходатая⁶³⁹. При наследнике Симеона Иване Ольгерд постоянно преследовал свои планы касательно Смоленского княжества, несмотря на беспрестанные родственные связи с князьями Северо-Восточной Руси⁶⁴⁰. Он завладел Брянском, войско его заняло Ржев⁶⁴¹; тверичи и жители Можайска вытеснили было оттуда литовцев, но Ольгерд снова взял его, равно как два другие города — Мстиславль и Белый, и осаждал самый Смоленск⁶⁴². С таким-то сильным и предприимчивым врагом должен был бороться молодой Димитрий Московский.

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО

Димитрий Московский, т. е. бояре его, хотели угодить обоим ханам и потому приняли ярлык и от соперника Мюридова; последний, раздраженный таким колебанием, прислал ярлык снова Димитрию Суздальскому; тот обрадовался и занял опять Владимир, но Димитрий Московский опять выгнал его, преследовал до Суздаля и заставил отказаться от своих притязаний. Освободившись от соперника, Димитрий начал упрочивать себе успех и на будущее время, т. е. усиливать свое княжество примыслами: так присоединил он окончательно Ростов, Галич, Стародуб; изгнанные князья удалились к Дмитрию Константиновичу Суздальскому⁶⁴³, но время удачных союзов многих князей против великого прошло: суздальский князь два раза уже испытал силу Москвы и не хотел отваживаться на третий; он отказался даже от ярлыка, принесенного ему в третий раз в 1365 году.

В 1364 году страшный мор опустошил почти всю Россию, истребив много князей, между прочим Ивана, брата князя московского; тогда открылось любопытное зрелище: умирающие князья завещают свои владения — один племяннику мимо дяди, другой младшему брату мимо старшего⁶⁴⁴.

Начались споры, и еще другое любопытное явление: обиженные князья требуют помощи и посредничества у князя московского! Спор князей суздальских решили московские полки тем, что оба брата поделились выморочным уделом третьего⁶⁴⁵, ибо Москва не хочет усиливать одного князя на счет другого. Неужели молодой Димитрий сам так умно поступал?

Бояре, умные отцовские слуги, которые деду нашему и отцу добра хотели, по выражению Симеона Гордого, бояре действуют за князя; но бояре действуют тайно, чрез князя: кто же явно действует за Москву, кто является везде на первом плане? Это духовенство, митрополит, который живет в Москве. Митрополит посылает св. пустыльника Сергия к нижегородскому князю с приказом явиться в Москву на суд, и, когда тот отказывается, Сергий затворяет все церкви в Ниж-

нем⁶⁴⁶. Так и в споре князей тверских митрополит приказал рассудить соперников епископу тверскому Василию, и тот оправдал племянника, сына старшего брата, пред дядьми, по обычаю новому⁶⁴⁷.

Но в этом оправданном князе, Михаиле Александровиче, Дмитрий Московский скоро встретил соперника, опаснейшего, чем князь Дмитрий Суздальский; вступив в брак с дочерью последнего, московский князь думал, что для него уже нет теперь соперников, и замыслил закончить дело, начатое предками, привести всех русских князей в свою волю: «князь великий Дмитрий Иванович заложи град Москву камену и начаша делати безпрестани, и всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуса воле его и на тех нача посягати»⁶⁴⁸. В числе последних был Михаил Александрович Тверской: не желая уступить притязаниям московского князя, Михаил уехал за помощью к Ольгерду Литовскому, женатому на сестре его. Тогда проигравшие прежде свое дело дядья подняли головы; получив помощь от Дмитрия Московского, они начали опустошать Михайловы области, а епископ Василий был позван в Москву к митрополиту на суд, зачем решил дело в пользу Михаила? «И тако на Москве про тот суд владыце Василью сотворися протор велик, а во Твери житейским людем нужно бысть»⁶⁴⁹. Пришел Михаил с Литвою и начал новое опустошение; наконец дядья с племянником помирились.

Мы уже и прежде имели случай говорить о бедствиях, причиняемых народу этими междоусобиями; они выводили из терпения даже бесстрастного летописца и заставляли его произносить гневные, но высокие слова; так, описывая примирение тверских князей, он прибавляет: «И радовахусь бояре их, и вси вельможи их, такоже гости и купцы и вси работники, людие роды и племяна Адамови; вси бо сии един род и племя Адамово, и цари и князи и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесвенницы и работнии людие, един род и племя Адамово; и забывшеся друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают отстояще от заповеди Божиих, еже любити и искреннего своего яко сам себе»⁶⁵⁰.

Примирение между тверскими князьями было ненадолго: скоро один из дядей отъехал в Москву. Тогда в Москве

замыслили дурное дело: Михаил Тверской был позван туда с любовью, дабы при личном свидании прекратить всякую неприязнь, порешить все споры; ему сказали, что будет суд третейский, что третьим выбран св. митрополит Алексей, пастырь великий, пред которым благоговела вся Русь: Михаил приехал и был задержан со всеми боярами; княжеские думцы, которые затеяли это гнусное дело, не имели смелости кончить его: узнав о приближении татар, они выпустили Михаила, выпустили, разумеется, непримиримым врагом своему князю⁶⁵¹.

Московский князь спешил предупредить тверского и выслал против него свои полки; Михаил знал, что один, окруженный враждебными родичами, не может противиться Москве, и удалился опять к Ольгерду. Не просьбы жены, сестры Михайловой, тронули коварного и бесстрастного старика: Ольгерду захотелось переведаться с Москвою, попробовать, кто сильнее, кому быть князем всей Руси на самом деле. Ольгерд велел собираться полкам: ни свои, ни чужие, никто не знал, куда готовится рать, знал один князь литовско-русский.

В Москве узнали о движениях Ольгерда, когда уже он был на границе; послали собирать войска, но Литва уже обступила Москву; новопостроенная крепость, Кремль, спасла великого князя и митрополита; Ольгерд 3 дня стоял под нею и отступил, довольный страшным опустошением⁶⁵²; Димитрий отдал Михаилу все захваченное из его областей.

Но борьба не могла этим кончиться: московский князь не мог оставить в торжестве Тверь, и потому при первом удобном случае полки его входили в Михайлову область и опустошали ее; Михаил не мог противиться один, имея врагов в дядьях своих, и потому при первом появлении московских полков убегал в Литву. Еще два раза приходил Ольгерд на Северо-Восточную Русь — однажды выстоял 8 дней под Москвою, но испугался, когда узнал, что Димитриево войско собралось, и запросил мира; Димитрий охотно дал его ему: мы уже имели случай упоминать о характере войны в Северной Руси: тот же самый характер носит борьба между князьями московскими и литовскими, потому что оба князя суть собственники, собиратели земли Русской, и потому оба

бояться вступить в решительный бой, от которого может зависеть судьба их, на котором могут потерять все собранное с таким трудом.

В другой раз, узнав, что Михаил Тверской с литовскою помощью удачно воюет московские владения, Ольгерд двинулся было также на Москву, но Дмитрий изготовился встретить его с многочисленным войском и разбил уже сторожевой полк литовский: и тут два в. князя всея Руси стояли несколько дней друг против друга, не осмелились вступить в битву и разошлись, помирившись⁶⁵³. Этот мир заключен был на короткое время, от 31 июля до 26 октября, грамота дошла до нас⁶⁵⁴. Из нее любопытно видеть, как Русь делилась тогда на 2 половины — Московскую и Литовскую: Ольгерд включает в договор всех князей, которые в имени его; здесь князь смоленский называется великим и на стороне Литвы, князя тверской и брянский также на стороне Ольгерда; на стороне Дмитрия 3 князя рязанские, которые все называются великими; в этом договоре Ольгерд отказывается помогать Михаилу Тверскому, если тот «иметь что пакостити или грабити» в московских владениях.

Михаилу не осталось надежды на Литву, и потому он обратился к Орде; еще прежде 2 раза выхлопывал он себе ярлык у хана на в. княжение Владимирское, но Дмитрий не обращал на это внимание; теперь Михаил в третий раз выхлопотал ярлык посредством московских отъезжиков. Тогда Дмитрий в 1375 году решился покончить с ним: собрав всех князей, которые были в его имени, он двинулся на Тверь и осадил ее, страшно опустошая окрестности; литовская помощь не смела вступить в дело с московскими полками, и Михаил принужден был согласиться на все условия, которые были довольно тягостны⁶⁵⁵: Михаил признал себя младшим братом Дмитрия, т. е. стал к нему в такую же зависимость, в какой находился Владимир Андреевич, к которому Михаил и приравнен в договоре: таким образом, в. князь тверской делается равным удельному князю московскому! Ставши младшим братом Дмитрию, Михаил должен был обязаться, что как скоро в. князь московский или брат его Владимир Андреевич выступит в поход, то и Михаил немедленно должен садиться на коня, если же Дмитрий посылал

своих воевод, то и тверской князь обязан был высылать своих воевод. Михаил отказался навсегда от притязаний на в. княжение Владимирское, и, что всего замечательнее, княжество Кашинское объявлено было независимым от Тверского! Так Москва старалась раздроблением соперничающих княжеств обессиливать их! Важно также следующее выражение в договоре: «будем ли мы в мире с татарами — это зависит от нас; дадим ли выход — это зависит от нас; не захотим дать — зависит также от нас. Если же татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе, если же мы пойдём на них, то и тебе идти с нами вместе». Так уже московский князь, привыкший с малолетства не уважать ханских ярлыков, не только считал возможною войну оборонительную, но и наступательную! Против Литвы также оборонительный союз; любопытно, что и в. к. смоленский включен в этот союз: Москва никак не хотела видеть Смоленск на стороне Литовской Руси.

Это было последним делом Москвы с Тверью в княжение Дмитрия; и хотя после Михаил сделал еще раз попытку достать у хана ярлык в 1382 году, но она осталась без последствий, тем более что дела в Литве переменились.

В 1377 году умер Ольгерд, сын его Ягайло хотел быть самовластцем Литовской земли и потому начал отделяться от родичей; дядя его, знаменитый Кестут, хотевший, по старым русским понятиям, присвоить себе старшинство в роде, был убит коварным образом; сын последнего, еще более знаменитый Витовт, убежал в Пруссию, родные братья Ягайла, Андрей и Дмитрий, угрожаемые тою же участию, обратились к московскому князю. Тогда Дмитрий решился начать наступательное движение и с помощью Ольгердовичей взял несколько русских городов у Литвы. Оба Ольгердовича вступили в службу московского князя; о Дмитрии сказано в летописи, что он: «прииде на Москву в ряд к великому князю Дмитрею Ивановичу, и урядися у него в ряд, и крепость взя. Князь великий и даде ему крепость и ряд и прия его с честью великою, и со мноюю любовию, и даде ему град Переславль и со всеми пошлинами»⁶⁵⁶. Ольгердовичи служили верную службу Дмитрию и славно бились на Куликовом поле.

С первого взгляда странно кажется, что литовскому князю отдан такой важный удел, каков был Переяславль; но здесь виден очень умный расчет в князя: приняв Ольгердовичей, Димитрий имел самое сильное средство действовать против Ягайла или по крайней мере грозить ему, ибо у братьев его были связи в Литве; с другой стороны, Ольгердович, владея Переяславлем, не мог быть нисколько опасен Димитрию по народному нерасположению к нему как иноплеменнику, доказательства которому увидим впоследствии; Ольгердович, видя это, мог быть только самым верным слугою своего благодетеля, чем он и был на самом деле.

Ясно, что после всех этих поступков московского князя Ягайло не мог быть к нему расположен; мы видели, что уже Ольгерд домогался с помощью хана овладеть Северо-Восточною Русью; Ягайло хотел воспользоваться раздором московского князя с Мамаем, чтоб достигнуть того же; он вступил в союз с Мамаем, который обещал ему половину Северо-Восточной Руси; но Куликовская битва лишила его этой надежды, а скоро дела польские совершенно не дали ему возможности преследовать виды предшественников своих на восточные русские области. В нашей летописи встречаем следующее известие: «И бысть Ягайло обладая всею землею Литовскою, и потом по четырех летех оженись в Лятцкой земле, взял за себя некоторую королицу не имущу ни отчани матери, ея же ради досталось ему королевство в Лятцкой земле; и тако Ягайло жены своя ради наречен бысть король Лятцкой земли, и оттуду бысть король»⁶⁵⁷. Эта королица была Ядвига, дочь Людовика Венгерского. Приглашенный панями на престол польский, Ягайло обещал Витовту полное вознаграждение за все утраченное; тот согласился на предложение и возвратился в отечество, где получил от Ягайла часть Владимиро-Волынской области, или Лодомирию. Но сын Кестута не хотел ограничиваться этим и после двух- или трехлетней войны, в которой русское народонаселение помогло ему, успел утвердиться в в. княжестве Литовско-Русском как совершенно отдельный и независимый государь.

В таком положении находилась Юго-Западная Русь, когда Северо-Восточная под знаменами Москвы напрягла все свои силы для борьбы с Ордою: тогда-то обнаружился испо-

линский шаг вперед, какой сделало русское общество на пути государственном, тогда-то открылось все превосходство нового порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову московского князя сонм служебных князей явился, каждый князь с своими полками; на Калке котора между родичами стубила войско и Русь: на Дону, где Димитрий встретил Мамаю, никто из князей не смел котороваться в присутствии великого, и монголы были разбиты.

В это время один только потомок Святослава Черниговского не мог понять нового порядка вещей, не мог поверить, чтоб подчиненность государственная и вместе с нею единство, сила возможны были между потомками Ярослава, и за это неверие наказан проклятиями, наказан слишком строго: я говорю об Олеге Рязанском.

Мы упоминали о начале вражды между Москвою и Рязанью; впрочем, еще гораздо прежде появления Московского княжества Рязань испытала на себе неприязнь северных Юрьевичей; Рязань вместе с Муромом помогала старому порядку вещей в борьбе его с новым, помогала Ростову против Владимира, Ростиславичам против Юрьевичей; мы видели, как страшно Всеволод III отомстил Рязани за это: здесь уже легло начало вражды, которая усилилась еще более при постоянно неприязненных столкновениях с Москвою; мы видели, кто был зачинщиком, видели поступки Даниила и Юрия Московских с рязанскими князьями: Москва примыслила к себе часть Рязанской земли, Олег хотел силою возвратить отнятое силою же; он отнял Лопасню у отца Димитриева, но должен был отдать взамен ее другие города. Олег думал, что эту сделкою прекращается вражда, и в то время, когда страшный Ольгерд стоял под Москвою, рязанские полки спешили для ее защиты⁶⁵⁸. Какую же благодарность получила Рязань?

В 1371 году Димитрий как скоро возвратился из Орды, как скоро обезопасил себя со стороны хана, так тотчас же послал войско на Олега.

Любопытно встречать в летописи враждебные отзывы жителей одного княжества о жителях другого; дурно отзываются обыкновенно москвитяне о новгородцах и рязанцах, в свою очередь новгородцы и рязанцы не щадят москвитян,

что обличает долговременную вражду между ними, т. е. вражду между старою и новою Русью. Любопытно при этом, что новгородцы и рязанцы отзываются дурно о храбрости московитян, и в самом деле народонаселение старых русских областей имело некоторое право делать подобные упреки народонаселению новых. Период старой Руси можно назвать геройским периодом в истории нашего народа; князья были один другого храбрее, дружины были похожи на князей, и шум оружия не умолкал; но во всех этих дивных подвигах храбрости новая, Северная, Русь не принимала участия, и когда вступала в борьбу с Русью старой, Южной, то мы видели, на чьей стороне оставалась победа; стоит только вспомнить борьбу Андрея со Мстиславом, Липецкий бой, осторожность Всеволода III, с какою он избегал битвы с южными полками, осторожность, которую легко было принять за робость. Отсюда понятно, почему новгородцы и рязанцы упрекают московитян в трусости, а московитяне, с своей стороны, упрекают новгородцев и рязанцев в противоположной крайности, именно в гордости и дерзости. Новгородцы говорят о московитянах, что они небывальцы в битвах⁶⁵⁹ и что бегут, еще не видя неприятеля; московитяне расточают новгородцам названия суровых, непокорных, упрямых, непостоянных, свирепых крамольников⁶⁶⁰ и т. п. Точно то же видим и в отношении к рязанцам: по свидетельству летописи, рязанские воины говорили друг другу, идя на московитян: «Не нужно брать нам ни доспехов, ни щитов, никакого другого оружия, возьмем только веревки вязать москвитян, которые так слабы и робки». Московский летописец поблагодарил их за такое мнение в следующих выражениях: «Рязанцы ж люди сурови, свирепи, високоумни, гордии, чаятельнии, вознесишь умом и возгордевшись величанием, и помыслиша в високоумии своем палоумныя и безумныя людища»⁶⁶¹.

Несмотря, однако, на предполагаемую трусость московитян, полки рязанские были разбиты, Олег бежал и должен был на время уступить Рязань своему родичу и зятю и вместе родовому врагу и сопернику — князю пронскому; однако скоро он выгнал его и утвердился снова в Рязани⁶⁶². Наши историки, следуя примеру Московского летописца, щедро

наделяют Олега названиями жестокого, коварного и т. п. Но сам Димитрий Московский совершенно не так думал об Олеге: доказательством служит то, что, заключая вышеозначенный договор с Михаилом Тверским, Димитрий требует, чтобы при затруднениях в смешанном суде дела москвитян и тверичей отдавались на решение Олега Рязанского.

Олег, которого московский князь преследовал то полками, то доверенностию своею, с другой стороны терпел от татар: два раза он должен был бегать перед их толпами, два раза княжество его было страшным образом опустошено. Когда в 1380 году Мамай двинулся против Димитрия, Олег не знал, что делать; на него первого должно было пасть мщение хана; в таких обстоятельствах рязанский князь принял обычную роль всякого слабого в борьбе двух сильных: он думал, что исполняет свою обязанность в отношении к Руси, послав сказать Димитрию о татарском нашествии, а между тем вступил в сношение с Мамаем для предохранения своего княжества при несомненном, по его мнению, торжестве татар.

След., вся вина Олега состоит в том, как уже сказано выше, что он не поверил в могущество новой Руси и был, как следует ожидать, жестоко наказан за свое неверие. После Куликовской битвы Олег знал, что ему уже нечего ожидать добра от московского князя, и потому, приказав по возможности препятствовать возвращению московских войск чрез свою землю⁶⁶³, сам убежал в Литву. Димитрий послал было в Рязань своих наместников, но увидал, что еще трудно будет удержать ее против Олега, и потому примирился с последним, заключив договор, который дошел до нас. Олег, подобно Михаилу Тверскому, признает себя младшим братом Димитрия и равным Владимиру Андреевичу, след., и рязанский в. князь приравнялся к удельному московскому⁶⁶⁴.

Во время Туктамышева нашествия захваченный врасплох князь Димитрий Нижегородский, тесть и союзник московского, поспешил отправить к хану сыновей с просьбою о помиловании своего княжества, и один из этих нижегородских княжичей склонил московских граждан сдать Туктамышу, поцеловав крест, что хан не сделает им никакого зла. Олег Рязанский последовал примеру князя нижегородского и обвел татар мимо своей области, указав броды на Оке⁶⁶⁵:

но о князе нижегородском в наших историях не сказано по этому случаю ничего дурного, а Олег Рязанский величается жестоким, вероломным изменником. Однако челобитье Олега Туктамышу не помогло: на возвратном пути татары опустошили Рязанское княжество и заставили бежать Олега; но, едва Туктамыш выступил из рязанских пределов, московские полки явились в Рязани и разорили то, что не было тронуту татарами⁶⁶⁶.

Такая ожесточенная вражда со стороны Москвы не могла не вывести Олега из терпения: в 1385 году рязанский князь, собравшись с силами, напал нечаянно на Коломну, взял и разграбил ее; Димитрий отправил против него войско под начальством Владимира Андреевича, но москвитяне потерпели поражение и потеряли много бояр и воевод⁶⁶⁷. Тогда Димитрий увидал, как опасно доводить врага до отчаяния, и поспешил примириться с Олегом.

Но при такой ожесточенной вражде обыкновенные средства примирения были бы бесполезны; и потому московский князь прибег к средствам религиозным: по просьбе Димитрия пошел в Рязань св. Сергей, основатель Троицкого монастыря. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви; князь Олег переменил свирепство свое на кротость, утих и умилился душою, устыдясь такого святого мужа, и взял с Димитрием Московским вечный мир и любовь⁶⁶⁸. Этот мир был скреплен даже семейным союзом: сын Олега женился на дочери Димитрия.

Из отношений между князьями в других областях русских замечательны для нас нижегородские: здесь по смерти Димитрия Константиновича Туктамыш отдал ярлык по старине брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрия, вооружились, по новому, против дяди и с помощью зятя своего, Димитрия Московского, принудили его к уступке. Летописец говорит, будто Борис, видя тяготеющую силу Москвы, пророчил племянникам, что и они будут плакать от врагов своих⁶⁶⁹. Пророчество это исполнилось, как увидим впоследствии.

С именем Димитрия Донского в нашей истории неразлучно имя двоюродного брата его Владимира Андреевича,

который называется также Донским и Храбрым. Так как родовые отношения потеряли смысл, то оба брата почли необходимым определить свои отношения клятвенными договорами; таких договоров между Димитрием и Владимиром до нас дошло 3.

Первый написан в 1362 году⁶⁷⁰. Оба брата клянутся быть за один, Димитрий быть старшим, в отца место, Владимир — младшим и держать под ним княжение великое честно и грозно; но эти старинные выражения: *младший и старший, в отца место* объясняются гораздо понятнее по новому порядку вещей: «А тебе брату моему младшему мне служить без ослушания по згадце, како будет мне слично и тебе брату моему младшему: а мне тебе кормити по твоей службе». Это уже звучит не по старине! Владимир обязывается не искать под Димитрием удела Симеонова: этим утверждается новый обычай, что выморочный удел поступает прямо к в. князю без раздела с родичами. Большая статья посвящена боярам. Несмотря на допущение перехода бояр от в. князя к удельному и наоборот, старший брат уже делает попытку распространить свое влияние на бояр младшего; к этому он приступает следующим образом: «А коли ми будем где отпущати своих воевод из великого княжения, тебе послати своих воевод с моими воеводами вместе без ослушанья; а кто ся ослушает, того ми казнити, а тебе брату моему со мною. А кого коли оставити у тебе бояр, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадце: кому будет слично ся остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати». Здесь в. князь выговаривает себе право казнить бояр брата своего, если они ослушаются идти на службу, требуемую государственною пользою; мало того, в. князь выговаривает себе право назначать из бояр брата способнейших к известной службе: важный шаг на поприще государственного развития! Теперь не целый род владеет землей, но одно лицо, один в. князь всея Руси; этот в. князь, принимая на себя одного ответственность в управлении государством, должен по этому самому заботиться и о средствах к лучшему достижению государственных целей, должен иметь влияние на выбор людей, назначаемых для достижения этих целей.

В 1371 году был заключен второй договор⁶⁷¹ между братьями; здесь опять важная прибавка: Владимир обязуется не искать московской отчины Димитриевой и в княжения Владимирского не только под Димитрием, но и под детьми его. На это условие вовсе не должно смотреть как на торжественное подтверждение нового права старшего племянника над дядьми, ибо по старому обычаю Владимир Андреевич как послерожденный сын князя, никогда не бывшего старшим между братьями, не имел ни малейшего права на старшинство; приведенное условие показывает только, что в это время старый обычай потерял всю силу и смысл, племянники стали вооружаться против дядей и дяди против племянников мимо всех прежних ограничений, и потому Димитрий, видя нарушение старого обычая из примера князей суздальских, искавших старшинства не по отчине и не по дедине, требует с двоюродного брата клятвы не поступать подобным образом и не искать старшинства под детьми его.

Мы видели, что в первом договоре с братом в. князь выговорил себе право наказывать Владимировых бояр в известном случае. В 1389 году Димитрий захотел воспользоваться этим правом, хотя, впрочем, неизвестно, имело ли здесь место выговоренное обстоятельство, т. е. слушание бояр идти с великокняжескими полками; быть может, в. князь был недоволен боярами Владимира, подстрекавшими своего князя не уступать старшинства племяннику: мы позволяем себе такое предположение, основываясь на том, что подобные явления имели место впоследствии, а именно, что бояре дядей, желая быть боярами великокняжескими, побуждали своих князей к поддержанию древнего порядка старшинства. Как бы то ни было, Димитрий велел схватить старших бояр Владимировых и развести розно по городам, где держал под крепкою стражею, под надзором жестоких приставников⁶⁷². Владимир, с своей стороны, начал неприязненные действия⁶⁷³; наконец оба брата помирились, и заключен был третий договор⁶⁷⁴.

В этом договоре окончательно и ясно определены отношения Владимира к семейству старшего брата — знак, что предшествовавшие смуты происходили именно вследствие притязаний Владимира на старшинство. Димитрий называ-

ет себя уже не старшим братом, но отцом Владимиру; старший сын великого князя Василий называется старшим братом Владимира, второй сын Юрий — просто братом, т. е. равным, а меньшие сыновья — младшими братьями. В остальных статьях этот договор сходен с первым; замечу только следующие выражения, которые показывают также новые отношения между родичами: «И ты мне челом добил отцом моим Алексеем митрополитом всея Руси, и яз тебя пожаловал, дал ти есмь Лужу и Боровеск». Прежде каждый родич считал себя вправе получить от старшего известную часть родовой собственности; теперь он бьет челом чрез митрополита в князю как полновластному господину о милости, и тот жалует ему просимое.

При описании княжеских отношений при Донском мы должны упомянуть об уничтожении сана тысяцкого в Москве, которое имеет связь с ними. Мы видели стремление отделаться от этого опасного сановника еще при отце Димитрия; при Димитрии было поступлено гораздо благоразумнее. В 1374 г. умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов; после него другого тысяцкого в князь не назначил.

Тогда двое знатнейших граждан, недовольные новым порядком вещей, решили искать средств извне для восстановления старого: то был сын покойного тысяцкого Иван Вельяминов и Некомат Сурожанин, т. е. купец, производивший торговлю драгоценными южными товарами. Они отъехали в Тверь ко врагу московского князя Михаилу Александровичу, который нашел в них самых ревностных слуг для исполнения своих враждебных замыслов против Димитрия: он отправил их в Орду к хану поддерживать неприязнь его к Москве⁶⁷⁵. Беглецы действовали успешно, и Некомат явился в Твери с послом Мамаю, который привез ярлык Михаилу. Иван Вельяминов остался в Орде, но продолжал свои происки в стенах московских; летописец говорит глухо: «Много нечто нестроения бысть»⁶⁷⁶. В битве на Воже с Бегичем русские поймали какого-то попа, шедшего с татарами из Орды по поручению Ивана Вельяминова; у этого попа отыскивали какие-то ядовитые коренья, допросили его и сослали в заточение. В 1378 году Вельяминов сам решился явиться в Руси; в князь, который в это время заботливо сторожил все дви-

жения хана, не мог не сведать о приближении Вельяминова; его следы были открыты, он схвачен в Серпухове и приведен в Москву. На Кучковом поле, где теперь Сретенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и был казнен сын первого сановника в княжестве; летописец говорит: «Бе множество народа стояще, и мнози прослезилшася о нем и опечалишася о благородстве его и о величестве его»⁶⁷⁷. Как важен был сан тысяцкого, как знаменит был род Вельяминовых, видно из того, что летописец, говоря о смерти последнего тысяцкого, высчитывает его генеалогию, что делает, только говоря о князьях. Даже и после, несмотря на измену и казнь Ивана Вельяминова, семейство его не потеряло своего значения и уважения: последний сын Донского Константин был крещен Марьею, женою Василия Вельяминова-тысяцкого⁶⁷⁸; мало того, Николай Вельяминов, родной брат казненного Ивана, был женат на родной сестре в. княгини московской, дочери Димитрия Константиновича Суздальского, почему Донской в своих грамотах и называет Василия Вельяминова-тысяцкого дядею⁶⁷⁹. Мы еще после будем иметь случай упомянуть об этой фамилии. Товарищ Ивана Вельяминова Некомат подвергся также смертной казни, только гораздо позже, в 1383 году⁶⁸⁰.

В 1389 году умер Димитрий Московский. Куликовская битва поставила его наряду с величайшими героями Русской земли. Средства к явному восстанию против татар были приготовлены для Димитрия его предшественниками. Младенцем остался Димитрий после отца, но интересы Московского княжества, интересы рода Калиты были тесно связаны с интересами бояр московских: привыкнув быть боярами великокняжескими, они не хотели принять роль второстепенную; с другой стороны, наследственные слуги дяди и отца Димитриева, они не хотели переезжать к новому в. князю в Нижний или Тверь, где не могли играть первостепенной роли, вытеснить из благосклонности князя дедовских бояр его. Вот почему московские бояре так умно воспользовались силами Москвы, приготовленными Калитою и Симеоном, чтоб удержать великое княжение Владимирское за своим малолетним князем; при этом не должно упускать из виду великого влияния митрополита Алексея, митрополита всея Руси, но жившего в Москве.

Если князья предшествовавшие были воспитаны в понятии о необходимости уважать Орду, то Димитрий, наоборот, был воспитан в неповиновении хану: еще малюткою бояре водили его на нижегородского князя вопреки ханскому ярлыку; впечатления молодости суть самые сильные, и Димитрий, возмужав, не побоялся выйти против Мамаю. Другая главная мысль, которой он напитался от бояр в младенчестве, была наследственная мысль московских князей усиливать во что бы то ни стало свое княжество, дабы иметь возможность и бороться с татарами, и пресечь навсегда притязания других князей на господство; Димитрий остался верен этой наследственной мысли: вот заслуга его!

Но мы не должны забывать заслуги бояр, которые, пусть по своим корыстным целям — нет нужды, умели утвердить в молодом князе эти две благодетельные мысли. Сам Димитрий не остался неблагодарен своим умным воспитателям; для доказательства я приведу следующие места из жития⁶⁸¹ его, которые обнаруживают всю степень влияния бояр на события Димитриева княжения. Чувствуя приближение смерти, Димитрий, по словам автора жития, дал сыновьям следующее наставление: «Бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служению их, без воли их ничтоже не творите». Потом умирающий князь обратился к боярам с такими словами: «Ведаете каков обычай есть мой и нрав, родихся пред вами, и при вас възростох, и с вами царствовах; и мужествовах с вами на многи страны, и противным страшен бых в бранех, и поганья низложих Божию помощю и врагы покорих; великое княжение свое велми укрепих, и мир и тишину земли Русьской сътворих, отчину свою с вами сблюдох, еже ми предал Бог и родители мои, и вас честь и любовь даровах, под вами города держах и великыя власти, и чада ваша любих, никому же зла сътворих, ни силою что отгях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни изъбезъчъствовах, но всех любих и во чъсти держах, и веселихся с вами, и с вами поскорбех, вы же не нарекоцестя у мене бояре, но князи земли моей».

Кто же были эти бояре, без совета с которыми Димитрий не велел сыну своему ничего предпринимать, которых называл «князьями земли своей»? 10 из них подписали име-

на свои под духовным завещанием в. князя; фамильные прозвища не были еще в то время в употреблении, бояре подписались только именами отечественными: Димитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Александр Андреевич, Федор Андреевич, (Федор Андреевич), Иван Федорович, Иван Александреевич. Замечательнее всех по влиянию был Федор Андреевич Кошка и сын его Иван Федорович, особенно при наследнике Димитрия; о знатности боярина Кошки свидетельствует то, что в. к. тверской Михаил Александрович женил своего сына на его дочери⁶⁸².

Теперь обратимся к духовному завещанию Донского, которое представляет много любопытного⁶⁸³. Неслыханная прежде новость — московский князь благословляет старшего сына Василия в. княжением Владимирским, которое зовет своею отчиною! Донской уже не боится совместников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля; он уверен и в согласии хана, потому что в случае отказа московский князь так силен, что может обойтись и без хана, а в случае согласия так богат, что благодарность его будет гораздо ценнее, чем благодарность какого-нибудь другого князя. Кроме Василия у Донского оставалось еще 5 сыновей: Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин; но двое последних были малолетны, Константин родился только за 4 дня до смерти отцовской, и потому в. князь поручает свою отчину, Москву, только 4 сыновьям. В этой отчине, т. е. в городе Москве и в станах, к ней принадлежавших, Донской владел двумя жребиями, жребием отца своего Ивана и дяди Симеона, третьим жребием владел Владимир Андреевич, он остался за ним и теперь.

Из 2 своих жребиев в. князь половину отдает старшему сыну Василью, на *старший путь*, другая половина разделена на 3 части между остальными сыновьями: из этого видно, как усилена собственность старшего. Остальные города Московского княжества разделены между 4 сыновьями: Коломна — старшему Василью, Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру. Благословляя старшего Василия целою областью в. княжения Владимирского, Димитрий, как бы для вознаграждения, отдает остальным

3 сыновьям города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только им: Юрию — Галич, Андрею — Белоозеро, Петру — Углич.

Усилив старшего сына не в пример пред прочими областю в княжения, областю, уже теперь верною, переходившею как отчина в потомство последнего, Донской счел справедливым ограничить несколько обогащение старшего в пользу младших и потому уступил, по-видимому, прежним родовым понятиям, а именно, в случае смерти старшего сына Василия бездетным, владение его, т. е. московская часть, вместе с в. княжением переходили к старшему по нем, а удел последнего как праздный делился снова между братьями; след., здесь поступлено вопреки неотчуждаемости раз полученной собственности, и князь Юрий, получив удел старшего брата, должен был отказаться от своего наследственного удела, который подвергался дроблению; равно Донской завещал, что если кто умрет из младших сыновей бездетным, то выморочный удел также делится между оставшимися в живых братьями.

Но здесь, как уже сказано, только видимая уступка прежним родовым понятиям; все братья имеют право на выморочный удел, но это право ограничено произволом княгини-матери: «А вы дети мои слушайте свое матери; что кому даст, то тому и есть». След., здесь мы видим уступку не прежним родовым понятиям, но уступку произволу собственника, что совершенно несогласно с прежними понятиями: в. князь как собственник передает свое право располагать своею собственностью по произволу жене; выморочный удел не разделяется прямо между всеми сыновьями, но отдается в распоряжение княгини-матери, распоряжение совершенно произвольное. Завещание было написано прежде рождения самого младшего сына Константина, и потому на его счет сказано следующее: «А даст ли Бог сына, и княгини моя поделит его, взяв по части у большие его братьи».

Вообще здесь любопытно заметить то огромное влияние, которое уступлено умирающим князем жене своей, знак, что женщины в древнем русском обществе никогда не теряли должных им прав, что они заключались в терема вследствие отсутствия безопасности в обществе, но чрез это

заклучение жены и матери не лишились своих прав, своего влияния, не сделались рабынями мужей своих, как на Востоке, не были постоянно под опекою мужчин, как у народов древности.

Предпоследний сын Иван сильно обделен: ему ничего не назначено из собственно московской отчины, удел его ничтожен в сравнении с уделами других братьев. Таковую, по-видимому, несправедливость объясняют слова завещателя: «А в том уделе волен сын мой князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст». Из этих слов видно, что князь Иван был болен и не мог иметь надежды на потомство; вот почему Донской дает ему право распорядиться своим маленьким уделом в пользу того брата, который будет до него добр: в самом деле — Иван умер тотчас по смерти отца⁶⁸⁴.

Глава VII

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА

В княжение Донского отношения ордынские стоят на первом плане и закрывают собою все прочие; княжение Василия Димитриевича характеризуется отношениями между обеими частями Руси, Русью Литовскою и Русью Московскою, характеризуется великою борьбою между ними, в которой московскому князю принадлежит честь за то, что он умел отстоять независимость Северо-Восточной Руси против Витовта и тем самым решил борьбу в пользу Москвы, ибо после Витовта Литовская Русь не могла более думать о наступательном движении на Московскую. Во сколько эту честь Василий Димитриевич должен разделить с своими братьями, увидим после.

Донской завещал сыну в княжение Владимирское как отчину: в самом деле, соперников не было, и хан немедленно утвердил нового в князя. Последний тотчас показал, что он правнук Калиты, и ознаменовал начало своего княжения богатым примыслом. Он отправился сам в Орду, где был со всеми знаком, жив долго прежде заложником у Туктамышша.

Хан принял прежнего своего заложника с такой честью, какой не оказывал в Орде ни одному русскому князю. Василий тотчас воспользовался такими благоприятными обстоятельствами: он подарил хана и всех к нему приближенных и выпросил ярлык на Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Торусу и Муром⁶⁸⁵.

Возвратясь из Орды, Василий послал бояр своих и ханского посла взять Нижний у князя Бориса Константиновича. Любопытны подробности, сообщаемые летописцем об этом взятии. Мы несколько раз уже имели случай заметить, как усилилось значение бояр вследствие оседлости их в известных княжествах. Мы видели старание бояр каждого княжества усилить его на счет других; когда эта попытка удалась только боярам московским, то бояре остальных княжеств, видя невозможность бороться с Москвою, видя, что рано или поздно их княжества должны подчиниться Москве, спешили соблюсти собственные выгоды и даже увеличить их оставлением своих несчастных князей и переходом в службу князя московского: это не считалось изменою, потому что удерживалось еще старое право бояр свободно переходить от одного князя к другому.

Когда нижегородский князь Борис Константинович узнал о приближении татарского посла и бояр московских, то созвал бояр своих и начал их упрашивать со слезами: «Господа мои и братья, бояре и друзья, вспомните свое крестное целование и любовь мою к вам, и не покиньте меня!» Но старший из бояр Василий Румянец уже передался московскому князю; он отвечал Борису: «Не печалься, князь, мы все готовы сложить за тебя свои головы»; но когда Борис хотел вооружиться против московских бояр, Румянец отклонил его от этого намерения, и московские бояре были впущены в город. Они звуком колоколов созвали жителей и объявили им, что отныне князем их будет Василий Димитриевич Московский. Несчастный Борис обратился было опять к боярам своим, но Румянец сказал ему: «Князь, теперь на нас уже не надейся, мы больше не твои, и стоим не за тебя, но против тебя»⁶⁸⁶. Бориса взяли со всем семейством и со всеми добротами и держали в тесном заключении; племянники его, сыновья Димитрия Константиновича, след., родные дядья по

матери московскому князю, были также лишены своих уделов; один из них, по свидетельству летописца, «8 лет служил по ряду в Орде не почивая четырем царем, а все поднимая рать на князя великаго, како бы нелезти свое княжнѣ»⁶⁸⁷. Но все усилия были тщетны. Так рушилось княжество Суздальское, отданное Невским брату своему и сопернику Андрею, которого потомки не оставляли никогда притязаний на в. княжение; мы увидим их после в рядах бояр московских: и тут один из них, Василий Шуйский, вздумал по пресечении потомства Невского возобновить старинные притязания и стать царем московским, но и здесь не удалось суздальскому князю: новая, Московская, Русь не терпела старых притязаний.

В то время как московский князь примышлял к своей собственности на востоке, князь Литовской Руси Витовт действовал точно так же на западе. Есть предание, что, когда Витовт еще был изгнанником в чужой стране, он захватил молодого наследника московского престола Василия, когда тот окольными путями пробирался из Орды в отечество; Витовт взял с своего пленника обещание жениться на дочери его Софье. Когда Василий стал московским князем, он сдержал обещание жениться на литовской княжне. Брак казался выгодным обеим сторонам: Витовт еще не утвердился в Литве, опасался двоюродного брата своего, польского короля Ягайла; Василий надеялся, что в Витовте найдет верное орудие против замыслов того же Ягайла. Но как скоро Витовт успел вырвать у польского короля литовско-русские области, то в значении князя Южной Руси не мог иметь к московскому князю и всея Руси других отношений, кроме сопернических.

Легко достался Нижний московскому князю; Витовт так же легко хотел овладеть Смоленском; в 1395 году во время сильной ссоры между смоленскими князьями Витовт предложил им себя в посредники; неосторожные князья явились к нему все на третейский суд вместе с боярами, и все были захвачены, кроме одного Юрия, бежавшего в Рязань к тестю своему Олегу; в Смоленске начали править наместники Витовта. Тогда против последнего вооружился не князь московский, но знаменитый Олег Рязанский: он вступил в

литовские области. Василий Дмитриевич спешил прекратить эту войну: с одной стороны, московский князь уговаривал Олега окончить враждебные действия, с другой — два раза имел свидание с тестем, один раз в Смоленске, другой — в Коломне, когда тот возвращался из Рязанского похода⁶⁸⁸.

Витовт видел, что трудно вступить в открытую вражду с князем, которого отец разбил Мамай и который сам не побоялся выйти навстречу к Тамерлану, и потому решился действовать подобно предшественникам, т. е. старался овладеть Восточною Русью с помощью татар. Туктамыш в это время был изгнан из Орды Темир-Кутлуем, именем которого правил Эдигей. Изгнанный хан обратился к Витовту с просьбою о помощи: литовский князь принял Туктамыша под свое покровительство с условием, что если он восстановит его в Орде, то хан поможет ему овладеть Восточною Русью⁶⁸⁹; и в то же самое время между обоими русскими князьями, между тестем и зятем, шла дружелюбная переписка, и княгиня московская гостила у отца в Смоленске, осыпаемая дарами.

В 1399 году Витовт с литовскими и русскими полками, подкрепленный татарами Туктамыша, польскими, немецкими и волошскими отрядами, встретился с полками Темир-Кутлуя и Эдигея на берегах Ворсклы. Здесь в страшной битве, какие давно уже забыла Западная Европа и какие могли иметь только место на границах Европы с Азией, Витовт потерпел сильное поражение: больше 20 князей, потомков св. Владимира и Гедиминовичей, легло в битве⁶⁹⁰.

Тогда Юрий, изгнанный князь смоленский, и Олег Рязанский, тесть его, узнав, что часть смоленских жителей не добротствует Витовту, двинулись к Смоленску и взяли город; Юрий остался в нем княжить; попытка Витовта изгнать Юрия не удалась. Ободренный этим Олег решился действовать наступательно и отправил сына в древние Черниговские области, принадлежавшие Литве, но княжич рязанский был разбит и взят в плен Витовтом⁶⁹¹; в том же 1402 году умер Олег Рязанский, и в следующем Витовт осадил Смоленск⁶⁹², но опять безуспешно.

Тогда князь Юрий, зная, что ему не будет покоя от литовского князя, поехал в Москву и предложил Василию свое подданство. Василий отвергнул опасное предложение: взять

Смоленск значило объявить войну Витовту, который имел право доискиваться этого города, как уже прежде ему принадлежавшего⁶⁹³; притом московский князь надеялся на необыкновенную крепость Смоленска, отразившего уже два раза приступ Витовта. В самом деле, при тогдашнем несовершенстве ратного дела Смоленск мог быть взят только изменою; мы видели, что московский князь овладел Нижним с помощью бояр; Витовт овладел Смоленском с их же помощью. Мы имели уже случай заметить, что интерес бояр заставлял их переходить от слабых князей к сильнейшим; в Смоленске к этой причине присоединилась еще другая: князь Юрий, человек жестокий и безнравственный, навлек ненависть бояр, и в то время, как он жил в Москве, склоняя Василия принять его под свою защиту, бояре сдали Смоленск Витовту. Московский князь, сведав об этом, изъявил сильное негодование: не зная поведения Юрьева в Смоленске, он сначала обвинил было его самого в измене, будучи уверен, что без измены взять Смоленска нельзя⁶⁹⁴. Хитрый Витовт привязал к себе Смоленск поведением, совершенно противоположным Юрьеву, осыпая граждан льготами⁶⁹⁵. Так пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстиславова.

Взятие Смоленска ободрило Витовта совершенно: он начал снова наступательные действия на Московскую Русь, именно на области Псковские; тогда Василий Дмитриевич двинулся сам с полками на Витовта⁶⁹⁶, и как последний хотел овладеть Москвою с помощью татар, так и Василий заключил союз с ханом Шадибеком, который прислал к нему на помощь отряд монголов⁶⁹⁷. Князья московский и литовский сошлись близ Крапивны, в нынешней Тульской губернии, для решительной битвы, но оба боялись ее, начали переговоры, заключили перемирие и разошлись⁶⁹⁸.

Скоро московский князь нашел верных союзников в собственных областях Витовта, в Литовской Руси. В 1406 году приехал к нему из Литвы на службу князь Александр Нелюб, и в. князь отдал ему Переяславль в кормление⁶⁹⁹. В следующем 1407 году неприятельские действия возобновились: оба князя взяли друг у друга по городу; но против Витовта вооружился двоюродный брат его Свидригайло Ольгердович,

князь северский, любимый русским народом; этот князь стоял в числе недовольных Витовтом и как глава православной партии был в тесном союзе с Москвою: Свидригайло не пустил Витовта далее в Московские области⁷⁰⁰, и опять был заключен мир под Вязьмой.

В 1408 году Свидригайло отъехал в Москву, с ним вместе отъехал черниговский епископ, 6 князей и целая толпа бояр Южной Руси; Василий не знал, чем изъяснить свое радушие этому драгоценному союзнику; он дал ему на кормление Владимир со всеми волостями; Переяславль⁷⁰¹, Юрьев, Волок Ламский, Ржеву, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила московский народ. Народ не понимал смысла великой борьбы, которую вел Василий с Витовтом; ему гораздо опаснее казались татары, и, видя союз своего князя с Ордою против Витовта, народ с ужасом думал, что татары нарочно ссорят зятя с тестем, дабы воспользоваться их междоусобием. Я приведу это замечательное место в летописи, где выражено негодование народа на щедрость в. князя к Свидригайлу⁷⁰²; приписав литовскую войну изущению Эдигея, летописец продолжает: «И начаша воевати Литву, имуще рать татарскую ссобою, а Литва воеваше москвич, и кровь многа проливашесь а татарове полоном и именем обогатеша, и московстии бояре и воеводы и вельможи веселяхусь, старцы же старые сего не похвалиша глаголюще, несть добра дума бояр наших, иж приводят на помощь себе татар. Не бяше бо в то время на Москве бояр старых, но юнии совещающе о всем, и размирием и ратем и кровопролитию радуящесь, тем и многа в них нестроения бываху. Едигеи же непрестанно ссоры творяше межии обоим видяше бо яко ближники суть, сеи тесть а сеи зять, и не зело хотят к брани, и не желательны кровопролитию но миру и любви; а в то время прислах князь Свистригайло Олгердович на Москву к великому князю Василью Дмитриевичу хотя с ним с единого на Витовта. Свистригайло ж лях бе верою но устроен к брани, муж храбр и крепок на ополчение; и рад бысть ему князь великий со всеми бояры своими, и вдаша ему грады мнози, мало не половину великого княжения московского, и славнии град Владимир. И сия вся ляху пришелцу дано быша, тем же и беды многи постигоша нас».

В надежде на Свидригайла Василий в том же году двинулся на Витовта: полки московские и литовские сошлись и, по обычаю, не решились на битву; после продолжительных переговоров заключен был окончательный мир⁷⁰³, по которому река Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью, причем три города отошли от Витовта к Василию. Свидригайло мог быть недоволен умеренностию Василия, ибо надеялся с его помощью свергнуть Витовта; с другой стороны, он вошел в тесную дружбу с братом в князя Юрием⁷⁰⁴, который уже тогда был в размолвке с Василием, не желая уступить старшинства племяннику: этим объясняется поступок Свидригайла, который во время Эдигеева нашествия не оказал в князю никакой помощи и скоро отъехал назад в Литовскую Русь, обнаружив свою вражду к Москве тем, что на дороге ограбил Серпухов⁷⁰⁵.

Едва Василий кончил дело с Литвою, как Орда напомнила ему о себе. После Куликовской битвы ханы уже не надеются более явным нашествием сокрушить могущество московского князя; вот почему Эдигей, собравшись в поход, послал сказать Василию, что идет на Литву, и вдруг явился в пределах Восточной Руси. Василий, захваченный врасплох, выехал из Москвы; Эдигей осадил ее, но весть о вторжении врагов в собственную Орду заставила его снять осаду и выйти из пределов Руси.

С дороги он прислал в князю письмо⁷⁰⁶, замечательное для нас тем, что в нем раскрыты внутренние отношения Московского княжества, о которых молчит летописец, именно — влияние известных бояр на дела. Мы видели уже, что и летописец жалуется на смену старых бояр молодыми в думе в князя; Эдигей упоминает о том же: «Добрые нравы и добрая дума и добрые дела были к Орде от Федора от Кошки — добрый был человек, — которые добрые дела ординские, то и тебе возпоминал, и то ся минуло; а ныне у тебя сын ево Иван, казначей ивой и любовник, старейшина, и ты ныне не того слова, не того думы не выступаешь. Ино тою думою учинилось твоему улусу пакость и крестьяне изгибли, и тыб опять тако не делал, а молодых не слушал, и собрал бы еси старейших своих бояр Илию Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Микитича, и хочеш на своем улусе кня-

жители, и тыбе тех бояр, да иных многих старцов воземских, да думал бы еси с ними добрую думу». Если сравним эти слова с вышеприведенными словами летописца об отношениях литовских, то можем заключить, что бояре Донского, которых главной заботой были дела ордынские и которые были напуганы нашествием Туктамышша, не могли переменить господствующего направления своей деятельности, не могли стать в уровень с настоящими потребностями и потому, не понимая всей важности отношений литовских, всей опасности, которая грозила с запада, отвлекали внимание в. князя от замыслов Витовта и обращали его преимущественно на дела Орды, советуя, как старики, меры осторожные в отношении к последней; но бояре молодые, в челе которых стоял Иван Федорович Кошка, уразумели, что отношения литовские должны играть главную роль, что Москва должна наперечь все силы для сопротивления замыслам Витовтовым, тогда как опасность от издыхающей Орды, в сравнении с последними, разумеется, была ничтожна. Вот почему Василий сначала, когда руководился советами старого Федора Кошки, не полагал никакой преграды замыслам Витовтовым и позволил ему овладеть Смоленском⁷⁰⁷; но после, когда получил влияние молодой Иван Кошка, то в. князь как бы пробудился от прежнего бездействия и сильными, решительными мерами заставлял Витовта отложить свои замыслы касательно примыслов в Московской Руси⁷⁰⁸.

Показав отношения в. к. московского к Литве при Василии Дмитриевиче, обратимся теперь к другим княжествам русским. С Рязанью не было вражды при Василии; с сыном и преемником Олега Федором заключен был договор в 1402 году⁷⁰⁹. В. князь рязанский признал себя младшим братом московского и обязался обо всех сношениях своих с Ордою объявлять Василию. Любопытно также то, что московские князья, прикупая и примышляя земли, никогда не отступались от этих примыслов, но от других князей требовали уступки прежних прикупов: так, в означенном договоре Василий требует, чтоб в. к. рязанский отказался от прикупов отца своего в земле Мещерской. Мы уже имели случай упоминать о наследственной вражде между в. князьями рязанским и пронским: она не прекращалась и теперь. В. к. московский

ставит себя посредником между враждующими князьями и вносит в договор следующее условие: «А со князем с великим с Иваном Володимировичем (Пронским) взяти любовь по данным грамотам. А что ся учинит межы вас какова обида, и вам отъслати своих бояр, ини учинят исправу; а о чем ся сопрут, ино им третий митрополит: а кого митрополит обинит, ино обидное отдати; а не отдасть, ино мне в. к. Василью Дмитреевичю отправить, а то ми не в измену, тако же на обе стороне». Несмотря на это посредничество, вражда между князьями рязанским и пронским не стихала: в 1409 году Иван Владимирович пришел с татарами на Федора Ольговича, выгнал его из Рязани и сам сел на обоих столах; изгнанный Ольгович явился с воеводами Василия Московского отыскивать свою отчину, но был наголову разбит пронским князем; несмотря, однако, на эту победу, последний должен был уступить Рязань опять Федору, без сомнения вследствие угрозы в. к. московского⁷¹⁰.

В 1399 году умер тверской князь Михаил, последний опасный соперник московского князя. Почти за год до смерти он заключил договор с Василием⁷¹¹, по которому становится в такое же отношение к в. князю московскому, как и Федор Рязанский, обязывается быть с ним заодно во всех войнах с татарами, Литвою, немцами, ляхами, обязывается не искать в княжения Владимирского за себя, за детей, за внуков и за племянников.

По смерти Михаила в тверском княжении начались усобицы: я не стану входить в их подробности, потому что они имеют уже известный нам характер. В. к. тверской Иван Михайлович по праву сильного теснит удельных, отнимает у них земли, выгоняет, даже лишает свободы; удельные, с своей стороны, мимо всех прав ищут в княжения под Иваном⁷¹².

Любопытны отношения этого Ивана Михайловича к Москве: он знал, что борьба с нею невозможна, даже в том случае, если бы как-нибудь хан утвердил на время свою власть над нею. Так, когда Эдигей во время осады Москвы послал к Ивану сказать, чтоб тот шел к нему со всею ратию, то в. князь тверской показал вид, что послушался приказа, и поехал к Эдигею только один, без войска; а потом под пред-

логом болезни возвратился с дороги. Современники считали этот поступок тверского князя мастерским делом; вот что говорит летописец: «Таковым коварством перемудрова, ни Едегея разгнева; ни князю великому погруби, обоим обоего избежа; се же створи уменски, паче же истински»⁷¹³. Такая похвала не показывает большой возвышенности в понятиях современников, что было, однако, необходимо при тогдашних обстоятельствах, когда в борьбе между сильными слабые видели единственное средство спасения в ловком двоедушии.

Из отношений между московскими князьями великими и удельными первое место занимают отношения Василия к дяде его Владимиру Андреевичу. Последний отказался от старшинства в пользу племянника; но это явление не могло не иметь неприятных последствий по самой новости, неловкости положения обеих сторон.

Владимир, несмотря на то, что признал себя младшим братом, не мог забыть, что он дядя, и потому должен был требовать уважения и уступок больших, чем какие мог оказывать ему племянник по своему новому положению. Отсюда в первый же год Васильева княжения обнаружилась вражда между племянником и дядею; Владимир выехал из Москвы сперва в свой наследственный город Серпухов, а потом в Новгородскую область, в Торжок.

Но Василий спешил прекратить эту вражду, опасную уже тем одним, что отвлекала внимание в. князя от важнейших отношений; Владимиру дали два города — Волок и Ржеву, и заключен был договор, который дошел до нас⁷¹⁴.

В. князь выговаривает себе право посылать дядю в поход, и тот должен садиться на коня без ослушания. Любопытно для нас следующее условие, которое показывает, до какой степени дошла недоверчивость между родичами: «Такоже и городная осада, оже ми, брате, самому сести в городе, а тебе ми послати из города; и тебе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре: а будет ми тебе оставити в городе, ехати ми из города; и мне брате, оставити своя мати, и свою братью молодшую, и свои бояре». Смысл таков: если в. князь, оставив дядю в Москве, уедет на север или куда бы то ни было со всем семейством и двором, то не будет более

заботиться о дяде, и наоборот, если Владимир, посланный из города, уедет со всем семейством и двором, то не будет заботиться о в. князе, оставленном в осаде, и станет преследовать только свои выгоды.

Около 1405 года заключен был второй договор⁷¹⁵ с Владимиром, по которому в. князь дал ему в отчину другие города вместо прежде уступленных, а Владимир, с своей стороны, обязался в случае смерти Василия перенести свои отношения к нему и на сына его, т. е. быть младшим братом и дядя внука.

В 1410 году умер Владимир Андреевич. Он также оставил завещание⁷¹⁶, которое сходно с завещанием князей великих; Владимир приказывает в. к. Василию своих детей и бояр, просит его печаловаться об них; в случае споров между детьми должна решить княгиня — мать их, а в. князь должен привести в исполнение приговор ее, причем завещатель прибавляет любопытные слова, отражающие дух и потребность времени: «А вотчине бы их было и их уделом без убытка». В случае смерти одного из сыновей Владимир возобновляет древнее распоряжение; мы видели, что в Северной Руси дочь наследует отцу, если нет сыновей, как, напр., было в Ярославле; но Владимир завещал: «А не будет сына, а останется дчи, и дети мои вси брата своего дочь выдадут за муж, а брата своего уделом поделятся вси ровно». К такому распоряжению привела Владимира мысль, что его удел и без того раздробился уже на 5 участков по числу сыновей, и если позволит переход этих участков чрез дочерей в чужие роды, то его собственный род совершенно обессилеет.

Мы имеем договорные грамоты Василия Димитриевича также с родными его братьями⁷¹⁷. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий важно заметить, что князья Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти в. княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится.

Замечательные были отношения в. князя к самому меньшему брату его Константину. Он родился незадолго до смерти отца, так что ему в духовной Донского не было назначено никакого удела, и Василий Димитриевич дал ему маленький

удел⁷¹⁸, взявши, по отцовскому завещанию, по несколько волостей у братьев⁷¹⁹. Так как этот Константин остался малюточной на руках старшего брата, то в. князь называет его братом и сыном. Но когда Василий в 1419 году потребовал от братьев, чтоб они отреклись от прав своих на старшинство в пользу племянника, то Константин оказал явное сопротивление. «Несть сия от начала бывало», — говорил молодой князь⁷²⁰. Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин удалился в Новгород, убежище всех недовольных князей; однако скоро он уступил требованиям старшего брата и возвратился в Москву.

В 1425 году умер Василий Димитриевич. До нас дошло 3 его духовные грамоты. Первая⁷²¹ написана в 1406 году, когда еще у него был жив сын Иван, а Василий не родился еще. В это время в. князь еще не был уверен, достанется ли в. княжение Владимирское, равно как богатые примыслы — Нижний и Муром, сыну его, и потому говорит предположительно: «А даст Бог сыну моему князю Ивану княженье великое держати... А даст Бог сыну моему князю Ивану держати Новгород Нижний да Муром».

Вторая духовная грамота Василия относится к 1423 году⁷²². Здесь уже в. князь благословляет сына Василия утвердительно своею вотчиною великим княжением; о Новгороде же Нижнем говорит опять предположительно: «А оже ми дасть Бог Новгород Нижний, и яз и новым городом Нижним благословляю сына моего князя Василия»; и только в 1424 году утвердительно благословляет сына примыслом своим — Новгородом Нижним и Муромом⁷²³.

Но замечательнее всего для нас в этих духовных то обстоятельство, что в. князь приказывает своего сына тестю Витовту, братьям Андрею, Петру и Константину, равно как четвероюродным братьям, сыновьям Владимира Андреевича; но ни в одной грамоте не говорится ни слова о старшем из братьев, Юрии Димитриевиче, — знак, что этот князь еще при жизни Василия Димитриевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древних родовых отношениях и на криво толкуемом завещании Донского, где последний говорит, что в случае смерти Василия удел его переходит к старшему по нем; но здесь, как и во всех

других завещаниях, разумеется кончина беспотомственная, ибо речь идет о целом уделе Василия, которого отчинная часть по крайней мере, если исключим в. княжение Владимирское, необходимо должна была переходить к сыновьям покойного⁷²⁴.

Глава VIII

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО

Тотчас по смерти Василия Дмитриевича митрополит Фотий послал за старшим дядею Юрием, чтоб тот явился в Москву и признал старшинство племянника⁷²⁵; но Юрий не поехал и прислал в Москву с угрозами. Юрий не хотел войны открытой и вместе не хотел мира с племянником, ибо при заключении мирного договора он должен был бы отказаться от своих притязаний; но требовал единственно перемирия, выжидая удобного времени, движения с востока или запада или внутренних смут в самой Москве, чтоб напасть с успехом на племянника, которого не мог осилить в борьбе открытой. Так, когда Юрий вздумал было собирать войско, то Василий (т. е. по воле бояр, ибо в. князю было только 10 лет) двинулся на него, заставил бежать из наследственной области, и, если верить известиям некоторых летописцев, Юрий был спасен единственно одним из братьев своих, которому в. князь поручил преследовать неприятеля и который, *норовя* Юрию, не хотел деятельно за ним гнаться⁷²⁶: известие вероятное, ибо Юрий, поддерживая старинные права дядей, с тем вместе поддерживал право всех Дмитриевичей.

После этой неудачной попытки Юрий хотел опять только перемирия, но Москва хотела мира. Митрополит Фотий сзвал в Галич к Юрию, но успел уговорить его только к тому, что он обещался не думать о кровопролитии и отдать дело на решение хана⁷²⁷. И это была только одна уловка, одно средство продлить нерешительное положение, ибо если и прежние князья мало обращали внимание на решения ханские, то могли ли повиноваться им сын и внук Донского?

Вот почему долго после того ни дядя, ни племянник не думали ехать в Орду, и Юрий, отчаявшись в успехе своего дела, заключил в 1428 году договор с Василием, по которому признавал себя младшим братом племянника и обязывался подобно другим своим братьям не искать в княжения под Василием⁷²⁸. Но в 1431 году кто-то постарался снова поссорить родственников; Юрий прислал означенный договор вместе со складною грамотою⁷²⁹, и тут только, для избежания кровопролития, оба соперника решились ехать в Орду на третейский суд, ибо другого значения ханский суд в то время иметь не мог.

В челе московского боярства стоял тогда старый боярин Иван Дмитриевич, хитрый, ловкий, находчивый, одним словом — образец тех московских бояр, которые при отце, дяде и прадеде Василья умели удержать за Москвой первенство и дать ей могущество. Когда неосторожный Юрий, прибыв в Орду, уехал в Крым к своему приятелю мурзе Тегине, Иван Дмитриевич подольстился к остальным мурзам, возбудил их ревность к могуществу Тегини, и они так настроили хана Махмета, что тот грозил Тегине смертью, если он вымолвит хоть слово за Юрия⁷³⁰. Начался суд: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и, наконец, ссылался на ложно толкуемое завещание Донского. За Василия говорил Иван Дмитриевич, он сказал хану: князь Юрий ищет в княжения по завещанию отца своего, а князь Василий — по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, и тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобой, след., княжит по твоей же милости⁷³¹. Эта лесть, замечательная для нас тем, что в ней отзывается совершенное презрение, забвение старины, на котором основалось Московское государство, эта лесть произвела свое действие: хан дал ярлык Василию; однако дяде Юрию, в угоду другу его Тегине, уступили Дмитров, выморочный удел брата его Петра. Так окончился суд в Орде: разумеется, он не мог потушить распри; Юрий не мог забыть неудачи, Василий не мог не воспользоваться своим торжеством для окончательного низложения соперника. Вот почему в том же году встречаем известие, что Юрий побоялся

жить в новом своем уделе Дмитрове и уехал в далекий Галич, а Василий тотчас же выгнал его наместников из Дмитрова и захватил город⁷³². Юрий должен был опасаться еще большего насилия со стороны счастливого соперника, как вдруг дела в Москве неожиданно приняли благоприятный для него оборот.

Иван Дмитриевич в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что в князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкой в то время, когда князья часто женились на дочерях боярских и выдавали за бояр дочерей своих. Дочь Ивана Дмитриевича происходила по матери также от княжеской крови и была поэтому в родстве с в. князем; последний, будучи в Орде, дал свое согласие на этот брак. Но по приезде в Москву дела переменялись: мать в. князя Софья Витовтовна имела другие понятия: она не согласилась на брак своего сына на боярской дочери и настояла, чтоб он обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича Храброго. Тогда Иван Дмитриевич, так сильно ратовавший в Орде против старины княжеской, вспомнил старину боярскую и отъехал от московского князя. Он боялся прямо ехать к Юрию, опасаясь гнева его за недавнюю обиду; и потому кинулся сперва к Константину Дмитриевичу, надеясь пробудить в нем старинные замыслы, потом к тверскому князю⁷³³, наследственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, над которою сам боярин так недавно наругался в Орде; новым, действительным было могущество Москвы, против которого никто не смел тронуться, могущество, утвержденное с помощью предков Ивана и его самого. Наконец, боярин решился явиться к Юрию и был принят радушно: все прежнее было забыто между двумя заклятыми врагами московского князя.

Но между тем как старый боярин подговаривал старого князя возобновить старинные притязания, в Москве молодые князья, сыновья Юрия Василий Косой и Димитрий Шемьяка, пировали на свадьбе в. князя с Марьею Ярославною. Но и здесь нашелся старик, который вспомнил старину, и его напоминовение смутило веселый пир и имело страшные следствия. Князь Василий Косой явился на свадьбу в богатом поясе; старый боярин Петр Константинович рассказал

историю этого пояса матери в. князя Софье Витовтовне, историю, любопытную и для нас. Знаменитый пояс был дан суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокией, шедшей замуж за Дмитрия Донского; последний тысяцкий Василий Вельяминов, который должен был играть важную роль на княжеской свадьбе, подменил этот пояс другим, меньшей цены, а настоящий отдал сыну своему Николаю, за которым была старшая дочь кн. Дмитрия Суздальского Марья. Николай Вельяминов отдал роковой пояс также в приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина Ивана Дмитриевича; Иван отдал его в приданое за дочерью же князю Андрею Владимировичу, сыну Храброго, и по смерти последнего, обручив его дочь, а свою внучку за Василия Косого, подарил жениху пояс, в котором тот и явился на свадьбу в. князя⁷³⁴. Софья Витовтовна, узнав, что за пояс был на Косом, не постыдилась при всех снять его с князя как собственность своего семейства, незаконно перешедшую в чужое. Юрьевичи, справедливо оскорбленные таким позором, тотчас выехали из Москвы, и это послужило знаком к войне.

В Москве только тогда узнали о движениях Юрия, когда уже он был недалеко с многочисленным войском. В. князь, захваченный врасплох, не мог думать о сопротивлении; он послал бояр своих просить мира у дяди, которого они нашли в Троицком монастыре; но Иван Дмитриевич не дал и слова молвить о мире. «И бысь, — говорит летописец, — межи обоих бояр брань велика и слова неподобныя»⁷³⁵. Тогда Василий, собравши наскоро сколько мог людей, выступил против дяди, но с своею малочисленною и нестройною толпою был разбит наголову сильными полками Юрия за 20 верст от Москвы и бежал в Кострому, где был захвачен в плен. Юрий въехал в Москву и стал в. князем.

Какие же могли быть следствия этого события? Старина, возобновленная Юрием, была новостью в Москве, и потому победитель находился в затруднительном положении, не знал, что делать с побежденным. Сперва, при господстве родовых отношений, сын в. князя при жизни отца имел свою волость, и когда старший в роде заступал место покойного в. князя, то сын последнего оставался на своем столе или пе-

ременял его на другой, лучший, что было тогда легко. Но теперь Василий при жизни отца не имел особого удела, его удел была Москва и в. княжение; вытеснив его из Москвы, Юрий, чтобы поместить его где-нибудь, должен был разрушить порядок вещей, установленный завещаниями князей предшествовавших; притом жители Москвы любили Василия как у них взрослого и забыли Юрия.

Далее представлялся вопрос: по смерти Юрия, которая была недалеко по причине его старости, кто долженствовал быть в. князем? По старому порядку вещей — Константин Дмитриевич, единственный из оставшихся в живых сын Донского, а после него опять Василий как сын старшего брата. Московский боярин Иван Дмитриевич и сыновья Юрия думали не так: они позабыли старину и знать ее не хотели. Их право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василия из Москвы, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старых родовых счетов с кем бы то ни было; они хотели, по новому порядку вещей, наследовать своему отцу точно так, как Василий наследовал своему, след., эту знаменитую московскую борьбу дяди с племянником никак нельзя смешивать с подобными войнами в старой Руси: в московской борьбе право старшинства было только пустым предлогом, и победитель, который осиливал во имя этого права, тотчас же стремился нарушить его в свою пользу, тотчас возобновлял поведение противника, против которого вооружился. Московский боярин Иван Дмитриевич и сыновья Юрия, повторяю, смотрели на борьбу с Василием с новой точки зрения и хотели воспользоваться своею победою, чтоб тотчас же избавиться от последнего: они не видали в нем родича, с которым хотели считаться правами; они видали в нем независимого владельца, которого собственность дало им в руки военное счастье, и в этой собственности они видели примысл, которым не хотели делиться ни с кем.

Но отец их Юрий был более совестлив или, по крайней мере, не имел столько твердости в характере, чтоб решиться на насильственные меры против племянника. Скоро последний нашел за себя пред ним ревностного ходатая. У Юрия был старинный любимый боярин Семен Морозов; появле-

ние ловкого Ивана Дмитриевича при дворе Юрия и перевес, который он взял надо всеми по своим талантам, не могли не оскорбить прежнего любимца: выражаясь местническим языком, Иван Дмитриевич заехал Морозова, оттеснил его на низшую ступень: вот почему Морозов находил удовольствие в том, чтоб противоречить советам Ивана Дмитриевича, и, когда последний вместе с молодыми князьями настаивал на жестоких мерах против Василия, Морозов заступался за несчастного пленника и уговорил Юрия отдать ему в удел Коломну, постоянно переходившую к старшему сыну в князя московского⁷³⁶.

Но едва прежний в. князь прибыл в свой удел, как начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь от Юрия, которого не знали; одним словом, около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий застал племянника врасплох и этому только был обязан своим торжеством. Тогда Юрьевичи, увидя исполнение своих опасений, обратили ярость на главного виновника отцовской ошибки и убили Семена Морозова во дворцовых сенях, приговаривая: «Ты злодей, крамольник, ты ввел отца нашего в беду, и нам издавна крамольник и лиходей»⁷³⁷. Избегая отцовского гнева, убийцы удалились из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленным москвитянами и собственными детьми, послал к Василию звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью человеками⁷³⁸. Так торжественно была показана невозможность восстановления старины! Но борьба этим не кончилась.

Удалясь из Москвы, в пылу негодования на двоих старших сыновей Юрий отделил их дело от своего и заключил с Василием Васильевичем договор, в котором за себя и за младшего сына, Дмитрия Красного, отказался принимать к себе Косого и Шемяку⁷³⁹; отказался от выморочного удела брата своего Петра — Дмитрова, за что взял Бежецкий Верх с разными другими волостями: но здесь, разумеется, выгода была на стороне Василия, который утверждал право в. князя наследовать выморочные уделы без дележа с родичами. Юрий

не выговорил ничего в пользу Ивана Дмитриевича: все села его были взяты в казну Василия за его вину.

Но Юрий не мог долго сдерживать своих обещаний: когда пришла весть, что Василий послал войско на Косого и Шемяку, то старику жаль стало сыновей, и он послал к ним на помощь свои полки: узнав о таком нарушении данного слова, в. князь пошел на дядю, но тот успел остеречься, соединился со старшими сыновьями и разбил Василия; последний побежал сперва в Новгород Великий, а потом в Нижний и, настигаемый Юрьевичами, собирался уже в Орду, как вдруг узнал о скоростижной смерти Юрия, случившейся в Москве в том же 1434 году. Оставленная Юрием духовная написана прежде, а именно — тотчас по приходе из Орды, когда еще он владел Дмитровом⁷⁴⁰.

Любопытны договорные грамоты, заключенные перед этим временем в. князьями Василием и Юрием с удельными князьями — сыновьями Андрея Дмитриевича, внуками Владимира Андреевича и св. князем рязанским⁷⁴¹. Они начинаются: «Божиею милостию» или: «Божиею милостию и Пречистыя Богородицы»; внуки Владимира Андреевича называют в. к. Василия Васильевича старшим братом и отцом, дядю его Константина — дядею; в. к. рязанский Иван Феодорович называет себя племянником Юрия Дмитриевича, как он и был действительно, ибо его мать, жена Федора Ольговича, была дочь Донского; но какой же смысл имеет это выражение: «Имети ти мене себе братеничем?»

Это определение отношений, несмотря на то, что родственное, заимствовано, однако, не из прежнего родового быта: прежде существовали только отношения отца и брата, старшие для младших были отцами, младшие для младших — братьями, племянник для дяди был сыном, ибо при единстве рода различия между ближайшими и отдаленнейшими родичами не могло быть; след., различия между сыном и племянником не было, отношения сына к отцу и племянника к дяде были совершенно одинакие, и потому мы видим, что в Древней Руси дядя обыкновенно говорит племяннику: *сыну!* а племянник дяде: *отче!* Так, сыновья Андрея Дмитриевича, заключая договор с дядею Юрием, прямо называют его отцом, что понятно и определено: «Целуй ко мне крест к сво-

ему отцу в. к. Юрию Дмитриевичю и к моим детям: имети вам мене себе отцем; а мне в. князю вас держати в сыновстве и во чти, без обиды».

Итак, что же хочет сказать в. к. рязанский, называя себя племянником князя московского, а не сыном? Он хочет сказать то, что между ними существует кровная связь, вследствие которой он будет уважать Юрия как брата своей матери, а тот должен любить и защищать его как сына своей сестры, безо всяких, однако, родовых отношений, которые уже теперь служили сильнейшим князьям для достижения государственных целей; так, если бы рязанский князь назвался сыном московского, то этим самым, по новому порядку вещей, поступил бы к нему в подручное отношение, тогда как название племянника ни к чему его не обязывало.

По смерти Юрия престол московский занял старший сын его Василий Косой мимо всех родовых прав, по новому обычаю престолонаследия от отца к сыну. Но братья его, два Дмитрия — Шемяка и Красный, поспешили доказать ему, что и они действуют по-новому, т. е. преследуют свои личные интересы, а не интересы рода; они послали сказать Косому: «Если Богу не угодно, чтобы княжил отец наш, то тебя сами не хотим»⁷⁴² и в то же время послали к Василию Васильевичу в Нижний звать его на в. княжение в Москву: они знали, что брату их не удержаться в Москве, и потому поспешили добровольным признанием Василия получить расположение последнего и прибавки к своим уделам. Василий Васильевич точно отдал Шемяке удел умершего дяди Константина Дмитриевича — Ржев и Углич, но зато удержал за собою удел дяди Петра — Дмитров и удел Косого — Звенигород⁷⁴³, Косой был изгнан из Москвы и лишен удела: ему не оставалось ничего, кроме самых отчаянных средств, которые, след., условливались его положением и притом еще личным характером.

Вообще, чтоб уяснить себе вполне характеры Косого и Шемяки, надобно войти в их положение; несчастные притязания отца вовлекли их во вражду с Василием Московским, из которой им не было выхода. Когда отец их овладел в первый раз Москвою, они стояли за насильственные средства против особы Василия, зная, что других средств быть не могло в это время, во время такой борьбы, в которой примире-

ние было невозможно, в которой один из соперников должен был необходимо погибнуть. Теперь, когда восторжествовал Василий Васильевич, Юрьевичи чувствовали, что победитель должен употребить против них те же самые средства, какие прежде они сами хотели употребить против него, и если они примиряются с ним, то это примирение вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обе стороны пользуются таким перемирием для отыскивания средств к возобновлению борьбы.

Но во имя чего же идет эта борьба: во имя ли старых и новых прав? Какое старое право поддерживают Юрьевичи против Василия? Борьба идет во имя права самосохранения: доведенные до отчаяния, озлобленные неудачей, Юрьевичи, можно сказать, повинуются одному животному инстинкту самосохранения, забывают человечность в своих поступках, становятся зверями; но ожесточение Юрьевичей необходимо вызывает ожесточение со стороны Василия, вызывает также насильственные меры.

Косой бежал из Москвы, захватив казну великокняжескую; с помощью последней он не мог иметь недостатка в людях, которые за деньги готовы были служить всякому, не разбирая средств. С толпами таких наемников Косой бросался из одной области в другую, как зверь свирепствуя против тех, со стороны которых встречал хотя малейшее сопротивление⁷⁴⁴.

Особенно верных помощников нашел себе Косой в жителях Вятки: этот город был основан буйными толпами новгородских выходцев; потомство основателей не утратило их характера, притом болотистая страна была постоянно убежищем беглецов, отверженников общества⁷⁴⁵; смелые разбойники, равно страшные иноплеменникам и своим, вятчане признавали очень слабую зависимость от в. князей. Вятка была причислена к уделу Юрия Дмитриевича; по смерти его Василий Васильевич не хотел уступить ее Юрьевичам⁷⁴⁶, зная, что эти усобицы будут постоянно находить себе там готовую дружину. Несмотря на это, вятчане видели в Косом достойного себе предводителя и дружно помогали ему.

Пораженный войском Василия Московского в области Ярославской на реке Которости, Юрьевич бросился в Кост-

ромскую область, но и там был настигнут соперником, однако разлившаяся весной река не допустила их до битвы, и они взяли мир⁷⁴⁷: договор дошел до нас⁷⁴⁸. В. князь отдал Косому в удел Дмитров; почему же не прежний удел его Звенигород? Почему и прежде Василий не дал этого удела Шемяке, а уступил удел Константина Дмитриевича? Поступок этот объясняется легко из последующих: и после в. князя стараются переменять владения князей удельных, дабы последнее, постоянно пребывая в одном уделе, не могли приучить к себе жителей его, приобрести их любовь; вот почему и теперь в. князь не хотел отдать Косому его отчину Звенигород. Юрьевич вступил к Василию в отношения младшего князя и обязывался отдать всю казну, увезенную им из Москвы, равно казну покойного дяди Константина. В этом же договоре встречаем любопытное известие о том, как в это время люди всех сословий, не одни бояре и слуги княжеские, при первом неудовольствии перебежали из одного княжества в другое; в грамоте в. князь выговаривает следующее: «А которые гости суконники вскоромолили на меня на великого князя и на мать мою на великую княгиню, да вышли с Москвы во Тферь в наше розмирие, а тех ти не примати».

Косой скоро увидал действительность меры в. князя в перемене удела: он прожил в Дмитрове не более месяца и отправился на север к Галичу в удел брата своего Шемяки⁷⁴⁹, что не могло быть сделано без согласия последнего; там пришли к нему вятчане, и он пошел с ними разорять великокняжеские области, а между тем Шемяка приехал в Москву звать в. князя к себе на свадьбу: этот зов в то время, когда Косой в уделе Шемяки набирал войска, не мог не показаться подозрительным: Василий велел задержать Димитрия и стеречь в Коломне на все время войны с братом его; такая подозрительность в. князя оправдывается последующими поступками Юрьевичей, которые как слабейшие, не надеясь на силу, прибежали ко всякого рода коварствам для получения успеха; третий же Юрьевич, Димитрий Красный, по своему кроткому характеру не мог возбудить подозрений и был в войсках в. князя. Последний встретился с Косым в Ростовской области; Юрьевич хотел употребить хитрость, чтоб схватить врасплох в. князя, но последний своею смелостию

и решительностью избегнул опасности, Косой был совершенно разбит, взят в плен и отвезен в Москву, и когда союзники его вятчане схватили в Ярославле воеводу великокняжеского князя Александра Брюхатого, взяли с него богатый окуп и, несмотря на это, все-таки отвели к себе в плен⁷⁵⁰, то раздраженный Василий решил покончить дело с Косым и велел ослепить его. Этот поступок нельзя называть неслыханным злодейством, ибо ожесточенная борьба, в которой решался вопрос о том — быть или не быть, давно уже шла между князьями, борьба, которая, по означенному характеру, должна была решаться гибелью одного из соперников; так, борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью 4-х князей тверских: московские князья убили их в Орде посредством хана, но не менее того убили; теперь же, в борьбе между московскими князьями, соперники были поставлены в положение гораздо опаснейшее: прежде вопрос шел только о в. княжении Владимирском; торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побежденному: он, его сыновья и внуки могли существовать как владельцы независимые, тогда как теперь обстоятельства были уже не те: Косой обнаружил свой характер и свои цели, показал, что, пока он жив, Василий Васильевич не будет спокоен; ханы в это время потеряли прежнее значение, их уже нельзя было употреблять орудием для гибели соперника, и князьям было предоставлено разделяваться самим друг с другом.

По ослеплении Косого в. князь выпустил брата его Шемяку из Коломны в прежний удел и заключил с ним договор, совершенно одинаковый с предыдущим. В 1440 году встречаем новый договор с Юрьевичами⁷⁵¹, где между прочим сказано следующее: «Так же и нынеча што будете взяли на Москве нынешним приходом у меня и у моей матери, и у моих князей, и у бояр у моих и у детей у боярьских, и што будет у вас, и вам то отъдати». Это место ясно указывает на неприятельский приход Юрьевичей к Москве; летописцы молчат об этом приходе Шемяки под 1440 годом и помещают приход его под 1442, которому предшествовал поход в. князя на Юрьевича и бегство последнего в Новгородскую область⁷⁵²; причину вражды в. князя к Шемяке в этом случае было то, что Юрьевич ослушался его зова и не пошел помогать Москве, когда

она была осаждена ханом Улу-Махметом в 1439 году; соперники были примирены троицким архимандритом Зиновием. Если мы предположим, что в летописи перемешаны года и этот поход 1442 года должно отнести к 1440, после которого и был заключен наш договор, то все объяснится легко и естественно: в 1439 году Улу-Махмет осаждал Москву, Шемяка не явился на помощь, за что тотчас же в. князь пошел на него и прогнал в Новгородскую область; потом Шемяка, оправившись, явился сам под Москвою и заключил мир.

Как бы то ни было, мы уже сказали, что подобные борьбы оканчиваются только гибелью одного из соперников. В 1445 году Шемяка мог думать, что благоприятная ему судьба внезапною, неожиданною развязкою борьбы освобождает его навсегда от соперника. Недавно установленная в Казани Орда своими грабительствами не давала покоя восточным пределам московских владений, областям нижегородским и муромским. В 1445 году, узнав о движениях казанцев, в. князь с малым отрядом войска и князьями, двоюродными братьями Андреевичами и одним из внуков Владимира Храброго, выступил против хищников, причем посылал к Шемяке до 40 послов (?), зовя его на помощь: Шемяка не явился⁷⁵³. Близ Суздаля в. князь встретился с многочисленными татарскими полками, вступил в битву и, несмотря на отчаянное мужество, был подавлен числом врагов и весь израненный взят в плен⁷⁵⁴.

Казанский хан Махмет, доставши в руки в. князя и зная отношения его к Шемяке, отправил к последнему посла для переговоров насчет участи пленника. Шемяка обрадовался, принял посла с великою честью и отпустил его, по выражению летописца, «со всем лихом на в. князя», отправив в то же время в Казань своего дьяка хлопотать о том, «чтобы в. князю не выйти на в. княженис»⁷⁵⁵. Но хан хотел кончить дело как можно скорее и как можно скорее получить выгоды от своей победы, выгоды, разумеется, денежные, ибо о политической зависимости Москвы от Казани он не мог и мечтать; думая, что посол его, долго не возвращавшийся от Шемяки, убит последним, Махмет вступил в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву. Касательно условий освобождения свидетельства разногласят:

в большей части летописей сказано: «Царь Улу-Махмет и сын его утвердиша в князя крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может»⁷⁵⁶. Но в некоторых означена огромная, по тогдашнему времени, сумма — 200 000 рублей⁷⁵⁷; намекается также и о других каких-то условиях, напр., в Новгороде: «а иное Бог весть, и они в себе». Вероятно, что хан выговорил себе также и земли в России на случай нового изгнания, ибо власть его в Казани не была утверждена вполне⁷⁵⁸; по крайней мере нельзя согласиться, чтоб окуп в князя был умеренный, как говорит Карамзин.

Летописи единогласно говорят, что с в. князем выехали из Орды многие князья татарские со многими людьми⁷⁵⁹; и прежде Василий охотно принимал татарских князей в службу и давал им кормления — средство превосходное противопоставлять варварам варваров же, заставляя их биться за гражданственность, средство, которое Россия должна была употреблять и употреблять вследствие самого своего географического положения. Мы, разумеется, можем только хвалить Василия за употребление этого средства, но современники думали не так: мы видели, как они роптали на отца Василиева за то, что он давал литовским князьям богатые кормления; еще более возбудили их негодование подобные поступки Василия с татарами, ибо в них не могла погаснуть страшная ненависть к этим врагам, которые еще не оставляли тогда притязаний на господство над Русью, т. е. на безнаказанное насилие над ее жителями, и когда к тому еще огромные подати наложены были на народ, чтоб достать деньги для окупа, то негодование на в. князя обнаружилось в самых стенах Москвы: им спешил воспользоваться Шемяка.

Теперь более, чем когда-либо, Юрьевич должен был опасаться Василия, потому что послы его к хану казанскому были перехвачены и в. князь знал об его замыслах; но, занятый отношениями татарскими, он не мог еще думать о преследовании Димитрия: последний спешил предупредить его. Узнав, что в Москве образовалась партия людей, недовольных в. князем и, след., благоприятных ему, Шемяка начал сноситься с князем Борисом Тверским и сыном Андрея Димитриевича Иваном Можайским, у которого и прежде было нелюбие с в. к. Василием⁷⁶⁰. Он сообщил им слух, который

носился тогда об условиях Василия с казанским ханом, условиях, преувеличенных до нелепости неблагонамеренными людьми: шла молва, будто в. князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам удовольствоваться Тверью⁷⁶¹. Князя тверской и можайский поверили, или сочли полезным для себя поверить, и согласились действовать заодно с Шемякой и московскими недовольными, в числе которых были бояре, гости и даже чернецы⁷⁶². Главными действующими при этом были бояре покойного князя Константина Дмитриевича.

Московские изменники дали знать союзным князьям, что Василий безо всякого опасения поехал молиться в Троицкий монастырь⁷⁶³; Шемяка и Можайский овладели врасплох Москвой, потом также нечаянно схватили в. князя у Троицы, привезли в Москву, ослепили и сослали в Углич. Шемяка поступил таким образом с Василием не из мщениия за брата; он поступил с ним теперь точно так же, как поступил бы прежде, при первом торжестве отца своего Юрия, если б Морозов не уговорил последнего к снисходительности. В одной летописи, впрочем, приведены причины, по которым ослеплен был в. князь, они любопытны: «Почто еси татар привел на Русьскую землю и города подавал еси им и волости в кормление; а татар и язык их паче меры любишь, а христиан без милости томишь, и злато и серебро татарам даешь? И за тый гнев, что ослепил Василья Юрьевича»⁷⁶⁴.

Торжество Шемяки, бывшее следствием заговора немногих недовольных, осмелившихся действовать во имя всех, не могло быть продолжительно. Двое малолетних сыновей Василия были спасены из Троицкого монастыря верными людьми и сданы на руки князьям Ряполовским, которые скрылись с ними в Муроме. Шемяка уговорил рязанского епископа Иону отправиться в Муром и вытребовать малюток у Ряполовских с обещанием дать им богатый удел; Иона уговорил Ряполовских уступить желанию Шемяки, поручившись святительским словом в исполнении его обещания; несмотря на то, Шемяка отослал их к отцу в Углич.

Тогда Ряполовские начали думать о средствах, как бы освободить в. князя. В самом начале торжества Шемяки брат жены Васильевой князь Василий Ярославич отъехал из Мос-

ковского княжества в Литву; мы видели литовских князей в Москве, теперь видим обратное, и в. князя литовско-русские принимают московских выходцев точно так же, как московские принимали литовско-русских, — с честью, д^ают им богатые кормления: так, князю Василию даны были в Литве 4 города и многие иные места⁷⁶⁵. Но в самой Москве оставались люди, верные Василию. Сначала застигнутый врасплох, изумленный столь внезапным торжеством Шемяки и несчастьем Василия, двор последнего присягнул было Юрьевичу; но уже и тут некоторые дружинники оказали сопротивление: Федор Басенок не захотел служить похитителю; Шемяка велел заковать его в железа, но отважный дружинник успел вырваться из них, убежать в Коломну, подговорил там многих людей, разграбил с ними Коломенский уезд и ушел в Литву к князю Василию Ярославичу; туда же отъехал и другой князь, Семен Оболенский: Ярославич поделился с ним и с Басенком своим кормлением⁷⁶⁶.

Когда Ряполовские задумали освободить в. князя, в той думе на Москве были с ними кн. Оболенский Стрига, Иван Ощера с братом Бобром, Юшка Драница, храбрый пришлец, литвин⁷⁶⁷, благородный дружинник, первый известит князя о беде, первый сложит за него голову⁷⁶⁸; Семен Филимонов, Русалко, Руно и множество других детей боярских, след., все члены младшей дружины⁷⁶⁹. Они сговорились сойтись к Угличу в Петров день в полдень. Иван Филимонов пришел ровно в срок, но Ряполовские не могли этого сделать, потому что были задержаны отрядом Шемяки, за ними посланным; они побили отряд, но, зная, что уже опоздали, двинулись назад по Новгородской области в Литву, где соединились с прежними беглецами, а Филимонов пошел опять к Москве⁷⁷⁰.

Тогда Шемяка, видя, что у Василия так много доброжелателей, и докупаемый укорами Ионы в несдержании данного слова, захотел примириться с в. князем. Он сам поехал в Углич и выпустил Василия; последний от радости не знал, что говорить, как благодарить Шемяку, называл его старшим братом, винился, что изгубил много православного христианства и еще хотел изгубить⁷⁷¹. Шемяка, с своей стороны, винился перед слепцом и дал ему в удел Вологду, укрепив его, однако, прежде крестным целованием и проклятыми грамо-

тами не искать в. княжения⁷⁷². Но друзья Василия ждали только его освобождения: они толпами кинулись к нему⁷⁷³. Затруднение состояло в проклятых грамотах, данных на себя Василием: кирилловский игумен Трифон снял их на себя, когда в. к. приехал из Вологды молиться в его монастырь⁷⁷⁴.

После этого Василий двинулся к Твери: тверской князь Борис Александрович видел, что Шемяке не устоять против Василия, и потому спешил сблизиться с последним: он обещал ему помощь с условием, однако, совершенного равенства между в. князьями тверским и московским; также для упрочения союза Борис Александрович требовал, чтоб Василий обручил своего старшего сына и наследника Ивана, которому было тогда только 7 лет, на дочери его Марье. Василий согласился и с тверскою помощью пошел на Шемяку к Москве⁷⁷⁵.

Между тем князь Василий Ярославич и другие московские беглецы, жившие в Литве, еще не зная об освобождении в. князя, двинулись для этой цели из своего убежища; с другой стороны явились в московских пределах двое татарских царевичей, искавших того же Василия «за прежнее его добро и за его хлеб, потому что много добра его до них было»⁷⁷⁶. Шемяка с кн. Иваном Можайским выступил к Волоку навстречу Василию, но в его отсутствие Москва так же внезапно и легко была захвачена приверженцами в. князя, как прежде приверженцами Шемяки⁷⁷⁷. Узнав об этом, последний побежал далее на север в свой наследственный Галич; в. князь двинулся за ним; в Костроме начались переговоры и кончились миром: такие же проклятые грамоты теперь дал на себя Шемяка не искать в. княжения, какие в Угличе дал ему Василий; но если этот не побоялся нарушить их, то не побоится и Шемяка: мир был только перемирием.

Теперь мы должны обратиться несколько назад и посмотреть, что сделал Шемяка, сидя в Москве на великокняжеском столе? Мы уже видели, что его положение было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной верности, доброжелателями Василия, он не мог и думать о преследовании целей прежних московских князей, должен был в сношениях с другими князьями пренебречь интересами Московского княжества. Обязанный успехом своим содействию Ивана Можайского, он отдал ему Суздальское кня-

жество, богатый примысл Василия Дмитриевича; но правнуки Дмитрия Константиновича, законные наследники Суздальской области, были еще живы: они воспользовались шатким положением Шемяки и Можайского и заставили последнего отступить от Суздаля; до нас дошел договор их с Шемякою, самый выгодный, какой когда-либо князья заключали с в. к. московским⁷⁷⁸.

Оба суздальские князя, старший брат Василий Юрьевич и младший — Федор Юрьевич выговаривают, чтобы Шемяка держал их — первого сыном, второго племянником; мы видели, что держать одного сыном, а другого племянником не имело смысла в старину, но теперь имеет, потому что родовая связь рушилась, и ближние родственники имеют другое значение, чем отдаленные; держать одного сыном, а другого племянником значит давать первому более прав, чем второму. Далее в договоре следует статья, довольно невыгодная для московского князя. Суздальский князь говорит: «А сыну ти, господине, своему князю Ивану Дмитриевичу держати меня князя Василия Юрьевича братом ровным». След., в случае смерти Шемяки суздальский князь, будучи ровным сыну его и наследнику, имеет равное с ним право на великое княжение Владимирское. Шемяка обязуется не вступаться в прадедину, дедину и отчину князей — Суздаль, Новгород · Нижний, Городец и Вятку. Здесь нарочно прибавлено *прадедина*, чтоб показать давность права князей на эти области. Потом Шемяка уступает Суздальским важнейшее право независимых великих князей — ведаться самим с Ордою: «А Орда нам, господине, знати собою». Шемяка обязуется также не заключать никаких договоров с в. к. Василием без ведома князей суздальских. Касательно оборонительного и наступательного союза обязанности равные: если сам Шемяка поведет войско, то и князь суздальский должен сесть на коня; если же пошлет сына, то и князь суздальский посылает только сына или брата. Доказательством, что Шемяка считал великое княжение Владимирское себе неперочным, служит следующая статья: «А что будем где грабити наши бояре и наши люди в твоей отчине в великом княженье: ино тому всему дерть по та места, какоже дать ти Бог, велит достати свое отчины великого княженья».

Уже давно жители Руси отвыкли от княжеских переходов из одной области в другую, давно уже князья постоянно сидели в одном уделе с боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тесно связаны с интересами княжества, с интересами остального народонаселения; вот почему граждане уже давно отвыкли от грабительства чуждых бояр и отроков, как то было в Древней Руси; но при внуках Донского это явление возобновилось: Юрий Дмитриевич и дети его овладевают несколько раз Москвой, городом, для них и для дружины их чуждым; москвитяне, которые жаловались на Василия Васильевича за то, что он обременяет их налогами для уплаты выкупа в Казань, увидели, что при Шемяке, князе чуждом и приведшем чуждую дружину, положение их не улучшилось: *Шемякин суд* остался для потомства выражением суда несправедливого, точно такого, каким был для древних киевлян суд Ольговичей, для владимирцев суд Ростиславичей. Но если киевляне и владимирцы не могли снести управления Ольговичей и Ростиславичей в то время, когда переход князей был освящен обычаем, то ясно, что москвитяне не могли стерпеть Шемякина суда в то время, когда уже они привыкли к другому обычаю: притязания Юрия Дмитриевича и сыновей его имеют ту важность в нашей истории, что они всего лучше показали невозможность возвращения старины, уяснив для народа, что настоящее его положение гораздо выше прежнего.

Мы видели, как владычество Шемяки в Москве было гибельно для чести и пользы Московского княжества; как же скоро возвратился законный владелец, дела пошли по-прежнему: Шемяка и Можайский добились челом своему господину, брату старшему Василию Васильевичу князьями, которые оставались ему верны: Михаилом Андреевичем Верейским, Василием Ярославичем Боровским и Борисом Александровичем Тверским⁷⁷⁹. Оба князя отступались от пожалованных в князем волостей, просили только своих отчин, и то не всех; обещались возвратить все взятое ими из казны великокняжеской, особенно грамоты и ярлыки.

Но всего любопытнее для нас высказываемое в договоре их с в. князем недоверие, которое ясно показывает, что мир между князьями не мог быть искренним, что он вынуждался

только обстоятельствами: Шемяка и Можайский просят, чтобы в. князь не вызывал их в Москву до тех пор, пока не будет там митрополита, который один как общий отец мог дать им ручательство в безопасности. Эта недоверчивость видна и из других мест договоров. Можайский повторяет: «А што ся, господине, тебе от нас сстало: а того ти, господине князь великий, мне не помнити, не поминати, ни мститися, ни на сердце не держати, ни твоей матери великой княгине, ни твоей в. княгине, ни твоим детем мне и моим детем, и до нашего живота»⁷⁸⁰. Бьет челом, чтоб дети в. князя сами целовали к нему крест, как скоро исполнится им по 12 лет.

Василий Васильевич исполняет все эти требования; князей, оставшихся ему верными, щедро награждает; так, напр., князя Михаила Андреевича Вереяского, брата Ивана Можайского⁷⁸¹, князя Василия Ярославича Боровского⁷⁸², который потерпел для него изгнание и потом оказал такую деятельную помощь, даже у Ивана Можайского не отнимает всех прежних пожалований⁷⁸³.

Но все эти князья входят к нему в прежние отношения, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Васильева в. князем вместо отца; по приказу в. князя садиться на коня без послушания, и хотя князья выговаривают себе право примысла⁷⁸⁴, но это право бесполезное, ибо у них отняты средства к примыслению: в. князь обязывает их, чтоб они не принимали служебных князей с вотчинами⁷⁸⁵; не покупать волостей в чужих княжествах они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла — завоевание у иноплеменников, но для этого удельные князья были слишком слабы. Один только в. к. московский имел право и возможность делать примыслы, и вот сами враги дают ему самый лучший к тому предлог.

Шемяка не исполняет договора, ибо не верит, что в. князь, с своей стороны, может исполнить его: везде, в Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы, отчаянный Юрьевич заводит крамолы, везде хочет возбудить нелюбье к Василию; он не переставал сноситься с Новгородом, называя себя в. князем и требуя помощи от вольных людей, повторяя старое обвинение Василию, что по его блажке Москва в руках татар. Не прекратил сношений и с

прежним союзником своим Иваном Можайским: последний не скрывал этого союза от в. князя, послы его прямо говорили Василию: «Толко пожалуеш ты, князь великий, князя Дмитрия Юрьевича, ино ты еси и мене князя Ивана пожаловал; а толко не пожалуеши князя Дмитрия, иное то если и мене князя Ивана не пожаловал»⁷⁸⁶. Отказавшись в договоре с Василием от всякой власти над Вяткою, Шемяка между тем посылал подговаривать ее беспокойное народонаселение на Москву; поклявшись не сноситься с Ордой, Шемяка держал у себя казанского посла, и легко было догадаться, какие переговоры вел с ханом, потому что последний сковал посла великокняжеского; когда же от хана Большой Орды пришли послы в Москву и в. князь послал к Шемяке за выходом, то он не дал ничего, отозвавшись, что хан Золотой Орды не имеет никакой власти над Русью; поклявшись возвратить все захваченное им в Москве через месяц, Шемяка не возвращал и по истечении 6 месяцев, особенно не возвращал ярлыков и грамот.

Далее, в договоре находилось условие, общее всем княжеским договорам того времени: что бояре, дети боярские и слуги вольные вольны переходить от одного князя к другому, не лишаясь своих отчин, так что боярин одного князя, покинув его службу, перейдя к другому, мог жить, однако, во владениях прежнего князя, и тот обязывался блюсти его, как своих верных бояр. Но Шемяка не мог смотреть равнодушно, что бояре его отъезжают в Москву, и вопреки клятве грабил их, отнимал села, дома, все имущество, находившееся в его уделе. Здесь необходимо заметить, как вольный переход бояр и дворян вообще также содействовал к усилению Московского княжества; боярину гораздо лестнее было служить сильнейшему, т. е. великому князю, чем удельному, и потому он с охотой переходил к первому, тем более что отчины его оставались за ним, тогда как на переход от в. князя к удельному боярин мог решиться только в случае крайности, ибо, несмотря на взаимное обязательство, сильнейший князь всегда имел более возможности отомстить неверному боярину захвачением или даже притеснением его отчины. Мы упоминали уже, и после будем иметь случай упомянуть, что сильнейшие князья, или великие, нарочно теснили бояр удельных, чтоб они переходили к ним в службу.

Далее, начиная от завещания Калиты, младшим сыновьям давались части в самом городе Москве, и каждый из них держал тиуна в своей части: Шемяка посылал к своему тиуну в Москве Ватазину грамоты, в которых приказывал ему стараться отклонять граждан от Василия на сторону его, Шемяки: эти грамоты были перехвачены. Тогда в. князь отдал свое дело на суд духовенству.

Если русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, так сильно содействовало возвеличению Москвы, то еще более содействовало утверждению единовластия, ибо одно духовенство в это время могло сознательно смотреть и вполне оценить стремление московских князей. Проникнутое понятиями о власти царской, власти, получаемой от Бога и не зависящей ни от кого и ни от чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебном положении со старым порядком вещей, с родовыми отношениями, и когда московские князья начали стремиться к единовластии, то их стремления совершенно совпали со стремлениями духовенства; можно сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно был направлен меч духовный. Мы видели, как митрополит Фотий в самом начале Василиева княжения восстал против замыслов дяди Юрия, как потом кирилловский игумен Трифон разрешил Василия от клятвы, данной Шемяке; но теперь, когда Шемяка не соблюдал своей клятвы и в. князь объявил об этом духовенству, то оно вооружилось против Шемяки и отправило к нему грозное послание, чрезвычайно замечательное по необыкновенному для того времени искусству, с каким написано, по умению соединить цели государственные с целями религиозными.

Послание написано от лица пяти владык, двух архимандритов, которые поименованы, и потом от лица всего духовенства⁷⁸⁷. Здесь прежде всего обращает на себя наше внимание порядок, в каком следуют владыки один за другим: они написаны по старшинству городов, и первое место занимает владыка ростовский. Ростов Великий, давно утративший свое значение, давно преклонившийся пред пригородами своими, удерживает свое прежнее место относительно церковной иерархии и напоминает, что область, в которой находится теперь историческая сцена действия, есть древняя

область Ростовская; за ним следует владыка суздальский, и уже третье место занимает нареченный митрополит Иона, владыка рязанский, за которым следуют владыки коломенский и пермский. Второе, что останавливает нас здесь, это единство, всеобщность русского духовенства; нет духовенства областного, рязанского, тверского, московского. Есть только духовенство всероссийское, чуждое постоянно всяких областных интересов: так, Иона, епископ рязанский, ревностно поддерживает государственное стремление московского князя, и московский князь не медлит дать свое согласие на возведение этого епископа в сан митрополита, зная, что рязанский владыка не принесет в Москву областных рязанских стремлений; исключением здесь является один только архиепископ новгородский, преследующий постоянно интересы своего города, и оттого мы замечаем нерасположение митрополита к архиепископам новгородским, ибо митрополит требует, чтоб духовенство было выше всех областных частных интересов.

В первых уже строках послания духовенство высказывает ясно свою основную мысль о царственном единодержавии: оно сравнивает грех отца Шемяки Юрия, помыслившего беззаконно о в. княжении, с грехом праотца Адама, которому сатана вложил в сердце желание равнобожества. Сколько трудов перенес отец твой, говорит духовенство Шемяке, сколько истомы потерпело от него христианство, но великокняжеского стола все не получил, «что ему Богом не дано, ни земскою из начальства пошлиною». Последними словами духовенство объявляет себя на стороне нового порядка престолонаследия, называя его земскою из начальства пошлиною. Упомянув о поступках и неудачах Юрия и Василия Косого, духовенство обращается к поступкам самого Шемяки и укоряет его тем, что он никогда не являлся на помощь к в. князю в борьбе его с татарами. Упомянув об изгнании и ослеплении в. князя, духовенство делает страшный запрос Шемяке, который, разумеется, оно одно во имя Христа, главы Церкви, могло сделать и пред которым исчезали все другие вопросы: «И разсуди себе, *которое благо сотворил еси православному христианству?* Ища и желая большего, и меньшее свое изгубил еси. А Божию благодатию и неизреченными его судьба-

ми, брат твой старейший к. в. опять на своем государстве: понеже кому дано что от Бога, и того не может от него отнять никто». Потом приводится последняя целовальная грамота Шемяки к в. князю и показывается, что Юрьевич не соблюл ни одного условия в договоре. Любопытно видеть, как духовенство отстраняет упрек, делаемый в. князю за то, что он держит в службе татар: «А что татарове во христианстве живут, а то ся чинить все твоего же деля с твоим братом старейшим с в. к. неуправленья, и те слезы христианские вси на тебеже. А котораго часа с своим братом старейшим с в. к. управится во всем чисто, по крестному целованью; ино мы ся в том имаем, что тогож часа к. в. татар из земли вон отшлет». В заключении духовенство говорит, что оно по своему долгу било челом за Шемяку в. князю, что тот послушал святительского слова и хочет мира с своим двоюродным братом, назначая ему срок для исправления договора. Если же Шемяка не исполнит и тут условий, в таком случае духовенство отлучает его от Бога, от церкви Божией, от православной христианской веры и предает проклятию.

Шемяка не обращал внимания на угрозы духовенства: в 1449 году он начал неприятельские действия приступом к Костроме, которой, однако, не мог взять; в. князь двинулся против него, с войском вместе шел митрополит и епископы⁷⁸⁸. Шемяка испугался и заключил мир. Но на следующий год неприятельские действия возобновились: полки Василия под предводительством князя Оболенского встретились с Шемякою у Галича, в злой сече последний был разбит наголову и бежал в Новгород, откуда явился снова в северных областях и засел в Устюге⁷⁸⁹; изгнанный оттуда, опять убежал в Новгород. В знаменитый 1453 год, год падения Восточной империи, Шемяка своею смертью упрочил покой и могущество новой империи, наследницы Византийской. «Прииде весть к в. князю, — говорит летописец, — что князь Дмитриеи Шемяка умер напрасно в Новгороде, а пригнал с тою вестью подъячеи Василеи Беда, а оотоле бысть дьяк»⁷⁹⁰. Другой летописец говорит подробнее: в. к. послал в Новгород дьяка Степана Бородатого с ядом. Бородатый подговорил боярина Шемякина, Ивана Котова, а тот подговорил повара: Юрьевич умер, поевши курицы, напитанной ядом⁷⁹¹.

Шемяка умер под клятвою церковною: духовенство исполнило свои угрозы. Иона, посвященный в митрополиты, неутомимо действовал против клятвопреступного князя: в конце 1448 года он писал окружную грамоту ко всем: «Благородным и благоверным князем, и паном, и бояром, и наместником, и воеводам, и всему купно христоименитому Господиню людству»⁷⁹². Извещая о доставлении своем в митрополиты, Иона пишет, чтобы православные христиане пощадили себя от телесной и еще более от душевной гибели и покорились в князю, и заключает послание угрозою: «Коли вашим ожесточеньем еще кровь христианская прольется, тогда ни христианин кто будет именуясь в вашей земли, ни священник священствуя, но вси Божьи церкви в нашей земли затворятся от нашего смирения». Когда Шемяка жил в Новгороде, не переставая враждовать против Москвы, то Иона писал к новгородскому владыке, чтоб тот уговорил Юрьевича к раскаянию и челобитью пред в. князем⁷⁹³.

Вторая грамота Ионы к тому же архиепископу написана уже гораздо резче⁷⁹⁴. Митрополит отрицает, что никогда в своих посланиях он не называл Шемяку сыном, напротив, говорит он, я не велю ни тебе, ни всему Новгороду с ним ни пить, ни есть, «занеже сам себе от христианства отлучил. А яз как прежде того тебе, сыну, писал, так и ныне с своими детьми с владыками, да и с всем великим Божиим священством наша земля, имеем князя Дмитрея неблагословена и отлучена Божией церквы». Любопытно видеть, что новгородский архиепископ напоминает митрополиту о старине, еще любопытнее ответ митрополита на это: «А что ми, сыну пишешь в своей же грамоте, что прежде того русские князи приезжали в дом святыя Софея, в великий Новгород, и честь им въздавали по сим, а прежнии митрополиты таких грамот с тягостию не посылавали, ино, сыну, ты ми скажи: прежде сего князи и которые, с таким лихом, что учинили над своим братом над в. князем, чрез крестное целование к вам приехав, или б таки также княгиню свою и дети и весь свой кош оставя у вас в Великом Новгороде, да от вас ходя в великое княжение христианство губил и кровь проливал? Как прежде того не бывало в нашей земле братоубийства, а к вам с таким лихом князь не приеживал, так и прежнии

митрополиты в В. Новгород таких грамот с тягостию не посылавали».

Сын Шемяки ушел в Литву, где, как прежде враги отца его, нашел себе почетный прием и кормление: политика литовско-русских князей не могла измениться, потому что обстоятельства не переменались. Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставалось еще много князей удельных: ото всех от них Василий должен был избавиться; он начал с Ивана Можайского, как и следовало.

В 1454 году «к. в. Василей поиде к Можайску на князя Ивана Андреевича за его неисправление; онже, слышав то, выбрався з женою и с детми и со всеми своими побеже к Литве; а князь великой пришед к Можайску взять его и умилосердився на вся сущая в граде том пожалова их, и наместники своя посадив, возвратився к Москве»⁷⁹⁵.

Какое было неисправление Ивана Можайского, узнаем из письма митрополита Ионы к смоленскому епископу⁷⁹⁶: «Ведаете, сыну, и прежнее, что ся състало от того князя Ивана Андреевича над нашиим сыном, а над его братом старейшим, а не рку, над братом, но над его осподарем, над в. князем». Здесь глава русского духовенства ясно говорит, что родовых отношений между князьями более не существует, что князья удельные не суть братья великому, но подданные! Вина Ивана Можайского, по словам Ионы, состояла в том, что во время двукратного нашествия татар митрополит посылал к этому князю с просьбой о помощи в. князю, но Иван не явился. Из этих слов видна также тогдашняя деятельность митрополита: не в. князь, но он приглашает удельных князей на войну против неверных. Цель письма — чрез посредство смоленского владыки внушить литовско-русскому правительству, чтоб оно, приняв беглеца, удовольствовалося этим и не позволяло ему враждовать против Москвы, что необходимо должно вызвать неприязненное движение и со стороны Василия Васильевича.

Но не одно ослушание Ивана явиться с войском на зов митрополита навлекло на можайского князя гнев великого; была другая причина вражды, о которой Иона не почел личным говорить смоленскому епископу, подданному Казимира Литовского: в 1448 году, когда Шемяка не переставал

враждовать с Василием, Иван Можайский чрез посредство тестя своего, князя Федора Воротынского, вошел в сношения с Казимиром, требуя помощи последнего для овладения московским престолом⁷⁹⁷; за что обязывался писаться всегда Казимиру братом младшим, уступить Литве Ржеву, Медынь, не вступаться в Козельск и помогать во всех войнах, особенно против татар. Казимиру, занятому польскими отношениями, некогда было помогать Можайскому, однако Василий Московский не мог терпеть подле себя такого родича и потому при первом предлоге поспешил от него отделаться.

Из остальных удельных князей всех опаснее, всех беспокойнее был Василий Ярославич Боровский, именно потому, что оказал большие услуги в. князю и, след., имел большие притязания на благодарность и уступчивость последнего; эти притязания стояли в прямой противоположности со стремлениями Василия Васильевича: отовсюду необходимо враждебные столкновения с боровским князем. Недоразумения обнаружились скоро между обоими родственниками, что доказывается повторением договорных грамот⁷⁹⁸.

Эти грамоты замечательны тем, что в них отстраняется всякое родственное приравнение удельных князей к семье в. князя, отстраняется, след., всякое притязание первых на в. княжение: Василий Ярославич Боровский обязуется и с детьми своими считать старшим не только в. князя Василия и старшего сына его Ивана, но и всех младших сыновей, и последних держать так же честно и грозно, как самого в. князя.

Мы видели, что в благодарность за услуги в. князь дал Василию Боровскому Дмитров, но после он выменял его на два города — Звенигород и Бежецкий Верх. Что принудило в. князя к такой мене, нам теперь решить трудно: вероятно, он не хотел видеть чужого владения на пути в северо-восточные области, недавно принадлежавшие заклятым врагам его Юрьевичам, и откуда, след., он мог ждать сопротивления при удобном случае⁷⁹⁹.

Несмотря, однако, на повторение договоров, неприязнь между шурьями продолжалась, и в 1456 году Василий Ярославич был схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда после переведен в Вологду, где и умер; той же участи подверглись

и меньшие его дети, старший же вместе с мачехою убежал в Литву⁸⁰⁰. Летописцы не объявляют вины боровского князя, одна только Степенная книга глухо говорит: «За некую крамолу»⁸⁰¹. Что со стороны Василия Ярославича была крамола и что в. князь принужден был прибегнуть к такой строгой мере, доказательством служит, что Михаил Андреевич Верейский, брат Ивана Можайского, спокойно владел своим уделом, осыпанный пожалованиями в. князя⁸⁰².

Сын Василия Боровского Иван встретился в Литве с прежним врагом своего отца Иваном Андреевичем Можайским; общая ненависть к в. князю московскому примирила их, и они клятвенным договором обязались действовать заодно⁸⁰³, доставать своих отчин и дедин и пленного отца Иванова, причем Иван Андреевич вошел к сыну боровского князя в отношения старшего брата. В изгнании, лишенные почти всякой надежды, эти князья мечтали о в. княжении; их договор служит самым лучшим оправданием насильственных мер в. князя: если б он не предпринял этих мер, то их предприняли бы против него; сын боровского князя говорит можайскому: «И даст Бог, не по нашим грехом, князя великого побием или сгоним, а даст Бог, господине, достанешь великого княженья». Изгнание и убиение грозило в. князю от князей удельных, которые готовы были на всякую меру, ибо предвидели скорое и необходимое изгнание или убийство от сильнейшего. Замыслы изгнанников не осуществились; попытка некоторых верных дружинников освободить боровского князя также не удалась: они были схвачены и казнены в Москве⁸⁰⁴.

Обращаемся к отношениям в. князей московских к другим в. князьям; начнем с рязанского. Мы заметили уже раз, что русские княжества составляли две группы — литовскую и московскую. Рязанское княжество принадлежало к последней группе; но во время малолетства Василия Темного, когда в роде Калиты возникли междоусобия и не было решено, кто выйдет из них победителем, рязанский князь признал нужным примкнуть к литовской группе, дабы обезопасить себя со стороны Витовта, против которого теперь нечего ему было ожидать помощи из Москвы.

До нас дошел договор рязанского в. князя Ивана Федоровича с Витовтом, заключенный около 1439 года⁸⁰⁵ в следу-

ющих выражениях: «Господину осподарю моему в. к. Витовту, се яз князь велики Ив[ан] Фед[орович] Рязанский, добил есми челом, дал ся есми ему на службу (потому что в родственные отношения к чужеродцу войти не мог), и осподарь мой в. к. Витовт принял меня князя великого Ив. Фед. на службу служить ми ему верно безхитростно, а быти ми с ним за один на всякого, а с кем он мирен, а с тем и яз мирен, а с кем он не мирен, с тем и яз не мирен; в. к. Витовту мене брони от всякого, а без князя великого ми воли Витовтовы ни с кем не доканчивати ни пособляти».

Таким образом, чего с одной стороны не успевала сделать Москва, то с другой доканчивала Литва, и, когда последняя обессилила, Москва воспользовалась тем, что сделано было ее соперницею: от служебных отношений к в. князю литовскому рязанский в. к. легко, естественно переходил в служебные отношения к в. князю московскому; это была уже для него не новость. В то же время в. князь пронский заключил точно такой же договор с Витовтом «служить ему верно без всякия хитрости»⁸⁰⁶.

Но когда Витовт умер и Литва ослабела от междоусобий, а в Москве Василий Васильевич взял явный верх, тогда рязанский князь приступил опять к московской группе, признал Василия старшим, заключил с ним оборонительный союз и признал посредничество его в сношениях своих с в. князем пронским⁸⁰⁷. Этот князь Иван Федорович умер в 1456 году, отдал восьмилетнего сына своего на руки в. к. Василию: последний перевез малютку вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань послал своих наместников⁸⁰⁸. Такая доверенность, оказанная московскому князю, продлила еще, как увидим, на несколько времени существование Рязанского княжества с тенью независимости.

Другой характер имеют в это время отношения в. к. московского к тверскому. Во время малолетства Васильева и смут московских в. к. Борис Александрович подобно в. к. рязанскому примкнул к Литве, хотя на гораздо выгоднейших условиях: в 1427 году он заключил с Витовтом договор следующего содержания⁸⁰⁹: «Се яз князь великий Борыс Александрович Тферский взял есми любовь такову за своим господином зъ дедом, зъ великим князем Витовтом, литов-

ским и многих русских земель господарем: быти ми с ним за-один, *при его стороне*, и пособляти ми ему на всякого, не выимая; а господину моему деду в. к. Витовту мене в. к. Борыса Александровича, своего внука, боронити от всякого, думою и помочью, а в земли и в воды и вовсе мое великое княжение Тферское моему господину деду, в. к. Витовту не вступатися». В. к. тверской не позволяет Витовту никакого вмешательства в отношения свои к князьям удельным, знак, что в это время все в. князья в отношении к удельным преследовали одинакие цели, все стремились сделать их из родичей подручниками, подданными: «А дядем моим, и братьи моей, и племени моему, князем, быти в моем послуше: я к. в. Борыс Александрович волен, кого жалую, кого казню, а моему господину деду в. к. Витовту не вступатися; а который въсхочет к моему господину деду, в. к. Витовту со отчыною, и моему господину деду, в. к. Витовту со отчыною не приимати: пойдеть ли который к моему господину деду, к в. к. Витовту, и он отчыны лишон; а у отчине его волен я в. к. Борис Александрович, а моему господину деду, в.к. Витовту не вступатися»⁸¹⁰.

Но когда по смерти Витовта начались усобицы в Литве и поляки выставили против известного уже нам Свидригайла ничтожного брата Витовта Сигизмунда, имевшего слабость присягнуть в верности королю и королевству Польскому⁸¹¹, то в. князь тверской увидал, что ему не для чего быть более на литовской стороне, и заключил оборонительный союз с Василием Московским, причем является совершенно равным и независимым в. князем⁸¹²; оба в. князя называют себя только братьями, не более; Борис Александрович выговаривает, чтоб московский князь не принимал тверских областей в дар от татар: пример Суздальского княжества был еще в свежей памяти! Оба князя клянутся быть за один на татар, на ляхов, на Литву, на немцев; Борис обязывается сложить целование к Сигизмунду Литовскому, объявив ему, что он стал одним человеком с в. к. Московским, и без последнего не заключать договоров ни с каким владетелем литовским. Как независимый в. князь Борис выговаривает для себя, для детей и внучат своих право беспрепятственно сноситься с Ордою⁸¹³.

Но когда в 1449 году в. к. Василий Васильевич заключил договор с Казимиром Литовским, тверской в. к. объявлен снова на стороне литовской, об отношениях же его к в. к. московскому сказано, что он с ним в любви и в докончаньи⁸¹⁴. В том же году мы встречаем договор Бориса Александровича с Казимиром, в котором тверской князь обязывается: «пособляти ему нам везде, где будет ему надобе; где будет нам близко, ино ми пойти со свею силою самому, а с ним ми стоять заодно противу всих сторон, никово не выймуочы, хто бы коли ему не мирен был»⁸¹⁵.

И после 1454 года, вероятно вследствие тесного родственного союза, опять встречаем договор тверского князя с московским, в котором оба клянутся быть за один на татар, на ляхов, на Литву и на немцев⁸¹⁶.

Так Тверь подобно Новгороду колебалась между Литвою и Москвою, соперничеству между которыми одолжена была продлением своей независимости. В означенном договоре замечательно следующее условие: «А што от тебе отступил князь Иван Можайской, да князь Дмитрив сын Шемякин князь Иван, или которой ти иной брате згрубит: и мне в. к. Борису и моим детем, и братье моей младшей к себе их не приимати; а быти нам с тобою на них за один и с твоими детми. Також, брате, которой мой брат младшей и из меншии моее братьи згрубят мне в. к. Борису Алекс[андровичу], и моему сыну князю Михайлу, и меншим моим детем, кого ми Бог даст, и тебе в. к. Василию, и твоим детем в. к. Ивану и князю Юрью, и меншим твоим детем тех вам к себе не приимати; а быти вам со мною с в. князем Борисом и с моими детми на тех за один». Оба свата обязываются в заключении: «А отъимет Бог котораго из нас; и вам, брате, печаловатися нашими княгинями и нашими детми».

И в сношениях с князем тверским митрополит Иона принимает деятельное участие. До нас дошло послание его к тверскому епископу⁸¹⁷ о том, чтобы он убедил своего князя подать помощь в. к. Василью против татар. Из этого послания открывается, какую могущественною связующею силою было в Древней Руси духовенство и как неутомимо преследовало оно мысль государственного единства, общности русских интересов. «И благословляю тебя, — пишет митропо-

лит к епископу, — чтобы еси о том сыну моему в. к. Борису Алекс[андровичу] говорил, и бил челом и докучал твердо, по своему святительскому долгу, чтоб сын мой в. к. Бор. Алекс. к в. к. Василию Васильевичу своих воевод послал на тех безбожных. Занеже сыну, ведомо тебе, что тамо учинится, великим Божиим милосердием, тому в. государю в. князю которое что добро, к строению християнскому и тишине, и то обеих тем великих государей и всего нашего православнаго християнства общее добро».

Василий поправил ошибку Шемяки касательно примысла отца своего — Нижегородского княжества. Суздальский князь Иван Васильевич видел, что ему не удержать дара Шемяки против Василия, и потому заключил с последним договор⁸¹⁸, в котором добровольно отказался от Суздаля и Нижнего, возвращал в. князю все ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и сам брал от Василия в виде пожалования один Городец да несколько сел в Суздальской области с условием, что если он отступит от в. князя, то эта вотчина переходит к последнему, а он, Иван, подвергается церковному проклятию.

В заключение мы должны обратиться к событиям в Литовской Руси, во сколько они касаются отношений между Рюриковичами. Василий Димитриевич, умирая, поручил своего сына покровительству Витовта: но это была только одна родственная учтивость. Вместо покровительства 80-летний Витовт два раза входил в пределы Московской Руси, один раз в Псковскую, другой — в Новгородскую область, и взял огромные суммы денег и с той, и с другой; мы видели, что он принял в службу князей рязанского и пронского в явный ущерб своему внуку. К счастью последнего, Витовта гораздо более занимали дела на западе, а смерть его, последовавшая в 1430 году, была знаком к усобицам в Литовской Руси и положила конец наступательному движению ее князей на Русь Московскую.

Православно-народная сторона в Литовской Руси выбрала в преемники Витовту известного уже нам Свидригайла⁸¹⁹; поляки выставили против него брата Витовтова Сигизмунда, которому и удалось ограничить Свидригайла одною Волынью и частью Подола. Но Сигизмунд, поддерживаемый

поляками, навлек всеобщее негодование своею жестокостию и был убит князьями Черторыйскими. Тогда на его место был выслан из Польши 14-летний Казимир; поляки думали и в нем иметь орудие для исполнения своих замыслов, но ошиблись; Казимир, несмотря на молодость, окруженный литовскими и русскими боярами, начал действовать в интересах Литовско-Русского княжества и примирился с дядею своим Свидригайло. Увидев это, поляки противопоставили ему Михайла, сына убитого Сигизмунда.

Разумеется, что для Василия Московского было выгодно поддерживать междоусобия между Гедиминовичами, точно так как для последних было выгодно поддерживать их в роде Калиты; и таким образом выгоды Юго-Западной Руси продолжали и теперь находиться в противоположности с выгодами Северо-Восточной. Усиление Свидригайла, благодетельное для Южной Руси, было вредно для Василия Московского, потому что Свидригайло был побратим дяди Юрия⁸²⁰; вот почему Василий благоприятствовал Сигизмунду и сыну его Михаилу в борьбе с Свидригайло и Казимиром, а убийца Сигизмунда князь Черторыйский жил у Шемяки и вместе с ним приходил воевать на Москву⁸²¹. В 1444 году, когда Михаил вместе с Болеславом Мазовецким воевал с Казимиром, и московские полки входили в литовские области, за что литовцы отомстили вторжением в следующем году⁸²²; означенный Михаил Сигизмундович умер в Москве.

Но значительных военных действий между Москвою и Литвою не могло быть: князьям обеих было много дела у себя дома, и потому гораздо деятельнее шли между ними мирные переговоры, и в 1449 году был заключен между обоими в князьями договор, о котором уже было отчасти упомянуто выше⁸²³. Здесь Казимир и Василий клянутся быть везде за один и взаимно помогать друг другу на всех врагов, особенно на татар; обязываются в случае смерти одного из них печаловаться детьми покойного; Казимир обещается не принимать Дмитрия Шемяки, Василий — Михаила Сигизмундовича; любопытно видеть, как установлены отношения обоих в князей к Новгороду и Пскову: «В Новгород Великий и во Псков, и во вси новгородские и во псковские места, тебе королю и в. к. не вступатися, а и не обидети их; а имуть

ли ти ся новгородцы и псковичы давати, и тебе королю их не прыймати. А в чом тебе королю и в. к. Казимиру новгородцы и псковичы зъгрубят, и тебе мене великого князя Василья обослав да с ними ся ведати, и мне в. к. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе, а в земли и в воды новгородские тебе королю и в. к. Казимиру не вступатися. А с немцы ти, брате, держати вечный мир; а с новгородцы опришный мир, а со псковичы опришный мир, а некоторыми делы имуть межи себе воеватися и тебе королю и в. к. межи ими не вступатися. А коли мне в. князю Василью новгородцы и псковичы зъгрубят, а всхочу их показнити: и тебе королю Казимиру за них не вступатися». Московскому князю нет дела до вечников, которые величают себя вольными людьми: если они поссорятся с Казимиром, то тот может делать с ними, что хочет, лишь бы не вступался в земли и воды новгородские, отчину московского собственника!

Не менее замечательно установлены в договоре отношения обоих в. князей — литовского и московского — к в. князю рязанскому: «А брат мой младший, к. в. Иван Федорович Рязанский со мною с в. к. Васильем в любви, и тебе королю его не обидети, а в чом тебе, брату моему, королю и в. к. Ив. Фед. Ряз. зъгрубит, и тебе королю и в. к. мене обослати о том: и мне его въсчюнути, и ему ся к тебе исправить; а не исправиться к тебе, моему брату, рязанский: и тебе королю рязанского показнити, а мне ся в него не вступить. А всхочет ли брат мой младший в. к. Иван Федорович, служыти тебе, моему брату, королю и в. к. и мне в. к. Василью про то на него не гневаться, ни мстити ему». Должно быть, Василий очень был уверен в преданности рязанского князя, что допустил подобное условие⁸²⁴.

Несмотря, однако, на договор, прочного мира между Москвою и Литвою быть не могло: мы уже выше сказали, что Михаил Сигизмундович был принят в Москве, где и умер: это было противно обязательствам; с своей стороны, Казимир принял сына Шемяки и потом Ивана Андреевича Можайского и Ивана Васильевича Боровского; первые два получили от него богатые волости: Шемячич — Рыльск и Новгород Северский⁸²⁵, Можайский — сперва Бранск⁸²⁶, потом Стародуб и Гомей⁸²⁷. Уже на другой год по заключении при-

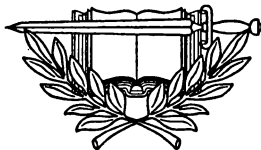
веденного договора между Москвою и Литвою начались недоразумения, подавшие повод к новым переговорам, причем митрополит Иона должен был принять роль посредника⁸²⁸.

Мы не должны забывать тех Рюриковичей, которые остались в Юго-Западной, старой, Руси, и отношений их к в. князьям литовско-русским. В описываемое время они все уже вошли в служебные и подданические отношения к Гедиминовичам, что доказывают следующие дошедшие до нас грамоты: 1) Договорная грамота князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского с в. к. литовским⁸²⁹ Казимиром 1442 г.; она написана в следующих выражениях: «Милостью Божию и *господаря в. к. Казимера*, королевича, я князь Федор Лвович Новосильский и Одоевский бил есми челом в. к. Казимиру королевичу, иж бы мене принял у службу: и в. к. Казимир королевичъ, по моему чолобитью, мене пожаловал, прынял мене у службу, по князя великого Витовтову доконъчанью. А мне ему служити верне, без всякое хитрости, и во всем послушъному быти; а мене ему во чъсти и в жалованьи и в доконъчаньи держати; потому ж, как дядя его мене держал господар в. к. Витовт во чъсти и в жалованьи. А *полетнее мене давати по старыне*. А быти мне по великого князя Казимирове воли: с кем в. к. Казимир мирен, ино и я с ним мирен; а с ким в. к. Казимир не мирен, с тым и я немирен; а в. к. Казимиру боронити мене от всякого, как и своего. А без в. к. Казимировы воли, мене ни с ким не доканъчивати, а ни пособляти никому, ни которыми дела. А нешто смыслит Бог над в. князем Казимиром, ино мне и моим детем служыти Литовъской земли, который будет деръжати Литовъское княженье, или его наместнику, хто будетъ после него деръжати княженье Литовъское. А в. к. Казимиру, по моем животе, к моим детем и к моему наместнику, у — в отчыну князя Федора Лвовича, в земли и в вод не въступатися, поколь рубеж Новосильской земли и Одоевской, его отчыне, опроче того што давно отошло. А што смыслить Бог над князем Федором Лвовичем, а хто останется детей его, тому вся его отчына деръжати; а в. к. Казимиру, по моем животе, и грамоту доконъчальную такову ж дати, как ся грамота, и деръжати ему из потомуж, как мене в. к. принял в службу и доконъчал со мною. А толко хто не въсхочет правды дати и грамоты

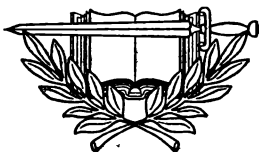
свое таковыж не въсхочет дати, а потому ж их не въхочет держати: ино снять целованье долов, а нам воля. А суд и управа в. к. Казимиру королевичу давати нам о всех делах, суд без перевода. А зъехався судьям в. князя з нашими судьями, судити целовав крест, без всякой хитрости, в правду, на об^о стороне; а о што сопрутсья судьи о которых делех, ино положить нам на господаря в. к. Казимира; а кого обвинит, тое судьям ненадобе, а виноватый истецъ заплатит. А зъ в. князем московским, хто будетъ Московское княженье великое держати, и с в. князем переславским (т. е. рязанским), хто будетъ Переславское княженье великое деръжати, и со князем великим проньским, хто будетъ княженье Проньское великое деръжати; ино им межы сбе суд по старывне; а чога межы себе не въправятъ, ино положить на в. к. Казимирове воли, и в. к. Казимиру того досмотрети и въправити, коли тыи три князи великий, верьху писаныи, зъ великим князем Казимиром будутъ в доконьчаныи, или зъ его сыном, или наместником, который будетъ держати после его великое княженье Литовское. А о чем коли мы сами князи Новоселский супремься, и нам положить на господаря в. к. Казимира; и в. к. Казимиру межы нас то управити». 2) Князь Федор Воротынский в 1448 году взял от Казимира в наместничество город Козельск и поклялся: «Тот город деръжати на господаря на своего на короля, к в. княженью Литовскому»⁸³⁰. 3) В 1455 году Казимир подтвердил и детям кн. Федора Воротынского право на волости, пожалованные отцу их: «А узревши его верную службу к нам то учинили. И его детем також с того верно нам служити»⁸³¹. 4) В 1459 г. князя новосельские и одоевские, Иван Юрьевич, Федор и Василий Михайловичи заключили договор с Казимиром, совершенно сходный с приведенным выше⁸³². Московский беглец Иван Можайский также должен был войти к Казимиру в служебные отношения⁸³³.

В 1462 году умер Василий Темный. Дабы предотвратить все споры касательно великокняжеского наследства, Василий еще при жизни назвал сына своего Ивана в. князем и начал писать имя его подле своего в грамотах. Соединив в одно все уделы Московского княжества, кроме Верейского, Василий снова дал уделы меньшим сыновьям, но эти уделы

были ничтожны в сравнении с огромным участком старшего сына, в. князя Ивана, который получил Коломну, Владимир, Переяславль, Кострому, Галич, Устюг, Вятскую землю, Суздаль, Нижний, Муром, Юрьев, Боровский удел Василья Ярославича и часть удела Ивана Можайского⁸³⁴. Любопытно, что богатые примыслы отца своего — Суздаль, Нижний и Муром — Темный отдал сполна старшему сыну. В завещании Василья в первый раз область великого княжества Владимирского смешивается с областями княжества Московского, Владимир, Переяславль, Кострома входят в счет уделов старшего сына наравне с городами московскими и другими примыслами. И в духовной Темного уступлена большая власть княгине-матери: ей поручено поделить того сына, у которого каким-нибудь случаем отнимется удел: «А дети мои из ее воли не вымутся»⁸³⁵. Завещатель приказывает меньшим сыновьям слушаться старшего брата, как отца, а последнему держать младших в братстве, без обиды; но эти обычные и неопределенные выражения не могли ни к чему обязать ни старшего, ни младших: теперь нужны были точнейшие определения прав и обязанностей, и старшему дана была полная возможность определить их в свою пользу.

Отдел четвертый
ОТ ИОАННА III
ДО КОНЧИНЫ ИОАННА IV

Глава I

ИОАНН III

В год вступления своего на московский великокняжеский престол Иван III подтвердил договор отца своего с в. к. тверским⁸³⁶. В этом договоре Михаил Борисович подобно отцу своему обязывался быть на ляхов и на Литву за один с московским. Но русским князьям и городам кроме Литвы не было другого спасения от могущественной Москвы: Новгород, перед падением своим, решился передаться Литве; князь тверской, видя страшное усиление Москвы при Иване III, прибегнул к тому же средству, тем более что Тверь издавна союзом с могущественными князьями литовскими поддерживалась против Москвы. Михаил Борисович женился на внучке Казимира и заключил с ним союз⁸³⁷: это было явным нарушением договора с Москвою, и в. князь двинул войска свои на Тверь; испуганный Михаил прислал епископа к Ивану и добил ему челом на всей воле его⁸³⁸. Заключен был новый договор⁸³⁹, в котором в. князь тверской обязался держать в. к. московского старшим братом, равно как и сына его в. к. Ивана, и был приравнен к меньшому брату московского князя, удельному Андрею Васильевичу; обязался прервать союз и всякое сношение с Казимиром и быть с ним в тех отношениях, в каких захочет князь московский, сноситься с Ордою должен был также с согласия Ивана; наконец, последний взял с него клятвенное обещание: «А в его (Казимирово) ти имя с своею землею не датися, ни твоим детем,

ни твоей братье молодой: а от нас вам от в. князей к литовскому ни которыми дела не отступати».

Может показаться странным, однако, что тверской князь не испытал никакого средства к защите; по крайней мере он мог отчаянною борьбою затруднить завоевание, особенно для Ивана III, который всегда уклонялся от решительной борьбы. Но мы уже имели случай заметить, каких сильных союзников в каждом княжестве имел князь сильнейший; мы видели, что княжество Суздальское и Смоленское пали вследствие измены бояр, та же участь постигла и Тверское.

Тверские бояре, видя опасное положение своего князя, спешили передаться Московскому; чтоб заставить их решиться на это, Иван употребил обыкновенное средство сильных князей: он начал теснить тверитян, показывая им всю выгоду быть московскими подданными; вот как летописец говорит о поведении Ивана III относительно Твери: «Приехали изо Тфери служити к в. к. князь Ондрей Микулинский и князь Осиф Дорогобужский. Тогда же бояре вси приехаша тверьский служити к в. князю на Москву, не терпяще обиды от в. князя; занеже многы от в. князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях, где межи сошлись с межами: где ни изобидят московские дети боярские то пропало, а где тферичи изобидят а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не иметь, а суда не дасть»⁸⁴⁰.

Видя такие поступки со стороны Ивана, Михаил Тверской завел опять тайные сношения с Казимиром; но могло ли быть что-нибудь тайно, когда тверского князя окружали люди, уже передавшиеся московскому: гонец Михаила был схвачен, и грамота его доставлена Ивану, который послал в Тверь с грозными укорительными речами. Михаил спешил умиловить его, отправил владыку бить челом за вину: в. князь не принял челобитья владыки; Михаил отправил других послов: в. князь не пустил их к себе на глаза и повел войско на Тверь, а когда Иван III вел войско, это значило, что битвы не будет. Когда московские полки обступили город и зажгли посады, тверские крамольники, по выражению летописца⁸⁴¹, т. е. передавшиеся на сторону Москвы князья служебные и бояре, приехали в стан к Ивану и били ему че-

лом в службу. Тогда несчастный Михаил убежал ночью в Литву, где и умер без потомства⁸⁴²; город его был сдан в. к. московскому, который посадил в нем старшего сына и наследника Ивана⁸⁴³.

Обратимся к отношениям рязанским. Мы видели, что при Василии Темном малолетний рязанский князь Василий, отданный умирающим отцом на руки московскому князю, воспитывался в Москве, а Рязанью управляли наместники, назначенные Темным. В 1464 году Иван III отпустил молодого князя в Рязань, который в том же году женился на сестре в. к. московского Анне; свадьба была в Москве⁸⁴⁴.

В 1483 году умер в. к. рязанский Василий, оставя двоих сыновей — Ивана и Федора; в том же году первый как в. князь заключил с Иваном Московским и с родичами его договор⁸⁴⁵. В. к. рязанский обязывается считать себя младшим братом Ивана III и сына его и приравняется к удельному московскому князю Андрею Васильевичу, обязывается быть за один на всех врагов Москвы и не сноситься с лиходеями ее князя. Теперь в договорах наших князей место ордынских отношений заступают отношения к служебным татарским царевичам, появившимся, как мы видели, со времен Темного. В. к. рязанский обязывается по примеру деда и отца давать известное количество денег на содержание царевичей, которые обороняют всю Русскую землю, причем в. князь московский выговаривает: «А со царевичем с Доньяром, или кто будет иный царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо; а жити ти с ними по нашему dokonчанию. А учнут тебя чем обидети, и нам за тебя стояти и боронити». След., татарские царевичи находятся в службе одного московского в. князя как князя всея Руси: его одного знают, с ним одним свершают dokonчания. В. к. рязанский обязывается не только не принимать служебных князей московского, но обязывается также добывать их без хитрости, если они побегут от Ивана, и, добыв, выдать ему.

Любопытнее для нас договор между князьями рязанскими, родными братьями — в. князем Иваном и удельным Федором. Этот договор также служит доказательством, что в одно и то же время во всех княжествах русских касательно отношений княжеских происходили точно те же явления,

какие мы видели в Московском княжестве. Договор между великим и удельным рязанскими князьями совершенно, слово в слово, одинаков с договорами князей московских, великих с удельными⁸⁴⁶. В. к. рязанский, который в договоре с Иваном III приравнен к удельному московскому, в договоре с своим удельным, с своим младшим братом, требует, чтоб тот его великое княженье держал честно и грозно без обиды, «а мне в. князю тебя жаловати, и печаловати ми ея тобою и твоею отчиною. И тебе подо мною в. княженья не хотети, ни твоим детем под моими детми». Доказательством, как ослабели родовые понятия и как на их место усилились понятия о собственности, о произволе собственника, служит то, что рязанские князья считают необходимым укрепить клятвенным договором самое естественное право наследства брата после брата: «А не будет у мене детей, и мне в. князю в. княженьем благословити тебя своего брата; а не будет у тебя детей, и тебе моему брату своей отчины не отдати ни которою хитростью мимо меня в. князя». Несмотря, однако, на это условие, удельный Федор, умирая бездетным, завещал свой удел в. князю московскому⁸⁴⁷.

В 1500 году умер в. к. рязанский Иван, оставя пятилетнего сына, именем также Ивана, под опекою матери и бабки: опять доказательство, как сильно было влияние женщин в Древней Руси. Каковы были отношения Рязани на Москве в это время, видно из следующего наказа, данного Иваном III Якову Телешову, который провожал чрез Рязань кафинского посла. Телешов должен был поклониться в. княгине Агриппине и сказать ей от в. князя московского: «Твоим людем служивым, бояром и детям боярским и сельским, быти всем на моей службе; а торговым людем лутчим и средним и черным быти у тебя в городе, и ослушается и пойдет кто (на Дон), их бы велела казнити и не учнешь казнити, ино их мне велети казнити и продавати»⁸⁴⁸. Здесь в. князь московский распоряжается силами в. княжества Рязанского; мало того, объявляет, что будет наказывать тех из рязанских подданных, которые ослушаются его приказа.

Кроме Твери при Иване III окончательно присоединены княжества Ростовское и Ярославское. В 1463 году ярославские князья, сохранявшие до сих пор в своем уделе права вла-

детельные, уступили свою отчину в. князю: это дело уладил московский дьяк Алексей Полуехтович⁸⁴⁹. Князья ростовские удерживали еще в своем владении половину города Ростова, тогда как другая половина была присоединена к Москве при Калите; в 1474 году два ростовские князя продали Ивану III и остальную половину⁸⁵⁰.

Иван постарался уничтожить в Московском княжестве последний удел, не принадлежавший потомкам Василия Дмитриевича, удел Верейский. Мы видели, что Михаил Андреевич Верейский благодаря своему миролюбивому характеру, чуждому всяких притязаний, успел сохранить свой удел при Василии Темном. В начале княжения Ивана III он возобновил с в. князем договор на прежних основаниях⁸⁵¹. Это было в 1463 году; в 1465 был заключен другой договор⁸⁵², по которому Михаил должен был возвратить в. князю несколько волостей, пожалование Темного. Однако Иван III не думал удовольствоваться этою уступкою; в том же году мы видим еще новый договор⁸⁵³, в котором верейский князь обязывается считать себя моложе всех братьев великокняжеских, даже самых младших. В 1482 году новый договор: верейский князь уступает по смерти своей в. князю отчину свою Белоозеро⁸⁵⁴. Ясно, что Иван III такими требованиями хотел вывести Михаила из терпения, чтоб сопротивление последнего дало ему предлог захватить Верейский удел вооруженною рукою; но Михаил уступал без сопротивления. Скоро, однако, в. князь нашел средство кончить дело, как ему хотелось: за сыном верейского князя Василием была замужем греческая княжна, племянница в. княгини Софии Фоминишны Палеолог. Софья дала за племянницею в приданое вещи, принадлежавшие первой жене Ивана Марии Тверской; в. князь, обрадованный рождением внука Дмитрия, хотел подарить невестку Елену этими бриллиантами и, узнав, что они переданы верейскому князю, послал забрать у него все женино приданое и, обрадовавшись случаю обвинить его в преступлении (в котором если кто и был виноват, то, разумеется, в. княгиня Софья, а не верейский князь), грозился посадить его в заключение вместе с женою: Василий, оскорбленный и напуганный, уехал в Литву⁸⁵⁵.

Этого только и хотелось Ивану III: по древнему праву старшего в роде отбирать удел у провинившегося младшего князя, в. князь при жизни старика Михаила отнял отчину его Верею за мнимую вину его сына и в виде уже пожалования возвратил ее опять Михаилу, обязав его следующим договором⁸⁵⁶: «А с сыном ти своим со князем с Василием не ссылатися некоторою хитростью, а кого к тебе пришет с какими речьми, и то ти мне в. князю сказати в правду, по сему крестному целованью; а того ти ко мне прислати, ково к тебе пришет. И что яз к. великий пожаловал тебя своею вотчиною Верею, что взял есмь в своей вине у твоего сына у князя у Василия: и то все тебе кн. Михайлу держати за собою до своего живота. А отоймет Бог тебя моего брата младшего к. Мих[аил] Андр[еевич] ино после твоего живота та вся твоя вотчина мне в. князю; а мне в. князю и моему сыну, которому дам ту твою вотчину после своего живота, поминати нам твою душу». Есть что-то страшное в последних словах: прогнать сына от отца, заставить последнего вместо родного сына отказать владение его гонителю и за все за это обещать: «а мне в. князю и моему сыну, которому дам ту твою вотчину после своего живота, поминати нам твою душу!»

В 1485 году умер несчастный старик Михаил Верецкий; в своей духовной он говорит, т. е. принужден сказать⁸⁵⁷: «Что моя отчина, чем мя благословил отец мой, и яз благословил дал есмь ту свою вотчину господину и *государю* в. князю Ивану Васильевичу всея Руси». Здесь слово: *благословил* звучит также как-то страшно! Важно здесь также выражение: *государю*, ибо господин было неопределенное выражение учтивости, тогда как государь указывало на отношения служебные, подданические; южные Рюриковичи опередили в этом отношении северных: они прежде начали называть в. князя литовского *осподарем*, что одно и то же с словом «государь»: оба означают собственника, хозяина. Даже движимое имение свое Михаил отказывает Ивану III и сыну его. Не смея думать о сыне, несчастный князь умоляет в духовной: «да чтобы господин мой кн. вел. пожаловал, после моего живота судов моих не посудил. А что мои люди, кого буду чем пожаловал жалованьем и деревнями: и государь бы мой к. вел. после моего живота моего жалованья не порушил, что-

бы мои люди после моего живота не заплакали, а мене бы государь мой кн. в. во всем в том не положил, занеже тебе государю моему в. князю приказана душа помянути и долг заплатити»⁸⁵⁸.

Когда дело было кончено, Верецкий удел присоединен к Москве, в. князь позволил себе склониться на просьбы жены и сына и согласился принять бежавшего Василия Михайловича опять в Московское государство, но только на службу, в качестве служебного князя, не более; вот письмо, отправленное сыном великокняжеским Василием Ивановичем к изгнаннику в 1493 году⁸⁵⁹: «Присылал еси ко отца нашего сыну боярскому к Ивану к Микитину сыну Беклемишова, своего человека Щулепа Васюкова сына Усатаго; а велел еси ему нам бити челом, что бы мы о тебе били челом матери своей в. княгине, что бы мати наша в. к. пожаловала, да и мы печаловались о тебе к государю отцу своему в. к., что бы отец наш пожаловал, похотел твоей службы. И мати наша в. княгини, да и мы, государю отцу своему в. к. о тебе били челом, и отец наш к. в. тебя жалует, хочет твоей службы; и ты бы ко отцу нашему к в. к. поехал». Но изгнанник не поехал на службу к московскому государю по причинам, нам неизвестным; как и где жил он, как и где умер, также ничего не известно.

Но известна нам судьба родных братьев Ивана III. До 1472 года Иван III жил мирно с братьями; однако около означенного года мы встречаем первый договор его со вторым братом Андреем Васильевичем Углицким, или Большим⁸⁶⁰. Этого обстоятельства нельзя упускать из виду, ибо появление договора столь долгое время спустя по восшествии на престол Ивана III могло произойти только вследствие каких-нибудь столкновений, тем более что договор был заключен с одним только Андреем Углицким, который и после является главным деятелем в борьбе с в. князем. В договоре нет ничего нового против известных нам договоров удельных князей с великими.

В 1472 году умер старший из братьев Юрий, князь дмитровский, бездетным; в духовной, которая дошла до нас⁸⁶¹, он делит по церквам, монастырям и родным села, движимое имущество, совершенно как частный человек, не говоря ни-

чего о богатом уделе своем, Дмитрове, Можайске, Серпухове. Причина такого молчания ясна: благословить поровну всех братьев значило разгневать в. князя; отказать все в. князю значило обидеть остальных братьев: Юрий промолчал. В. князь взял удел себе; братья — Андрей Углицкий и Борис Волоцкий объявили старые притязания на ровный раздел между родичами⁸⁶²; на этот раз дело кончилось, однако, перемирием: Иван III отдал Борису Вышгород, взятый перед тем у Михаила Верейского; Андрею Меньшому Вологодскому, который не представлял никаких притязаний, дал Торусу, одному Андрею Большому не дал ничего сам, уже мать его Мария, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романов городок на Волге. Из этого распоряжения видно также, что в. к. злобился всего более на Андрея как на зачинщика и, удовольствовав остальных братьев, не дал ему ничего сам: пусть, думал он, мать, которая так его любит, и награждает сама своего любимца. В это же время с обоими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким были заключены договоры на обычных условиях⁸⁶³, причем и Андрей, и Борис обязались не думать об уделе Юрия. Ясно, что эта сделка была совершенно не в пользу братьев: выморочный удел остался за в. князем, они лишались своего права, подтвердив клятвою обязательство не вступаться в означенный удел, и таким образом давали старшему брату право на все выморочные области, какие будут вперед: мир, в котором одна сторона оскорблена, но не обессилена еще окончательно, такой мир ненадежен; оба брата утаили негодование до удобного времени; случай к разрыву не замедлил представиться.

Право бояр отъезжать от одного князя к другому подтверждалось еще во всех договорах между князьями; но оно могло оставаться ненарушимым только тогда, когда существовало несколько независимых княжеств; когда же все княжества поникли пред московским, когда все князья признали старшинство московского, то переход бояр мог иметь место только от первых к последнему: в самом деле, каким образом младший брат, удельный, подчиненный князь, мог принять к себе боярина, навлекшего на себя гнев в. князя, сохраняя по-прежнему свои родственные отношения, не воз-

буждая нелюбья старшего брата и государя? Это противоречило естественному порядку вещей, противоречило здравому смыслу. Опираясь на это-то странное, несвоевременное право, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий снова вооружились против Ивана III.

В 1479 году в. к. отнял Великолуцкое наместничество у князя Ивана Оболенского Лыка по жалобе граждан, обвинявших его в притеснениях⁸⁶⁴. Иван III нарядил суд, и кн. Оболенский должен был выплатить гражданам все, что взял у них неправдою. Но граждане, говорит летописец⁸⁶⁵, видя, что в. князь взял их сторону, начали взводить напраслины на бывшего наместника, а в. князь потакал им. Оболенский, раздосадованный этим, отъехал к волоцкому князю Борису; Иван послал к брату вытребовать отъехавшего боярина; Борис не выдал и велел сказать старшему брату: «Если кому есть дело до Оболенского, то оно должно быть исследовано в суде». Тогда в. князь решился показать невозможность отъезда от старшего к младшим: он велел тайно схватить Оболенского, сковать и привезти в Москву, что и было исполнено.

Теперь уже Борис, начавший трудное дело, не мог перенести оскорбления, которое было слишком явно; он послал в Углич к старшему из удельных Андрею жаловаться на в. князя. «Неслыханные насилия должны терпеть мы, — говорили князья, — уже теперь нельзя никому отъехать к нам; старший брат кн. Юрий умер — кн. вел. досталась вся его отчина, а нам не было никакого подела; Новгород В. с нами взял, но все досталось ему одному, нам не дал жребия; а теперь уже дошло дело и до насилий: кто отъедет от него к нам, тех берет без суда, ставит нас ниже бояр своих, позабыв отцовское завещание».

Князья не удовлетволялись одними жалобами; это время было для них самое благоприятное; страшный заговор в Новгороде занимал все внимание в. князя, король Казимир был заодно с новгородцами, хан Ахмат — заодно с Казимиром: тогда недовольные братья предложили Новгороду также свое участие. Только необыкновенная решительность и деятельность великого князя помогли ему выйти из затруднительного положения⁸⁶⁶: он поспешил двинуться к Новго-

роду, заставил его сдаться на всю его волю, схватил главных заговорщиков и, выпытав у них об участии братьев, поспешил в Москву предупредить последних. Князя уже обнаружили свои замыслы движением к Новгороду⁸⁶⁷; народ, который едва успел отдохнуть от междоусобий, находился в необычайном страхе; Иван боялся более всего открытой, неверной борьбы, особенно теперь, когда еще с двух других сторон грозили ему Литва и Орда: он послал к братьям уговаривать их возвратиться и как прежде разорвал их союз, удовлетворив одного Бориса, так теперь обещал Андрею Калугу и Алексин, не давая ничего Борису; таким способом он сберегал волости, давая одному вместо двоих и вместе ссорил братьев, разделяя их интересы. На этот раз, однако, хитрость не удалась: братья запрашивали слишком много; они снеслись уже с Казимиром, который дал семействам их для прожития Витебск; Иван III сердился на мать, которую подозревал в единомыслии с любимцем ее Андреем Углицким, и прервал все сношения с братьями.

Но в это самое время нагрянул Ахмат: нашествием его воспользовалась княгиня-мать для примирения сыновей; Иван III в крайности обещал⁸⁶⁸ все, мать уговорила Андрея и Бориса возвратиться и с помощью двух владык — знаменитого Вассиана Ростовского и Филофея Пермского примирила их со старшим братом⁸⁶⁹.

По уходе Ахмата Иван III выполнил обещания по-своему: он удовольствовал одного Андрея, дав ему Можайск⁸⁷⁰, а Борису не дал ничего⁸⁷¹. В то же время умер бездетным кн. Андрей Васильевич Меньшой Вологодский, в духовном завещании он отказал весь удел в князю, дав остальным братьям только по селу⁸⁷². На этот раз братья не могли жаловаться: завещание собственника должно было быть свято исполнено.

Но Иван III не мог простить Андрею Большому того, что он, воспользовавшись затруднительными обстоятельствами, принудил его поделиться выморочным уделом Юрия. В 1484 году умерла мать московских князей инокиня Марфа; как она любила Андрея, доказательством служит множество волостей, которые она ему надавала⁸⁷³. Смертию княгини-матери разрывался последний и самый крепкий узел меж-

ду братьями; после этого видим между ними только одну взаимную недоверчивость, которая должна была повести к печальной развязке. В 1486 г. в. князь взял с обоих братьев клятвенные грамоты не вступаться в уделы выморочные Юрия и Андрея Меньшого, ни в удел Верейский, ни в область Новгородскую и Псковскую, и в примысл в. князя — Тверь⁸⁷⁴; также не сноситься ни с Казимиром, ни с изгнанным в. к. тверским, ни с панами литовскими, ни с Новгородом, ни со Псковом.

Как велика была недоверчивость между братьями, всего лучше доказывает следующее происшествие: в 1488 году боярин Андреев Образец объявил своему князю, что старший брат хочет схватить его; Андрей тотчас же собрался бежать в Литву, но одумался и послал спросить в. князя, за что он держит на него гнев; Иван III поклялся ему небом и землею и богосильным Творцом всея твари, как сказано в летописи, что у него и в мысли того не бывало⁸⁷⁵. Начали доискиваться, откуда разнесся такой слух, и нашли, что великокняжеский сын боярский Мунт Татищев, желая подшутить над Образцом, сказал ему эту новость. Татищева высекли кнутом, хотели даже отрезать язык, да митрополит отпечаловал.

После этого в 1491 году, узнав, что на союзника его Менгли-Гирея Крымского идут татары с востока, Иван III выслал свои полки к нему на помощь, веля и братьям отправить также своих воевод, на что имел полное право по договорным грамотам. Борис послал свои полки вместе с великокняжескими, но Андрей не послал⁸⁷⁶ и таким поступком, с одной стороны, возбудил гнев в. князя, не терпевшего послушания, с другой — еще более возбудил недоверчивость его, так что Иван решился покончить с ним дело. В 1492 году Андрей приехал в Москву; в. к. позвал его обедать и, когда тот явился, велел схватить его и посадить в заключение, где он и умер, равно как двое сыновей его⁸⁷⁷; уделы его были присоединены к Москве.

В одном летописце сохранены слова в. князя в ответ митрополиту, когда тот печаловался ему об заключенном Андрее: «Жалми добре брата моего и не хочу изгубити его, а на себя порока положить, а свободити не могу: про то что ниединою зло на мя замышлял и братию свободил, а потом клял-

сы и ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати, да то бы и ничто, а когда я умру то ему доставати великое княжение, а внук мой кому великим князем быти, и он коли собою того не достанет, то смутит дети моя и будут воеватися межи собою, и татара пришед видя в нестроении будут землю Русскую губить, жечи и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде, и что аз толико потрудихся а то будет ни во что, и вы будете раби татаром»⁸⁷⁸. Из этих слов видно во 1) что Андрей, кроме послушанья, возбудил еще недоверчивость в князя переманкою к себе людей его, во 2) Иван III всего более опасался Андреевых замыслов по смерти своей, предвидя, что и без того будут необходимо усобицы между внуком Димитрием и сыном Василием. Другой летописец говорит⁸⁷⁹, что Иван III, узнав о смерти Андрея, приносил слезное покаяние духовенству, которое нескоро простило его; но опровержением такому известию служит то, что двое сыновей Андреевых оставались в заключении, след., в князь не раскаивался в своей мере.

Бориса Волоцкого не тронули, ибо не было предлога; он скоро умер, оставя удел двоим сыновьям — Феодору и Ивану. Из отношений Ивана III к этим князьям замечательно следующее: в 1497 году⁸⁸⁰ они били ему челом чрез митрополита Симона, чтоб он выменял их села, рассеянные в областях великокняжеских, на Тверские волости, ближайшия к их уделу: из этого мы видим стремление удельных князей округлить свои владения. В 1504 году меньшей из волоцких князей Иван умер; в своей духовной⁸⁸¹ он завещает брату своему несколько сел, а удел свой Рузу и половину Ржевы передает в. князю, равно как служилую ружьядь, доспехи и коней.

Обращаемся теперь к самому любопытному явлению, имевшему место в семействе Ивана III, к спору о наследстве между сыном и внуком его. От первого брака на тверской княжне Марии Иван III имел сына именем Ивана, прозванием Молодого. Чтоб отстранить притязание братьев и других родичей, в. князь еще до 1471 года объявил сына своего также в. князем и, заключая договоры, не отделял имени сына от своего: договоры писались от имени двух в. князей —

Ивана Васильевича и Ивана Ивановича. Этот Иван Молодой, женатый на Елене, дочери знаменитого молдавского господаря Стефана, умер рано, при жизни отца, оставив сына именем Димитрия. Но уже Иван III был в это время женат на Софии Палеолог, дочери Фомы, деспота морейского, племяннице последнего восточноримского императора Константина, и от этого брака имел сына Василия. Теперь рождался важный вопрос: кому наследовать — сыну или внуку?

Если бы Иван III захотел обратить внимание на старый русский обычай, если б справился с летописями, то нашел бы, что внук должен быть отстранен от старшинства, потому что отец его умер прежде своего отца, не был старшим в роде, и, след., Димитрий не был братом своему дяде, но только племянником, или сыном. Но, во-первых, отец Димитрия Иван был при жизни отца уже в князем, равным отцу, след., старшим в роде, и потому даже по прежним родовым счетам преждевременная смерть Ивана Молодого не лишала сына его права на старшинство; во-вторых, московскому государю не было нужды до старых родовых счетов, все предки его шли наперекор им, отдавая преимущество племяннику над дядею; Иван III, верный преданию, должен был также отдать преимущество внуку Димитрию пред сыном Василием. Но последний имел за собою также важные преимущества: он был сын Софии Палеолог, от царского корня; ему, разумеется, а уже никак не Димитрию принадлежал герб Римской империи, и София была способна внушить сыну высокое мнение о своем происхождении, своих правах, была способна поддержать эти права. Мы должны обратиться к этому знаменитому лицу, имеющему такое важное значение в нашей истории.

До сих пор главною заботою московских князей было собирание Русской земли, примыслы, прибитки; из князей — вождей дружины северные князья, преимущественно московские, стали князьями-собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись в Орде не только хану, но и вельможам его, от которых родичи еще требовали родственного, равного обхождения, эти князья не были еще окружены тем величием, которым были окружены другие монархи Европы как преемники цезарей, как помазанные свы-

ше. У нас, несмотря на стремления духовенства, в князю трудно было получить царственное значение именно вследствие родового быта, так долго господствовавшего и затруднявшего развитие идей государственных. Чтоб Церкви успеть в своем стремлении сообщить в князю царственное величие, нужна была помощь извне, и как на Западе на помощь Церкви пришли предания империи, так точно и у нас на Руси эти предания империи принесены к московскому двору Софиею Палеолог.

Исследуйте движения, перемены, имевшие место при Иване III, и вы увидите, что все движется, изменяет форму для принятия каких-то новых, неизвестных идей. Византийская царица хочет быть царицею: для этого ей нужен двор по образцу византийского, и этот двор является при Иване III; но прежде всего царице нужно где жить, и вот в этой бедной Москве, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронные палаты, для построения которых вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи с иностранными государствами; наши послы отправляются к западным дворам, просят прислать художников своему государю; император и короли хотят воспользоваться этим случаем для достижения своих целей, предлагают союзы, крестовые походы, браки; московский князь не прочь ни от чего, но хитрый правнук Калиты преследует во всем ближайшую цель, не заходит далеко, не обязывается никакими обещаниями: он не спускает глаз с Орды, Литвы и Польши, для чего пересылается с императором и вместе ищет дружбы султана. Вот следствия появления греческой царицы в Москве для распространения наших иностранных сношений; но гораздо важнее были перемены внутренние, под ее влиянием произведенные.

Никто лучше сметливого Ивана III не мог воспринять тех идей, которые принесла Софья: вот почему он так легко является грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного⁸⁸², потому что первый явился для двора и народа монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, первый возвысился до царственной, недосыгаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и

Гедимины должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных.

Такая перемена в характере в. князя не могла не возбудить сильного негодования в толпе князей и бояр: Иван III посягнул на важнейшее их право, право отъезда, и по первому мановению грозного самодержца головы крамольных князей и бояр лежали на плахе; отсюда та страшная ненависть князей и бояр к новому порядку вещей, начавшемуся с Ивана III, отсюда та страшная ненависть их к виновнице этой новизны, в. к. Софье.

Для доказательства сказанного раскроем Курбского, адвоката старины и прав князей и бояр; вот откуда все зло в Русской земле, по его мнению: «В предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами, яко и во израильтеских царех, паче же которых поимовали от иноплеменников»⁸⁸³. Вот обвинения Ивану III и Софье от Курбского: «Також и дед твой (обращается к Ивану IV) со гречкою бабою твоею, сына предоброго Иоанна, от первыя жены своя, от тверские княжны *святыя* Марии рожденна, наимужественнейшаго и преславнаго в богатырских исправлениях, и от него рожденнаго, *боговенчаннаго* внука своего, *царя* Димитрия, с материю его *святою* Еленою, ового смертоносным ядом (?), а того многолетным заключением темничным, последи же удавлением погубиша (все это Иван III с Софьею?), отрекшись и забывши любви сродства. И не удовлеса тем! К тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зело разумнаго и мудраго, тяжкими веригами в темнице за малые дни удавил, и двух сынов его, от сосец матерних оторвавши, о умиленно ко услышанию и тяжко ко изречению! Человеческая злость в толикую презлость провозрастаема, пачеже от христианских начальников! Многолетным заключением темничным нещадно поморил. Князя же Симеона, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зело пресильнаго и разумнаго, влекомаго от роду Владимира (!), главным посечением убил. И других братию свою, ближних ему в роду, овых разогнал до чуждых земель, яко верейскаго Михаила (?) и Василия Ярославича (??); а других во отроческом веку еще сущих (bis) также темничным заключением, на скверной и проклятой заветной грамоте о увы!

О беда! Ко слышанию тяжко! Заклинающе сына своего Василья, повелел неповинных погубити неотрочне⁸⁸⁴. Також сотворили и иным многим, их же, долготы ради писания, зде оставляется»⁸⁸⁵. Какой дух принесли служебные князья ко двору московскому, какие чувства питали они к московским князьям, всего яснее видно из следующих слов Курбского: «обычай есть московским князем издавна желати братий своих крови и губити их, убогих ради и окоянных отчин, несытства ради своего»⁸⁸⁶.

Но кроме Курбского мы имеем еще другой боярский отзыв о новом порядке вещей, принесенном Софьею. Уже в княжение сына ее Василия боярин Берсень так говорил Максиму Греку: «А как пришли сюда грекове, ино и земля наша замешалася; а дотоле земля наша Русскаа жила в тишине и в миру. Как пришла сюды мати великого князя в. княгини Софья с вашими греки, так наша земля замешалася, и пришли нестроения великие, как и у вас во Царегороде при ваших царех». На слова Максима: «Господине, мати в. князя в. княгини Софья с обе стороны была роду великого, по отце царский род царегородских, а по матери великого дуксуса фerrarийского Италейские страны» Берсень отвечал: «Господине, какова ни была, а к нашему нестроенью пришла. Которая земля переставливает обычьи свои, и та земля не долго стоит; а здесь у нас старые обычьи в. к. переменял; ино на нас котораго добра чаяти?» В чем же, по мнению боярина, состояла эта перестановка обычаев? Вот в чем: «Лутче старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати; а ныне деи государь наш запершыся сам третей у постели всякие дела делает»⁸⁸⁷.

Итак, перестановка обычаев состояла в том, что в. князь отстранил влияние бояр, начал думать особо свою думу, и теперь уже бояре не могли сказать ему: «О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали»⁸⁸⁸, потому что московские князья, «желая крови братии своих, несытства ради своего», изгубили родичей, овладели их уделами, и боярам некуда уже было более отъехать.

Не одни недовольные князья и бояре оставили нам свидетельства о великом влиянии Софьи на перестановку обычаев в Русской земле; есть другие свидетельства, более бес-

пристрастные: Герберштейн, бывший в Москве в княжение сына Софьи, говорит об ней: «это была женщина необыкновенно хитрая, по ее внушению в. князь сделал многое». И наши летописцы подтверждают это, говоря, напр., что Софье принадлежит окончательный разрыв с Ордою при Иване III⁸⁸⁹.

Если князья и бояре и по смерти Софьи питали ненависть к ее памяти, называя ее виновницею перемены, перемены к худшему, по их мнению, то ясно, что они не могли быть расположены к ней при жизни ее. Против Софьи были знатнейшие бояре; они поддерживали Елену, вдову Ивана Молодого, и сына ее Димитрия; на стороне же Софьи и сына ее Василия стали члены младшей дружины, дети боярские, и дьяки.

Узнав, что боярская сторона пересиливает и в. к. думает отдать престол внуку, дети боярские и дьяки, сторонники Василия, начали будто бы уговаривать его бежать из Москвы, захватить великокняжескую казну в Вологде и на Белозере и действовать силою против Димитрия. Такое безрассудное намерение могло прийти в голову только удалцам, которые готовы решиться на все, лишь бы не оставаться в покое; даже с достоверностию можно положить, как видно из последующего, что это намерение никогда бы и не было приведено в исполнение, что оно существовало только в горячих головах молодых дружинников, у которых вырвались неосторожные слова; но этого было довольно для врагов Софьи: они поспешили объявить Ивану III о страшном заговоре сына его Василия; заговорщиков схватили, пыткой вынудили признание и казнили, в том числе двух дьяков — Строилова и знаменитого Владимира Елизарова Гусева, составителя Судебника; множество других детей боярских было брошено в тюрьмы⁸⁹⁰.

Сторонники Елены спешили воспользоваться своим торжеством и донесли Ивану III, что Софья принимает к себе женщин-чародеек, которые приносят к ней смертные зелья; женщин схватили, обыскали и утопили ночью в Москверекѣ⁸⁹¹. Бояре достигли своей цели: в. князь удалился от жены и велел приставить стражу к сыну Василию.

Но, удалившись от Софьи, Иван не удалился от мыслей, внушенных ему; отстранив сына ее от престолонаследия, он

спешил дать царственное помазание сопернику его, внуку Димитрию, но понятие об этом помазании и значении его внушено было Софьею, и бояре, ненавидевшие Софью за принесение новых понятий, пользуются, однако, ими и называют Димитрия царем помазанным в укору Василию и его сыну⁸⁹². Иван III торжественно венчал внука на в. княжение, причем сам возложил на него венец⁸⁹³.

Но боярам трудно было бороться с Софьею, недаром они называли ее чародейкою. В следующем же 1499 году она успела открыть мужу глаза касательно настоящих стремлений враждебной себе стороны, и тогда-то московский в. князь явился грозным перед боярами и князьями, потомками Рюрика и Гедимины.

В челе тогдашнего московского боярства стояли две фамилии, связанные между собою тесным родством, фамилия князей Патрикеевых и князей Ряполовских: Патрикеевы были потомки Гедимины, Ряполовские — потомки Всеволода III. Иван Юрьевич Патрикеев находился в родстве с в. князем, потому что был родной внук в. к. Василия Димитриевича от дочери его Марии; отец Ряполовского спас Ивана III от Шемяки; ни родство, ни заслуги не помогли. В. князь, испытав подробно все бывшие *крамолы*⁸⁹⁴, т. е. причинившие опалу Софьи и сына ее, нашел измену бояр⁸⁹⁵ — князя Ив. Юр. Патрикеева, двоих сыновей его и зятя, кн. Семена Ряполовского, и приговорил их к смертной казни: кн. Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке; просьбы духовенства спасли жизнь Патрикеевым: отец со старшим сыном должен был постричься в монахи, младший сын остался под стражею в доме⁸⁹⁶.

С опалю этих вельмож должны были перемениться и семейные отношения в. князя; он начал *нерадеть* о внуке⁸⁹⁷ и объявил сына своего Василия в. князем Новгорода и Пскова; псковитяне, не понимавшие, к чему идет дело, испугались и отправили в Москву послов бить челом в. князю, чтоб не отделял их от Московского государства и оставил под державою Димитрия; тогда Иван III произнес эти замечательные слова, которые показали, что старый обычай на Руси исчез и отныне воля самодержца будет решать вопрос о престолонаследии; но если прежние родовые обычаи не стесня-

ли уже более в князя, то тем менее могла стеснять его воля старого вечевого города, он сказал послам: «Чи не волен я в своем внуке и в своих детех? Ино кому хочю, тому дам княжество»⁸⁹⁸ и велел заключить послов дерзкого веча; псковитяне напрасно беспокоились: Иван не хотел делить Московского государства, не хотел раздирать его междоусобиями, которые могли кончиться только гибелью одного из соперников, и потому решился предупредить борьбу, пожертвовав внуком сыну: железная природа Ивана III делала его способным к такому делу.

В 1502 году в. князь велел посадить под стражу Елену вместе с сыном, 18-летним Димитрием, не велел называть последнего в. князем, ни поминать на ектениях, а сына Василия «пожаловал благословил и посадил на в. княжение Володимирьское и Московское и всея Руси самодержцем, по благословению Симона Митрополита всеа Руси»⁸⁹⁹. Из приведенных слов видно, что благословение Василия было также торжественно, после которого уже ему не нужно было венчаться в другой раз. С этих пор имя в. к. Василия является в грамотах подде отцовского, причем Иван III называется в отличие в. князем большим⁹⁰⁰.

Елена умерла в 1505 году. Об участи Димитрия известия разногласят; один и тот же летописец говорит⁹⁰¹, что Иван III «внука своего посадил в камень, и железа на него возложил», а после говорит, что уже в. к. Василий «посадил в железа племянника своего и в полату тесну посади». Гораздо яснее становится нам положение Димитрия из духовной⁹⁰² его, из которой видно, что при нем оставалось множество сел, завещанных им разным монастырям и церквам, богатая казна, много драгоценных вещей, золотых и серебряных сосудов, из которых многие подарены ему были в. князем Василием; наконец, в духовной Димитрий упоминает о своих боярах, детях боярских, дьяках, постельничих: ясно, что узник, которому позволяли жить с такою царскою пышностью, не мог быть заключен в оковы в камне. Димитрий умер в 1509 году⁹⁰³.

Пожертвовав внуком для предотвращения междоусобий, Иван III хотел предотвратить их, по возможности, между старшим и младшими сыновьями своими; для этого в 1504 году он велел нареченному в. князю Василию заключить

договор с братом Юрием Ивановичем⁹⁰⁴. Этот договор начинается так: «Милостию Божиею и пречистые его Матери, и по благословению и по повелению *государя* и отца нашего Иоанна, Божиею милостию *государя* *всая Руси* и в. князя володимерского, и московского, и новгородского, и псковского, и бльгарского и иных»: вот титул, принятый Иваном III! Договор совершенно сходен с прежними договорами между в. князьями и удельными.

Замечательны также отношения Ивана III к Рюриковичам Юго-Западной, Литовской, Руси. Мы видели, что Рюриковичи южные подчинились сильному в. князю литовскому, признали его господарем, обязались платить *полетнее*, с тем чтоб этот сильный владетель оборонял их отчины. Но когда литовские князья продали свое могущество за престол польский, то Рюриковичи, их служебники, увидав обессиление государей своих, начали искать другого защитника: таковым явился для них в. князь московский Иван III, потомок того Всеволода III, без которого предки их не могли обойтись.

В 1492 году князь Семен Федорович Воротынский прислал Александру, наследнику Казимиру, отписку следующего содержания: «Яз, господине, служил еси отцу твоему, господарю своему, в. королю Казимиру, и был еси у отца твоего, господаря моего, у крестном целованьи, на том, что было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину нашу стояти и боронити от всякого: ино, господине, сведомо тебе, что отчина моя отстала, и отец твой господине, господарь наш, за отчину мою не стоял и не боронил⁹⁰⁵, а мне, господине, против отчины моее, городов и волостей не измыслил. И к тебе еси, господине, посылал бити челом боярина своего Ивана Карповича, чтобы твоя милость, господарь наш, пожаловал мене потому ж, в докончанье и в крестное целование, как отец твой мене жаловал, города бы еси, господин, мне обмыслил против моей отчины, чем бых мел тебе, осподарю своему, служити: и твоя милость, господине, мене не жаловал, города не дал, и в докончанье не приял, и за отчину за мою не стоял, а бояр моих, господине, не жаловал, не чтил, как отец твой наших бояр жаловал, чтил. Ино господине, не я выступил, твоя милость, осподарь! Ино господине, отца твоего, господаря нашего, крестное целованье и твое с мене

долов; заныже, господине, в листу стоит в докончалном отца твоего, осподаря нашего: "А по нашем животе, а кто будет держати в. княжество Литовскбе наших наместников, ино им приняти кн. Семена Федоровича в таком докончанье; а не имут жаловати и не примут в докончанье, ино со князя Семена Федоровича крестное целованье долов, а ему воля". Ино, господине, отца твоего, господаря великого короля, и твое в. к. Литовского крестное целованье с мене со князя Семена Федоровича долов»⁹⁰⁶. Пославши такую грамоту к Александру, кн. Семен Федорович с племянником Иваном Михайловичем отъехали в Москву, где били челом Ивану III своею отчиною; этого мало: дорогою они заняли на имя в. князя московского литовско-русские города Серпейск и Мещовск, которые хотя скоро и были опять заняты литовскими войсками, однако Иван III не любил уступать раз занятого на его имя и, послав сильное войско, захватил в другой раз эти города⁹⁰⁷.

Князья Семен и Иван Воротынские не были первые отъезжники в Москву: еще при Казимире кн. Василий Кривой Воротынский враждовал во имя Москвы с Литвою⁹⁰⁸; его примеру последовали князь перемышльский и князь белевский с двумя братьями⁹⁰⁹. По приезде Воротынских в. князь послал воевод своих добыть Вязьму, и они добыли ее и привели князей Вяземских в Москву: Ивану III нужно было, чтоб литовско-русские князья не боялись московского завоевания, и потому он пожаловал князей вяземских, возвратил им их отчину с обязательством служить государю московскому, как прежде служили государю литовскому⁹¹⁰.

Такое великодушие не было без выгоды для Ивана: в том же 1493 году явился к нему на службу кн. Мих[аил] Ром[анович] Мезецкий, или Мещовский, и привел с собою в виде пленников двоих братьев, хотевших остаться верными Литве⁹¹¹. Тогда Иван III послал к Александру объявить: «Што служили тебе князь Сем[ен] Фед[орович] Воротынский, да кн. Андрей, да князь Василей Белевский, да кн. Мих. Ром. Мезецкий, да князь Андрей Юрьевич Вяземский, и они нынеча нам били челом служити со отчинами: и тебе бы то ведомо было. Штоб еси приказал своим князьям и всим своим людем, штобы нашим слугам (вышеименованным князьям) и

их отчинам обиды от них некоторые не было». Александр отвечал: «Што еси к нам присылал посла своего и всказывал до нас о наших слугах, и жь они тебе били челом служити и з отчинами; то есть тебе гораздо звездомо, штож тых князей, наших слуг, деды, отцы и они сами потому доконьчали отцу нашему, королю его милости, и записалися и присягу на том дали, и на нас на детей его, штож им служити нам, к нашему господарьству, к в. княжеству Литовскому неотступно, а мимо нас иньшого господаря им не искати. И дивуем ся тому, и ж ты, мимо тьи дела, прыймуешь наших слуг: про то мы их с тое присяги не выпускаем... и ты бы тых наших слуг к себе не прыймал и в отчины бы еси их не вступался, бо они з давна суть наши слуги... А как есми до тебе нашего посла выправили и послали о некоторых наших делех, ино в тьи часы люди твои многии города наши и волости, Мезецк, а Серпееск, а Масалеск, а Городечну; а Опаков огнем пожгли, а людей наших, котории на тых наших городех были, в полон повели со всими их животы и статки; и теж город наш Вязьму взяли, и слуг наших князей Вяземских головами звели; а тьи города и волости из века отчина наша, в. княжества Литовского земли и воды. Ино сам того посмотри, гораздоль ся то дееть? Коли бы тебе хто у-в отчине твоей шкоду вчинил, жаль бы тебе своего было; а нам нашего по тому ж жаль: заньже ты хочешь свою отчину в целости мети. А нам дал Бог сести на отчине нашей, на в. князьстве Литовском, а мы потому ж хотим отчину нашу в целости мети, как было за предков наших»⁹¹².

Страшное посягание на эту отчину обнаружил московский князь в самом титуле своем, называя себя государем всея Руси, тогда как такая значительная часть Руси была за Литвою. Литовская рада писала первому московскому боярину кн. Ив[ану] Юрьевичу Патрикееву: «Господарь ваш в листе своем к нашему господарю написал себе имя свое высоко не по старине, не подлуг того как издавна обычай бывал. Сам же того, княже, посмотри, гораздоль ся то дееть? Старину оставляете, а в новые дела вступае»⁹¹³. Но московский собственник помнил также свою старину и отвечал литовскому князю, что Южная Русь издавна достояние потомков св. Владимира, что Гедиминовичи овладели ею, пользуясь невзго-

дою последних. Александр ясно видел, что эта невзгода теперь на стороне Литвы, и спешил заключить мир с Иваном.

Московский князь написался в договоре⁹¹⁴ государем всея Руси; касательно князей положены следующие условия: «обе в. князю (Александру) не вступатися в мене и в мои: детей, в нашу отчину, в город Вязму и в города и в волости и во вси земли и в воды вяземскийи, што к Вязме потягло, а князей ти вяземских к собе не прыймати. Также и Федора Блудова и Олександрова Борисова сына Хлепенскаго и князя Романова Фоминьского и их братии и братаничов, Юрева доля Ромейковича и князя Федорова места Святославича: тых отчины, города и волосты и что к ним потягло, земли и воды вси мои, в. князя Ивановы, и моих детей, к нашему в. княжеству. А князи новосильские и одоевские и воротынские и перемышльские и белевские, вси мои, в. князя Ивановы, и моих детей, и со всеми отчинами к нашему в. княжеству. А тебе в. к. Александру в них и в их отчины и што к их отчинам потягло, не вступатисе ни чым и не обидити и не прыймати с их отчинами; и мезецкийи князи, князь Михаило Романович и князя Иванова дети Федоровича Одыревскаго⁹¹⁵, кн. Василей и князь Федор, служат мне в. к. Ивану и моим детем, со всеми отчинами, што к их делницам в городе Мезецку и в волостех. А тебе в. к. Александру их не обидити и не прыймати с их отчинами. А што служат тебе, в. к. Александру, мезецкийи князи, кн. Федор Сухий, да кн. Василей, а князя Федоровы дети Андреевича, и тыи князи в Мезецку в городе и в волостех ведают свои отчины, делницы свои; а мне в. к. Ивану и моим детем их не обидити и не прыймати их с их отчинами. А што у мене в нятстве мезецкийи князи, кн. Семен Романович и кн. Петр Федорович, и мне тых князей отпустить в Мезецк на их отчину, и они кому похотят, тому служат с своими отчинами⁹¹⁶, што их делницы в городе в Мезецку и в волостех; и вчнут служить мне и моим детем, ино их тебе не прыймати с их отчинами; а вчнут служить тебе, ино их мне и моим детем не прыймати с их отчинами. А князь великий Иван Васильевич Резанский и брат его, князь Федор и с своими детьми и с своею землею в *моей стороне*, у в. князя, Иванове. А тебе в. князю их не обидити, ни в земли их ти не вступатисе. А в чом тебе в. князю к. в. Иван Ре-

занский и брат его кн. Федор согрубят и тебе о том прислати ко мне к в. к. Ивану, и мне то тебе направить; а которые князи служат мне в князю Ивану и моим детем с твоих отчин, и тебе в. к. Александру с своих отчин, и мне в князю Ивану и моим детям их блюсти и необидити⁹¹⁷; а который имет обидити князей служебных своего брата, и нам о том сослати судей, они тому вчынять исправу без переводу; а князей нам служебных по та места на обе стороны с отчинами не прыймати. А што у тебе у в. к. Александра наших здрадец дети князя Ивановы Можайского и князя Ивановы дети Шемячича и кн. Иван Ярославича сын и их дети, также и князь Михайло Борисович Тферский и князя Михайлов сын Андреевича князь Василей: и тебе в. князю на нашо лихо их не отпущати никуды; а пойдут от тебе прочь, и с земли тебе их опять не прыймати, а жити со мною, с своим братом, и с моими детьми на них везде заодин».

Желая обезопасить себя совершенно от притязаний в. князя московского на обладание всею Русью, Александр объявил ему свое желание вступить в брак с его дочерью Еленою, дабы посредством этого союза, как говорили послы Александровы, между Москвою и Литвою водворилась такая же приязнь, какая была между в. к. Витовтом и зятем его Василием Дмитриевичем⁹¹⁸. — Станный, роковой намек! Разве Александр позабыл, что, несмотря на кровный союз между Витовтом и Василием, страшная борьба на жизнь и на смерть шла между Москвою и Литвою? Желание Александра исполнилось: между Москвою и Литвою возобновились те же самые отношения, какие имели место при Витовте и Василии, с тем только различием, что теперь сила была на стороне Москвы и Иван III не хочет пожертвовать спокойствию дочери своею главною целию отнять у Литвы свою отчину, старую, Юго-Западную, Русь.

Иван с своею необыкновенною сметливостию ясно видел, какую могущественною связью служило для обеих половин Руси православие; он видел, как эта связь была ослаблена Витовтом чрез избрание особого митрополита для Киева, и старался предупредить дальнейшее ослабление. С этою целию он согласился на брак своей дочери Елены с в. к. литовским, думая, что православное народонаселение найдет

в ней твердую опору и представительство⁹¹⁹. Вот почему первым, необходимым условием брака он положил, чтоб Елена оставалась в греческом законе, и когда Александр вздумал было внести в условия оставить выбор веры на волю самой в княгини Елены, то Иван грозился прервать переговоры и настоял на том, что Александр обещался никак не беспокоить жену насчет веры; он приказывал к зятю, чтобы тот не только не уговаривал его дочь к перемене религии, но противился бы этой перемене, если бы даже сама Елена хотела ее, объявляя ясно, что только строгим соблюдением этого условия может поддерживаться доброе согласие между обоими государствами⁹²⁰. В дальнейших переговорах, веденных между послами Александровыми и московскими боярами, было условлено, чтобы венчать Елену с Александром киевскому митрополиту или какому-нибудь другому православному архиерею, поставить в княгине греческую церковь во дворце, наконец, чтобы она была окружена слугами и служанками греческого закона⁹²¹. О том же самым приказывал Иван к Александру чрез своих послов; другие послы, отправленные Александром, утверждали, что все будет исполнено так, как условлено между боярами и первыми послами⁹²², и ничего не было исполнено.

На требование в князя, чтоб Елене была поставлена церковь во дворце, Александр отвечал, что у них запрещено строить вновь греческие церкви; ответ оскорбительный для Ивана, которому давали знать, что распространению православия в Литовской Руси положена твердая преграда; еще оскорбительнее была следующая прибавка от Александра: «А княгини нашей ее милости церковь греческого закону в городе есть близко: коли ее милость всхочет до церкви: и мы ей в том не бороним»⁹²³: дочь в. к. московского должна наравне с последнею из своих подданных, исповедующих гонимую религию, ходить в приходскую церковь! Вот на какое унижение послал дочь свою Иван, который надеялся послать в ней покровительницу православия!⁹²⁴ Насчет слуг греческой веры Александр отвечал: «Кого ся нам видело к нашей великой княгини приставити, который ся к тому годили, тых еси к ее милости приставили; а ведь жо тым ее милости закону греческому ничего переказы нет»⁹²⁵.

В. к. литовский не думал выполнять и другого важного условия, не хотел писать Ивана государем всея Руси, отговариваясь то тем, что хочет соблюдать те же самые формы, в каких писал отец его Казимир к Ивану, то тем, что в. к. московский не отказывается от Киева, то, наконец, тем, что не дает управы его подданным в пограничных ссорах⁹²⁶.

Все это в высочайшей степени раздражало Ивана, избалованного счастьем, привыкшего к немедленному исполнению своих желаний.

Наконец, московский князь получил весть о том, чего он более всего опасался, о попытках литовского князя обратить жену и православных подданных в латинство. Подьячий Федор Шестаков, бывший при Елене, прислал к вяземскому наместнику кн. Туреню-Оболенскому грамоту, в которой извещал его, что в Литве идут сильные волнения по поводу религии, что Иосиф, владыка смоленский, вместе с Сапегою, изменившим православию, уговаривали в. к. Елену перейти в католицизм, равно как и других православных русских, подданных литовского князя⁹²⁷. Еще Иван мог бы усумниться в верности донесения Шестакова, могшего преувеличить дело из ревности к своему государю и православию; но скоро явился в Москву Гедиминович, кн. Симеон Бельский, и бил челом в. князю в службу с отчиною, потому что в Литве настает гонение на православие; он подтвердил донесение Шестакова о старании владыки смоленского Иосифа распространить католицизм между русскими, прибавив, что в том содействуют ему виленский епископ и монахи бернардинские⁹²⁸.

Вслед за Бельским явился в Москву князь хотетовский и бояре мценские бить челом в службу по причине гонений за веру; Иван III принял их всех; Александр прислал жаловаться на такое явное нарушение договора, по которому оба князя обязались не принимать к себе князей служебных с отчинами⁹²⁹, оправдываясь, что никогда не думал неволить своих подданных к перемене веры. Иван отвечал: «Так то князь великий ни кого не нудит к римскому закону? К дочери нашей посылает, и к панам русским и князьям, и ко всей Руси, чтоб приступили к римскому закону. А теперь начал делать новое насилье Руси, чего прежде при отцах его и предках не бывало: сколько велел поставить божниц римского закона в

русских городах, в Полоцке и в иных местах; мало того: жен от мужей, и детей от отцов отнимая, силою крестят в римской закон: все это он не нудит Руси к римскому закону? Что же касается до нашего обязательства не принимать служебных князей с отчинами, то мы приняли князя Семена единственно по причине притеснений за веру».

Наконец, в 1500 году прислали проситься в службу к московскому государю князя: Василий Иванович, внук Шемяки, и Семен Иванович, сын Ивана Андр[еевича] Можайского. Что могло заставить этих заклятых врагов московского князя решиться на такое дело? Разумеется, уже только одна опасность, грозившая их вере. Отцы их были приняты Казимиром и наделены волостями; Александр подтвердил Можайскому отцовское пожалование, объявлял о верной службе Ивана Андреевича и сына его⁹³⁰. И точно, когда в первое размирье князя из Литовской Руси толпами переходили на сторону московского государя, Семен Можайский ревностно боролся с ними в пользу Литвы⁹³¹. Просьба Шемячича и Можайского, извещавших также о притеснениях за веру⁹³², не оставляла более Ивану III никакой возможности сомневаться в последних: он спешил предупредить опасность и послал к Александру объявить, что принял Шемячича и Можайского с их отчинами, и вместе вручить складные грамоты⁹³³.

У меня нет намерения входить в подробности этой войны, славной и счастливой для Московского государства, которое вполне показало свое могущество, свой перевес над Литовскою Русью, даже соединенною с Польским королевством. Александр видел свою слабость, понимал стремления в князя московского, стремления естественные и необходимые; посол литовский, отправленный просить помощи у брата Александра, венгерского короля Владислава, говорил так последнему: «Государь мой заключил с московским князем мир и кровный союз для упрочения покоя и приязни; но тот прикрыл этим только свои замыслы, выжидая времени, в которое бы мог удобно привести их в исполнение, замыслы же его состоят в том, чтоб овладеть всем нашим государством. Ваша королевская милость должны оказать помощь государю моему не только вследствие родства, но и для святой христианской веры, которая там, в Литовской земле,

вкоренена великим трудом и попечением славной памяти деда вашего Владислава (Ягайло). Начиная с тех самых пор до нашего времени Русь покушается изгладить ее, не только Москва, но и некоторые князья, подданные нашего государя: единственная причина всех восстаний их против отца вашего, короля Казимира, и на вас самих есть святая вера. Когда государь наш узнал об их крамолах, то против некоторых были употреблены строгие меры, другие убежали к московскому князю, который вместе с ними и восстал на землю нашу, выставив предлогом к войне гонение за веру»⁹³⁴.

Эти слова указывают нам на ту сильную внутреннюю борьбу, которая произведена была в Литовской Руси безрассудным поведением Ягайла и его преемников, указывают на восстание князей русских за веру, на строгие меры, употребленные против них в. князьями литовскими; из этих слов ясно открывается, что князья Рюрикова и Гедиминова рода отъезжали в Москву именно вследствие насилий и гонений, для избежания казней, открывается, след., вся правота московского государя в его отношениях к Литве. Иван III не скрывал своих намерений, ясно говорил, что вся Русская земля есть отчина потомков св. Владимира, а не Гедиминова и что он хочет стоять за свою отчину; так, он велел отвечать папе на ходатайство последнего о мире с Александром: «Мы надеемся, что папе то гораздо ведомо, что короли Владислав и Александр отчичи Полского королевства да Литовския земли от своих предков; а Русская земля, от наших предков, из старины, наша отчина. А коли есмь имали dokonчанье с своим зятем с в. к. Александром, и мы были тогда те свои вотчины переступили, свойства деля; а коли нам зять наш, к. в. Александр, ни в чем не учал правити: и нам, уповая на Бога, о чем свою отчину оставливати и за нее не стояти»⁹³⁵. То же самое говорил он послам польским и венгерским⁹³⁶. Когда Александр, истомленный безуспешною и опасною борьбою, запросил мира на прежних основаниях, то московские бояре отвечали послам его: «Тому ся так не лъзя сстати, как вы говорите, что бы по старому dokonчанью быти любви и братству: то ся уж минуло. Коли государь ваш похочет с нашим государем любви и братства, и он бы государю нашему отчины их Русские земли все поступился»⁹³⁷.

При таких требованиях мир был невозможен — заключили перемирие на шесть лет: земли всех князей, отъехавших из Литвы, остались за Московским государством. В перемирной грамоте Иван не позволил писать Киева и других русских городов отчинами в князя литовского⁹³⁸. И теперь Иван III повторил свое неотступное требование, чтоб Александр исполнил все свои обязательства касательно в. княгини Елены, выстроил ей греческую церковь во дворце и приставил к ней панов и паней все греческого закона. На это требование послы Александровы отвечали ему: «Государь наш никогда не нудил жены своей к перемене веры; но папа беспрестанно присылает к нему, требуя присоединения в. княгини к Римской церкви, и теперь посол папин еще у него; государь наш не дал ему никакого ответа, желая объявить об этом твоей милости. Теперь у тебя также находится посол от папы: не угодно ли будет тебе с этим послом сказать что-нибудь св. отцу насчет веры твоей дочери или, может быть, тебе угодно будет отправить в Рим особого посла по этому делу. Папа объявил, что королеве не нужно перекрещиваться, что она, равно как все другие русские, может сохранить вполне все греческие обряды; лишь бы только оказала послушание папе, признала Флорентийское соединение». Иван в ответ повторил старое требование, чтоб Александр исполнил в точности все прежние обязательства касательно жениной веры, прибавив: «И нам о своей дочери, о том деле, о чем к папе посылати своего посла? О том нам деле, о своей дочери, к папе не посылати».

Иван III, зная только одного Александра и свои договоры с ним, не хотел знать папы и входить⁹³⁹ с ним в сношения касательно соединения Флорентийского, о котором уже порешил отец его Василий Темный. В то же время Иван наказывал своей дочери: «И ты бы, дочка, памятовала Бога, да и наше родство и наш наказ, а держала бы еси свой греческой закон во всем крепко, а к римскому бы еси закону не приступала никоторыми делы, ни церкви бы еси Римской, ни папе послушна ни в чем не была, ни к церкве бы еси к римской не ходила, душею бы еси никому не норовила, мне бы еси тем и себе и всему нашему роду нечти не учинила, а толкось нешто по грехом станет, ино в том тебе и нам и всему нашему

роду велика нечесть, и закону нашему греческому укоризна, и хотя будет, дочка, про то тебе и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила. А нешто, дочка, по грехом, поколыблешься, а приступишь к римскому закону, своею ли волею, неволею ли, и нам того зятю своему не перепустити; то межи нас с ним будет беспрестанная рать, а ты, дочка, от Бога душею погниешь, а от нас не в благословеньи будешь. А и мати твоя, отходя сего света, приказала тебе то, чтобы еси, дочка, держала свой греческой закон во всем крепко, а от нее тебе мир о Христе, и благословение, и прощение, а только деи дочка, нешто поколыблешься о греческом законе, и похочешь приступити к римскому закону, и мати твоя тебе приказала, что тебе про то неблагословляет, да и мне тогда тебя про то не благословити». Таков был явный наказ, данный в. к. московским своей дочери, но кроме него был еще другой наказ, который послы должны были сообщить Елене наедине.

Елена, явно посылая к отцу красноречивые грамоты⁹⁴⁰, где писала, что не терпит ни в чем стеснения, где укоряла Ивана в безжалостном поведении его относительно к ней и умоляла примириться с мужем ее, которого во всем оправдывала, тайно чрез преданного ей канцлера Ивана Сапегу⁹⁴¹ доносила в Москву, что хотя ей от мужа касательно веры и мало насилия, но зато терпит большие оскорбления от архиепископа краковского Фридриха, от епископа виленского Войцеха и от панов литовских, которые говорят ей в глаза, что она не крещена, и поносят греческую веру; что при жизни Александра она в совершенной безопасности, но по смерти его боится насилий. Для предупреждения последних Елена просила отца вытребовать у Александра новую утвержденную грамоту, в которой бы тот обязался не принуждать ее к перемене веры, причем заставить также архиепископа краковского и епископа виленского приложить к этой грамоте свои печати. Иван похвалил дочь за береженье души, своего и родительного имени и поспешил исполнить ее желание⁹⁴².

Так действовал знаменитый правнук Калиты относительно старой, Южной, Руси: достойная дочь его Елена свято выполнила наказ отцовский и завещала его, в свою очередь,

старославной отчизне Рюриковичей, где она была представительницею общерусских интересов⁹⁴³; и старая Русь также свято выполнила наказ Ивана III: когда пришлось и до крови пострадать за веру отцов, и она пострадала, а нечести имени своему и роду своему не учинила. Шестилетнее перемирие между Иваном III и Александром было заключено с тем, чтобы в это время переговариваться о вечном мире; но вместо того присылались беспрестанно жалобы с обеих сторон на пограничные разбои, на притеснения торговли и т. п. Храбрые сыны старой Руси не переставали переходить на сторону единой Московской⁹⁴⁴, чего не мог сносить равнодушно в. к. литовский: все ясно показывало, что обе половины Руси, насильственно разъединенные под две различные династии, могли заключить вечный мир только при вечном соединении.

В 1505 году умер Иван III. В духовной своей⁹⁴⁵ он приказывает детей меньших «Юрья з братьею сыну своему Василью, а их брату старейшему, и вы дети мои Юрьи, Дмитрий, Семен, Андрей, дръжьте моего сына Василья, а своего брата старейшего, в мое место своего отца, и слушайте его во всем; а ты сын мой Василей дръжти свою братью молодшую Юрья з братьею во чти без обиды». Это место повторено в заключении с следующею прибавкою: «А которой мой сын не учнет сына моего Василья слушати во всем, или учнет под ним подыскивати в. княжеств или *под его детьми*, или учнет от него отступати; или учнет съсылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо, или учнут кого на него подымати, или с кем учнут на него одиначитися: ино не буди на нем милости Божией и пречистые Богоматери, и святых чудотворец молитвы, и родитель наших и нашего благословения и в сий век и в будущий». Таким заклинанием Иван III хотел предотвратить все те явления, которые имели место в его собственное княжение. Он благословляет «сына своего старейшаго Василья своею отчиною в. княжества, чем мя благословил отец мой, и что ми дал Бог»; эти в. княжества суть: Московское, Владимирское, Новгородское, Псковское и Тверское. В таком огромном участке, данном Василию, остальные братья его получили по нескольку городов, рассеянных здесь и там: Юрий получил 6, Димитрий 7 с половиною, Семен 3, Андрей 5; уделы

младших сыновей, все вместе взятые, совершенно ничтожны перед областью Василия. Иван III, подобно предкам, дал младшим сыновьям части в Москве и села около ее, но уже на правах только частных владельцев, т. е. без права суда уголовного⁹⁴⁶. Далее, в своих уделах младшие братья потеряли важное право независимых владельцев, право бить монету, которое предоставлено одному в. князю как государю всея Руси, равно младшие братья потеряли право откупа⁹⁴⁷. Князья служебные, имеющие во владении города, как, напр., все недавно присоединившиеся — воротынские, одоевские и другие, зависят исключительно от в. князя и если вздумают отъехать к младшим братьям, то отчины их отбираются на в. князя; сделано даже ограничение для отъезда бояр и детей боярских: «а бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуде; а хто отъедет, и земли их сыну моему». Наконец, важное установление: «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына ни внука: ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью; а братья его у него в тот удел не вступаются; а останутся у него дочери, и сын мой Василий те его дочери наделив подает замуж». Этим распоряжением Иван III окончательно отстраняет притязания родичей на выморочные уделы, которые причиняли ему самому столько беспокойства.

Глава II

ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ

Сын Софьи умел воспользоваться всеми преимуществами, уступленными ему по завещанию отца. Уничтожив родовластие во Пскове, сперва пригороде Новгородском, но после успевшем устроить свой быт по образцу старшего города, Василий уничтожил особый быт в. княжества Рязанского, последней независимой отчины Святославова потомства. Мы видели, что рязанские князья: великий — Иван и удельный — Федор договаривались, чтобы в случае беспотомственной смерти одного из них другой был наследником области покойного; но в. князь московский имел возмож-

ность изменять в свою пользу договоры рязанских князей, и Федор, умирая бездетным, отказал свой удел Ивану III⁹⁴⁸; таким образом, часть самого города Рязани и место — Старая Рязань принадлежали к Москве уже при Иване III, и сын его Василий еще прежде окончательного присоединения в княжества Рязанского уже назывался рязанским⁹⁴⁹. Мы видели, как Иван III распоряжался Рязанью во время малолетства в князя ее Ивана Ивановича; Василий продолжал поведение отца. Когда в князь рязанский вырос, то увидал себя не больше, как наместником московского князя, причем всякое покушение с его стороны возвратить себе права независимого владельца неминуемо вело его ко враждебному столкновению с последним, который не любил отказываться от раз приобретенного. Рязанскому князю оставалось на выбор: или добровольно снизойти на степень служебного князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значение: первое было так унижительно, так тяжело для правнука Олега, второе так лестно, что он решился на него.

Василию было донесено, что в князь рязанский вошел в тесные сношения с крымским ханом, для скрепления которых хочет даже жениться на дочери последнего. Василий послал звать рязанского князя в Москву; тот сначала не хотел ехать, предвидя участь, его ожидавшую; но что случилось с князьями нижегородским и тверским, то же самое случилось и с рязанским: приближенный боярин его Семен Крубин предался на сторону Василия и уговорил несчастного Ивана отправиться в Москву, где тот был схвачен и отдан под стражу; мать его заключена в монастырь, Рязанское княжество, за исключением области Пронской, теперь уже все присоединено к Московскому. С рязанцами, которые отличались смелым, непреклонным характером и более, чем жители других княжеств, питали нелюбья к Москве, было поступлено так же, как с новгородцами при Иване III и псковичами при Василии: многочисленными толпами переселяли их в другие области. После рязанский князь, пользуясь падением татар, ушел из Москвы в Литву, где и умер безвестно⁹⁵⁰.

Вслед за Рязанью пала другая знаменитая отчина Святославова рода, княжество Северское. Но в это время здесь уже не было Ольговичей: их уделы держали потомки Ивана Ка-

литы Московского, два Василия: один — внук Ивана Можайского, князь стародубский, другой — внук Шемяки, князь Новгорода Северского.

Потомки московских усобиц не могли жить мирно в отечестве котор, в старой русской области. Прежде князья губили друг друга в битвах междоусобных, потом губили друг друга посредством татарского хана; теперь, когда не стало хана, могущественный московский князь, господарь всея Руси, заменил его место для князей с тем различием, что московский в. князь воспользовался сознательно их междоусобиями для достижения великой государственной цели. Князья стародубский и новгород-северский питали друг к другу непримиримую ненависть; не смея затевать усобиц, они посылали доносы к в. князю в Москву; Шемячич, по некоторым известиям⁹⁵¹, уже сгубил несколько князей своими наветами; но скоро и сам пал жертвою доноса: заклятый враг его Василий Стародубский, к которому присоединился еще князь пронский, не дремал.

Еще при жизни Ивана III отец стародубского князя Семен обговаривал Шемячича; Василий Стародубский продолжал отцовские обговоры; ненависть его к Шемячичу была так велика, что он говорил: «Одному чему нибудь быть: или уморю князя Василья Ивановича, или сам подпаду гневу государеву»⁹⁵². Стародубский и пронский князья прислали с доносом в Москву на Шемячича; последний, узнав об этом, отправил в Москву своего посланца умолять в. князя, чтоб позволил ему приехать к себе и оправдаться. Тон записи, по которой должен был говорить в. князю посланец Шемячича, очень для нас любопытен; он показывает, на какую низкую степень сошли владетельные князья перед московскими господарями всея Руси. «И тыб господарь, — пишет Шемячич в. князю, — смиловался ныне пожаловал велел мне своему хололу у себя самому ныне быти, о том бити челом себе, чтоб перед тобою перед господарем стал с теми с очи на очи, что которых ныне брат мой, князь Вас[илий] Семенович, к тебе ко господарю на меня прислал с теми безлепцами. И обыщешь, господарь, в том мою вину, ино в том волен Бог да ты господарь мой, голова моя готова перед Богом да перед тобою; а не обыщешь, господарь, моей вины в том,

и тыб, господарь, смиловался пожаловал мене в том, уж ныне от моего брата от кн. Вас. Семен. в тех безлепицах пооборонил, как тебе господарю Бог положит по сердцю, занеже господарь, брат мой наперед сего колко меня обговаривает тебе господарю⁹⁵³ теми безлепицами и остужает, а хотячи меня тем у тебя у господаря уморити, чтоб тебе не был слугою». Что были частые искушения со стороны Литвы и что, след., постоянная подозрительность московских князей имела основание и совершенно оправдывается, доказательством служат слова Шемячича: «Да и то тебе господарю ведомож, какковы наперед того ко мне из Литвы присылки о том (т. е. об отъезде) ни бывали, и яз, господарь, отца твоего в. князя да и тебя господаря ни в чом не утаивал».

В. князь согласился на просьбу Шемячича, дал ему *правгу*, или опасную грамоту, для приезда в Москву, где тот и оправдался. В. князь велел сказать ему: «Мы услуги у своего у кн. Василья на тебя речей некоторых не слухали. И мы как наперед того безлепичным речем не потакали, так и ныне тому не потакуем, а тебя есмя слугу своего как наперед того жаловали, так и ныне жалуем и вперед тебя, слугу своего, жаловати хотим своим жалованьем; а опытали есмя, что то речи на тебя безлепичные, и мы им и ныне не верим». Один из доносчиков был выдан обвиненному головою; когда же Шемячич просил выдачи и другого доносчика, человека князя стародубского, то в. князь велел отвечать ему: «Тот человек был в Литве полонен, а слышал те речи в Литве, ино было ему того как нам не сказать? И нам тебе того человека выдати нелзе».

Несмотря на уверения, сделанные Шемяке, что доносов на него от князя стародубского не слухали, в. князь, когда еще отправлял чиновников своих звать Шемячича в Москву, наказал им: «Да ехали бы есте ко князю к Вас. Семеновичу, да говорили бы есте ему от нас речь о береженье, да похвальную бы есте ему речь говорили».

Шемячич был отпущен из Москвы с честью в свое княжество: это было в 1517 году. Но в 1523 году Шемячич был опять позван в Москву и заключен в темницу. Шел слух, что причину заключения было письмо северского князя к наместнику киевскому, в котором он предлагал подданство

польскому королю⁹⁵⁴. Что заключение не было без причины, доказательством служит прежнее оправдание. Говорят, будто во время заключения северского князя какой-то юродивый ходил по городу с метлою в руках и на вопрос проходящих, зачем он взял метлу, отвечал: «Владения государя не совершенно еще очищены: пришло удобное время вымести последний сор». Удел князя стародубского присоединен был еще прежде к Москве при посредстве Шемячича, который выгнал своего врага из отчины, вероятно обговорив его в измене пред государем московским⁹⁵⁵. При Василии же присоединен и удел Волоцкий, ибо Федор Борисович умер в 1513 году бездетным⁹⁵⁶.

Теперь обратим внимание на отношения Василия Ивановича к родным братьям. Несмотря на старание Ивана III определить отношения между сыновьями так, чтоб неприязненные столкновения не могли иметь места, Василий не жил в ладу с братьями. Последние не могли забыть старины, прежних родственных отношений к старшему брату и не могли сносить новых государственных. К несчастью, в это время нашлось много людей, которым выгодно было напоминать удельным князьям о старине. Государственные отношения удельных к в. князю уничтожали возможность отъезда, в котором заключалось единственное право бояр и вообще двора, след., интересы бояр были тесно связаны с интересами удельных князей, с поддержанием их прежних отношений к в. князю. Последний, в свою очередь, зная это, опасаясь беспрестанно неприязненных движений со стороны братьев, потеряв к ним всякую доверенность, которая не может существовать при совершенной разрозненности интересов, имел нужду в людях, которые бы следили за всяким словом, за всяким движением братьев; если при дворе в. князя была толпа людей, благопритствовавших князьям удельным, то при дворе последних были также бояре, дети боярские, преданные в. князю, доносившие ему обо всем, что у них делалось.

В 1511 году в. князь узнал, что брат его Семен Калужский хочет бежать в Литву, что двор его, бояре и дети боярские, разделяют умысел князя⁹⁵⁷. Василий велел Семену явиться в Москву; последний, сведав об открытии своего умысла и зная, что готовится ему в Москве, начал просить старшего

брата о помиловании посредством митрополита, владык и других братьев. В. князь простил Семена, но переменял у него всех бояр и детей боярских.

Касательно отношений Василия к другим его братьям, именно к Димитрию Ивановичу, до нас дошел любопытный акт, наказные речи Ивану Шигоне, как тот должен был говорить Димитрию от имени в. князя наедине⁹⁵⁸: «Брате! Положи на своем разуме, гораздо ли так делаешь? Помнишь, как нам отец наш наказывал меж себя быти? И яз, брате, к тебе о которых делех о своих приказывал с своими детми боярскими, чтоб еси нам в козельских делех и в Ушатого управу учинил, и ты нам не токмо в тех делах управы не учинил, но еще еси сверх того на Ушатого землю посылал, а велел еси Ушатого деревни грабити; а нам еси, с нашими детми боярскими, ответ не потому учинил, как было пригоже тебе нам ответ учинити. А которую есмя свою грамоту послали к тебе с Федорцом с Борисовым, и ты нам против тое грамоты и ответа никакого не учинил; а ныне еси, брат наш, того болшы нам непригожее учинил, прислал еси к нам паробка такого, какого было тебе паробка к нам не пригоже послати, а писал еси к нам в той грамоте, о таких о великих делех нам вычитаа. И яз, брате, того не ведаю, которую еси тебе нечесть и обиду учинил? А ты ко мне так отвечивал с нашими детми боярскими, а в грамоте еси своей к нам писал: ино, брате, так ли отцу отвечивают и в грамотах пишут?»

Из этого акта видно, что в. князь более всего негодует на брата за несоблюдение форм, за недостаток должного уважения к нему, главе государства; ибо, как мы уже прежде сказали, стремление выделиться и во внешности, взойти на высоту, недостижимую ни для кого другого, становится одним из главных стремлений московских государей со времени Ивана III, чего прежде именно недоставало нашим князьям. Вот почему Василий оскорбляется, что младший брат прислал к нему непригожего паробка и неучтиво писал в грамотах; в. князь основывается на завещании отцовском, где Иван III велит младшим сыновьям держать старшего в отца место: «ино, брате, так ли отцу отвечивают и в грамотах пишут?»

Касательно отношений в. к. Василия к брату его Юрию Ивановичу мы имеем также любопытный акт: это челобит-

ная какого-то Ивана Яганова⁹⁵⁹, заключенного в оковы в начале княжения Ивана IV за донос на князя Юрия. Яганов пишет в челобитной: «Наперед сего служил есмь, государь, отцу твоему в. к. Василью: что слышав о лихе и о добре, и яз государю сказывал, а которые дети боярские князь Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловать своим жалованьем; а ковати меня государь и мучивати про то не веливал, и велел ми государь своего дела везде искати, и яз, государь, ищучи государева дела и земскаго, да с дмитровцы неколко своего животишка истерял». Из этих слов мы узнаём, что Иван Яганов был отряжен в Дмитров, удел князя Юрия Ивановича, для розысков о поведении этого брата великокняжеского: узнаём, что при дворе Юрия были дети боярские, которые чрез Яганова доносили в. князю о всех замыслах его брата.

Как Яганов искал земскаго и государева дела в Дмитрове, показывает нам рассказ его о том деле, за которое он посажен в оковы при Иване IV: «А что яз, государь, слышал у тех же детей боярских пыочи жестоку речь с Яковом (сын боярский кн. Юрия) вместе, и яз и Яков ту речь сказали твоим бояром; того, государь, не ведаю, сопьяна говорили или вздурясь, мне было, государь, в те поры уши свои не смолою забить: яз, государь, что слышал, то сказал, потомуж как есми, государь отцу твоему служил и сказывал, а не сказати было мне тех речей, жестоких речей, тебе государю, и ктоб те речи тебе государю мимо меня сказал, и мне было быти кажнenu от тебя от государя. Не сказали жестоких речей на Якова на Дмитреева отцу твоему Башмак Литомин да Губа Дедков, и отец твой хотел их казнити. А в записи, государь, в твоей целовальной написано: "слышев о лихе и о добре сказати тебе государю и твоим бояром". Ино, государь, тот ли добр, которой что слышал да не скажет? А не хотел бы яз тебе государю служити, и яз бы, государь, и у князя у Юрья выслужил. Государь князь великий! Отец твой какову речь кто ему скажет, будет сойдетца и он ее ставил в дело, а будет не сойдется на дело, и он пуцал мимо уши; а кто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле. Яз, государь,

тобя государя и твою мать, благоверную в. княгиню Елену, от неколких смертоносных пакостей избавляя: яз же ныне-ча в тебе кончаю нужною мукою живот свой».

И этому-то брату Юрию, на которого доносили в. князю, что он замышляет против него великие, страшные, смертоносные дела, Василий должен был оставить престол за неимением собственных детей: в. княгиня Соломония, урожденная Сабурова, была бесплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла все суеверные средства, обмывалась навороженною водою, прыскала ею белье в. князя, чтоб по крайней мере не дать остынуть любви его к себе, терлась наколдованным маслом, призывала к себе отовсюду колдунов и знахарок⁹⁶⁰ — все понапрасну! Детей не было, исчезала и любовь мужа. Наконец в 1525 году в. князь с разрешения митрополита Даниила развелся с Соломониею и в следующем году женился снова на Елене Глинской. Явление не новое: Симеон Гордый поступил точно так же.

Но около Василия было много людей, которые во всяком поступке сына ненавистной Софьи видели преступление, злодейство; знаменитые бояре, потомки владетельных князей, иноки, прежде также бояре, постриженные Иваном III за придворные крамолы, восстали против развода, и Соломония, жертва тиранства Василиева, начала слыть у них святою наравне с Еленою, матерью Димитрия внука, а Елена Глинская разделила участь Софьи Палеолог, жены-чародейки, от которой пошло все зло.

Василий не мог заслужить любви бояр и потомков владетельных князей, потому что, по словам Герберштейна, совершил то, что отец его начал, и явился монархом, каким не был ни один монарх на всем земном шаре⁹⁶¹. Вот почему Курбский называет Василия «прелютым князем, от чародейцы греческия рожденным»⁹⁶². Опальный боярин Берсень говорил: «Добр деи был отец в. князя Васильев к. в. Иван и до людей ласков, и пошлет людей на которое дело, ино и Бог с ними; а нынешней государь не потому, людей мало жалует». Другой опальный, дьяк Федор Жареный, говорил: «Пропал деи есми; печалника не могу добыти; а государь, по моим грехом, пришел жесток, а к людям немилостив». Тот же Берсень жаловался: «Государь деи упрям и вьстречи против себя не

любит, кто ему встречу говорит и он на того опалается». И Берсень, и Жареный поплатились за эти речи: первого казнили смертью, второго били кнутом и отрезали язык⁹⁶³.

Но у бояр, и вообще у всех дружинников и слуг вольных, против жестокости в. князя оставалось важное право, право отъезда к другим князьям; в Северо-Восточной Руси исчезли независимые князья, от братьев в. князя нельзя было ожидать покровительства отъехавшему из Москвы боярину; оставался один отъезд, в Литовскую Русь, к в. князю литовско-русскому, и недовольные дружинники стремятся туда.

Для прекращения этого явления из старого, родового, быта московские государи придумывают средство, а именно берут с подозрительных бояр присягу не отъезжать от них: со времен Ивана III, первого государя в Москве, первого князя, который восстал против отъезда боярского, появляются эти клятвенные записи; они умножаются при сыне его Василии, еще более их при внуке его Иване Грозном — признак постоянно усиливавшейся борьбы между двумя правами: правом государя на вечную покорность подданного и обветшавшим правом дружинника переменять вождя, переходить из одной дружины в другую, правом, которое так долго поддерживалось родовыми отношениями княжескими и теперь долженствовавшим исчезнуть вследствие смены их отношениями государственными. При Иване III мы знаем только одну подобную запись: она дана знаменитейшим из бояр его, героем Новгорода и Казани, потомком тверских князей, кн. Даниилом Холмским.

Холмский по случаю какого-то неудовольствия на в. князя вздумал воспользоваться правом отъезда; но его намерение было узвано, его схватили и посадили под стражу. В это время, время столкновения и борьбы различных прав, прав великого князя, князей-родичей и дружинников, духовенство имело также свое право, право великое, священное, право своим посредничеством предотвращать кровавые следствия этого враждебного столкновения прав, предупреждать насилия, при такой отчаянной борьбе неизбежные. Начиналось ли нелюбие между в. князем и одним из младших братьев, митрополит с епископами спешили предупредить его своим ходатайством; опальный бо-

ярин прибегал к митрополиту, и тот считал своею обязанностью печаловаться за него пред в. князем, и в. князь уважал печалование святительское. Так, когда князь Даниил Холмский был взят под стражу, митрополит с другими епископами печаловался за него, и в. князь выпустил Холмского на поруки духовенства, взяв с него присяжную запись; все эти записи имеют одинаковую форму, с некоторыми малыми по обстоятельствам изменениями, вот она: «Се яз князь Данило Дмитревич Холмски, что есмь бил челом своему господину и осподарю в. князю Ивану Васильевичю за свою вину своим осподином Геронтьем митрополитом всея Руси, и его детми и сослужебники, епископы (след[уют] имена); и осподарь мой к. в. меня своего слугу пожаловал, нелюбье свое мне отдал. А мне кн. Данилу своему осподарю в. к. Ив. Вас. и его детем служити до своего живота, а не отъехати ми от своего осподаря от в. к. И[вану] В[асильевичю], ни от его детей к иному ни х кому. А добра ми ему и его детем хотети везде во всем, а лиха ми своему государю в. к. и его детем мне кн. Данилу не мыслити, ни хотети никакова; а где от кого услышу о добре или о лихе государя своего в. князя, и о его детях о добре или о лихе, и мне то сказати государю своему в. к. и его детем в правду, по сей моей укрепленной грамоте, бесхитростно. А в том во всем по сей моей грамоте яся помне осподарю моему в. к. И. В. и его детем и до моего живота господин мой Геронтей митр[ополит] всея Руси, и с теми с своими детми и с служебники, со владыками и с архимандриты, которые в сей моей грамоте писаны. А чрез сию мою грамоту яз кн. Данило Дм. что иму думати и починати, или явится что которое мое лихо пред моим осподарем пред в. к. И. В. и пред его детми: ино не буди на мне милости Божьее и пречистые его Матери, и св. чудотворцев Петр[а] митр[ополита] и Леонтия епископа ростовского, и всех святых; также ни благословения осподина моего Геронтия митр. всея Руси, и его детей владык и архимандритов тех, которыми есми бил челом своему осподарю в. к. И. В., не буди на мне ни в сий век, ни в будущий; и осподарь мой к. в. и его дети надо мною по моей вине в казни волен. А крепости деля, яз кн. Данило Дм. Хол[мский] осподарю своему, в. к. И. В. целовал есми честный и

животворящий крест, и дал еси на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтия митроп. всея Руси»⁹⁶⁴.

Но московские государи, начиная с Ивана III, не довольствовались порукой духовенства и проклятыми грамотами: они требовали ручательства более вещественного и потому заставляли других бояр и дворян ручаться за провинившегося боярина, что он не отъедет, а в случае отъезда поручившийся должен был внести князю известную сумму денег; так, по князе Холмском поручился И. Н. Воронцов, что он в случае его отъезда внесет 250 рублей⁹⁶⁵.

При Василии Ивановиче сын Даниила Холмского не был так счастлив: схваченный и заключенный в темницу, он умер в заключении⁹⁶⁶; однако много было взято записей с других бояр: с Вас. Вас. Шуйского, который обещался: «От своего государя и от его детей из их земли в Литву, также ми и к его братье ни инуды никуды не отъехать и до своего живота»⁹⁶⁷. С кн. Д. Ф. Бельского⁹⁶⁸; с И. Ф. Бельского⁹⁶⁹; с И. М. Воротынского⁹⁷⁰; с кн. Ф. М. Мстиславского⁹⁷¹: запись последнего любопытна; она показывает, до какой степени доходило государственное зло, которое князья и дружинники считали своим правом; отъехать из Литвы в Москву и потом опять из Москвы в Литву для них ничего не стоило; кн. Мстиславский говорит в начале грамоты: «Се яз кн. Фед[ор] Мих[айлович] Мстиславской, присылал еси из Литвы к государю Василию, Божию милостию ко государю всеа Русии и в. князю, бити челом, чтобы государь пожаловал велел мне ехать к себе служити; и в. государь меня холопа своего пожаловал, прислал ко мне воевод своих, а велел мне к себе ехать. И как яз приехал к своему государю; и государь меня пожаловал, велел мне себе служити, и жалованьем своим пожаловал. И опосле того сказали государю моему, что яз мышлю ехать к Жигмонту королю; и государь меня к. в. пожаловал, опалы своей на меня не доложил, и меня пожаловал: а яз государю своему ввел по себе порукою господина своего Даниила митроп[олита] всеа Русии и весь священный собор, и целовал крест у гроба у чудотворца Петра, и дал еси на себя грамоту за господина своего Даниила митроп. вс[ea] Рус[ии] печатью, что мне от государя своего к Жигмонту королю, и

к его братье, и к их детем, ни к иному ни к кому никак не отъехать, а служить мне государю своему, в. к. Василью, и добра ему хотети; а государь мой пожаловал меня своим великим жалованьем, дал за меня свою сестричну княжну Настасью. И яз кн. Федор, преступив крестное целованье, и не памятуючи того, что есми государю своему ввел по себе порукою господина своего Данила митр. всеа Руси, и забыв жалованье государя своего в. князя, хотел есми ехать к его недругу к Жигмонту королю; и государь мой, в. г[осударь], по моей вине на меня за то опалу свою положил. И яз кн. Фед. Мих. Мстиславский за свою вину, что есми перед государем своим проступил, и забыв крестное целованье и господина своего Данила митроп. вс. Рус. и всего священного собора по себе поруки, за ту за свою вину бил челом государю своему, в. госуд. Василью, Б[ожию] м[илостию] г[осударю] вс. Рус. и в. к.: отцом его, господином своим, Данилом митр. вс. Рус., и его детми, своими господами (след[уют] имена); и государь мой, в. гос. Василий, Б. м. г. вс. Рус. и в. к., для прошения и челобитья отца своего Данила митр. вс. Рус. и архиепископов и епископов, и всего для священного собора, меня своего холопа кн. Фед. Мстиславского пожаловал вины мне отдал». Мстиславский обязуется в грамоте: «А думы мне государя своего и сына его кн. Ивана не проносити никому: а судити ми суд всякой в правду; и мне дела государей своих беречи и делати прямо без всякие хитрости».

Но М. А. Плещеев, которому также в. к. отдал вины его по ходатайству митрополита, обязуется в своей записи: «Кто нибуди учнет мне говорити какие речи нибуди на государя моего лихо и о его в. к. Елене, и их детех; и о зелье о лихом кто станет говорити, чтобы дати государю моему, в. к. Василью, или его в. к. Елене или их детем какое зелье лихое, или иное что лихое дело похочет кто учинити: и мне ко государя своего лиходеем никак не приставати, и с ними о том не говорить, и не думати, и не делати мне того самому и проч.»⁹⁷².

И Василий, по примеру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовал денежного ручательства: так, кн. Глинского выручили три боярина в 5000 рублях, и за этих троих выручителей поручились еще 47 человек⁹⁷³. Такое же двойное ручательство взято и за Шуйских⁹⁷⁴. Умножение

клятвенных записей при Василии ясно свидетельствует об усилении борьбы за старое дружинное право отъезда; но эта борьба при Василии ничто в сравнении с тою страшною, кровавою борьбою, которая обнаружилась при сыне его Иване IV.

Глава III

ИОАНН IV

Мы достигли в нашей истории того времени, когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали друг другу последнюю отчаянную битву, которою знаменуется царствование Грозного. Господство родовых отношений между князьями имело, как необходимо следует ожидать, могущественное влияние на весь общественный состав Руси, имело могущественное влияние на быт городов, на положение дружины: когда, след., родовые отношения между князьями начали сменяться государственными, то эта смена должна была отозваться во всем общественном организме, должна была повлечь изменения и в быте городов, и в положении дружины, двора. Отсюда ясно, что в князья в своих государственных стремлениях должны были встретить сопротивление не со стороны одних князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытие или, по крайней мере, поддерживалось родовыми княжескими отношениями.

Здесь первое место занимает возможность вольного, безнаказанного перехода от одного князя к другому, существовавшая для городов, для членов дружины, для людей из остального даже народонаселения при господстве родовых княжеских отношений и прекращавшаяся при сменении их государственными. Эту-то возможность перехода, являвшуюся для некоторых в виде права (напр., для дружинников и вообще слуг вольных), для других в виде освященного обычая, старины (напр., для старых городов), старое общество поддерживало всеми силами против государственных стремлений московских в. князей, которые справедливо видели в ней несообразность, беззаконие, измену.

Вот смысл борьбы, начавшейся давно в Северной Руси, но обнаружившейся с большею силой при Иване III и дошед-

шей до крайности при внуке его Иване IV. Если справедливо, что, как говорят, Иван IV был помешан на измене, то вместе с этим должно допустить, что старое общество было помешано на переходе, или отъезде. Из вышесказанного ясно, как несправедливо видеть в строгих мерах Грозного исключительное противоборство каким-то аристократическим, боярским стремлениям, факты противоречат этому: Иван IV вооружался не против одних бояр, ибо не одни бояре были заражены закоренелою болезнию старого русского общества — страстию к переходу, или отъезду.

Иван III и сын его Василий имели одинакий характер, отличавший более или менее всех князей московских, их предшественников: главные черты этого характера — рассудительность, расчетливость, преобладание головы над сердцем; прямые наследники Калиты Иван III и сын его Василий не увлекались никогда чувством.

Совершенно иная была природа Ивана IV: это был бесспорно самый даровитый государь, какого только нам представляет русская история до Петра V., самая блестящая личность из всех Рюриковичей; но с необыкновенною ясностью взгляда, ловкостию в речах и поступках, качествами, полученными в наследство от предков, в Иване было развито в высшей степени другое противоположное начало, женственное, — чувство: сколько Иван был умен и проницателен, столько же был страстен, восприимчив, раздражителен, способен увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характер должна была принять борьба такого государя с неисцелимым злом старинных притязаний. Притом Иван III и сын его Василий не были еще так далеки от старого порядка вещей, смотрели на него еще исторически, и потому в борьбе своей с ним были необходимо холоднокровнее и умереннее; но Иван IV был уже третий государь на престоле московском, в этом смысле порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархом.

Напитанный в детстве высокими понятиями о власти государя, он еще более укрепил эти понятия своею обширною начитанностию, изучением священной, церковной, римской истории; он хотел быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском, Август, Констан-

тин и Феодосий — на римском; Иван IV стал первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

И вот Иван IV, который хочет вести свое происхождение от Августа кесаря (и точно ведет его, только духовно, а не естественно), Иван IV с глубоким убеждением о святости, неприкосновенности своих прав, окружен толпою князей и дружинников, которые толкуют о происхождении своем от князей ярославских, суздальских, смоленских, о том, что государь не должен ничего делать без совета со старшими членами дружины, как водилось прежде, о праве безнаказанного отъезда. Но этого мало: оскорбленный такими противогосударственными притязаниями как государь, Иван IV был глубоко оскорблен лично как человек недостойными поступками окружавших его во время детства и потом трижды еще оскорблен в своей доверенности и в своих чувствах как отец и как муж. Вот почему в борьбе своей со старыми притязаниями Иван IV не только преследует противогосударственные стремления как государь, но вместе преследует врагов своих как человек лично оскорбленный.

Наконец, для такого государя, как Иван IV, с природою в высшей степени восприимчивою и страстною, нужно было самое осторожное, глубоко обдуманное воспитание, надобно было допускать для него только одни благие впечатления — и вместо того от раннего детства его окружали только самыми недостойными сценами и как бы нарочно раздражали самым безумным образом. Что же были за причины подобного воспитания? Мы знаем, что Димитрий Донской, сын его и внук вступали на великокняжеский престол в ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тем в начале их княжений мы вовсе не видим тех оскорбительных явлений, которые имели место во время малолетства Ивана IV: напротив, мы видим необыкновенно умное, дружное и деятельное управление бояр для блага князя и княжества; откуда же происходит такая разница?

При Донском, сыне и внуке его интересы князя и бояр были тесно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали

еще противоположных стремлений; бояре московские дружно отстаивали права своего князя и княжества против притязаний других князей, потому что этого требовали их собственные выгоды. Но со времен Ивана III интересы в. князя и бояр разрознились: князь начал руководствоваться идеями государственными, бояре выставили свои несовместимые с этими идеями притязания. По смерти Василия Ивановича опекуншею малолетнего сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавистная боярам; она не отступала от поведения своего мужа, след., не уменьшила этой ненависти. Не могли управлять одна, Елена вверилась известному лицу из бояр же и таким образом внесла этим предпочтением разделение между последними; отсюда ненависть к любимцу, старание свергнуть его какими бы то ни было средствами, партии между боярами, борьба между партиями. Наконец, еще одно важное различие: при Донском и его преемниках между московскими боярами не было князей ни Рюрикова, ни Гедиминова рода; во время малолетства Ивана IV они наполняли двор, куда принесли свои притязания и свою ненависть к московским государям, лишившим их уделов, сведшим их со степени независимых владельцев на степень слуг своих.

Иван остался после отца 3-х лет. До нас не дошло завещание в. к. Василья вполне; но в летописях сохранены следующие предсмертные слова в. князя касательно сына и государства: «Приказываю своего сына, в. к. Ивана, Богу и пречистые Богородици и св. чудотворцом, и тебе отцу своему Данилу митрополиту всея Руси, и даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой, Гос. к. в. Ив[ан] Вас[ильевич] всея Руси; а вы бы моя братия, князь Юрьи и кн. Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем есмь крест целовали и крепости промежь нами»⁹⁷⁵. Из крепостей, данных братьями и о которых упоминает в. к. Василий, мы знаем один договор с кн. Юрием, заключенный в 1531 году, подобный совершенно предыдущим договорам в. князей с удельными, причем повторено условие: «А бояром и детем боярским и слугам промежь нас волным воля». В. князь обязал брата: «А благословлю сына своего Ивана своими великими княжествами: и тебе сына моего Ивана держати в мое место своего господина и брата старейшего; а великих ти кня-

жеств под ним и под моею в. княгинею, и под нашими детми блюсти и не обидити, не вступатися, ни подыскивати ни какими делы, ни которою хитростью»⁹⁷⁶. Но в. князь знал, что слово братьев ненадежно, если бояре будут благопритствовать их притязаниям, и потому, отпустив митрополита и братьев, остался с одними боярами и так говорил им: «Ведайте и сами, кое от в. к. Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское и Новгородское и Московское, мы вам государи прирожденные, а вы наша извечная бояре: и вы, братье, постойте крепко, что бы мой сын учинился на государстве государем, были бы в земле правда и в вас бы розни ни которые не было; да приказываю вам М[ихаила] Л[ьвовича] Глинскаго, человек к нам приезжей, держите его за здешняго уроженца, за не же мне он прямой слуга, и были бы есте все вобче и дела земскаго и сына моего дела берегли и делали за один; а ты бы, князь Мих. Глинской, за моего сына в. к. Ивана, и за мою в. к. Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал»⁹⁷⁷.

Из этих слов в. князя видно все беспокойство его относительно судьбы сына и государства, в котором порядок престолонаследия не был еще утвержден; в. князь должен был напоминать боярам свое происхождение от Владимира Киевского, о том, что он и сын его — их прирожденные государи, отъезд от которых есть измена; Василий знал также, что в случае торжества братьев должны повториться те же явления, какие имели место при деде его Василии Темном, и что малюткам детям его не будет пощады от победителя: вот почему он закликает кн. Глинского как ближайшего родственника хранить великокняжеское семейство и не щадить для него жизни своей. Как было велико нелюбие бояр к этому знаменитому пришельцу, видно из того, что в. князь не мог ввести его в думу без их предварительного согласия, и то единственно под предлогом близкого родства его с в. княгинею⁹⁷⁸.

Опасение Василия сбылось. Едва прошла неделя после похорон его, как в. к. Елена была извещена о крамоле; летописцы оставили нам об ней два разноречивые свидетельства: одни говорят, что к. Андрей Шуйский вздумал отъехать к дяде в. князя Юрию, что его замысел был открыт, его посадили под стражу, и бояре для прекращения подобных попы-

ток присоветовали Елене схватить и заключить кн. Юрия⁹⁷⁹. Но это известие, в котором вся вина сложена с кн. Юрия на Шуйского, кажется, придумано после вследствие всеобщей ненависти к Шуйским, что видно из тона рассказа, напр.: «диавол вниде во князя Шуйскаго Андрея», и потом: «он же злодей паки помысли ко князю Юрью отъехать и на в. княжение его поднять, а у князя сего на мысли небывало, понеже бо крест целовал в. князю, как было ему изменить!» Ясно, что последнее обстоятельство вовсе не могло воспрепятствовать князю Юрию к измене: и кн. Андрей Шуйский также крест целовал — как было ему изменить?

Гораздо вероятнее другое известие⁹⁸⁰: «Присылал князь Юрья Ивановичь дьяка своего Третьяка Тишкова ко князю Андрею Шуйскому, а говорил ему Третьяк ото князя, чтобы поехал ко князю Юрью служить. И князь Андрей Третьяку сказал: князь ваш вчера крест целовал в. князю, что ему добра хотети, а ныне от него людей зовет. И Третьяк князю Андрею молвил: князя Юрья бояре приводили заперши к целованию, а сами князю Юрью за в. князя правды не дали, ино то какое целование, то невольное целование. Князь Андрей то сказал князю Бор[ису] Ив[ановичу] Горбатому, и кн. Борис то сказал боярам. И бояре сказали в. княгине; и в. княгиня, берегучи сына и земли, приказала боярам: вчера есте крест целовали сыну моему, в. к. Ивану на том, что ему служить, и во всем добра хотети; и вы потому и чините, коли является зло, ино бы ся не распространило. И велела в. княгиня кн. Юрья поймати, и оковав посадити за сторожи в полату, где наперед того кн. Дмитрий внук сидел».

Я отдаю преимущество этому известию по следующим причинам: оно находится в Царственной книге, которая вовсе не потворствует боярам и, однако, не обвиняет во всем кн. Андрея Шуйского; во-вторых, рассказ здесь краткий, холодный, без оскорбительных эпитетов, без приведения от себя причин, как, напр.: «он крест целовал — как ему изменить». Далее, рассказ, при краткости, подробнее; упоминается даже по имени лицо, кто приезжал от кн. Юрия уговаривать Шуйского к отъезду. Впрочем, первый рассказ, в окончании, дополняет рассказ Царственной книги: по нему кн. Андрей сказал брату своему кн. Борису Горбатому, что кн. Юрий зовет

его и что он хочет к нему ехать, и звал Горбатого; тот не согласился: тогда Андрей пошел к в. княгине и обговорил Бориса, но последний оправдался, и Андрей был заключен⁹⁸¹. Как бы то ни было, Юрий умер в заключении «страдальческою смертию голодною», прибавляет летописец⁹⁸².

Оставался другой дядя, князь Андрей Старицкий. В начале княжения Ивана IV Андрей дал на себя племяннику целовальную запись⁹⁸³ держать его господином старейшим в. князем; обещался: «А кто захочет от тебя ко мне ехать, князьяли, или боярин, или диак, или сын боярской, или кто нибуди на ваше лихо: и мне того никак не принять». Здесь право принятия отъезжиков от в. князя ограничивается, или, лучше сказать, совершенно уничтожается выражением: «на ваше лихо», потому что при всяком почти отъезде предполагалось нелюбие отъехавшего к князю, особенно в то время; почему в. князь мог знать, что боярин отъехал к дяде на его лихо или нет; при всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего. Но мы видели, как затруднительно было в то время положение и в. князя, и удельных по взаимной недоверчивости, беспрестанно умножаемой людьми, которые находили в том свою выгоду: правительнице доносили, что Андрей сердится и хочет бежать, Андрея извещали, что его ждет участь брата.

Чтоб прекратить такое тягостное положение, Елена послала звать Андрея в Москву для личного объяснения; Андрей, взяв с нее клятву, что ему не сделают в Москве никакого⁹⁸⁴ зла, приехал; в. княгиня уверила его, что она ничего против него не имеет, и просила указать на тех людей, которые мутят между ними; но Андрей не был откровенен, не назвал никого, а сказал, «что на него пришло мнение»⁹⁸⁵.

По возвращении Андрея в свой удел отношения его к московскому правительству не изменились: он продолжал питать прежнюю недоверчивость⁹⁸⁶, продолжал слушать доносы, и, когда по случаю казанской войны в. княгиня послала звать его в Москву, Андрей отказался по причине болезни и просил прислать лекаря. В. княгиня исполнила просьбу; но лекарь, возвратившись, объявил, что болезнь ничтожная; тогда Еленой овладело подозрение, и она отправила разузнать настоящее положение дел в Старице: ей донесли, что у

князя Андрея есть прибылые люди и что он притворился больным нарочно, боясь ехать в Москву. Елена прислала вторично звать его к себе, и вторично та же отговорка болезни; она послала в третий раз, и в третий раз тот же ответ, который дошел до нас⁹⁸⁷.

В этом ответе дядя государев, удельный князь, называет себя холопом в. князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он пишет к нему: «И ты, г[осу]д[а]рь, нынеча приказал к нам с великим запрещением, чтобы нам однолично у тебя быти, как ся ни иметь; и в том, гдрь, нынеча нам скорбь и кручина великая о том, что тебе, гдрю, наша немочь неверна, и по нас посылаешь неотложно; а преже сего, гдрь, того не бывало, что нас к вам, ггрем, на носилках волочили. И яз, гдрь, грехом своим, своею болезнью и бедою, с кручины отбыл ума и мысли. И ты бы, гдрь, пожаловал показал милость, огрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, как бы, гдрь, мочно и надежно холопу твоему, твоим жалованьем, вперед быти бесскорбно и без кручины, как тебе, гдрю, Бог положит на сердце»⁹⁸⁸.

Мы не раз уже замечали, что при дворах удельных князей находились люди, предавшиеся в. князю и извещавшие его обо всем, что у них делалось; один из таких московских приверженцев при дворе старицкого князя, кн. Василий Голубой-Ростовский, прислал тайно ночью к любимцу правительницы боярину кн. Телепневу-Оболенскому с известием, что наутро кн. Андрей собирается бежать⁹⁸⁹. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ⁹⁹⁰, которые должны были говорить ему от имени митрополита: «Слух к нам пришел, что деи хочешь оставити благословенье отца своего, и гробы родителей своих, и святое свое отечество, и жалованье и бреженье гдря своего в. к. Василья и сына его. И поехал бы еси ко гдрю и ко гдрне без всякого сумнения, а мы тебе благословляем и емлем тебя на свои руки». В случае, если Андрей не послушает слов митрополита, посланные должны были наложить на него проклятие⁹⁹¹. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, правительница выслала полки к Волоку наблюдать за движением старицкого князя и в случае бегства перехватить его.

Андрея тотчас известили об этом движении великокняжеских войск, будто бы прямо посланных захватить его; удельный князь поверил и ускорил бегством, уже заранее приготовленным: он хотел засесть в Новгороде, воскресить там старину и во имя ее ратовать против московского князя. С этою целию Андрей разослал грамоты к помещикам, детям боярским, где говорил: «Князь в. молод, государство держат бояре, у кого вам служить, а я вас рад жаловать»⁹⁹². На этот зов отозвались многие дети боярские и приехали слушать Андрею.

Узнав об этом, правительница велела князю Никите Оболенскому спешить к Новгороду, занять его прежде Андрея и защищать до последней крайности, а другой кн. Оболенский, Иван Овчина, любимец Елены, отправился с полками вслед за удельным князем и нагнал его; сперва Андрей выстроил было свои полки против великокняжеских, но скоро оробел и начал ссылаться с московским воеводою, обещая кончить борьбу, если Оболенский даст ему клятву, что в. князь не лишит его свободы и не наложит на него опалы; Оболенский, невзирая на то, что у него не было такого полномочия, дал требуемую клятву и поехал вместе с Андреем в Москву. Здесь он был встречен жестоким выговором от правительницы за то, что перешел границы своей власти и дал своевольно клятву; кн. Андрей был заключен в оковы⁹⁹³, в которых через полгода умер; семейство его подверглось также заключению; бояр его, ведавших думу своего князя, казнили смертью; дети боярские, отозвавшиеся на призыв Андрея, были перевешаны по Новгородской дороге в известном расстоянии друг от друга: такими страшными средствами должно было Московское государство тушить междоусобия, лечить язву, завещанную ему старой Русью, родовым бытом; к несчастью, зло было так велико, что и эти насильственные меры были недостаточны для окончательного подавления старых притязаний: они вызвали меры ужаснейшие.

Правление Елены ознаменовано твердостью, мудростью, успехом. При государе-младенце, при внутренних волнениях, окруженное со всех сторон врагами — Литвою, крымскими и казанскими татарами, Московское государство не потерпело никакого ущерба ни в силе, ни в достоинстве сво-

ем: дипломатические сношения с европейскими государствами продолжались по-прежнему; заключены договоры с Швецией и Ливонским орденом, набеги татар остановлены; война с Литвою, веденная с примерною твердостью, окончилась счастливым миром; границы государства ограждены новыми крепостями и возобновленными старыми, исправлена монета, выкуплено множество пленных. Елену упрекают в сердечной слабости, но предмет этой слабости был человек достойный; из всех окружавших ее правительница выбрала лучшего, конюшего боярина кн. Ивана Овчину Телепнева-Оболенского. Если он имел большое влияние на дела правительственные, то означенные успехи внутри и вне не позволят упрекнуть его в недостатке благоразумия; кроме того, он дважды с успехом водил передовые полки в глубь Литвы, успешно кончил борьбу с удельным князем; что Оболенский был чужд насильственных мер, доказательством служит поступок его с Андреем Старицким, за который он подвергся строгому выговору.

Бояре не могли упрекнуть Елену даже в оскорбительном для них самовластии: она ничего не решала без совета с ними, даже в делах церемониала придворного⁹⁹⁴. Несмотря на то, Елена была правительница; если она спрашивала боярского совета, то имела при этом право принять или отвергнуть его; боярам, т. е. самым могущественным по влиянию, хотелось владеть самим, преследовать свои личные отношения друг к другу, которые необходимо сдерживались присутствием главы государства; они надеялись повелевать во время малолетства в князя и между тем принуждены были повиноваться, повиноваться женщине, которой главным думцем был один из них.

Двор разделился на партии, главой каждой был могущественный боярин, окруженный своими друзьями и клеветами, или целая сильная фамилия, напр., Шуйских, Бельских, Глинских. Как после эти фамилии сменяли друг друга в управлении, так теперь они подыскивались под князем Оболенским, которого привязанность Елены поставила в челе управления; против него вооружился родной дядя правительницы кн. Михаил Глинский, который по своему близкому родству больше других надеялся управлять государством; но Оболенский осилил в борьбе, и Глинский был заключен в

темницу, где и умер⁹⁹⁵; соумышленник его М. С. Воронцов был удален от двора.

Между тем отъезды не были забыты: во время разрыва с Польшею двое воевод, отправленных в Серпухов для заготовления полков, кн. Семен Бельский и Иван Ляцкий, отъехали к Сигизмунду; двое других воевод, князя Ив. Бельский и Воротынский, были также заподозрены в соумышлении с отъехавшими и посажены под стражу⁹⁹⁶.

Пример Глинского научил бояр, что удачная борьба с Оболенским невозможна, пока жива Елена, что для свержения Оболенского надобно прежде отделаться от правительницы, и они отделались от нее, в 1538 году Елена умерла от яду⁹⁹⁷.

Тогда боярам открылось свободное поприще сменять одни других в правлении. Первая победа досталась князьям Шуйским, потомкам суздальских князей, которые так долго боролись с Москвою. И, вошедши в число московских бояр, кн. Шуйские не потеряли своего значения и как прежде имели притязания на старшинство между князьями, так теперь хотели старшинства между боярами. При отце Ивана IV кн. Василий Васильевич Шуйский занимал первое место в думе⁹⁹⁸, удержал его при Елене и первый воспользовался ее смертью для свержения Оболенского: в седьмой день по кончине правительницы Оболенский вместе с сестрою его боярынею Челядниною, находившейся при малолетнем Иване, были взяты под стражу за то, говорит летописец, что их государь в приближенные держал. Оболенский умер от недостатка в пище и тяжести оков, сестру его постригли в монахини; заключенные прежде князя Ив. Фед. Бельский и Андр. Мих. Шуйский были освобождены.

Но Шуйским не хотели уступить другие; не менее могущественна, не менее сильна связями была фамилия Бельских, на стороне которой был митрополит Даниил. Бельские мимо Шуйских выпросили у малютки государя повышение двоим из своих друзей, одному боярство, а другому околичничество. За это произошел явный разрыв между двумя фамилиями: Шуйские пересилили, Иван Бельский был заключен в темницу, советник же его дьяк Мишурин — обезглавлен: Вас. Шуйский не смел еще свирепствовать против своего товарища, знаменитого боярина, и выместил свою злобу на

дяке; но по смерти Василия Шуйского брат его Иван начал действовать смелее и свергнул митрополита Даниила, на место которого был возведен Иоасаф. Но мы заметили уже, как русское духовенство было выше всех частных стремлений, и потому не было духовенства Шуйских, Бельских или Глинских, было только русское духовенство и митрополит всея Руси. Вот почему новый митрополит Иоасаф, обязанный своим саном Шуйским, стал, подобно предшественнику, за Бельских, потому что торжество последних обещало перемену к лучшему.

Торжество Шуйских было торжеством фамилии и партии, при котором все члены фамилии и партии хотели поделить выгоды с главным боярином; если глава фамилии и партии стал в челе управления, то его родственники и клеветы должны были получить богатые наместничества, причем спешили наживаться на счет граждан, и правитель не смел укрощать их, потому что, возбуждая их негодование, обессиливал свою партию. Таким образом, когда сам Иван Шуйский грабил великокняжескую московскую казну⁹⁹⁹, родственники и клеветы его грабили области, доставшиеся им в управление¹⁰⁰⁰. С другой стороны татары безнаказанно пустошили русские области: боярину, занятому интересами своего рода и партии, некогда было заботиться о делах государственных. «Промежь их, — говорит летописец, — бьяше вражды о корыстех, и о племянех их, всяк своим печется, а не государским, ни земским»¹⁰⁰¹.

Тогда митрополит Иоасаф стал просить в князя, чтоб дал приказ мимо Шуйских выпустить из заключения Ивана Бельского, что и было исполнено. Бельский явился снова в думе; Иван Шуйский, пораженный такою внезапною переменою, не мог противиться и был удален от двора: его послали воеводою во Владимир¹⁰⁰², где он выжидал случая снова усилить свою сторону и низложить противную. Его оставили в покое, равно как всех его сторонников; перемена произошла безо всяких насилий и казней; чему должно приписать это: умеренности ли Бельского или страху пред могущественными Шуйскими — решить трудно.

Как бы то ни было, Бельский ознаменовал свое правление милостями к заключенным: сын Андрея Старицкого Вла-

дмир с матерью был освобожден из темницы: ему позволили жить на дворе отца его¹⁰⁰³. Вспомнили и об Димитрии, несчастном сыне Андрея Васильевича Углицкого, брата Ивана III: его освободили из оков: милость неравная! Неужели боялись от полумертвеца Димитрия старых притязаний потому только, что он был дядя в. князю? Гораздо опаснее было освобождение Владимира Андреевича, и особенно его матери Евфросинии, питавшей злой удельный дух, который довел ее и все семейство ее до гибели: дело объясняется тем, что у старицкого князя было много доброхотов, тогда как участь Димитрия никого уже не занимала.

Между тем Иван Шуйский, воеводуя во Владимире, усиливал свою сторону в Москве между боярами и детьми боярскими. Что побудило бояр подняться против Бельского и перейти на сторону Шуйского? То же самое, что прежде побудило их восстать против князя Оболенского; летописец выражается теми же самыми словами: «Пойман бысть в. князя боярин, кн. И[ван] Ф[едорович] Бельский, без в. князя ведома, советом боярским, того ради, что его государь к. в. у себя в приближении держал, и в первосоветниках, да митрополита Иоасафа, и бояре о том вознегодоваша на кн. Ивана, и на митрополита; и начаша зло советовати с своими советники»¹⁰⁰⁴.

Недовольные бояре начали пересылаться с Шуйским, который во Владимире взял клятву со многих детей боярских держать его сторону; заговорщики назначили срок 3 января 1542 года для исполнения своего намерения, и в ночь на это число Бельский был схвачен и посажен под стражу; в ту же ночь явился в Москву Иван Шуйский из Владимира. Любопытно читать в летописце, что важное участие в этом заговоре принимали новгородцы: «а в том совете быша новгородцы В. Новагорода все городом»¹⁰⁰⁵. Бельский был сослан на Белоозеро и там, по словам летописца, «тайно без в. князя ведома, боярским самовольством кн. Ивана Бельскаго убили»¹⁰⁰⁶. Странников его также разослали в заточение по разным городам; митрополит Иоасаф потерпел страшные ругательства от заговорщиков, даже жизнь его была в опасности: камни летели в его кельи; тщетно искал он безопасности во дворце, заговорщики с шумом преследовали его и туда и

наконец сослали в Кириллов Белозерский монастырь. На его место был поставлен знаменитый Макарий, архиепископ новгородский, потому что новгородцы все городом участвовали в низвержении Бельского, и по старинной приязни к фамилии Шуйских¹⁰⁰⁷. Но и Макарий остался верен преданию митрополитов всея Руси: он отстранился от партий боярских, предоставив себе право в борьбе этих партий вступаться за побежденных, предотвращать насилия, дерзости победителей, а в насилиях и дерзостях не могло быть недостатка в правление Шуйских.

Князь Иван, по-видимому, не пользовался своим торжеством: остальные два года жизни он провел в удалении от дел по причинам, для нас неизвестным; правление было в руках родичей его, троих Шуйских — Ивана и Андрея Михайловичей и Федора Ивановича. Что же делал в это время в. князь, каково было его положение?

По смерти матери Иван был совершенно предоставлен самому себе касательно умственного и нравственного развития. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он жадно схватил все, что могли предложить ему век и общество; масса сведений была невелика, делать выбора было не из чего, молодой князь взял все, прочел все, что мог достать прочесть: след., в деле умственном Иван мог еще обойтись без руководителя. Но не так было в деле нравственном: среди эгоистических стремлений партий царственный младенец был предоставлен в руководство одному собственному эгоизму; Иван с ранней юности был окружен людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, непрерывно оскорбляли его: отсюда Иван необходимо должен был привыкнуть — имея в виду только собственные интересы, не обращать внимания на интересы других, не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека; если он, как начал себя помнить, не встречал ниоткуда не только сочувствия, даже внимания, то как хотеть, чтоб он сочувствовал другим, обращал внимание на других? Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, оставляли его предаваться чувственным животвенным стремлениям, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и в то же время, когда дело доходило

до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли в самых лучших, самых святых его интересах, именно в привязанности к людям, оскорбляли вдвойне, оскорбляли как государя, потому что не слушали его приказаний, оскорбляли как человека, потому что не слушали его просьб, не обращали внимания на его слезы: от этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений, которым беспрерывно подвергался Иван, в нем развились два чувства: презрение к рабам ласкателям и ненависть ко врагам, ненависть к строптивым вельможам, незаконно похитившим его права, и ненависть личная за личные оскорбления.

Таким образом, употреблю слова, Курбского, в предобрую душу Ивана были всеяны злые нравы, но не дьяволом и не женами злыми и чародейками — сам Курбский говорит, кем и как были всеяны злые нравы: «Питаша его велицые гордые паны, по их языку боярове, его на свою и детей своих беду, ретящеса друг пред другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждении и сладострастию. Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять, начал первее бессловесных крови проливати, с стремнин высоких мечюще их, також и иныя многая неподобныя дела творити, авляющи хотящее быти немилосердое произволение в себе. Егда же уже приходяще к пятомунадесять лету, и вяще, тогда начал человек уроняти. И собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных сигклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ними ездити и всенародных человек, мужей и жен, бити и грабити, скачуще и бегающе всюду неблагочинне. И воистинну, дела разбойническакия самыя творяше, и иныя злыя исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателем же все таковое на свою беду восхваляющим: о храбр, глаголюще, будет сей царь и мужествен! Егда же прииде к седьмомунадесять лету, тогда теж прегордые сигклитове начаша подушати его и мстити им свои недружбы, един против другаго»¹⁰⁰⁸.

Так этим ужасным потворством раздражительная, восприимчивая природа Ивана была приучена к чувственным наслаждениям; эта привычка в летах зрелых повела к разврату и к той страшной внутренней борьбе, которая происходила в душе царя, вполне сознававшего падение свое в

нравственном отношении. В адвокатских письмах своих к Курбскому он еще старается оправдать это падение; но пред лицом религии, которой требования он знал лучше других, он не смел оправдываться и в отчаянии обнаруживал страшные язвы души своей. Человек привык видеть в теле своем и его страстях начало внешнее и враждебное: отсюда стремление подавлять телесные страсти телесными же, внешними подвигами благочестия, отсюда пристрастие Грозного к этим подвигам; но тело очищается чистотою душевною, и телесные страсти умолкают тогда, когда душа исполнена высоких помыслов, а душа Грозного постоянно волновалась гневом, подозрением, презрением: при таком состоянии души успешная борьба его с испорченной в детстве телесной природой была невозможна. К бесстыдным ласкателям, жившим на счет его слабостей, к этим Вяземским и Грязным, царь не мог не питать презрения; но в то же самое время он не мог равнодушно сносить не только гласного укора, но даже грустного молчания людей, оскорбленных его поведением, потому что в этом он видел посягновение на свои права, которые отстаивал от притязаний старины; он не мог отделить укора на безнравственность человека от восстания на власть царя, потому что боярин, укорявший его, не был чист от старинных притязаний, и укор, следствие благородного негодования, доброжелательства к царю, казался последнему дерзостью дружинника, который думал, что царь не мог ничего делать без его совета; боярин выразил свое неудовольствие, а единственное право дружинников, за которое они стояли так упорно, было при первом неудовольствии отъезжать: вот почему Грозный, как скоро встречал недовольное лицо боярина, уже видел в нем человека, замыслившего отъезд, и спешил предупредить изменника.

Я привел слова Курбского для показания поблажек, ласкательств, которыми развращали Ивана в молодости; теперь, с другой стороны, выслушаем самого Ивана для показания тех оскорблений, которые ожесточили его в детстве. В ответном письме своем к Курбскому, высчитав оскорбления, нанесенные ему партиями боярскими, убийство людей, ему близких и приятных, свержение двух митрополитов, Иван обращается к тем оскорблениям, которые были для него всего чувстви-

тельнее, к бесчинству бояр в его присутствии, забвению его царственных прав, ненависти, выраженной к его отцу и матери¹⁰⁰⁹: он помнил, как бояре при переносе вещей покойной Елены не могли удержаться, чтоб не обнаружить своей ненависти самым мелочным образом: они пихали ногами вещи покойной княгини. Но дадим говорить самому Ивану: «Нас же с единокровным братом, свято-почившим Георгием, пита-ти начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Яко-вож пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо в юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский сedit на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив; к нам же не приклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоеж, ниже начало обретеса: и таковая гордыня кто может понести! Какож исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах! Многожды поздно ядох не по своей воле. Что же убо о казне родительскаго ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все себе у них поймаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству¹⁰¹⁰; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поймаша; и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих подписаша, будто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменить, да во излишнем сосуды ковати. Чтож о казни дядь наших и глаголати? Все себе восхитиша! По сем на грады и села наскочиша, и тако горчайшим мучением, многоразличныя беды, имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти, кто может исчести? Подвластных же всех аки рабы себе сотвориша, свояжь рабы аки вельможа устроиша; правити же мнящесь и строити, и вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»¹⁰¹¹.

Подобные явления повторились при вторичном торжестве Шуйских, что вывело тринадцатилетнего Ивана из тер-

пения и заставило его действовать наступательно; какой же будет образ его действия? Такой, какому научили его воспитатели: насилия, казни.

В 1544 году в сентябре Шуйские с своими сторонниками, ненавидя Ф. С. Воронцова за то, как говорит летописец, что его в. государь жаловал и берет¹⁰¹², вздумали отделаться от него явным насилием; во дворце в столовой комнате в присутствии в. князя и митрополита они схватили его, били по щекам, изорвали платье и хотели убить; едва митрополит, посланный государем, вместе с другими боярами успели уговорить их оставить жизнь Воронцову; государь упрасивал Шуйских, что если уже они не хотят видеть Воронцова в Москве, то послали бы его на службу в Коломну; но Шуйские не тронулись просьбами в. князя и отослали Воронцова в Кострому. Это насилие было последним. В декабре того же года в. князь велел схватить Андрея Шуйского и предать его смерти, сторонников его разослать, «и от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание», — говорит летопись¹⁰¹³.

Но это было только начало борьбы: боярам трудно было отстать от старых привычек, в. князь также хорошо помнил их прежнее поведение. В следующий год был посажен под стражу кн. Ив. Кубенский, сторонник Шуйских, участник в насилии Воронцову; какому-то Бутурлину отрезали язык за невежливые слова¹⁰¹⁴, Кубенский был прощен, потом подвергся опять опале вместе с другими, и опять прощен по ходатайству митрополита¹⁰¹⁵.

Этих частых опал и частых прощений не должно упускать из виду: они ясно показывают борьбу молодого государя с притязаниями окружавших его, которые беспрестанно обнаруживались. Вместе с Кубенским подвергся опале и старинный любимец государя Воронцов, которого прежде он так отстаивал от Шуйских и которого после падения Шуйских опять приблизил к себе; но Воронцов тотчас обнаружил свои стремления: ему хотелось занять место Шуйских, овладеть волею молодого Ивана; летописец кратко и наивно описывает поведение Воронцова: «и кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно»¹⁰¹⁶. Эти досады честолюбивого боярина вывели из терпения Ивана: он положил

опалу на Воронцова вместе с Кубенским и вместе с Кубенским простил; но милость была непродолжительна.

В 1546 году в. князь выехал на охоту около Коломны: вдруг окружили его человек 50 новгородских пищальников с какими-то просьбами; это было вовсе не время для челобитья, притом Иван не мог жаловать новгородцев, хорошо помня, что они все городом помогли Шуйским против Бельского: он велел отослать челобитчиков; новгородцы вспомнили старинное вече и вместо того, чтоб послушаться приказа государева, начали бить колпаками и бросать грязью в его посланцев. Иван отправил отряд своих дворян для отсылки дерзких: новгородцы не уступили и тем; когда раздраженные дворяне хотели употребить силу, пищальники вооружились и начали стрелять в дворян, загорелась битва, и с обеих сторон было убито человек по шести; государь не мог проехать прямо к своему стану и принужден был пробраться окольными дорогами.

Легко представить, какое впечатление должна была произвести такая дерзость на ревнивого к своим правам Ивана; он не знал характера новгородцев, не знал их старых привычек и думал, что бояре подучили их к сопротивлению. Ожесточенный последними и потеряв к ним всякое доверие, Иван с ранней молодости начал дарить своею доверенностью людей новых, без родовых преданий и притязаний, — дьяков; в это время в особенной милости был у него дьяк Василий Захаров: ему государь поручил розыскать о причинах поступка новгородцев. Дьяк донес, что новгородцев подучили бояре, кн. Кубенский и Федор Воронцов с братом Васильем. Тогда Иван велел предать означенных бояр смертной казни¹⁰¹⁷. Летописцы говорят¹⁰¹⁸, что дьяк оклеветал бояр: это очень вероятно, ибо в интересах дьяков, людей новых, было поддерживать нелюбье государя к старинным родам.

В 1547 году Иван торжественно венчался на царство: в. князь московский, государь всея Руси, принял титул царя, которым прежде на Руси величали только двоих императоров — византийского и римско-германского, да ханов монгольских. Мы заметили уже прежде, что слово царь значило у нас гораздо выше, чем князь, и было синонимом самодержца: этим названием московский государь окончательно

выпутывался из родовых отношений, ибо титул в. князя все еще напоминал только старшего в роде князей.

Скоро после венчания на царство Иван женился на дочери покойного окольничего Романа Юрьевича Захарьина; царю было тогда 17 лет. Самыми приближенными к нему особами были дяди его Глинские и потом новые родственники по жене Романовы: им только мог доверять вполне царь по единству интересов; вот почему обе эти фамилии возбудили против себя ненависть остальных бояр. К несчастью, старые и новые родственники, Глинские и Романовы, соперничали между собою, а, с другой стороны, Глинские успели раздражить и народ, потворствуя насилиям слуг своих¹⁰¹⁹. Вследствие этого в 1548 году бояре, ненавидевшие Глинских и не могшие теперь свергнуть их ни насильем, ибо не имели более силы, ни посредством царя, ибо тот не доверял им, воспользовались страшным пожаром для возмущения народа против Глинских. Юрий Глинский был умерщвлен разъяренною чернию, которая бросилась было и в село Воробьево, где жил тогда царь, с требованием выдачи других Глинских; но была разогнана строгими мерами, принятыми Грозным¹⁰²⁰.

До сих пор Иван был занят только отношениями к боярам; но теперь бояре вздумалиосоюзиться с народом, употребить народ для достижения своих целей: царь увидал опасность и хотел прервать этот союз. После похода на Казань, продолжать который помешала ему оттепель, Иван в 1549 году велел «собрать свое государство из городов всякаго чину»¹⁰²¹. В воскресенье царь вышел с крестным ходом на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту следующее: «Умоляю тебя, святой владыко, будь моим помощником и поборником любви; потому что я знаю всю твою ревность к благу общему. Тебе известно, что я остался от отца четырех лет, а от матери осьми; родственники мною пренебрегали, бояре и вельможи не радели обо мне и самовластвова-вали, восхитив сами себе саны и почести моим именем, и некому было возбранить им в том. Лихоимцы, хищники и судьи неправедные! Какой ответ дадите нам теперь за столько слез, от вас пролитых, но я чист от всех их незакон-ных, которые пусть падут на одни их главы». Потом Иван поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии, да-

рованы нам Богом! Умоляю вас во имя веры вашей в Бога, во имя любви вашей к нам: теперь мне нельзя вознаградить вас за все ваши обиды, разорения, налоги, претерпенные вами во время моей беспомощной молодости от бояр моих; умоляю вас, оставьте друг другу прежние вражды, забудьте прежние оскорбления, кроме разве таких, которых снести невозможно, а вперед я вам сам буду судья и оборона, сам буду разорять неправды и возвращать похищенное».

Давно уже молодой государь приблизил к себе бедного дворянина Алексея Адашева и сделал своим ложничим: знак полной доверенности от подозрительного государя в то ужасное время крамол¹⁰²². Этого-то бедного дворянина молодой царь поставил после себя стражем правосудия; до нас дошли высокие слова, сказанные Иваном Адашеву: «Алексее! Взял я тебя от нищих и от самых молодых людей. Слышах о твоих добрых делах, и ныне взысках тебе выше меры твоея, ради помощи души моей; хотя и твоего желанья на сие нет, но обаче аз возжелал, не токмо тебе, но иных таких, чтоб печаль мою утолил и на люди моя, Богом врученныя нам, призрел. Вручаю тебе челобитные приимати у бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением. Да не убоишия сильных и славных, восхитивших чести на ся, и своим насилием бедных и немощных погубляющих, ни бедного слезам ложным и клеветающих напрасно на богатых, хотящих ложными слезами неправедно оболгати и правым быти; но вся испытно рассмотри и к нам истинну приносити, бояся суда Божия, и избрати судей правдивых от бояр и от вельмож»¹⁰²³.

Не одного Адашева взыскал царь ради помощи душе своей; сильную помощь этой растерзанной, озлобленной душе оказал вначале Сильвестр, священник Благовещенского дворцового собора, родом новгородец. По своему званию священника дворцовой церкви Сильвестр беспрестанно был на глазах у Ивана, а замечательная личность этого человека, резко выдававшаяся из толпы людей, занятых одними мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него внимание государя. Что влияние Сильвестра началось давно, доказательством служит известие, что по мысли его было освобождено из темницы семейство князя Андрея Старицкого¹⁰²⁴, а это освобождение имело место еще в 1541 году¹⁰²⁵.

Чем более выросстал Иван и приходил в сознание своего положения, тем более прилеплялся к Сильвестру и усиливалось влияние последнего на дела.

Странно было бы представлять себе Сильвестра каким-то загадочным сверхъестественным существом, явившимся в первый раз пред царя во время большого московского пожара и так напугавшим воображение Ивана, что тот совершенно подчинился его влиянию. Не надобно также упускать из виду расстояний времени, протекшего от одного события до другого; так, напр., если мы поместим тотчас за пожаром и появлением Сильвестра созвание выборных и речь царя на Лобном месте (тогда как пожар был в 1547 году, а созвание выборных имело место в 1549), то этим сокращением времени скроем естественное, постепенное развитие умственных и нравственных сил царя: чего он не мог сознать вполне и совершить в 17 лет, то он сознает и совершает в 19: это ясно! Но при этом ясно также, что поступки Ивана были следствием его естественного, самостоятельного развития, а не совершались под исключительно чуждым влиянием.

Сильвестр и Адашев были давно в глазах царя, но не имели большого влияния на дела, потому что сам царь еще не имел его; с возрастанiem же Ивана возрастало влияние этих двух людей, которых он взыскал на помощь душе своей, по его собственному выражению. Нравственное влияние обоих — и Сильвестра, и Адашева — на царя, нравственная помощь от них душе его бесспорна; сильная религиозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть над ним по самому сану его: в делах, касающихся религии и нравственности, Иван слушался Сильвестра, как добрый христианин слушается духовного отца¹⁰²⁶, достойного служителя алтаря¹⁰²⁷.

Привыкнув советоваться и слушаться Сильвестра в делах религиозных и нравственных, питая к нему доверенность неограниченную, царь не мог не советоваться с ним и в делах политических: но здесь-то и начало борьбы между царем и Сильвестром. Сильвестр относительно ясности политического взгляда был несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполнения своих религиозных и нравственных советов от него как от частного человека, Сильвестр требо-

вал исполнения и своих политических советов; тогда как царь не мог своих светлых государственных мыслей принести в жертву уважению своему к Сильвестру: отсюда тягость, которую начал чувствовать государь от несправедливых притязаний Сильвестра; напр., Иван первый зачал в себе великую мысль, что Россия может утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда усвоит себе плоды европейской цивилизации, для чего необходимо непосредственное сношение с Европою, которому неодолимую преграду поставлял Ливонский орден, не пускавший в Россию ученых и художников из справедливого опасения ее могущества; отсюда твердое намерение царя покорять Ливонию. Против этого намерения восстала вся дума и особенно Сильвестр: они советовали царю завоевать Крым, что необходимо должно было повлечь к борьбе с Турциею, которой трепетала еще вся Европа и против которой у тогдашнего Московского государства, разумеется, не было никаких средств к сопротивлению; Иван понимал всю безрассудность этого совета и отверг его, преследуя войну ливонскую¹⁰²⁸.

Как же поступил Сильвестр в этом случае? Он не постыдился говорить царю, что болезнь его, его жены и детей есть Божие наказание за то, что он не слушается его советов¹⁰²⁹. Так употреблял во зло Сильвестр доверенность Ивана! Мало того: он употребил во зло глубокое религиозное чувство царя, позволив себе обмануть его какими-то ложными видениями¹⁰³⁰. Кто изучал сколько-нибудь душу человеческую, тот знает, что все возможные оскорбления прощаются гораздо легче, чем обман, потому что при последнем оскорбитель рассчитывает на слабоумие оскорбляемого, а такой расчет простить трудно! Вот почему и частные люди, и цари, и целые народы так жестоко, кроваво мстят за обман. Наконец, неблагоразумие Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкий удар сердцу царя.

В 1553 году Иван опасно занемог: ему предложили сделать духовную и взять клятву в верности сыну своему, младенцу Димитрию, с кн. Владимира Андреевича Старицкого и бояр¹⁰³¹. Но тут-то обнаружилось, с одной стороны, притязания родичей, князей удельных, с другой — притязания бояр; двоюродный брат царский Владимир Андреевич не

замедлил выставить свои права на престол по смерти Ивана мимо племянника Димитрия, вопреки новому обычаю престолонаследия, за который так стояли все московские князья. Что удельный князь выставил устарелое право, тут нет еще ничего удивительного — есть предания, есть понятия, от которых нельзя освободиться, которые рождаются с нами и умирают с нами вместе: так удельные предания вымерли только с последним удельным князем; но удивительно то, что Сильвестр стал на стороне старых притязаний, на стороне удельного князя, руководствуясь мелким духом партий. Сильвестр, пользуясь неограниченной доверенностью царя в выборе людей, необходимо, если б даже и не хотел того, должен был составить при дворе и во всех частях управления многочисленную и сильную партию людей, которые, будучи обязаны ему своим возвышением, своими должностями, разделяли с ним одни стремления; так, из дошедших до нас актов известно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылал Сильвестра поговорить с ним, изведать его ум и нравы¹⁰³².

Ясно, что доверенность царя к Сильвестру разделяли все сторонники последнего. Влияние этой партии могло встретить препятствие только в одном близком к царю семействе Романовых: отсюда ненависть Сильвестровых сторонников к царице Анастасии и ее родственникам, ненависть, которая, разумеется, не могла не вызвать и со стороны Романовых подобного же чувства. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокией, женою византийского императора Аркадия, гонительницей Златоуста, разумея под Златоустым Сильвестра¹⁰³³; Курбский называет Романовых клеветниками и нечестивыми губителями всего Русского царства¹⁰³⁴. И вот в случае смерти царя и во время малолетства сына его правительницею будет Анастасия, которая, разумеется, даст большое влияние своим братьям, и сторонники Сильвестра объявляют решительно, что они не хотят повиноваться Романовым и потому признают наследником престола Владимира Андреевича.

Князь Владимир Воротынский и дьяк Ив. Мих. Висковатый явились к старицкому князю и потребовали от него присяги Димитрию; Владимир Андреевич «почал кручиниться

прытко», говорит летопись; удельный князь вспомнил старину, вспомнил свое прежнее значение и с гневом отвечал на настойчивые требования Воротынского: «Ты бы де со мною не бранился, ни мака (пак?) бы де ты мне и не указывал; а против меня и не говорил». Воротынский дал ему заметить, что теперь уже не та пора, что они оба равны по государственным отношениям своим к царю, оба его слуги: «Я дал душу государю своему царю и сыну его: что мне служить им во всем в правду и с тобою мне, и служу им государем своим, а тебе служить не хочу и за них государей своих с тобой говорю; а будет где доведется по их государей своих велению, и драться с тобою готов».

Между боярами началась страшная брань, крик и шум. Большой царь все это слышал: он призвал их к себе и напомнил клятву служить ему и детям его, причем выразил идею государства, олицетворенного в особе государя, идею, которой никто, кроме его, не понимал: «кто не хочет служить государю младенцу, тот не захочет служить и взрослому». Надобно было пройти многим векам постоянного государственного развития, чтобы потомок варяга, вождя сбродной дружины, мог произнести слова, что подданный должен служить не человеку, который может быть взрослый и младенец, но государству, олицетворенному в государе. «И коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах», — заключил царь свое увещание. Против царских речей, речей с государственным смыслом, возвысил голос потомок суздальских, кн. Ив. Мих. Шуйский; Шуйскому еще было извинительно говорить, Шуйский говорил по священным преданиям предков; но после него послышался голос человека, которого сына царь самодержавною властью из ничтожества возвысил над князьями и боярами, голос Федора Адашева, отца государева любимца. «Тебе государю и сыну твоему крест целуем, — говорил старик Адашев, — а Захарьиным нам Даниилу с братией не служить; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Даниилу с братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды ведали многие». — «И бысть мятеж велик, — прибавляет летопись, — и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичному служить».

К вечеру царь успел привести к присяге нескольких бояр, но остальные пели свою старую песню: «Веть де нами владеть Захарьиным, а чем нами владеть Захарьиным, а нам служити государю младу, и мы учнем служити старому князю Владимиру»: как в этих словах еще отзываются старые дружинные понятия о службе взрослому вождю преимущественно пред младенцем!

Государь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге кн. Владимира Андреевича, и как скоро последний пришел к больному, тот потребовал у него присяги, но старицкий князь явно отказался дать ее. Эта запись замечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «А князей ми служебных с вотчинами и бояр ваших не приимати, также ми и всяких ваших служебных людей, без вашего веленья, не приимати к себе никого»¹⁰³⁵. Бояре, исполнившие волю царя, присягнувшие Димитрию, начали уговаривать сторонников Сильвестра, чтоб последовали их примеру, но те отвечали им жестокою бранью, «говорячи им, что они хотят сами владети, а они им служити, и их владения не хотят».

Между тем Владимир Андреевич и мать его собирали к себе своих боярских детей и давали им деньги, чтоб после смерти царя иметь в них помощь для исполнения своих замыслов. Верные царю бояре, узнав об этом, выговаривали старицкому князю за неприличие его поступков и не стали пускать его к больному Ивану: тогда Сильвестр начал противиться верным боярам и осмелился даже сказать им: «Зачем вы не пускаете к государю князя Владимира: он ему доброхотствует». Бояре настаивали на своем, и оттоле, говорит летопись, «бысть вражда межи бояр и Селивестром, и его советники».

На другой день после взятия присяги с бояр ближних царь призвал опять всех остальных бояр и опять потребовал от них присяги; обратившись к боярам, поцеловавшим крест, он говорил им: «Пожалуйте, помянутые, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побежите с ним в чужую землю где Бог наставит»; потом сказал Романовым: «А вы Захарьины чего испужались; али чаете бояре вас пощадят; вы от бояр

первые мертвецы будете, и вы бы за сына за моего да и за мать его умерли; а жены моей на поругание бояром не дали». Из этих слов видно, что Романовы испугались сильного сопротивления враждебной стороны, и царь напоминал им, что их судьба тесно связана с судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованиям противной стороны и присягнут Владимиру вместо Димитрия, то и в таком случае пощажены не будут. Из слов царя бояре ясно увидели, как он хорошо понимал их, как хорошо предвидел будущую участь своего семейства, которое будет *изведено*, как была изведена мать самого Ивана — Елена; летопись говорит, что бояре испугались этих слов царя, в которых был вызов на смертельный бой, по высказании которых примирения уже быть не могло, и бояре испугались: они пошли в переднюю комнату целовать крест.

Приводить к присяге начал кн. Воротынский; когда кн. Турунтай Пронский подошел ко кресту и увидел подле него Воротынского, то не утерпел, чтоб не начать боярской которы, он сказал Воротынскому: «Твой отец да и ты по смерти в. к. Василья первый изменник, а теперь приводишь ко кресту!» Воротынский отвечал: «Я изменник, но привожу тебя ко кресту, чтобы ты служил государю и его сыну; ты прямой человек, а креста не целуешь и служить им не хочешь!» Пронский не нашел, что возразить на это, и присягнул. Но один из самых близких бояр, и даже родственник царский, кн. Д. Ф. Палецкий, которого дочь была за родным братом царя Юрием Васильевичем, Палецкий, который один из первых присягнул Димитрию, послал торговаться с Владимиром Андреевичем и его матерью: «Если вы дадите зятю моему Юрию (неспособному царствовать) хороший удел, то я готов служить вам». Верные бояре насильно взяли клятву с Владимира Андреевича: они сказали ему, что не выпустят его из дворца до тех пор, пока не присягнет; к матери его царь посылал трижды с требованием, чтоб привесила свою печать к целовальной записи сына; «и много речей бранных говорила», — прибавляет летописец¹⁰³⁶.

Но все эти крамолы остались тщетными: царь выздоровел. Он встал с постели здоровый телом, но жестоко больной душою, жестоко оскорбленный как государь сопротив-

лением бояр государственному уставу престолонаследия, оскорбленный как отец, как муж, наконец, как человек, обманувшийся в чувствах людей, которых считал к себе близкими, к которым питал полную доверенность¹⁰³⁷. Оправившись от болезни, царь, по обещанию, отправился на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь; но при этом у него была еще другая цель.

Еще начиная с княжения Ивана III, монахи Иосифова Волоцкого монастыря играют важную роль в делах московского двора. Св. Иосиф Волоцкий прославился своею борьбою с жидовской схариевою ересью, начавшеюся при Иване III в Новгороде, перешедшею оттуда в Москву и утвердившеюся при дворе: отсюда дело этой ереси совпадает с придворными переменами, имевшими место в княжение Ивана III. В. княгиня Елена, вдова Ивана Молодого и мать Дмитрия, принадлежала к схариевой ереси¹⁰³⁸; но за Елену стояли бояре, Курбский называет ее святой; пока Елена и ее партия были в силе, до тех пор была в силе и ересь: еретик Зосима, симоновский архимандрит, стал митрополитом; увещаний Иосифа Волоцкого не слушали, с открытыми еретиками в Новгороде обошлись милостиво.

Падение Елены и ее партии было знаком к преследованию еретиков и торжеству Иосифа, след., последний, борясь против ереси, должен был вместе бороться против Елены и ее партии, т. е. партии боярской, и с тем вместе необходимо был на стороне Софьи и ее сына Василия. Отсюда ненависть бояр к монахам Иосифова Волоцкого монастыря, которые постоянно находятся на стороне Василия в борьбе его с боярами; вот почему Курбский называет этих монахов, или осифлян, по его выражению, подобными в злости в. князю Василию, скорыми помощниками его и во всех злых потаковниками и подражателями¹⁰³⁹. Игумен Иосифова монастыря Даниил был возведен при Василии в сан митрополита, другой монах того же монастыря Вассиан Топорков — сделан епископом коломенским: оба, верные преданию своего монастыря, стояли на стороне Василия в борьбе его с древними притязаниями, и оба потому были ненавидимы боярами.

Курбский называет Даниила прегордым и лютым¹⁰⁴⁰; Берсень говорил об нем: «Яз того не ведаю, есть ли митрополит

на Москве: учителна слова от него нет никотораго, а не печалуется ни о ком; а прежние святители сидели на своих местах в манатях и печаловались государю о всех людех»¹⁰⁴¹. Но этот упрек Берсеня митрополиту Даниилу в том, что он пренебрегал своею обязанностью печаловаться у государя за опальных бояр, несправедлив: до нас дошло 6 записей боярских, в которых Даниил является печальником за провинившихся бояр и своим ручательством освобождает их от опалы¹⁰⁴².

Как бы то ни было, по смерти Василия и Елены бояре воспользовались своим торжеством, чтоб свергнуть Даниила и Вассиана; но последний пережил боярщину и в описываемое нами время находился в Песношском монастыре: к нему-то, к этому ненавистнику бояр, спешил Иван. Партия Сильвестра предвидела всю опасность для себя от этого свидания и спешила воспрепятствовать ему. В Троицком Сергиеве монастыре жил тогда знаменитый Максим Грек, враг Даниила и Вассиана, заточенный при Василии за сопротивление разводу с Соломониею, освобожденный при Иване старанием Сильвестровой стороны, которая теперь употребляет его средством для отклонения царя от поездки, т. е. от свидания с Вассианом. Когда царь по пути заехал в Троицкий монастырь и зашел к Максиму, тот начал уговаривать его отложить дальнейшую поездку; Максим говорил Ивану, что вместо путешествия он должен озаботиться вдовами и сиротами воинов, падших под Казанью; совет был прекрасен, но царь не мог понять, почему исполнение обета съездить в Кириллов монастырь может помешать ему озаботиться семействами убитых под Казанью воинов, почему одно было несовместно с другим? «Если ты меня не послушаешь, — грозил ему Максим, — если позабудешь осиротелые семейства и поедешь с упрямством, то сын твой не возвратится живой с дороги». Такая настойчивость могла только возбудить или усилить уже возбужденные подозрения Ивана, и он отправился на свидание с Вассианом. Сторонники Сильвестра, сопровождавшие царя, заметили, как Вассиан шептал что-то царю на ухо, знали, что совет его не может быть для них благоприятен, и с ужасом видели, что царь изъявил за него Вассиану живейшую благодарность¹⁰⁴³; Курбский пишет, будто Вассиан сказал царю: «Если хочешь быть самодержж-

цем, то не держи себе советника мудрейшего». Разумеется, это одна только догадка бояр, потому что если кто шепчет на ухо, то верно не с намерением, чтоб другие это слышали.

Смерть царицы Анастасии, последовавшая в 1560 году, повела к окончательному разрыву между царем и Сильвестровою партией. Самое естественное чувство после потери любимого человека — это усиленная привязанность к тому, что любил покойный, и усиленная вражда к тому, чего не любил; но Иван знал вражду, существовавшую между Анастасией и Сильвестровой стороной; враги последней не замедлили дать знать царю, что смерть Анастасии была чрезвычайно выгодна для врагов ее; Иван помнил, что мать его была отравлена, и не мог не заразиться подозрением, особенно в то ужасное время; кто, подобно Курбскому, с такой щедростию расточает другим обвинения в отраве, тот не должен жаловаться, что его и друзей его подозревали в том же!

Предмет и пределы нашего сочинения не позволяют нам войти в подробности кровавой борьбы, которую вел Иван Грозный с древними притязаниями дружинников и потомков князей-родичей. Ужасы этой борьбы преувеличены пристрастными писателями, но только преувеличены, а не вымышлены; казней, преследований в Москве, Новгороде, Твери отрицать нельзя, сам Иван об них свидетельствует¹⁰⁴⁴. Историк не должен быть адвокатом того или другого исторического лица; его обязанность при описании подобной борьбы состоит в том, чтобы, основываясь на актах несомненных, уяснить смысл борьбы, ее значение в истории народа. Обратимся же к этим несомненным актам.

В 1547 году двое князей, Мих. Вас. Глинский и Ив. Турнтай-Пронский, замыслили отъезд, были схвачены, прощены и дали записи не отъезжать ни к польскому королю, ни к папе римскому, ни к угорскому королю, ни к цесарю, ни к френцовскому королю, ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Астрахань, ни в Казань, ни к братьям царским¹⁰⁴⁵; 34 человека поручились за Пронского¹⁰⁴⁶. В 1554 году были пойманы на отъезде кн. ростовские¹⁰⁴⁷: главного из них зачинщика, Семена, сослали на Белоозеро. Год спустя по смерти Анастасии взята запись с кн. Вас. Мих. Глинского, который также *проступил*¹⁰⁴⁸. В том же 1561 году царь счел нужным взять

клятвенное обещание с 8 бояр в случае его смерти служить сыну его Ивану, мимо которого иного государя не искать, и ни к кому не отъезжать¹⁰⁴⁹. В 1562 году 29 человек поручились по кн. Ив. Дмитр. Бельском, что ему не отъехать ни в которые государства, ни в уделы, и за этих поручников поручились еще 120 человек¹⁰⁵⁰; и в том же году тот же Ив. Дмитр. Бельский уже снова бил челом за свою вину, что «преступил крестное целованье, и забыв жалованье государя своего изменил, з Жигимонтом Августом королем ссылался, и грамоту от него себе опасную взял, и хотел бежати от государя своего». Несмотря на это, царь Иван Грозный «холопа своего пожаловал, вины ему отдал»¹⁰⁵¹. В записи Бельский обещается: «Служити мне государю своему, и по нем сыну его большому, которой на государстве будет. А которые дети государя моего на уделех будут, и мне к ним не отъехатиж; также ми и к удельным князем ни х кому не отъехати». В следующем 1563 году Бельский с 6 другими боярами выручал другого отъезжика, кн. Александра Ив. Воротынского¹⁰⁵²; за поручников поручились, по обыкновению, еще 56 человек. В следующем 1564 году выручен был Ив. Вас. Шереметев также двойным ручательством¹⁰⁵³. В 1565 году бил челом боярин Яковлев за проступку¹⁰⁵⁴ и прощен за поручительством. В том же году был выручен из-под опалы Лев Андр. Салтыков с 2 сыновьями¹⁰⁵⁵ и кн. Вас. Сем. Серебряный с сыном¹⁰⁵⁶. В 1566 году бил челом за проступку знаменитый воевода кн. Мих. Ив. Воротынский и выручен двойным ручательством¹⁰⁵⁷. В том же году выручен был кн. Ив. Петр. Охлябинин и обещался никуда не отъехать и в чернецы не постригаться¹⁰⁵⁸; в том же году был выручен боярин Очин-Плещеев¹⁰⁵⁹.

Любопытнее предыдущих запись Ив. Фед. Мстиславского: в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей пошел к Москве; царские воеводы Бельский, Морозов, Мстиславский, Шереметев, Воротынский, Татев, Темкин, вместо того чтоб отразить хана от столицы, расположились в ее предместьях и позволили татарам сжечь Москву. Дорогу хану к Москве указали изменники — 6 детей боярских¹⁰⁶⁰. Царь в речи своей послам ханским говорил: «Брат наш (Девлет-Гирей) сослався с нашими изменники с бояры, да пошел на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью

встречю, а люди наши с ним не бились, и пришед Москву зжег»¹⁰⁶¹. Можно было бы подумать, что Иван напрасно обвинял воевод, хотя поведение их в самом деле было очень подозрительно; но вот что говорит сам кн. Мстиславский в записи, данной им после этого случая: «Се яз кн. Ив[ан] Мстиславской, что есми Богу, и св. Божьим церквам и всему православному крестьянству веры своей не соблюл, а государю своему ц[арю] и в. к. И[вану] В[асильевичу] всея Руси и его детям, и его землям, и всему православному крестьянству и всей Русской земле изменил, навел есми с моими товарищи безбожнаго крымскаго Девлет-Кирея царя»¹⁰⁶². По ходатайству митрополита Кирилла и 24 других духовных особ царь простил Мстиславского, взявши с него означенную проклятую грамоту за поручительством троих бояр, которые обязались в случае отъезда Мстиславского внести в казну 20 000 рублей, за поручников поручились еще 285 человек¹⁰⁶³. Через 10 лет после этого тот же Мстиславский опять бил челом с двумя сыновьями, что они пред государем «во многих винах преступили»¹⁰⁶⁴. Всех дошедших до нас записей, данных боярами при Грозном, 23!

Но всего любопытнее для нас переписка отъехавшего боярина, кн. Андрея Курбского, с царем. В письмах своих к Ивану, равно в истории его царствования, Курбский вполне обнаруживает старинные притязания дружинников, и преимущественно потомков князей-родичей; с своей стороны, в ответных письмах царь высказывает свои понятия о царской власти, свою теорию об ней. В этой драгоценной переписке перед нами говорят старая и новая Русь, Русь с родовым бытом и Русь с бытом государственным, говорят в лице своих представителей — Курбского, отъезжего боярина, потомка ярославских князей, и Ивана в. к. московского, первого царя. Таким образом, вместо сухой, мертвой летописи, где летописец очень часто опускает самое важное для нас, в сочинениях Курбского, и особенно в его переписке с царем, мы имеем живую, страстную речь двоих борцов, двоих представителей противоположных стремлений; вместо летописца, который так часто скрадывает причины явлений, Курбский и царь высказывают нам свои задушевные мысли, свои чувства, руководившие их поступками, раскрывают тайные пружины борьбы.

Разумеется, беспристрастия в истории Курбского и в переписке его с царем искать нельзя: оба — и царь, и Курбский суть не иное что, как адвокаты своего дела; речь их страстна, они щедрны на сильные эпитеты, щедрны на неумеренную брань чужим, на неумеренную похвалу своим.

Мы упоминали уже о старинных притязаниях дружинников, вынесенных ими из Древней Руси, о притязаниях на *обычай совета и право отъезда*. Адвокат этих дружинных притязаний Курбский ясно высказывает их в своих сочинениях¹⁰⁶⁵: рассказав о свидании царя с Вассианом Топорковым и о совете, который последний будто бы дал Ивану, не слушаться бояр, Курбский обращается к Вассиану с следующей апострофой: «О глас воистинну диаволий! Всякия злости и презорства и забвения преполон! Ты забыл, епископ, что написано во 2-й книге Царств: когда Давид советовался с своими вельможами, желая исчислить народ израильский, и все вельможи советовали не считать, но царь не слушал советников своих; ты забыл, какую беду навел Бог за непослушание Синклитскому совету? Чуть весь Израиль не погиб! Ты забыл, что принесли безумному Ровоаму гордость и совет юных, и презрение совета старших?» Приведши многие другие места Св. Писания, подтверждающие его мысль, Курбский выражает ее так: «Царь же аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всенародных человек: понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной; убо не зрит Бог на могутство и гордость, но на правость сердечную, и дает дары, сиречь елико кто вместит добрым произволением». Потом Курбский хвалит Ивана III, который совершил такие великие подвиги только потому, что слушался советников своих; мы видели в другом месте, что Курбский называет Ивана III злым тираном, истребителем родичей и дружины: но ни Курбский, ни Иван IV не обращали внимания на такие противоречия, очень естественные в людях, пишущих под влиянием страсти и стремящихся во что бы то ни стало защитить свою основную мысль. Что Курбский был потомком князей-родичей и не забывал этого, видно также из его сочинений. Говоря о вельможах, падших жертвами

Ивана Грозного, отца его и деда, Курбский не преминет прибавить их родословную, не преминет сказать, что то были благородные княжата, потомки таких-то и таких-то князей; в одном из писем своих к царю Курбский говорит: «И уже не разумею, чего уже у нас хочещи? Уже не токмо единоплеменных княжат, влекомых от роду великаго Владимира, различными смертьми поморил еси, и движимыя стяжания и недвижимыя, чего еще был дед твой и отец не разграбил; но и последних срачиц, могу рещи со дерзновением, по Евангельскому словеси, твоему *прегордому* и *царскому* величеству не возбранихом»¹⁰⁶⁶.

Из этих слов видно, что борьба Грозного с боярами своими была продолжением борьбы предков его с князьями-родичами; из этих же слов видно, что потомкам князей-родичей не нравился новый титул царя, принятый Иваном, потому что этот титул, как уже сказано выше, выпутывал его окончательно из родовых отношений, и потому Курбский сопоставляет свои слова так: «твоему *прегордому* и *царскому* величеству». Но самым лучшим доказательством той ненависти, которую потомки князей-родичей питали к московским в. князьям, служат следующие слова Курбского¹⁰⁶⁷: оправдываясь в обвинении, взводимом на него царем, будто он участвовал в отравлении царицы Анастасии и в умысле возвести на престол Владимира Андреевича, Курбский пишет: «Аще и зело много грешен семь и недостоин, но обаче рожден бых от благородных родителей, от племени ж в. князя смоленскаго Феодора Ростиславича; яко и твоя царская высота добре веси от летописцев русских, иже тое пленицы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити, яко есть *некоторым* издавна обычай, яко первее дерзнул Юрий Московский в Орде на святаго в. князя Михаила Тверскаго, а потом и прочие, сущие во свежей еще памяти и пред очима, что Углицким учинено и Ярославичем и прочим единыя крови, и како их всеродне заглажено и потреблено... еже ко слышанию тяжко, ужасно! От сосцев матерних оторвавши, во премрачных темницах затворенно и многими леты поморенно, и внуку оному блаженному и *присно Боговенчанному*! А тая твоя царица, мне, убогому, ближняя сродница. А о Владимире брате воспоминаешь, аки бы есть мы

его хотели на царство: воистину, о сем не мыслих: понеже и недостоин был того. А тогда ж семь угадал грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насилием от меня взял еси за того-то брата твоего, наипаче же могу поистине речи со дерзновением, *в тот ваш издавна кровопивственный род*».

Мы видели, как московские в. князья, начиная с Ивана III, старались уничтожить вредный обычай отъезда клятвенными записями, чтоб в случае нарушения последних иметь право смотреть на отъезжиков как на изменников; так смотрел Иван Грозный, так любил называть бояр своих, которые все больше или меньше не были чисты от притязаний на право отъезда, единственное право, завещанное им стариною.

Теперь посмотрим, какое мнение имели дружинники об этих проклятых грамотах, которыми они принуждались отрекаться от их драгоценного права. Вот что отвечает отъезжий боярин князь Курбский царю: «А еже пишеши, имянующи нас изменники для того, иже есмя принуждены были от тебя по неволе крест целовати, *яко тамо есть у вас обычай*, аще бы кто не присягнул, горчайшею смертию да умрет; на сие тебе ответ мой: все премудрые о сем згажаются, аще кто по неволе присягает или клянется, не тому бывает грех, кто целует, но паче тому, кто принуждает, аще бы и гонения не было; ащели же кто, прелютаго ради гонения, не бегает, аки бы сам себе убойца, противящися Господню словеси: аще, рече, гонят вас во граде, бегайте в другий; аки тому и образ Господь Бог наш показал верным своим, бегающе не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов»¹⁰⁶⁸.

Прежде мы упоминали также о том, что царь Иван, с малолетства озлобленный на бояр, дарил своею доверенностию дьяков как людей новых, без старинных притязаний; при нем дьяки заведовали не только письменною и правительственною частью, но являются даже воеводами, каковы, напр., были дьяки Выродков¹⁰⁶⁹ и Ржевский; вот что говорит о дьяках Курбский: «Писари же наши русские, им же кн. великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простаго всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих»¹⁰⁷⁰.

Но касательно проклятых грамот и дьяков кроме Курбского мы имеем еще свидетельство другого отъезжика: это

письмо стрелецкого головы ¹⁰⁷¹ Тимофея Тетерина к дерптскому наместнику Мих. Яковл. Морозову. Тетерин, постриженный царем в монахи, свергнул с себя иноческий образ и отъехал; на укорительное письмо воеводы Морозова он отвечал следующее¹⁰⁷²: «Называешь, господине, нас изменники неподельно, и мыб, господине, и сами так, подобясь собаке, умели против лаяти, да не хотим того безумия сотворити, а были бы мы, господине, изменники тогда, коли бы мы, малыя скорби не претерпев, побежали от государева жалованья: а то, господине, и так виновати, что не исполнили долго Христова слова и апостольскаго, и не бежали от гонителя, а побежали уже во многих нестерпимых муках и от поругания ангельскаго образа. И ты, господине, бойся Бога, паче гонителя, и не зови православных христиан, без правды мучимых и прогнанных изменники. А твое, господине, честное Юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина чернечества; был еси наместник пять лет на Смоленске, а ныне тебя государь даровал наместничеством Юрьевским с пригороды — что Турский Мутьянскаго (Волошского) воеводством; жену у тебя взял в заклад¹⁰⁷³, а доход тебе не сказал ни пула; велел тебе две тысячи проести занявши, а Полукашину заплатить нечем; а невежливо, господине, молвити: чаю недобре тебе и верят! Есть у великаго князя ¹⁰⁷⁴ новые верники дьяки, которые его половиною кормят, а большую себе емлют ¹⁰⁷⁵, которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют. И Бог за грехи у вас, государь, ум отнял, что вы над женами и над детками своими и над вотчинами головы кладете, а их губите, а тем им не пособите. Смеем, государь, воспросити: каково тем женам и деткам, у которых мужей или у детей отцов различными смертми побили без правды?»

Теперь обратимся к ответам Ивана Грозного. Прежде всего мы должны заметить, что положение царя в отношении к Курбскому было чрезвычайно выгодно: Курбский в свое оправдание не мог сказать даже того, что сказал Тетерин, Курбский не претерпел никакого гонения от царя; он покинул знамена отечества потому только, что сторона, которой он был членом, партия Сильвестра потеряла свое значение при дворе, подверглась опале, Курбский бежал пото-

му, что друзья уведомили его об одном гневном слове, сказанном против него Иваном¹⁰⁷⁶; но одного отъезда мало: Курбский становится предводителем польских войск, пустошит русские области; сын православной Церкви разрушает храмы православные.

В начале ответа Иван говорит о своем праве на престол, праве древнем, неизменном, неутраченном: «Самодержавства нашего почин от св. Владимира, родихомся во царствии, а не чужое восхитихом»¹⁰⁷⁷. Это свое право противопоставляет он устарелому, утраченному праву Курбского на княжество Ярославское. Что Курбский имел действительно притязания по крайней мере на титул князя ярославского, доказывает его переписка со многими лицами в Польше, где он величает себя князем Андреем Ярославским. Так как основные положения Курбского суть следующие: царь должен слушаться совета бояр, бояре имеют право отъезда, то основные положения царя, наоборот, суть следующие: царь не должен находиться ни под чьим влиянием; боярин, имеющий притязание на право совета, есть изменник: «Се ли совесть прокаженная, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разуму, еже не хотети быти работными своими владенну? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладаему и повеленну быти? Русское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи»¹⁰⁷⁸. Последними словами царь намекает на образ правления в Польше, куда отъехал Курбский. Как защитник нового порядка вещей, как потомок государей московских Иван в ответ потомку ярославских князей высказывает цель своего правления и превосходство нового порядка вещей, превосходство единовластия; приводя слова апостола Павла, царь сравнивает старую и новую Русь с ветхим и новым заветом: «И аще убо, якоже вместо креста, обрезание тогда потребно быша; тако и вам вместо царскаго владения потребно самовольство. Тщужеся со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают единого истинного Бога, в Троице славимаго, и от Бога данного им государя; а от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, ими же царствия растлеваются. Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же от

междоусобных браней престанут. Или се сладко и свет, яко благих престати и злое творити междоусобными браньми и самовольством?»¹⁰⁷⁹

В этих словах самое высокое понятие о царской власти: истина и свет для народа — да познает Бога и от Бога данно — го ему государя. Но кроме государственного смысла эти слова имеют еще смысл исторический: неужели новый порядок вещей, при котором Русь приводилась в сознание своего единства в едином царе, при котором явился наконец наряд и смолкли усобицы, неужели этот новый порядок вещей хуже прежнего времени, времени кровавых междоусобий и нестроений: «или се сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством!»

При таком сознании своего царского достоинства Иван хорошо понимал, что ответ его на письмо Курбского есть недостойная царя слабость; но, как уже выше сказано, Иван был человек чувства и потому не выдержал; раскаяние в этой слабости видно из некоторых слов царя, напр.: «О провинении же и прогневании подовластных наших перед нами: доселе русские владетели неизтязуемы были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, и не судилися с ними ни перед кем; и аще же и не подобает рещи о винах их, но выше реченно есть»¹⁰⁸⁰.

На обвинения в жестокости царь отвечает: «Жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольных есмь»; на обвинение в облыгании своих подданных изменою Иван отвечает: «И аще аз облыгаю: о ином же истина о ком явится? Чесо ради нам сих облыгати? Власти ли своих работных желя, или рублища их худа; или коли бы их насыщати?»¹⁰⁸¹

Но выставляя права своей власти, вооружаясь против старинных притязаний, Иван должен был вооружиться еще против других притязаний: Курбский принадлежал к той партии, которой главою был священник Сильвестр; мы упоминали уже, как неограниченная доверенность и уважение царя к Сильвестру подали последнему повод вмешиваться в политические дела, идти в них наперекор Ивану, которого превосходства умственного Сильвестр; к несчастью для себя и для своих, не сознал. Вот почему, когда притязания Сильвестра повели к борьбе, когда неблагоприятное поведение

его во время болезни царской поселило в душе Ивана вместо любви и доверенности ненависть и недоверчивость, то с тем вместе уважение уступило место презрению, и царь в письмах к Курбскому называет Сильвестра невеждою: «Или мниши сие быти светлость благочестивая, еже обладатися царству от попа невежи? Нигдеже бо обрящеши, иже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо по что ревнуеши? Иже во грехех царствие погубивших и турком повинувшихся? Сию убо погибель и нам советуеши?»¹⁰⁸²

Мы видели, что Курбский, защищая дружинный обычай совета, мастерски выбрал примеры из Св. Писания; царь, отстаивая свои права от притязаний сторонников Сильвестра, не менее удачно пользуется библейскими примерами; он пишет Курбскому: «Вспомяни же, егда Бог, изводяще Израиля из работы, егда убо постави священника владети людьми, или многих рядников? Но единого Моисея, яко царя, постави владетеля над ними; священствовати же ему не повеле, но Аарону брату его повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Аарон сотвори людские строи, тогда и от Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и сами погибоша; и какову Израилю погибель наведоша? *Еже вам бояром прилично!* После того же, бысть судия Израилю Исус Навин, священник же Елеазар; оттоле, даже и до Илии жреца, обладаху судии: Иуда и Варак, и Иефоае, и Гедеон и инии многии, и каковы советы и победы на противные поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взя на ся священство и царство, аще сам праведен бяше и благ, но понеже обоюду припадши богатству и славе, како сынове его Офни и Финес заблудиша от истины, и как сам и сынове его злою смертию погибоша и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя. Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царским владети»¹⁰⁸³.

Я сказал прежде, что Иван, начитавшись Библии и римской истории, хотел быть таким же царем на Руси, каким были Давид и Соломон в Иерусалиме, Август, Константин и Феодосий в Риме. При таких стремлениях ему, разумеется, был чрезвычайно оскорбителен грубый тон боярина князя

Курбского, помнившего свое происхождение от одного родоначальника с царем; вот почему Иван в неумеренно гневных выражениях напоминает Курбскому о должном уважении к особе царя примером из византийской истории: «И может ли сие невежда разумети, якож ты, собака, и того не рассудишь, како трие патриарси собращася со множеством святителей к нечестивому Феофилу царю, и многосложный свиток написаша, таковая ж хуления, яко же ты, не написаша, аще и нечестив быше царь Феофил»¹⁰⁸⁴.

Я упомянул также, что в переписке своей и Курбский, и царь иногда проговариваются, высказывают свои задушевные мысли и чувства; так, в письмах Курбского высказался вполне потомок лишенных владения князей; Иван не обнаруживает главную причину ненависти своей к боярам, именно не признание царем сына его Димитрия. Оправдываясь в казни бояр, царь говорит, что они превзошли всех изменников древней истории, говорит, что св. Константин казнил родного сына, св. Феодор Ростиславич, предок Курбского, пролил в Смоленске множество крови в самую Пасху, что Давид казнил своих изменников, и, след., московские бояре должны быть также казнимы, потому что они «Богом им даннаго и рождагося у них на царстве, царю преступив крестную клятву, отвергоша, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словом и делом и тайными умышлениями; и чесому убо они сих неподобнее злейшим казнем?»¹⁰⁸⁵ В другом месте царь говорит: «Како же убо доброхотных сих изменников наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившеся и леть сокрывше, воедин день избиша семдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен ему быша, и воцариша Авимелеха: тако же убо и вы собацким своим, изменным обычаем хотесте во царствии царей достойных истребити, и аще не от наложницы и от царствия расстаящая колена хотесте воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже подобно Ироду ссуцаго млека младенца, смертию пагубною хотесте света сего лишити, чюжого же царствия воцарствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете?»¹⁰⁸⁶ В другом месте, описав явления, имевшие место во время его болезни, Иван заключает: «Се убо

нам живым сущим такова от своих подовластных добротства насладихомся: что же убо по нас будет?»¹⁰⁸⁷

Если Курбский, боярин и потомок ярославских князей, ведет начало зла от Ивана III, если он называет кровопийственным весь род московских князей, то Грозный, с своей стороны, знает также старину, знает, откуда, когда и как началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбский называет Ивана «лютостью, рожденною в законопреступлении и сладострастии»¹⁰⁸⁸, то Грозный, с своей стороны, считает себя вправе называть Курбского рождением исчадия ехидного, изменником прирожденным. «Извыкосте, — говорит царь, — от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой князь Михайло Карамыш со князем Андреем Углицким на деда нашего, великого государя Ивана умышлял изменные обычаи; такоже и отец твой князь Михайло с в. к. Дмитрием внуком на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василия, многи пагубныя смерти умышляли, такоже и мати твоя дед Василий и Иван Тучко, многая пакосная и укоризненная словеса деду нашему в. государю Ивану износили; такоже и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великия царицы Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, и понеже еси рождение исчадия ехиднаго, посему тако и яд отрыгаеши»¹⁰⁸⁹.

Мы видели, что Курбский и подобные ему отъезжники считали проклятые грамоты недействительными как вынужденные; царь же, с своей стороны, утверждает, что отъезжники нарушением записей губят не только свои, но и прародителей своих души. «Како же неусрамишися раба своего Васьки Шибанова, — пишет Иван к Курбскому, — еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеса. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси: понеже Божиим изволением, деду нашему, великому государю, Бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити и деда нашего детем и внучатом»¹⁰⁹⁰.

В заключение я должен обратить внимание на те места в письмах царя, где он, по-видимому, сам признается, что при Сильвестре он не имел никакой власти, что все делал Сильвестр с своими сторонниками и, след., можно заключить, что первая блестящая половина его царствования принадлежит не ему, а Сильвестру. Но я уже заметил раз, что оба — и Курбский, и царь — пишут под влиянием страсти, вследствие чего впадают в противоречия; если основная мысль Курбского состоит в том, что царь должен слушаться советников, то основная мысль Ивана, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться к подчинению царской воле собственной; такое стремление есть величайшее из преступлений, и всею тяжестью его Иван хочет обременить Сильвестра и его сторонников, вот почему он приписывает им самое преступное злоупотребление его доверенности, самовольство, самоуправство, говорит, что вместо его они владели царством; тогда как он сам облек их неограниченную свою доверенностью; вот эти знаменитые места: «И паче вы растленны, что не токмо повинны хотесте мне быти и послушны, но и мною владесте, и всю власть с меня снясте, и сами государилися, как хотели, а с меня все государство сняли: словом аз бых государь, а делом ни чего не владел»¹⁰⁹¹. Впрочем, эти строки не должно отделять от предыдущих, из которых оказывается, что самовластие, в котором обвиняет царь Сильвестрову партию, являлось только как стремление, вызывавшее противоположное стремление со стороны царя: «Виль растленны, или аз? Что аз хотел вами владети, а вы не хотели под моею властию быти, и аз за то на вас опалялся?»¹⁰⁹².

В другом месте царь, щеголявший остроумием, ловкостью в словопрении, низлагает Курбского следующею уверткою, не думая, что после можно будет употребить его адвокатскую тонкость против него же самого: «А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождышия тя, и жены своя, отлучения ради, не познах, и отечество оставлях, но всегда в дальних и окольных градах наших против врагов наших ополчахся, претерпевал еси естественныя болезни и ранами учащен еси от варварских рук, в различных бранех, и сокрушенно уже ранами все тело имеешь: — и сия тебе вся сотвориша тогда, егда вы с попом и Алексеем владе-

сте. И еще не годно, почто тако творили есте? Ащеж творили есте, то почто, сами своею властью сотворив, на нас воскладаете?»¹⁰⁹³

Наконец, третье место, которое можно привести в доказательство, что поход на Казань предпринят не Иваном, что сторонники Сильвестра везли его туда насильно: «Таже, но Божию изволению, со крестоносною хоруговию всего православнаго христианскаго воинства, православнаго ради христианства заступления, *нам двигшимся* на безбожный язык казанский, и тако неизреченным Божиим милосердием, иже над тем бесерменским языком победу давшие, со всем воинством православнаго христианства здраво во свояси возвратихомся: чтоже убо изреку от тебе нарицаемых мученик добротство к себе? Тако убо: аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю: аще небы всемогущая десница Вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы»¹⁰⁹⁴. Приводя это место, во 1) не должно упускать из виду начальных слов: *нам двигшимся*, что уже совершенно противоречит невольному везению как пленника; во 2) царь говорит, что это везение как пленника имело место уже на возвратном пути, по взятии Казани, след., не под Казань, а из Казани бояре везли царя, как пленника! Ясно, что Иван жалуется здесь на бояр, которые не берегли его во время дороги чрез неприятельскую землю, что здесь слово *пленник* вовсе не означает невольного похода, но относится к выражению «безбожная и неверная земля»: «меня везли сквозь неприятельскую землю с малым отрядом, как будто бы я был взят в плен». Сюда же относятся и слова Курбского, который говорит, что когда царь во время казанской осады, видя бегство своих, потерял дух, то в эту решительную минуту бояре велели поставить христианскую хоругвь у городских ворот, «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша»¹⁰⁹⁵.

Но разве можно верить Курбскому, которого основная мысль состоит в том, что все хорошее сделано советниками царя, а не им самим, разве можно верить Курбскому, который не стыдится обвинять Ивана III в смерти собственного его сына? Кто верит в беспристрастие показаний Курбского, тот не имеет никакого права отвергать показаний царя, а

царь вот что говорит: «И егда начало восприяхом, за Божию помощию, еже брани на варвары, егда первое посылахом на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем[ена] Ив [ановича] Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела! Ино, се ли храбрость, еже служба ставити в опалу? И тако ли покоряти прегордые царства? Таже, сколько хождения не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с хотением ходисте? Но и всегда аки на бедное хождение ходисте! Егда же Бог милосердие свое яви нам и тот род варварский христианству покори, и тогда како не хотесте с нами воеватися на варвары, яко более пятнадцать тысяч, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша! Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопиша, како три дни стояв, хотесте во своя возвратитися? И повсегда не хотесте во многопребывании надобна времени ждати, ниже глав своих щадяше, ниже бранныя победы смотряюще, точию: или победив, наискорейше побежденным бывшим, скорейше во своя возвратитися. Таже и войны многоподобныя, возвращения ради скорого, остависте, еже последи от сего много пролития крови христианския бысть¹⁰⁹⁶. Како, еже убо и в самое взятие города, аще бы не удержаж вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, не в подобно время брань начати?¹⁰⁹⁷ Та же убо по взятии града Божиим милосердием, вы же убо, вместо строения на грабление те косте!»¹⁰⁹⁸

Кому же верить: царю или Курбскому? Ни тому, ни другому: оба не беспристрастны, оба преувеличивают, оба противоречат самим себе. Надобно верить одним несомненным фактам, а эти факты показывают: во 1) что Иван был не трус (хотя личная храбрость в государе не есть еще важное достоинство, часто даже недостаток) и что его вовсе не нужно было везти в поход как пленника и удерживать от бегства «хотяща и не хотяща». Этот же самый Иван взял Полоцк, когда уже при нем не было людей, могущих везти его как пленника; правда, после Иван не водил сам полки в поход и удалялся при первом известии о приближении неприятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться в записях, что они наводили врагов на Русскую землю; во 2) что

когда Сильвестр владел полною доверенностию царя, и тогда последний не был слепым орудием в руках Сильвестра и его сторонников, но всегда сохранял полную свободу следовать и не следовать советам той стороны, и когда следовал, то с ясным сознанием их пользы, и, след., все добро, сделанное Сильвестром и его стороною, принадлежит царю, который сознательно, с полной свободой принимал советы и отвергал безрассудные.

Я уже упоминал о войне ливонской, которую Иван принял против желания Сильвестровой стороны, хотевшей покорения Крыма; но вот еще другие примеры: после взятия Казани, говорит Курбский¹⁰⁹⁹, *все мугрые и разумные*, т. е. Курбский с товарищи, советовали царю остаться еще несколько времени в Казани, дабы совершенно окончить покорение страны, но царь «совета мудрых воевод своих не послушал; послушал же совета шурей своих (т. е. Романовых)». Это ясно показывает, что Иван имел полную свободу поступать по совету тех или других, не находясь под исключительным влиянием какой-нибудь стороны¹¹⁰⁰. Потом, когда в 1555 году царь выступил против крымского хана и пришла к нему весть, что одно русское ополчение уже разбито ханом, то многие советовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на том, чтоб встретить татар, и царь склонился на совет последних¹¹⁰¹, т. е. на совет сторонников Сильвестра, потому что когда Курбский хвалит, то хвалит своих; причем надобно заметить, что это событие имело место уже после болезни царя, когда он потерял расположение к стороне Сильвестра.

Таким образом, мы видим, что Иван в одном случае действует по совету одних, в другом — других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая борьбу с близорукими советниками. Но нам не нужно много распространяться об этом предмете: никакое подыскивание под слова Ивана с целию отнять у него славу великого государственного деятеля и приписать ее советникам его, никакое подыскивание подобного рода не может устоять против свидетельств современников и людей, близких к ним, иностранцев и русских, которые все единогласно величают великий ум царя, его неутомимую деятельность, его правосудие¹¹⁰².

До сих пор нас занимала борьба Ивана IV с притязаниями бояр, преимущественно потомков князей-родичей; теперь обратимся к борьбе домашней, с удельным князем, двоюродным братом царя Владимиром Андреевичем. Мы видели замыслы и поступки Владимира во время болезни царя; такие поступки забыть было трудно, тем более что Владимир и мать его Евфросиния не давали забывать старых своих поступков, повторяя их, не оставляя своих удельных притязаний. Я упоминал о клятвенной записи, насильно взятой с Владимира в 1553 году; в следующем 1554 году после рождения другого царевича, Ивана, государь взял с двоюродного брата другую запись держать этого Ивана вместо царя в случае смерти последнего¹¹⁰³. До какой степени Иван не доверял брату, доказывает следующее обещание Владимира: «А жити ми на Москве в своем дворе; а держати ми у себя во дворе своих людей всяких... а боле ми того людей у себя во дворе не держати; а oprичь ми того, служилых людей своих всех держати в своей отчине».

О предусмотрительности царя насчет движений со стороны удельных князей свидетельствует следующее обещание, взятое с Владимира: «А хоти которой брат родной учинитца недругом сыну твоему царевичю Ивану, и отступит от него: и мне с тем его братом в дружбе не быти, ни ссылатися с ним. А пошлет мя сын твой царевичь Иван на того своего брата, которой от него отступит: и мне на него ити, и делати над тем его братом всякое дело без хитрости, по приказу сына твоего царевича Ивана. А князей ми служебных с вотчинами и бояр, и дьяков, и детей боярских и всяких людей сына твоего к себе никак не приимати. А которые ми бояре, и дьяки ваши и всякие люди чем низгубили при тебе государе моем царе и в. к. Иване: и мне тех им грубостей не помстити никому ни чем. А без бояр ми сына твоего, никотораго дела не делати, которые бояре в твоей душевной грамоте писаны, и не сказав ми сыну твоему и его матери, никакова дела не вершити; как ми прикажет сын твой и мать его, потому ми всякие дела вершити. А по грехом, мать моя княгини Ефросинья учнет мя наводити на которое лихо сына твоего царевича Ивана, или на мать его лихо учнет мя наводити: и мне матери своей княгини Ефросиньи в том ни в чем не слу-

шати, а сказати ми тее речи сыну твоему царевичю Ивану, и его матери в правду без хитрости. А хотя мя мать моя и не учнет наводити на лихо, а изведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнет которое лихо над сыном твоим царевичем Иваном, и над его матерью, или над его бояры и дьяки, которые в твоей государя нашего душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своей сказати сыну твоему ц[аревичю] Ивану и матери его в правду без хитрости, а не утаити ми того никак некоторыми делы, по сему крестному целованью. А возметь Бог и сына твоего ц. Ивана, а иных детей твоих государя нашего не останеть-жеся: и мне твой государя своего приказ весь исправить твоей царице в. к. Анастасие¹¹⁰⁴, по твоей государя своего душевной грамоте и по сему крестному целованью, о всем по тому, как еси государь ей в своей душевной грамоте написал».

В следующем месяце того же года взята была со Владимира третья запись с некоторыми против прежней дополнениями¹¹⁰⁵: удельный князь обязуется не держать у себя на московском дворе более 108 человек.

Несмотря на все эти записи, Владимир Андреевич не оспаривал своих притязаний: в 1563 году, говорит летопись¹¹⁰⁶, «положил гнев свой (царь) на княгиню Ефросинью, да на сына ея, потому что прислал к царю в слободу княж[ий] Володимеров Андр. дьяк Савлук Иванов память, а писал многие государские дела, что кн. Ефросинья и сын ее многие неправды к царю чинят, и того для держать его скована в тюрьме; а царь велел Савлука к себе прислати — и по его слову многие сыски были, и тех неисправления сысканы; и предмитрополитом и владыки царь кн. Ефросинье и сыну ея неправды их известил». После этого Ефросинья постриглась, но смуты не прекратились.

В 1566 году царь переменял брату удел: вместо Старицы и Вереи дал ему Дмитров и Звенигород¹¹⁰⁷. Еще в 1564 году, после Савлукова доноса, царь переменял Владимиру всех бояр и слуг: мы видели, что и отец Ивана употреблял те же средства для удержания удельных от восстания. Наконец, в 1569 году Владимир погиб от яду, как говорят некоторые¹¹⁰⁸ иностранцы, но не от тайной отравы, как погиб Шемяка от прадеда Иванова Василия Темного; говорят, будто Грозный,

укоряя двоюродного брата в умысле отравить его, заставил его самого выпить яд. Другие иностранцы говорят иначе о смерти Владимира¹¹⁰⁹; в наших летописях сказано только, что царь «повеле убити брата своего»¹¹¹⁰.

Считаю приличным окончить описание борьбы Грозного с притязаниями старины следующими словами царя, в которых он высказывает свое право, бесправие удельных, стремление дружины восстановить старину, вызвавшее со стороны его отчаянные меры; царь пишет к Курбскому: «Аз восхищеньем ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народился есми, Божиим изволением, на царстве; и не помню того, как меня батюшка пожаловал благословил государством, и взрос есми на государстве. А князю Владимиру почему было быти на государстве? От четвертаго удельнаго родился. Что его достоинство к государству? Которое его поколенье? Разве ваша измены к нему, да его дурости? Что вина моя перед ним: что ваши же дяди и господа отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью также держали в тюрьме. И я его и мать от того свободы и держал в чести и в дружестве, а он было уже от того и отшел. И яз такая досады стерпети не мог: за себя есми стал! И вы почали против меня больше стояти, да изменяти; и я потому жесточайше почал против вас стояти: яз хотел вас покорити в свою волю, и вы за то как святыню Господню осквернили и поругали! Осердьясь на человека, да Богу ся приразили»¹¹¹¹. В этих словах: «И вы почали против меня больше стояти, да изменяти; и я потому жесточайше почал против вас стояти» заключается разгадка ужасов царствования Грозного, разгадка борьбы, начавшейся при Боголюбском и при Иване IV доведенной до крайности, борьбы между старою и новою Русью, между родовым и государственным бытом.

Но в своей ожесточенной борьбе против обветшалых прав и притязаний Иван IV должен был встретиться с обычаем великим, священным. Несколько раз уже упоминал я об участии духовенства в означенной борьбе между старою и новою Русью; мы видели, что духовенство стояло за государственный быт против родового, могущественно способствовало торжеству первого, но, верное идее христианства, духовенство русское предоставило себе священное право

среди отчаянной борьбы сдерживать насилия, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою победу на счет побежденного; усердно помогая московскому государю сломить гибельные для отечества притязания князей и дружинников, духовенство в то же самое время брало этих князей и дружинников под свой покров, блюло над их жизнью как членов Церкви, как членов тела Христова: такой великий смысл имел обычай митрополита и вообще духовенства печаловаться за опальных. Когда Иван Грозный, по его собственному выражению, почал жесточайше стояти против бояр, когда в отчаянной борьбе со стариною он придумал средство оторваться от этой ненавистной старины, отделившись от государства, от земли, окружив себя выборною дружиною, в челе которой вел открытую войну с изменниками своими, т. е. людьми, верными старине, с князьями, боярами, новгородцами, в это время царь необходимо должен был встретиться с правом митрополита печаловаться за опальных; легко догадаться, какой исход должно было иметь это столкновение царя с правом митрополита в самом пылу отчаянной борьбы, не допускавшей ни мира, ни даже перемирия. Митрополит с характером более уклончивым, видя такую борьбу, отстранился бы от нее; царь мог бы также отстранить духовенство от вмешательства в борьбу, выбрав человека, способного забыть предания предшественников.

Но к славе Грозного историк должен сказать, что это был царь в высокой степени добросовестный, царь вполне сознававший свои права, но с тем вместе сознававший и свои обязанности; добросовестность Грозного не могла допустить его поставить в челе Церкви человека недостойного, и таким образом Иван, отыскивая митрополита достойнейшего, отыскивал себе сильного противника — и нашел его: то был знаменитый Филипп.

С островов Белого моря, из Соловецкого монастыря царь вызвал Филиппа в Москву и объявил, что он должен быть митрополитом; Филипп отказывался от этой чести, царь настаивал; тогда соловецкий игумен сказал ему, что он не может быть митрополитом при опричнине.

До сих пор митрополит всея Руси ревностно помогал московскому князю стать государем всея Руси, собирать Рус-

скую землю, утвердить в ней единство; но теперь опять это единство было нарушено опричниною, которая, по самому назначению своему, должна была стоять во враждебном отношении к земщине, и Филипп, верный преданиям русской митрополии, не хочет терпеть опричнины. «Аще царство разделится, запустеет», — говорил он Ивану¹¹¹²; царь отвечал: «Восташа на мя мнози... того ли не веси, яко моиже меня хотят поглотити». Наконец Филипп уступил и дал запись: «в опришнину ему и в царьской домовой обиход не вступатися, а по поставленьи, за опришнину и за царьской домовой обиход митропольи не отставливати»¹¹¹³.

Но отказавшись от вмешательства в опричнину, Филипп не отказался от права печаловаться. Тщетно царь избегал свиданий с митрополитом, боясь печалований: столкновения были неизбежны, Филипп не уступил своего священного права и непобежденный пал в борьбе, к вечной славе Русской церкви, которая чтит в нем одного из величайших своих представителей.

В 1584 году умер Иван Грозный. Из нескольких упоминаемых духовных завещаний до нас дошло одно 1572 года¹¹¹⁴. В этой любопытной грамоте ясно обнаруживается состояние души царя, который был вполне убежден, что он и семейство его непрочно на московском престоле, считал себя изгнанником, а государство в военном положении до тех пор, пока он со своею опричниною не истребит враждебные начала и не утвердится снова на престоле; при этом он не предвидел еще близкого конца борьбе и в духовной делает наставления сыновьям, как они должны жить до ее окончания.

Завещание начинается исповедью царя, в которой замечательны следующие слова: «Тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесны и душевны умножишася, и не сущу врачу исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих необретох, воздаша ми злая во благая, и ненависть за возлюбление мое».

Наставление детям начинается словами Христа: «Се заповедаю вам, да любите друг друга... А сами живите в любви, а воинству поелику возможно навыйкните. А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и выб тому навыйкли же; а людей бы есте,

которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, что бы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат; а которые лихи, и выб на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростию. А всякому делу навывайте, и божественному и священному и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет: то бы есте сами знали. Также и в обиходах во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были: *ино вам люди не указывают, вы станете людем указывати, а чего сами не знаете, и вы не сами станете своими государствами владети, а люди.* А что, по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит, и вам еси грехом своим беды многия нанесены: Бога ради не пренегайте в скорбех... *А докудова вас Бог помилует, свободит от бед,* и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас за один служили, и земля бы за один, и казна бы у вас за один была: ино то вам прибыльнее. А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, что бы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, у Ивана сына, а своего брата старейшаго, *докудова устройтесь,* уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смекаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б льзе прокормити был, и оба бы есте жили за один и во всем устраивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван моего сына Федора, а своего брата младшаго, держал и берег и любил и жаловал его и добра ему хотел во всем, так как себе хочешь и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом младшим, и в худе и в добре один человек... и ты б его берег и любил и жаловал как себя, а хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты б его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А Бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему

Федору на уделе: и ты б удела его под ним не подыскивал, а на его лихо ни с кем не ссылался; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал: занеже аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилакотна гроба не может избежать, и тогда то все останется. А ты сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место отца своего и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем и добра хоти ему, как мне родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был, так как мне отцу своему, и во всем бы еси жил так как из моего слова; а будет благоволит Бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на его лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном сыном был в лихе и в добре один человек; *а докуды, по грехом, Иван сын государства не доступит, а ты удела своего,* и ты б с сыном Иваном вместе был за один, и с его бы еси изменники и с лиходеи некоторыми дела не ссылался; а будет тебя учнут прельщать славою и богатством и честью, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, а ты б отнюдь того не делал и из Ивановой сыновниной воли не выходил, как Иван сын тебе велит, так бы еси был, ани на что бы еси не прельщался; а где тебя Иван сын пошлет на свою службу, или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит; а где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег того накрепко, смотрел бы еси правды а напрасно бы еси не задирался и людским бы еси вракам не потакал: занеже аще кто множество богатства или земли приобрящет, а трилакотнаго гроба не может избежать... И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был и добра ему хотел во время, так как мне и себе и во всем в воли его буди до крови и до смерти; ни в чем ему не прекослови; а хотя будет на тебя Иванов сыновен гнев, или обида в чем ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, непрекословен был, *и рати никакой не вчинял, и собою ничем*

не боронился, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил и жаловал тебя во всем, по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо — и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж».

В этом наказе наше внимание обращает, во-первых, желание царя, чтобы дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них Иван не сломит всех крамол и не утвердится на престоле; ибо в противном случае удельный князь будет самым верным орудием в руках недовольных. Во-вторых, в своем завещании Грозный не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределенным приказом младшему сыну держать старшего в отца место, он определяет, в чем должно состоять то сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и до смерти, ни в чем не прекословить, а в случае обиды от старшего не сметь поднимать против него оружие, не сметь обороняться: этим приказом Грозный уничтожает *de jure* междоусобия в царском семействе, ставит младшего брата в совершенно подданные отношения к старшему, теперь уже младшие братья не смеют сказать старшему, подобно древним Ольговичам: «Ты нам брат стариший, аже ны не даси, а нам самем о себе поискати». Одним словом, этим приказом Грозный дорушивает родовой быт, родовые отношения между князьями.

Что Грозный еще не был уверен в счастливом для своего семейства окончании борьбы, свидетельствуют следующие слова завещания: «Нас же родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будете, *но аще и в гонении и во изгнании будете*, в божественных литургиях, и в понихидах и в литиях, и в милостынях к нищим и препитаниях, елико возможно не забывают».

Грозный благословляет старшего сына своего Ивана «царством Русским (достоинством), шапкою Мономаховскою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему царю и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи и скатерть, а по немецки центурь. Да сына же своего Ивана благословляю своим царством

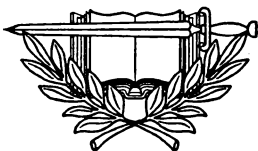
Русским (областью), чем меня благословил отец мой князь великий Василей и что мне Бог дал». Здесь встречаем важную отмену против распоряжений прежних государей: удельный Федор не имеет никакой части в городе Москве. Ему в удел дано 14 городов, из которых главный Суздаль; но Федор получил эти города уже не на прежних удельных правах, потому что в духовной прибавлено: «а удел сына моего Федоров ему ж (царю Ивану) к великому государству». Если родится сын от царицы Анны, то Грозный завещает ему 6 городов, из которых главный Углич: вероятно, это тот самый удел, который был отдан после св. Димитрию: Углич, Устюжна, Холопий городок, Кашин, Ярославец, Верей.

При Грозном были еще князья, владевшие отчинными своими городами, напр., в духовной говорится: «А князь Михаило Воротынский ведает треть Воротынска, да город Перемышль, да город Одоев Старое, да город Новосиль, да Остров, Черну со всем потому как было исстари, а Иван сын в то у него вступается. А князи Одоевские, Оболенские, Воротынские, Трубецкие, Мосальские, и их сынове, своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству, и служат все сыну моему Ивану; а которой тех князей и их детей отъедут от сына моего Ивана к сыну моему Федору, или куды нибудь, и тех вотчины сыну моему Ивану»; то же самое распоряжение сделано касательно тех князей, бояр и детей боярских, которых вотчины в уделе Федора.

Однако Грозный не хотел видеть князей владельцами старых их отчинных городов, особенно князей Воротынских, близких к Литве, и потому переменял кн. Михаилу Ив. Воротынскому его старые отчинные города — Одоев и другие — на отдаленный северный Стародуб, прежнюю отчину Ряполовских¹¹¹⁵.

Наконец, касательно опричнины Грозный говорит так сыновьям в завещании: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее и чинят; а образец им учинен готов».

Но в 1584 году уже не было в живых царевича Ивана; оставался Федор и малолетний брат его от седьмого брака Димитрий, который получил в удел Углич. Там в 1591 году последний из удельных погиб страшною смертью.

ПОЛОЖЕНИЯ

I.

Выражения: удельный период и удельная система не могут быть допущены в истории княжеских отношений, потому что приводят к ложному, обратному представлению, выставляя господство удела, отдельной собственности в то время, когда господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности.

II.

Выражение: монгольский период должно быть исключено из русской истории, ибо мы не можем приписать монголам самого сильного влияния на произведение тех явлений, которыми отличается русская история начиная с XIII века: новый порядок вещей начался гораздо прежде монголов и развивался естественно, вследствие причин внутренних, при пособии разных внешних обстоятельств, в числе которых были и монгольские отношения, но не под исключительным их влиянием.

III.

Борьба отношений родовых с отношениями государственными составляет существенный характер древней русской истории.

IV.

Главными двигателями в истории родовых княжеских отношений были два представления о старшинстве между членами рода, из которых одно основывалось на старшинстве физическом, другое исходило из отношения старшего брата к младшим, который по смерти отца заступал для них его место.

V.

Существование права мести между родичами не может быть допущено в древнейшем периоде русской истории.

VI.

Период от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Великого характеризуется борьбою различных линий княжеских вследствие исключения некоторых из них из старшинства и из владения родовой собственностью.

VII.

Период от смерти Мстислава В. до Андрея Боголюбского характеризуется борьбой князей вследствие двух различных представлений о старшинстве.

VIII.

Период от Андрея Боголюбского до разделения Южной Руси от Северной характеризуется борьбою южных и северных князей вследствие явившегося на севере понятия об отдельной собственности.

IX.

Период от разделения Южной Руси от Северной до Иоанна III характеризуется стремлением князей усилиться на счет других с презрением прежних родовых отношений.

Х.

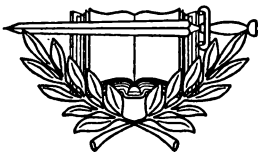
История всех княжеств Северо-Восточной Руси представляет нам те же явления в отношениях в. князей к удельным, какие имели место и в княжестве Московском.

ХІ.

Период времени от Иоанна III до пресечения Рюриковой династии характеризуется последнею ожесточенною борьбою между родовыми и государственными отношениями.

ХІІ.

Характер дружины южных князей различен от характера дружины князей северных: это различие основывается на различии в отношениях между самими князьями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом мое исследование: Об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 26 и след.

² Ипатьев[ская летопись, стр.] 145.

³ Там же, с. 85.

⁴ Там же, с. 1.

⁵ Ипатьев. стр. 7.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Там же, [стр.] 94.

⁸ Кенигсб[ергская летопись], стр. 152.

⁹ Ипатьев. стр. 73.

¹⁰ Там же, стр. 39.

¹¹ Там же, стр. 32.

¹² Кенигсб. стр. 23.

¹³ Ипатьев. стр. 75.

¹⁴ Там же, стр. 88.

¹⁵ Там же, стр. 202.

- ¹⁶ Ипатьев. стр. 79.
- ¹⁷ Там же, стр. 149.
- ¹⁸ Ипатьев. стр. 41.
- ¹⁹ Кенигсб. стр. 158.
- ²⁰ Ипатьев. стр. 12 и 15.
- ²¹ Кенигсбер. стр. 156.
- ²² Ипатьев. стр. 108.
- ²³ Там же, стр. 38.
- ²⁴ Ипатьев. 18, 19.
- ²⁵ Там же, 39.
- ²⁶ Там же, 109.
- ²⁷ Кенигсбер. 115.
- ²⁸ Ипатьев. 74.
- ²⁹ Там же, 122.
- ³⁰ Там же, 119.
- ³¹ Ипатьев. 110.
- ³² Там же, 125.
- ³³ Там же, 50.
- ³⁴ Там же, 61.
- ³⁵ Там же, 77.
- ³⁶ Лавр[ентьевская летопись, стр.] 94.
- ³⁷ Ипатьев. 23.
- ³⁸ Там же, 66.
- ³⁹ Там же, 43.
- ⁴⁰ Там же, 46, 58.

⁴¹ Там же, 49.

⁴² Ипатьев. 61.

⁴³ Там же, 118.

⁴⁴ Ипатьев. 57.

⁴⁵ «Перваго брата сын четвертому дяде в версту». См. в Синбир. Сбор. исследов. о местничестве Д. Валуева. См. также попытку г. Погодина уяснить родовые княжеские счета счетами местническими в его статье: о старшинстве между князьями древней Руси, напеч. в Ж. М. Н. П. 1844 г. № 6.

⁴⁶ Ипатьев. 80.

⁴⁷ De legum quoque varietate facta est contentio, fuereque qui dicerent, quia filii filiorum non deberent computari inter filios hereditatemque cum filiis sortiri, si forte patres eorum obiissent, avis superstilibus; unde exiit edictum a rege, ut universalis populi conventio fieret apud villam quae dicitur Stela, factumque est ut causa inter arbitros judicaretur debere examinari. Rex autem, meliori consilio usus, noluit viros nobiles et senes populi inhoneste tractari. Sed magis rem inter gladiatores decerni jussit. Vicit igitur pars qui filios filiorum computabant inter filios, et firmatum est ut aequaliter cum patris hereditatem dividerent, pacto sempiterno.

⁴⁸ Собр. г. г. и д. [ч.] IV, № 147.

⁴⁹ Место, найденное г. Беляевым в уставе в[еликого] к[нязя] Всеволода, хранящемся в библиотеке г. академика Погодина. См. Исследования Погодина, т. III, стр. 408.

⁵⁰ De bello vandal[ico]. I, 5.

⁵¹ Ипатьев. 54.

⁵² Ипатьев. 62.

⁵³ Собр. г. г. и д. т. II.

⁵⁴ Ипатьев. 79: «В то же время Ростислав Мьстиславичь, смоленский князь, целова крест с братьею своею с рязаньскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхуть и отцем себе».

⁵⁵ Там же, стр. 32. В. к. Изяслав говорил брату Ростиславу: «Пойди семя ко мне, а тамо наряди новгородци и смолянны, ать удержать Гюргя, и к ротником ся сли, и в Рязань, и всамо». Стр. 36: «Брате! Тебе Бог дал верхнюю землю, а ты тамо пойди противу Гюргеви, а тамо у тебе смолянне и новгородци и кто родников твоих». Стр. 87: «Изяслав же вборзе сгадав с дружиною, пойма ротъники своя и поеха изъездом к Чернигову».

⁵⁶ Там же, 79: «Бежа Володимирич, сыновець Изаславль (Изяслава Давидовича Черниговскаго), из Березаго во Вщижь, и зая у него все города Подеснескыя, Всеволожь, не створив извета хрестьному целованию к стрьєви своему, и яся по Ростислава по смоленскаго князя а от строя отступив».

⁵⁷ Ипатьев. 43.

⁵⁸ Там же, 103.

⁵⁹ Там же, стр. 64. Князей называли царями для большей учтивости, напр. Даниил Заточник пишет к Долгорукому: «Помилуй мя, сыне великаго царя Владимера!» Памятн. Словес. XII в., стр. 231.

⁶⁰ См. об этом мою статью «О нравах и обычаях, господствовавших в Древней Руси, от времен Ярослава I до нашествия монголов». В Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей, № 1.

⁶¹ Лавр. по изд. Арх. Комиссии, стр. 8: «И избравшася 3 братья с роды своими».

⁶² Там же, стр. 9: «И раздая мужем своим грады».

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лавр. 13, 20.

⁶⁵ Там же: «Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, от рода ему суца, въдав ему сын свой на руце Игоря; бысть бо детеск вельми». — Обычай отдавать на руки упоминается и после, напр. под 1197 годом читается: «Давыд же (Смоленский) столь свой дал сыновцю своему Мьстиславу Романовичю), а сына своего Костянтина в Русь посла, брату своему Рюрикови на руце». Ипатьев. стр. 151.

⁶⁶ Лавр. стр. 12.

⁶⁷ Объяснение выражения: «хожаще по Олзе» находим у Гримма (Deutsche Rechtsaltert. стр. 409): «Es war Gebrauch des Alterthums, daß In öfenlichem, feierlichem Gang die Frauen vorausstraten, die Männer nachfolgten und wiederum, daß die Töchter der Mutter voraus, die Söhne aber dem Vater nach gingen».

⁶⁸ Лавр. 10; см. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям примеч. 75.

⁶⁹ Лавр. стр. 12.

⁷⁰ Там же, стр. 19.

⁷¹ Там же, стр. 25.

⁷² Там же, стр. 9.

⁷³ Там же, стр. 10.

⁷⁴ Почему требовались уклады именно на эти города, почему пропущены Белоозеро, Муром, Смоленск? Потому, вероятно, что только в этих городах сидели князья-родичи, а в остальных — простые мужи.

⁷⁵ Лавр. 29.

⁷⁶ Я сказал: не могло быть резкого различия, ибо различие все-таки было, что видно из слов Рогнеды о Владимире: «не хочу розути робичича» (Лавр. 32). Впрочем, даже по принятии христианства резкое различие между законными и незаконными детьми не могло скоро утвердиться: мы знаем, что на Западе незаконность рождения не помешала Арнульффу занять престол Германии, а Вильгельму наследовать отцу своему в Нормандии; у нас Ярослав Галицкий завещал стол свой побочному сыну Олегу мимо законного Владимира; незаконные сыновья Святополка Изяславича называются князьями и получают волости. — Летописец говорит, что Малуша была ключница Ольгина: это однозначительно с понятием рабы, ибо, по Русской Правде, вольный человек, привесивший ключ, ставший у кого-нибудь ключником, по этому самому становился холопом обельным. Вероятно, холопство ключника считалось самым лучшим ручательством за бескорыстное отправление его должности.

⁷⁷ И после между князьями был ряд, что боярин отвечает за вину головою, а князь волостью. Ипат. стр. 119.

⁷⁸ Лавр. 32: «И молвяше всегда Ярополку Свенальд: "Поиди на брат свой и прими волость его", хотя отмстити сыну своему».

⁷⁹ Лавр. 32.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Лавр. 32: «Поприрай ми; аще убью брата своего, имети тя хочю во отца места, и многу честь возьмешь от меня; не яз бо почал братью бити», но он «аз же того убоявьяся приход нань».

⁸² Никонов. [Ч.] I, 62 .

⁸³ Лавр. 33.

⁸⁴ Татищ. [кн.] I, стр. 36 и след.

⁸⁵ «Можно ли сказать, чтоб и здесь было что-либо невероятное? — говорит автор «Истории христианства в России». — Ярополк, точно, был сердца мягкого и кроткого, как видно и из летописи препод. Нестора. Склонность к христианству, при таких естественных свойствах, он мог получить

во время своего воспитания от благочестивой бабки своей — Ольги; а поддерживать эту склонность и расположенность к христианам могла христианка, похищенная отцом его из какой-то греческой обители и отданная ему в супружество. И не здесь ли объяснение одного довольно необъяснимого в нашей церковной истории события — именно того, что в 1044 году вел. князь Ярослав повелел отрыть кости Ярополка и Олега, окрестить их и положить в церкви Св. Богородицы? Ярослав не имел ли достовернейших сведений, что оба эти дяди его были искренно расположены к христианству и христианам и не крестились только по тесным обстоятельствам?» — История христ. в России, архимандрита Макария, стр. 329.

⁸⁶ См. Краледвор. рукопись, Záboj, Slavoj, Ludiek.

⁸⁷ Лавр. стр. 24.

⁸⁸ «В печатном житии Владимира повествуется, что он повелел в это время приводить на поклонение идолам самих христиан, и тех, которые не покорялись его воле, предавать смерти. Посему некоторые из верующих нашлись вынужденными скрывать свою веру, другие бежали из Киева, третьи будто бы даже снова обращались к языческому нечестию. Между тем идолопоклонники, пользуясь покровительством вел. князя, разрушили в Киеве все христианские церкви. Не знаем, откуда почерпнуты эти известия св. Димитрием; но только, без всякого сомнения, из источников, прежде него существовавших, и, судя по ходу тогдашних обстоятельств, не содержат в себе ничего несообразного с ними». — [Макарий.] Истор. христ. в Рос. стр. 330.

⁸⁹ Иоак[им] у Татищ. I, 40, примеч. 47.

⁹⁰ Лавр., стр. 52.

⁹¹ Там же, стр. 34.

⁹² Татищ. I, 40.

⁹³ Лавр. 57.

⁹⁴ Лавр. 34: «От Чехине Вышеслава, а от другое Святослава и Мьстислава».

⁹⁵ Там же, 55: «Преставися Мальфредь. В се же лето преставися и Рогънедь, мати Ярославля». — Ясно, что здесь говорится о двух женщинах, женах Владимира, а Никоновская летопись из женщины Малфриды сделала мужчину Малфреда сильного (I, III). Татищ. II, 87: «Преставися Малфреда, чехиня, мать Святославля».

⁹⁶ Соф. врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф. [врем. I,] 80.

⁹⁷ II, Примеч. 191.

⁹⁸ Летопис. содерж. Рос. истор. от 852—1598 года, стр. 40: «А трех у себя остави: бе бо млади, Станислав, Судислав, Позвизд» .

⁹⁹ II, Примеч. 184.

¹⁰⁰ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 41 и 42.

¹⁰¹ Дитмар прямо говорит, что Владимир оставил престол двоим сыновьям своим, т. е. Борису и Глебу. Кн. VII, 244: «Integritatem haereditatis suae duobus relinquens filiis.

¹⁰² Дитмар. VII, 244. В нашей летописи сказано только, что Владимир не любил Святополка, Лавр. 33.

¹⁰³ Лавр. 56: «Умре же (Владимир) на Берестовем, и потаише и, бе бо Святополк Кыеве».

¹⁰⁴ Там же, 60.

¹⁰⁵ Лавр. 57.

¹⁰⁶ Там же, 60: «И нача помышляти: "Яко избью всю братью свою, и прииму власть Русьскую един"».

¹⁰⁷ Лавр. 61: «О люба моя дружина, юже вчера избих, а ныне быша надобе».

¹⁰⁸ Там же: «Аще, княже, братья наша исечена суть, можем по тебе бороти».

¹⁰⁹ Там же: «Зане без вины проля кровь Борисову и Глебову праведною: еда и мне сице створить».

¹¹⁰ Лавр. 61.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Новгород. перв., стр. 1.

¹¹³ Никон. I, 125.

¹¹⁴ Лавр. 62.

¹¹⁵ Лавр. 62, 63. Первоначальное сравнение братоубийцы Святополка с братоубийцею Каином распространено после и украшено с нравственной целью в урок последующим князьям русским, раздиравшим землю усобицами: «Се же Бог показа на наказание князем русьским да аще еще сице же створят, се слышавшие, туже казнь примут, но и болши сея, понеже ведая се, створить такоже злоубийство».

¹¹⁶ Лавр. 63.

¹¹⁷ Там же, 64, 65.

¹¹⁸ Татищев (II, 102) говорит, что он и требовал и что Ярослав дал ему Муром, но Мстислав не был доволен.

¹¹⁹ Лавр. 64.

¹²⁰ Лавр. 65.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, Псков, стр. 5: «Разгневался Ярослав в[еликий] к[нязь] на меньшого брата своего Судислава, и всади его в поруб в Плескове в темницу до живота своего, оклеветан бо бе». Оклеветан, след., в каких-нибудь замыслах.

¹²³ Кенигсберг, стр. 186: «И созва (Владимир) бояры и поведа им; они же рекоша: "Уже не уби ея (Рогнеды) дитяти дея сего, но воздвигни отчину ея, и дай ей со сыном своим". Владимир же устрои город и да има»; и проч.

¹²⁴ Кто отделяется от семейства, тот теряет и право свое на семейное имущество, которое достается оставшимся в семействе... Кто жил в своем семействе, тот имел право на семейное имущество, кто же отделялся, тот становился ему чужим и терял всякое право на общее имение. — История древнего наследственного права у славян Иосифа Губе, в Сборнике исторических и статистических сведений о России, изд. Д. В[алуевым]. стр. 68, 81.

¹²⁵ Карамз. т. II, примеч. 50.

¹²⁶ т. II, гл. IV.

¹²⁷ Никон. II, стр. 29.

¹²⁸ II, стр. 106.

¹²⁹ Кенигсб. 115: «Преставись Вячеслав, сын Ярославль, в Смоленске, и посадиша Игорь в Смоленску, из Володимира выведши».

¹³⁰ Кенигсб. 113, 114. Лавр. 69.

¹³¹ Кенигсб. 157. Лавр. 112.

¹³² Карамз. т. II, примеч. 50.

¹³³ Кенигсб. стр. 147.

¹³⁴ Соф. врем. I, стр. 161.

¹³⁵ II, 117.

¹³⁶ Ипатьев. 100: «Вниде Ярослав в Киев, и седе на столе деда своего и отца своего. Святослав же нача слати к Ярославу с жалобою, река ему: "На чем еси целовал крест, а помяни первый ряд: рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, праволи, криволи — надели же мене". Он же нача ему молвити: "Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе". Святослав же нача ему молвити: "Я не угрин, ни лях, но единого деда есми внуци, а колко тебе до него, толко и мне; аще не стоишь в первом ряду, а волен еси"». Стр. 146: «Сослався Рюрик со Всеволодом, сватом своим, и с братом своим Давидом, послаша мужи своя к Ярославу, и ко всим Олговичем, рекше ему: "Целуй к нам крест со всею своею братьею, како вы не искати отчины нашей Киева и Смоленска, под нами, и под нашими детми, и под всим нашим Володимерим племенем: како нас разделил дед наш Ярослав по Днепре, а Киев вы не надобе". И Олговичи же сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: "Ажь ны еси вменил Киев, то же ны его блюсти под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; аж вы лишитися его велишь отгнудь, то мы есмы не угле, ни ляхове, но единого деда есми внуци, при вашем животе не ищем его, ажь по вас, кому Бог даст"».

¹³⁷ Кенигсб. 133, Лавр. 92. Здесь ясно видно позднейшее сочинение, когда уже один из Ярославичей овладел Киевом насильством.

¹³⁸ Кенигсб. 115, Лавр. 70.

¹³⁹ Лавр. 70: «Бежа Ростислав Тмутараканю, сын Володимирь, вн к Ярославль, и с ним бежа Порей и Вышата, сын Остромирь воеводы новгородскаго». Кенигс. 106: «Бежа Ростислав Тмutorоканю». Соф. врем. I, 158: «Бежа Ростислав Тмutorоканю, сын Володимирь, внук Ярославль, и с ним бежа Порей Вышата, сын Остромирь, воеводы новгородского». В Воскр. I, 191 также нет, откуда бежал; но так как во всех списках помещено, что с Ростиславом бежал Вышата, сын воеводы новгородского, то в некоторых прибавлено: из Новгорода, см. Никон. i, 152. Но любопытно, что в Новгородской летописи нет известия о бегстве Ростислава из Новгорода. Татищ. II, 117: «Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославль, которому по смерти отцовой дан был во владение Ростов и Суздаль, а по смерти Игоря переведен дядьями во Владимир на Вольты, и не хотя тем доволен быть, пришед взял Тмутаракань, а Глеба сына Святославова выгнал, с ним же были Порей и Вышата дети Стромилы Новгородского».

¹⁴⁰ Лавр. 71. Соф. врем. I, 159: «И пришед, выгна Глеба из Тмutorакани, а сам седе в него место. Иде Святослав на Ростислава, Ростислав же отступил кроме града, не убоясь его, но не хотя противу стрывеви своему оружие взяти; Святослав же пришед Тмутаракани, и посади сына своего Глеба, и възвратися опять. Ростислав же пришед паки выгна Глеба, а сам седе Тмутаракани; и прииде Глеб к отцу своему».

¹⁴¹ Лавр. 71. Соф. врем. I, 159: «Ростиславу суцу в Тмуторокани, и емлюще дань у Касог и иных стран, сего убояшася Греци» и проч. Татищ. II, 119: «Княгиня же его (Ростиславова), уведав о сем (след., оставалась во Владимире или, по крайней мере, не была вместе с мужем), хотела и с детьми в Венгры к отцу отъехать, но Изяслав в. князь детей ей не дал, а самой ехать не воспретил». — Вот почему Ростиславичи после говорили Святополку Изяславичу: «По смерти отца нашего мы хотя малы остались, но отец твой и Святослав, помня свою к отцу нашему роту, Владимира у нас не отнимали». Татищ. II, 189.

¹⁴² Летописец (Кениг. 185, 186) приписывает эту ненависть тому, что Изяслав был выделен отцом, почему он и потомство его потеряло право на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичам: «Володимир же устрои город и да има (Рогнеде с Изяславом), и нарече имя граду тому Изяславль, и отголе меч взимают Роговоложи внуцы противу Ярославлим внуком». Здесь нельзя думать, что Изяславичи полоцкие ненавидели Ярославичей, мстя за деда своего Рогволода и мать, потому что и Ярослав был также от Рогнеды, след. Ярославичи также внуки Рогволодовы.

¹⁴³ Новгород. перв. стр. 2: «Приде Всеслав и възя Новгород, с женами и с детьми; и колоколы съима у святыя Софие, о велика бяше беда в час тыи! И понекадила съима».

¹⁴⁴ См. Слово о Полку Игореве.

¹⁴⁵ Кенигсб. стр. 117 и 118. Лавр. 72.

¹⁴⁶ Ипатьев. стр. 119, 133: «Себо на ны Бог попусти поганных, и не яко милуя их, но нас кажа; се бо есть батог его».

¹⁴⁷ Кенигсб. стр. 115.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Соф. врем. I, 162.

¹⁵⁰ Кенигсб. стр. 118, 119.

¹⁵¹ Слово о полку Игореве.

¹⁵² Кенигсб. стр. 119, 120, 121.

¹⁵³ Там же, стр. 126, 127.

¹⁵⁴ Слово о полку Игореве.

¹⁵⁵ Кенигсб. стр. 121. Новгород. перв. стр. 2: «Опять приде Всеслав к Новгороду; новгородци же поставиша пълк противу их, у Зверинця, на Къземли, и пособи Бог Глебу князю с новгородци». — Каким образом Глеб

Святославич попал в Новгород? Карамзин (II, примеч. 118) на основании летописи XV в. (в Синодал. библиот. № 349), где сказано: «В Новгороде Изяслав посади сына своего, Мьстислава и победиша и на Черехе, и бежа к Киеву, и по взятии града преста рать», догадывается, что Мстислав, будучи побежден Всеславом, ушел в Киев; и точно, мы видим его на юге: он разделяет изгнание отца, его Изяслав посылает прежде себя для наказания киевских возмутителей. Вероятно, Изяслав после этого уступил такое отдаленное и опасное владение Святославу, который и послал туда своего сына Глеба, лишенного Тмуторакани.

¹⁵⁶ Кенигсб. 122: «Воздвиге дьявол котору в братьи сей Ярославичех, бывши распри межи ими».

¹⁵⁷ Там же. 122, 123: «Святослав же бе начало выгнанию Изяславу, желая большия власти; Всеволода бо прельсти, глаголя: "Яко Изяслав сватается со Всеславом, мысля на него; аще его не важиве, имать нас прогнати, и так возостри Всеволода на Изяслава"». Вообще мы должны с большою осторожностью верить обвинениям летописца из Святослава, ибо нам известно, какую вражду питали киевляне к его роду и какую любовь — к роду Всеволода.

¹⁵⁸ Кенигсб. 123: «Изяслав же иде в ляхи с именем многим, глаголя: "Яко сим налезу воя" еже все взяша ляхове у него, и показаша ему путь от себя". — Что ляхи взяли не все, доказывают дары, поднесенные Изяславом императору; что взяли однако, доказывает письмо папы к королю.

¹⁵⁹ Карамз. II, примеч. 128.

¹⁶⁰ Карамз. II, примеч. 129.

¹⁶¹ Кенигсб. 123. «Прийдоша послы из немец ко Святославу; Святослав же величашася показа им богатство свое; они же видевше безчисленное множество золота и серебра, и паволоки, и реша: "Се ни во что же есть, лежить бо мертво; сего суть кметие лучше, мужи бо ся доищут и больши сего"».

¹⁶² Никон. I, 173: «Сиче ся похвали Иезекий царь иудейский Навходносору царю асирийску, его же вся взята бывша в Вавилон; тако и по его смерти вся имения разсыпашась розно».

¹⁶³ Сравни прежние слова летописи об Изяславе: «Изяслав же иде в ляхи со именем многим, глагола «яко сим налезу воя»».

¹⁶⁴ См. общую формулу для похвалы добрым князьям в статье: «О нравах и обычаях в древней Руси», в Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских 1846 г. № 1.

¹⁶⁵ Письмо папы Григория VII к Изяславу, в Актах, собранных Тургеневым, т. I, № 1 // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из

иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. I, II. СПб., 1841—1842: «Filius vester limina apostolorum visitans ad nos venit, et quod regnum Illud dono Sancti Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem beato Petro apostolorum principi debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, Indubitanter asservans Illam suam petitionem vestro consensu ratam fore, ac stabilem, si apostolicae autoritatis gratia ac munimine donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justa videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis tandem assensum praebuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex parte beati Petri tradidimus, ea videlicet Intentione atque desiderio charitatis, ut beatus Petrus vos et regnum vestrum omniaque vestra bona sua apud Deum Intercessione custodiat, et cum omni pace, honore quoque et gloria Idem regnum usque In finem vitae vestrae tenere vos faciat, et hujus militiae finito cursu, Impetret vobis apud supernum regem gloriam sempiternam. Quin etiam nos paralissimos esse, noverit vestrae nobilitatis serenitas, et ad quaecumque justa negotia hujus sedis auctoritatem pro sua necessitate petierit, proculdubio continuo petitionum suarum consequetur effectum. Praeterea ut haec et alia multa quae litteris non continentur cordibus vestris arctius infigantur, missimus hos nuncios nostros quorum unus vester notus est et fidus amicus, qui et ea quae litteris sunt, diligenter vobis exponent, et quae minus sunt viva voce explebunt. Quibus pro reverentia beati Petri, cujus legati sunt, vos mites et affabiles praebeatis, et quicquid vobis dixerint ex parte nostra patienter audiat, atque Indubitanter credatis, et quae Ibi ex auctoritate apostolicae sedis negotia tractare voluerint et statuere nullorum malo Ingenio turbare permittatis, sed potius eos sincera charitate favendo juvetis. Omnipotens Deus mentes vestras Illuminet, atque per temporalia bona faciat vos transire ad gloriam sempiternam. Data Romae quintodecimo Kalendas Maij Indictione tertia decima (1075)».

¹⁶⁶ Там же, № 2.

¹⁶⁷ Союз был заключен Мономахом, см. Лавр. стр. 103. О походе см. там же, равно Кенигсб. 123.

¹⁶⁸ II, 130.

¹⁶⁹ После вторичного изгнания Изяслава Всеволод получил Чернигов; так следовало, потому что Чернигов был старшим столом после Киева (см. Степен, кн. I, 235), и Святослав, заняв последний, должен был отдать Чернигов старшему по себе; след., нет никакого основания отвергать известие Татищева об этом (II, 127).

¹⁷⁰ Что был выгнан Мономахом, говорит один Татищев (II, 131). Но кем же другим? Татищев называет Бориса Святославичем: здесь он введен в заблуждение некоторыми списками летописи; из дошедших до нас эта ошибка находится в Софийском, стр. 137. Где был прежде Борис, летописи не говорят, один Татищев говорит, что в Вышграде (II, 127).

¹⁷¹ См. мое исследование «Об отношениях Новгорода к в. князьям», примеч. 105.

¹⁷² Лавр. 103: «и Олег приде (в Чернигов) из Володимеря выведен».

¹⁷³ Всеслав опять приступал к Новгороду тотчас по смерти Святослава. См. духов. Мономаха, 32, 33 .

¹⁷⁴ Кенигсб. 124.

¹⁷⁵ Духов. Моном. 33; Кенигсб. 124.

¹⁷⁶ Кенигсб. 124, 125, 126.

¹⁷⁷ Ипатьев. 13.

¹⁷⁸ Кенигсб. 126: «Бе же Изяслав муж взором красен, телом велик, незлобив нравом, крива ненавидя (а между тем обманом и клятвопреступлением захватил Всеслава), любя правду, клюки же в нем не бе, ни лсти, но прост умом, не воздая зла за зло; колико бо ему сотвориша кияне, самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не возда противу тмоу зла».

¹⁷⁹ Лавр. 92.

¹⁸⁰ Там же: «Се же Кыеве княжа, быша ему печали болше, паче неже сядящу ему в Переяславли. Седащю бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих яко начаша ему стужати, хотя власти, ов сея, ов же другое; се же смиривая их, раздаваше волосте им. В сих печали всташа и недузи ему, приспеваше старость к сим».

¹⁸¹ Лавр. 93.

¹⁸² Там же, 87.

¹⁸³ Так говорю я на том основании, что по кончине Всеволода и по принятии киевского стола Святополком в летописи сказано, что Мономах возвратился в Чернигов, а Ростислав в Переяславль. Лавр. 93.

¹⁸⁴ Лавр. 103.

¹⁸⁵ II, 130.

¹⁸⁶ Лавр. 87. Причину убийства приводит один Татищев. II, 136.

¹⁸⁷ Кенигсб. 127.

¹⁸⁸ Лавр. 87: «Всеволод же посади посадника Ратибора Тмуторакани».

¹⁸⁹ Там же: «Бежа Игоревичь Давыд с Володарем Ростиславичем, месяца мая 18 день, и придоста Тмуторакани».

¹⁹⁰ Там же, 88: «Приде Олег из Грек Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и седе Тмуторокани; и сече козары, иже беша светници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти».

¹⁹¹ Там же: «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день. В се же время выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка; и посла Всеволод Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери».

¹⁹² Олесье, теперь Алешки, соответствующее Геродотовой: *ολαια*.

¹⁹³ Кенигсб. 128: «Давыд зая гречники в Олешьи, и зая у них все имение; Всеволод же посла приведе и, и дасть ему Дорогобуж».

¹⁹⁴ Лавр. 88: «Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых советник; се уведа Всеволод, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополк же оставив матерь свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы. Володимеру же пришедшу Лучьску, и вдашася лучане; Володимер же посади Давыда Володимери, в Ярополка место».

¹⁹⁵ Лавр. 88.

¹⁹⁶ Там же, 88 и 89: «Многы беды приим, без вины изгоним от братья своя, обидим, разграблен, прочее и смерть горькую прият... моляше Бога всегда, глаголя: "Господи Боже мой! Приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двема братома моима Борису и Глебу"... его же прошенья не лиши его благый Бог».

¹⁹⁷ Лавр. 109: «Давыд же емь веру лживым словом, нача молвити на Василка, глаголя: "Кто есть убил брата твоего Ярополка? А ныне мыслить на мя и на тя"». Что Ростиславичи являются главными участниками в убийстве Ярополка, объясняется тем, что они прежде были в явной войне с ним и потому не могли надеяться, чтоб он теперь оставил их спокойно владеть в Червенских городах.

¹⁹⁸ Лавр. 89: «В се же лето ходи Всеволод к Перемышлю».

¹⁹⁹ Таково было последнее распоряжение Всеволода; на нем основываются князья при Любечском съезде.

²⁰⁰ Лавр. 87: «И възвратися Роман с половци вспять, и убиша и половци месяца августа 2 день, суть кости его и доселе тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля».

²⁰¹ Там же, 102: «Всегоже паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будет повинен смерти, а душа не погубяете никакая же хрестьяны».

²⁰² Лавр. 100: «Усретоша бо мя слы от братья моя на Волзе, реша: "Потеснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъемем; иже ли не поидеши с нами, то мы себе будем, а ты себе" и рех: "Аще вы ся гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити"».

²⁰³ Есть известие, что киевляне по смерти Всеволода просили Мономаха быть у них князем. Татищ. II, 116.

²⁰⁴ Лавр. 93: «Володимер же нача размышляти, река: "Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже от отца его был. И размыслив посла по Святополка Турову, а сам иде Чернигову, а Ростислав Переяславлю"». — Эти слова показывают, что ему было предложение от киевлян, и след. Татищев прав.

²⁰⁵ Там же: «В се время поидоша половци на Русьскуюю землю, слышавше, яко умерл есть Всеволод, послаша слы к Святополку о мире. Святополк же не сдумав с болшею дружиною отнею и строя своею, но съвет створи с пришедшими с ним, изымав слы всажа и в истобьку; слышавше же се половци, почаша воевати. И придоша половци мнози, и оступиша Торцийский град. Святополк же нача сбирати вое, хотя на не. И реша ему мужи смыслени: "Не кушайся противу им, яко мало имаши вои". Он же рече: "Имею отрок своих 800, иже могут противу им стати". Начаша же друзии несмыслени глаголати "пойди, княже"». Татищев (II, 147 и 151) говорит, что Святополк не хотел мира с половцами от скупости, ибо должен был дать им дары; и напоследок, чтоб не купить мира дарами, придумал другое средство повыгоднее, и женился на дочери хана их Тугоркана. Если мы сообразим другие поступки Святополка, то поверим Татищеву.

²⁰⁶ Обо всем этом см. в Печерском Патерике.

²⁰⁷ Лавр. 115: «Святополк же посади в Володимери Мстислава, иже бе ему от наложнице».

²⁰⁸ Татищ. II, 211.

²⁰⁹ Лавр. 104; 96: «Приде Олег с половци, из Тьмутороканя приде Чернигову, Володимер же затворися в граде, Олег же приде к граду и пожже около града и монастыре позже, Володимер же створи мир с Олгом, и иде из града на стол отень Переяславлю, а Олег вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бе бо сам повелел им воевати. Се уже третьи наведе поганья на землю русьскую; его же греха дабы и Бог простил, занеже много хрестьян изгублено бысть, а другии полонени и расточени по землям».

²¹⁰ См. выше.

²¹¹ II, 157.

²¹² Лавр. 97, 98; «Иде Давыд Святославичь из Новгорода Смоленську; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, поемши ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: "Не ходи к нам"; пошел Давыд, воротися Смолинську и седе Смолинське, а Мьстислав Новегороде седе. В се же время приде Изяслав, сын Володимерь, из Курска к Мурому; прияха и муромци, и посадника я Олгова».

²¹³ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 55, примеч. 106.

²¹⁴ Лавр, стр. 97.

²¹⁵ Там же, 98.

²¹⁶ См. письмо Мономаха к Олегу, при Духов[ной] стр. 48 и след.

²¹⁷ Лавр. 98.

²¹⁸ См. письмо Мономаха к Олегу. След., Татищев прав, II, 159.

²¹⁹ Лавр. 98: «Бысть межю ими брань люта, и стояша около града дней 30 и 3, и изнамагаху людья в граде. И вылезе Олег из града, хотя мира, и вдаста ему мир, рекъше сице: "Иде к брату своему Давыдови, и придита Киеву на стол отец наших и дед наших, яко то есть старейшей град в земли во всей Киев, ту достойно снятися и поряд положить"; Олег же обещае се створити, и на сем целоваша крест».

²²⁰ Садиться на один ковер для рассуждения о делах было в обычае у родичей. Лавр. 116.

²²¹ Лавр. 109: «Придоша Святополк, Володимер, Давыд Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыд Святославичъ, и брат его Олег, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша к себе, рекуще: почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да ноне отселе имемъся в едино сердце и блюдемъ русские земли».

²²² Вместе с областью Смоленскою и Ростовскою. В Смоленске был посажен Святослав Владимирович, умерший в 1114 году, Ипатъев. 4.

²²³ Там же.

²²⁴ Он умер в 1092 году.

²²⁵ Лавр. 113: «И нача ми глаголати (Василко какому-то Василию, которого рассказ внесен в летопись): "Се слышу, оже мя хочеть дати ляхом Давыд; то се мало ся насытил крове моея, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть им, аз бо ляхом много зла творих (см. Лавр. 92), и хотел семь створити и мстити Русьской земли (отомстить за поход Болеслава), и аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се поведаю ти: по истине яко на мя Бог наведе за мое возвышенье, яко приде ми весть, яко идуть ко мне берендичи, и печенези, торци, и рекох в уме своем: оже ми будутъ берендичи и печенези и торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайта ми дружину свою молодшою, а сама пейта и веселитаса; и помыслих: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядьскую, и мьццю Русьскую землю; и посем хотел есм переяти болгары дунайские, и посади-

ти я у собе; и посем хотех проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю"».

²²⁶ Лавр. 109: «И приде Святополк с Давыдом Кыеву, и ради быша людье вси; но токмо дьявол печален бяше о любви сей, и влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице: "Яко Володимер сложился есть с Василком на Святополка и на тя"». Лавр. 113: «Ве не приидохове (говорят Ростиславичи владимирцам) на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, Туряка, и на Лязаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло».

²²⁷ Там же, 109: «И на том целоваша крест, "да аще кто отселе на кого будеть, то на того будемь вси и крест честный", рекоша вси: "Да будет нань крест честный и вся земля Русьская"».

²²⁸ Лавр. 110: «И реша боларе и людье: "Тебе княже достоить блюсти головы своя; ад еще есть право молвил Давыд, да примет Василко казнь; ащели не право глагола Давыд, да примет мечь от Бога и отвечает пред Богом". И уведеша игумени, и начаша молитися о Василке Святополку; и рече им Святополк: "Ото Давыд"».

²²⁹ Лавр. 111, 112.

²³⁰ Лавр. 114: «Святополк же прогнав Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глагола: "Яко се есть волость отца моего и брата"».

²³¹ Там же: «Давыд затворися в граде, чая помощи в лясехе. Беша бо ему рекли: "Яко аще придут на тя русские князи, то мы ти будем помощницы"; и солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка"».

²³² Там же, 115.

²³³ Лавр. 116, 117.

²³⁴ Племянник его Мстислав ушел варяжничать на море (Лавр. 116), но после возвратился и ходил с нашими князьями на половцев.

²³⁵ Святополку скоро удалось отделаться от племянника Ярослава Ярополчича, князя брестского. Ярослав преждевременную смерть отца был также исключен из владения родовой собственностью; несмотря, однако, на обычай, подобно всем исключенным князьям не довольствовался одним Брестом, но имел притязания на всю отчину свою, т. е. Волынь, и хотел оружием поддержать эти притязания. Святополк взял его в плен и в оковах привел в Киев; упрощенный духовенством, в. князь снял оковы с племянника, оставя его в Киеве; но Ярополчич нашел средство убежать из этого города, однако был схвачен двоюродным братом Ярославом и заключен вторично в оковы. — Лавр. 117. У него остался другой брат Вячеслав. — Лавр. 118.

²³⁶ Лавр. 416, 417: «И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: "Поими брата своего Василка к собе, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо, да его кормим зде, а холопы наша выдайта и смерды". И не послуша сего Володарь, ни Василко».

²³⁷ Ипатьев. 4: «И плакашися по нем бояре и дружина его вся». — И только, о духовенстве и остальном народонаселении ни слова, несмотря на то, что Святополк отличался наружным благочестием: «так бо обычай имяше Святополк: коли идаше на войну, или инамо, коли поклонивъся у гроба Феодосьева и молитву взем у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой». Лавр. 120.

²³⁸ Там же: «Княгини же его много раздели богатство монастырем и попам и убогим, ако дивитися всем человеком, яко такая милости никто же может створити».

²³⁹ Татищев. II, 212.

²⁴⁰ Ипатьев. 4.

²⁴¹ Лавр. 118: «И послата ко Олгови и Давыдови, глаголюща: "Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви". И послуша Давыд, а Олег не всхоте сего, вину река: "Не сдравлю"».

²⁴² Там же, стр. 7: «Приходи Володимер на Глеба: Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск ѱожег, и не каяшеться о сем, ни покоряшеться, но боле противу Володимеру глаголаше, укоряя и». Лавр. 104: «и потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял».

²⁴³ Ипатьев. 7: «И нача ся молити Глеб Володимеру, шля от себе послы; Володимер же съжалиси тем, оже противашеться кровь в дни постънья великого поста, и вдасть ему мир; Глеб же, вышед из города с детьми и дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша речи о мире, и обещася Глеб по всему послушати Володимера. Володимер же, смирив Глеба и наказав его о всем, вдасть ему Менеск, а сам възвратися Киеву».

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Лавр. 118.

²⁴⁶ Ипатьев. 4.

²⁴⁷ Другая сестра его, Предслава Святополковна, была замужем за сыном Коломановым.

²⁴⁸ Ипатьев. 8: «Иде Володимер на Ярослава к Володимерю, и Давыд Ольговичь, и Володарь, и Василко, и оступиша и у городе Володимери, и стояша дний шестьдесят, и створи мир с Ярославом, Ярославу покорив-

шюся и вдарившю челом перед стрьем своим Володимером; и наказав его Володимер о всем, веля ему к себе приходити, «когда ты позову», и тако в мире разидошася кождо в свояси».

²⁴⁹ Никон. II, 53.

²⁵⁰ Лавр. 104: «И потом ходихом к Володимерю на Ярославця, не терпяче злоб его».

²⁵¹ Ипатьев. 8: «Посла Володимер Андрея с погаными на ляхы, и поеваше е».

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же, 9'.

²⁵⁴ Ипатьев. 9.

²⁵⁵ Он родился в 1104 году, Лавр. 119.

²⁵⁶ Лавр. 130, 131.

²⁵⁷ Жена Святополка умерла в 1124 году, Лавр. 129.

²⁵⁸ Ипатьев. 15.

²⁵⁹ Олег умер в 1115 году. Ипатьев. 7; Давыд в 1122, там же, 9.

²⁶⁰ Ипатьев. 11.

²⁶¹ Ипатьев. 4. г. 1114: «Посади сына своего Святослава в Переяславле, и Вячъслава у Смоленъске». — г. 1115: «преставися Святослав, сын Володимерь, и положен бысть в Переяславле, ту бо отецъ ему дал стол выведы и из Смоленъска».

²⁶² Курск был отнят у Черниговских. Мономаховичи посадили здесь храброго Изяслава, дабы он препятствсвал соединению Ольговичей с половцами. Лавр. 130: «Мстислав же с Ярополком совокуписта во е, хотяще ити на Всеволода про Ярослава; и Всеволод послася по половце. И приде их 7 тысящъ со Селуком и (с Ташем), и стаха у Ратьмире дубровы за Вырем. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша их опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадил Куръске».

²⁶³ Всеволодко Давыдович, внук Игоря Ярославича, за ним была дочь Мономаха. Догадка Карамзина.

²⁶⁴ Карамзин (т. II, гл. VIII) думает, что это сын Ярослава Святополчича, бывшего князя владимирского; Ярослав женился в 1112 году (Ипатьев. 3);

положим, что Вячеслав был первенец и родился через год — и тогда в 1127 году ему было только 14 лет! Впрочем, в это время князей водили в походы очень молодыми.

²⁶⁵ Лавр. 130.

²⁶⁶ Там же, 131.

²⁶⁷ Ипатьев. 15: «зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Русскую землю в помощь, но паче молвяху Бонакови шелудивому во здоровье, и про се ся Мьстислав разъгневася на не и хотяше на ня ити, но не лзе бо бошеть ити, зане бяху бо тогда налегли половци на Русь, и тому стояшеть бьяся с ними ся перемагаяся. И упорозьняся Мьстислав от рати, и помяну, первей посла по кривитьстеи князе, по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогъволодича два, и усажа у три людьи и потоми й Царю-граду, за неслушание их, а мужи свои посажа по городом их».

²⁶⁸ Ипатьев. 12: «Преставися благоверный князь Мстислав, Володимер сын, оставив княжение брату своему Ярополку, ему же и дети свои с Богом на руце предасть».

²⁶⁹ Лавр. 132.

²⁷⁰ Ипатьев. 10: «Ольгович Всеволод я стрья своего Ярослава Чернигове, изъехав й, а дружину его изсече и разъграби... Мьстиславу бо боли належащу на Всеволода... Всеволод же нача ся молити Мьстиславу, и бояры его подьучивая и дары дая, моляшеться им; и тако пребысть все лето до зимы. И прииде Ярослав из Мурома к Мьстиславу, кляняся ему моляшеться, река: "Хресть еси целовал ко мне, пойди на Всеволода". — Всеволод же болма моляшеться Мьстиславу. Бяшеть бо в ты дни игумень святаго Андрея Григорий, любимь бо бе прежде Володимером, чтен же ото Мьстиславу и ото всих людей, тог бо не вдадыше Мьстиславу вьстати ратью по Ярославе, река: "Тоти меньше есть, онже переступив хрестьное целование на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестьяньоскую". И с вькупивше сбор иерейский, митрополита же в то время не бяше, и рекоша Мьстиславу: "На ны будеть тот грех". И створи волю их, и съступи хреста Мьстислав к Ярославу, и плакался того вся дни живота своего».

²⁷¹ Лавр. 132: «Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новгорода, и да ему Переяславль по хрестьному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отчю повеленью, акоже баше има дал Переяславль с Мстиславом».

²⁷² См. предыдущее примечание. След., Мстислав считался князем переславским, а жил только в Белгороде, чтоб быть поближе к Киеву, на случай отцовской смерти, и еще, вероятно, для того, чтоб стоять настороже против покушений Ярослава Святополчича из Владимира.

²⁷³ Новгор. пер. 6.

²⁷⁵ Лавр. 132, Ипатьев. 12. «И седе Гюрги дний 8, и выведе и Ярополк хрестьнаго ради целованья, и посла по другога Мстиславича в Полтеск, и приведе и с клятвою». В Никон. (II, 66) все перепутано.

²⁷⁶ Там же: «Полочане же рекша: "Лишается нас", и выгнаша Святополка". О последнем см. Арцыбаш. Повеств. о России, т. I, кн. II, стр. 74, примеч. 451

²⁷⁷ Лавр. 132, Ипатьев. 12. «Видев же то Ярополк, уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе с нужею; тое же зимы даша Изяславу Туров и Пинск к Меньску, то бо башеть его осталось передьние волости его; и тако хресть целоваша, и поча лишатися Вячеслав Переяславля, и дошед Городца воротися опять. В лето 6642 выиде Вячеслав из Переяславля, и иде опять Турову, не послушав брата своего Ярополка. В лето 6643 Георгий князь Володимерич испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль, и Ростов, и прочую волость свою, но не всю».

²⁷⁸ Подробности см. в моем исследовании об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 64 и след.

²⁷⁹ Лавр. 130: «Мстислав же с Ярополком совокуписта вое, хотяще ити на Всеволода про Ярослава; и Всеволод послася по половце. И приде их 7 тысящ с Селуком (и с Ташем), и сташа у Ратьмире дубровы за Вырем. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша их опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадил Курьске». Что Курск с посемскими городами принадлежал точно Ольговичам, свидетельствует следующее место летописи Ипатьев. 45: «И посла (Юрий) по Володимира по Давыдовича Чернигову, и приеха Володимир к Гюргеви и поклонися ему; а Святослав Ольгович нача ему молвити: "Держиши отчину мою", и тогда взя Курск и с Посемьем, и Сновскую тысячу у Изяслава, и Случьск, и Кльчбск, и вси Дрегвиче». — Курск, как мы видели, был отдан Мстиславом сыну своему Изяславу, а Клевчск — одному из потомков Изяслава I, Вячеславу, см. выше.

²⁸⁰ Ипатьев. 13: «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отец держал при вашем отци, того же и мы хотим; аже не вдасть, то не жалуйте что ся удееть, то вы виновати, то на вас буди кровь».

²⁸¹ Ипатьев. 13.

²⁸² Это было в 1135 году, а Юрій ушел к себе в Ростов только в 1137 году (Ипатьев. 14); след., он долго оставался в Руси и жил, вероятно, в Городке, который вместе с некоторыми другими городами постоянно оставался за ним. См. Ипатьев. 65, 66. Лавр. 135: «поима города Гюргеви Олговичь». Ипатьев. 17.

²⁸³ Ипатьев. 14: «Ярополк же бяше събрал множество вой нань изо всех земель, и прием рассмотрение в сердци, не изиде нань противу, ни створи кровопролитя: но убоявся суда Божия, створися мний в них, хулу и укор прия на ся от братье своея и от всех, по рекшему: любите враги ваша. И створи с ними мир в 12 генваря, и целоваше хрест межю собою, ходячю межю ими чествуному Михаилу митрополиту со крестом, и вда Ярополк Олговичем отчину свою, чего и хотели».

²⁸⁴ Лавр. 133: «Послаша Олговичи по половци, и начаша воевати по Суле; Андрееви же не могуцю супротивитися им, а от братьи не бысть ему помощи, и всхоте лишитися Переяславля; и тако уведевше Олговичи, яко Андрееви не бысть помощи от братье, и лестными словесы аки без печали ѿ створиша».

²⁸⁵ Ипатьев. 15: «И владившеся целоваша честный крест, разидошася кождо в свояси». Лавр. 133: «И посла (Всеволод) с покореньем к Ярополку, испроси мир, и целоваше честный крест, и створиша мир, и разидошася славяще Бога, и по семь паки створиста мир Ярополк со Всеволодом Олговичем, и дары многы межю собою даяше, и идоста разню в свояси».

²⁸⁶ Ипатьев. 15, Лавр. 134.

²⁸⁷ II, 259: «Всеволод же Олговичь, ведая, что Вячеславу Юрий слабости его ради владеть не даст и опасаяся, чтоб Мстиславичи ко стрыям своим не пристали, созвал братию свою Игоря и Святослава Олговичев, Владимира и Изяслава Давидовичев, и объявил им намерение свое, что хочет достать себе великое княжение, требуя их помощи, а за сие их наградить владениями: Давидовичам отдать Чернигов, Игорю Переяславль, Святославу Курск, а Северу и Вятич до времени себе оставил со всеми областями, и согласяся потом послал на скоро к Изяславу Мстиславичу с тем представлением: "Хотя тебе по отце Киев надлежит (это мог сказать Всеволод, выгнавши дядю); но дядья твои, а паче Юрий, не дадут тебе удержатъ, как сам знаешь, что и прежде вас изгоняли, и естли бы не я, то бы вы никакого удела от Юрия получить не могли; того ради ныне хочу я Киев взять, и вас, яко братию, содержать, не токмо ныне надежащими владениями вас удовольствую, но и по смерти моей Киева мимо тебя ни сыну моему не отдам, токмо вы не собирайтесь противо меня со стрыями вашими". Что Изяслав приняв себе за полезное, крестным целованием сей договор утвердили». — Этим только можно объяснить равнодушные киевлян к занятию Ольговичем их города: они видели, что Изяслав Мстиславич, которого они считали представителем любимого Мономахова рода, заодно со Всеволодом и будет его наследником; как же скоро они обманулись в последнем, то не захотели Ольговичей и призвали Изяслава. См. ниже.

²⁸⁸ Ипатьев. 15: «Всеволод же вниде в Киев, с честию и славою великою, и приде к нему Игорь, бе бо Игореву обещал из давна дати под собою Чернигов; и не да ему, но да и Давыдовичю Володимеру, и свади братию, и тако отпусти е».

²⁸⁹ Ипатьев. 77; 58. — Новгород. перв. 8: «Приде Гюрги князь из Суждали Смоленську, и зваша Новгородце на Киев на Всеволодка, и не послушаша его, и тогда бежа Ростислав Смоленську к отцю из Новгорода; и разгневался Гюрги, идя опять Суждалю».

²⁹⁰ Ипатьев. 16: «Седшю Всеволоду Киеве, и тогда нача слатися к Володимеричем и ко Мстиславичема, хотя мира с ними, и вабяше князя Изаслава Мстиславича из Володимеря; и не всхотеша ко Всеволоду того створити, но ссылахуться сами межи собою, хотяче нань пойти Киеву». — Татищев (II, 261) пишет, будто Изяслава уведомили, что зять хочет схватить его.

²⁹¹ См. Стрыйковского, [с.] 84, 85.

²⁹² Ипатьев. 16: «Васильковичъ же и Володаревичъ Галичскій князь привабиша к собе Изяслава Мъстиславича, и не върядивъшеса възвратиса. Изяслав же иде с сынома и воева волость Вячеславлю, и възвратиса опять, ляхове же Володимерскую волость, помогаюче Всеволоду». Здесь ошибка или в имени князя, или в имени волости: Изяслав не мог воевать волость своего дяди, ибо в это время дело у них было общее.

²⁹³ Там же, 17: «И посла Вячьслав и Изяслав Мъстиславич послы свои к Всеволоду, с речми, рядитися; Всеволод же не хоте учинити воле их, и последе съдумав оже ему без них нелзе быти, и дав им прошение их и крестъ к ним целова». Там же, 16: «Пришед же Всеволод к Переяславлю, хотя выгнати Андрея, а брата своего посадити, Андрееви рекуче: "Курьску изволи ити". И Андрей тако рече, сдумав с дружиною своею: "Лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курьское княжество, отецъ мой Курьске не седел, но в Переяслави, хочю на своей отчине смерть прияти; оже ти, брате, не досити волости, всю землю Русскую держачи (т. е. одну Киевскую область, которая и была собственно Русская земля), а хочещи сеа волости, а убив мене, а тебе волость, а жив не иду, и проч." И стояше на Днепре Всеволод, и посла Всеволод брата своего Святослава с полкы к Переяславлю, и усретоша Андреева дружина и бишася с ним; и поможе Бог Андрееви на Святослава... И за утра мир створиста Всеволод с Андреем, и целова крест Андрей, Всеволод же бяше не целовав креста еще, и на ту ноць загореся Переяславль; Всеволод же исполнився страха Божия и не посла к городу никогоже. На утрия же Всеволод поча молвити к Андрееви: "Видиши яко я к тебе креста еще не целовал, а то ми был Бог дал, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотел, то чтобы ми годно, тоже бы створил, а ныне целовал еси крест ко мне, аже исправиль, а то добро, не исправиль ли, а Бог будет за всим"». Из этого видно, что Всеволоду нужно было только, чтоб Андрей исполнил клятву признавать его старшинство и не соединяться с родичами, ибо главная цель в. князя — разьединение Мономаховичей.

²⁹⁴ Ипатьев. 17. Мое исследов. об отношениях Новгорода к в. к., стр. 71.

²⁹⁵ Брат его Владимир также не остался в Бресте, ибо сначала Всеволод дал этот город им обоим: «Всеволод же, не хотя перепустити Нова-

города Володимерю племени, призва шюрина своя, да им Берестий». Ипатьев. 17; а потом мы видим, что в. к. отдает уже Брест братьям своим, стр. 18.

²⁹⁶ Ипатьев. 17, 18.

²⁹⁷ Ипатьев. 18.

²⁹⁸ Ипатьев. 18, 19: «Всеволод же не хотя того, оже ся братья съвѣкупила в едину мысль, посла к Давыдовичема, рка има: "Отступита вы от брату моею: аз ваю наделю"; она же переступиша хрестъное целование, отступиста от Игоря и от Святослава к брату Всеволоду, Всеволод же рад быв разлученью их, и уладився о волость, и да Берестий, Дорогичин и Въщижь, Ормину (т. е. Давыдовичам), а братама послав и да има, Игореву Городечь Гюргев (т. е. Городец, отнятый им у Юрия Ростовского) и Рогачев, а Святославу Клеческ и Черторыеск — и тако разидошася».

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же: «Изиде Изяслав к стрывеви своему Гюрдрави Суждалю, и не уладився с ним, иде к брату своему Ростиславу Смоленську, и оттоле иде к другому брату своему Святополку Новгороду».

³⁰¹ Ипатьев. 20: «Роскаторостася Всеволод с Володимерком про сына, оже седе сын его Володимири, и почаста на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестъную, Всеволод же с братьею иде нань».

³⁰² Там же.

³⁰³ Ипатьев. 22.

³⁰⁴ Там же, 21: «Посла Всеволод по братью свою, по Игоря и Святослава, и по Давыдовича по Володимера и Изяслава, и придоша Киеву... "и нам Володимер посадил Мьстислава сына своего по себе в Киеве, а Мьстислав Ярополка брата своего; а се я мольваю: оже мя Бог поиметь, то яз по собе даю брату своему Игореву Киев". И много замышлявшю Изяславу Мстиславичю, нужна бысть целовати крест. И седшим всей братьи в Всеволода на сенех, и рече им Всеволод: "Игорю! Целуй крест, яко имети братью в любовь, а Володимер, и Святослав, и Изяслав, целуйте крест ко Игореву, что вы начнетъ даяти, но по воле, а не по нужи" — и целоваша на всей любви крест».

³⁰⁵ Там же, 23: «Ты наш князь, поеди, Олговичь, не хочем быти акы в задничи», — говорили они Изяславу.

³⁰⁶ См. мое исследов. об отношениях Новгорода к в. к., стр. 25.

³⁰⁷ Воскр. I, 283: «Игорь же тако обещася и якоже обещася вниде в Киев и непоча потому чинити якоже людие хотяху и не угодно бысь им».

³⁰⁸ Ипатъев. 23: «И не угоден бысть Кияном Игорьъ, и послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: "Пойди княже к нам, хоцем тебе". Изяслав же, собрав вся на поли и хрестьяны и поганья, и рече им: "Братъе! Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, за неже ми брат и зать старей мене яко отецъ; а с сими како ми Бог дасть и сила животворящего креста, да любо си голову положю перед вами, любо си налезу столь деда своего и отца своего"».

³⁰⁹ Там же: «Прислашася к нему чернии клобуци и все Поросье, и рекоша ему: "Ты наш князь, а Олговичъ не хочем; а поиди вборзе, а мы с тобою". И поиде Изяслав к Дерновому, и ту совокупишася вси клобуци и поршане; том же месте прислашася к нему белогородьчи и василевци, тако же рекуче: "Пойдти, ты наш князь, а Олговичъ не хочем"; том месте приехаша от киян мужи, нарекуче: "Ты наш князь, поеди, Олгович не хочем быти акы в задничи, кде узрим стяг твой, ту и мы с тобою готови есмь"».

³¹⁰ Там же: «Игорь же посла к братома своима, Володимиру и Изяславу, и рече: "Стоита ли, брата, у мене у хрестьяном целовании?" Она же и въспросиста у него волостий много. Игорь же им вда, и повеле има ити к собе; она же пойдоста. Игорь же позва Улеба и Ивана Воитишича и Лазаря Саковского, и рече има: како еста была у брата моего, такоже будета и у мене; а Улебови рече: "Держи ты тысячу, как еси у брата моего держал». Всекозненный же дьявол, не хотя любви межю братьею, и вложи в сердце злым советом Улебови тысячьскому, Иванови Воитишичу, иже совещаста съвет зол с кияны на князя своего (иже бяху велику честь приимали от Всеволода и от брата его, ти же почаша лстити под князем своим)". — Поведение этих бояр объяснить легко: они видели всеобщую ненависть к Ольговичам, знали, что им не удержаться, и потому спешили соединиться с гражданами, чтоб удержать их расположение и благосклонность нового князя, которому они доставляли стол. — Там же: «Начальники же быша съвету злomu тому, о них же переже рекохом, Улеб тысячьской же, Иван Воитишичъ и Лазарь Саковський, а в Святославли полку Василь Полочанин и Мирослав Хиличъ внук».

³¹¹ Ипатъев. 24: «Изяслав же с великою славою и честью въеха в Киев; и приведе к собе Святослава, и рече ему: "Свой ми еси сестричичъ" — и поча и водити подде ся».

³¹² Там же, 25: «И посластася к Изяславу: "Игорь како то тебе зол был, тако и нама, а держи твердо" — а к Святославу поласта, рекоста: "Пойди из Новагорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши". Святославль же рече: "Ни волости хочю, ни иного чего, разве толико пустите ми брата" — она же реквста: "Целуй к нама крест, яко не просите брата ни его взищеси, а волость держи"». Там же: «Давидовича рекоста: "Се есве зачала дело зло, а свершивше до конца братоуби-ство; поидиве, искоренив Святослава и переимеве волость его; сгадаша же то и въспросиша Изяслава ити на Святослава Новугороду"». — Здесь, кажется, киевский летописец влагает от себя такие ужасные слова в уста Давидовичей. Впрочем, какую ненависть питали Давидовичи к Ольговичам можно видеть также из следующего: (Ипатъ-

ев. 27): «И розъяривса (Изяслав Давидович) рече братьи своей: "Пустите мя по нем (по Святославе), аче сам утечеть мене, а жену ѿ дети от него отъому, имение его въсхыщю". Или: (там же, 29): "съзвавша (Давидовичи) вятиче и реша им: «Се есть ворог нама и вам, а ловите его убита лестию и дружину его избити, а имение его на полон вам"».

³¹³ Им управляли бояре: Ипатьев. 25.

³¹⁴ Там же, 61.

³¹⁵ Там же, 49.

³¹⁶ Ипатьев. 25.

³¹⁷ Ипатьев. 30; Лавр. 138.

³¹⁸ В Рязанском княжестве происходила также борьба между дядею и племянником: Ростислав Ярославич не хотел дать волости племяннику Владимиру Святославичу, тот, бежав от него, находился в стане врага его, Святослава Ольговича. Ипатьев. 25.

³¹⁹ Ипатьев. 31: «Кияне же рекоша: "Княже! Ты ся на нас не гневай, не можем на Володимере племя руки възнати; оля же Олговичъ хотя и с детьми"». В 1147 жители Курска отвечали таким же образом Изяславу: «Оже се Олгович, радися, за тя бьем и с детьми, а на Володимере племя на Гюргевица не можем руки подъяти». Там же, 35.

³²⁰ Там же: «Изяслав же рече им: "А тот добр, кто помне поидеть!" и то рек, съвъкупи множество вои и поиде».

³²¹ Там же: «Кияне же слышавше рекоша: «Княже! Не ходи с Ростиславом на стрья своего, лепле ся с ним улади, Олговичем веры не ими, ни с ними ходи в путь»».

³²² Там же, 32: Они сами говорят Изяславу: «Брат! Целовали есми крест к Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши Игоря, а он уже чернецъ и скимник, а пусти брата нашего».

³²³ Там же, 31: «Тогда же Всеволодичъ Святослав держаше у Изаслава Божьский, Мечибожие, Котелницу, а всех пять городов; и приеха к Изяславу, поча ся у него просити, река: "Отче! Пусти мя Чернигову наперед, тамо ми жизнь вся, у брату (которые были ему дядья) моею у Володимира ѿ у Изяслава хочю волости просити"».

³²⁴ Там же, 32: «Се Володимер Давыдовичъ и Изяслав и Всеволодичъ Святослав, ему же аз много добра створих, целовали ко мене крестъ, ныне же целовали потай мене хрест к Святославу Олговичю, и к Гюргеви ся послали, а надо мною лестъ учинили, хотели мя любо яти, любо убити про Игоря, но Бог мя заступил и хрест честный, его же ко мне целовали; ныне

же, братье кияне, чего есте хотели, чим ми ся есте обечали, пойдите по мне к Чернигову на Олговичь, доспевайте от мала и до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лодьи, ти бо суть не мене единого хотели убити, но и вас искоренити».

³²⁵ Ипатьев. 33.

³²⁶ Там же, 35: «Изяслав же слышав то, и прослезився и рече: "Аще бых ведал, оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а могл бых Игоря съблюсти", и рече Изяслав своей дружине: "То мне есть порока всякого от людей неуйти, тем есть речи: Изяслав велел убити; но тому Бог послух, яко не повелел, ни науцив; а то уже Богови судити"... и жалова на кияны».

³²⁷ Там же, 37.

³²⁸ Там же, 39: «Тако на том целоваша хрест у святом Спасе ворожду про Игоря отложити, а Руской земли блюсти и быти всим за один брат».

³²⁹ Ипатьев. 39. Лавр. 138. «Поиде Ростислав Гюргевиць из Суждаля с дружиною своею, в помочь Олговичем, на Изяслава Мстиславича, послан от отца своего. И сдумав Ростислав с дружиною своею, река: "Любо си ся на мя отцю гневати, не иду к ворогом своим, то суть были ворози и деду моему и строем моим; но поидем, дружино моя, к Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость"; и послася к Изяславу. Изяслав же рад быв, посла противу ему мужи свои; и пришедшю ему, рад бысть Изяслав и створи обед велик, и да ему Божьский, ины города, а к Глебови послав рече: "Иде ко Олговичем, к тем еси пришел, ати ти дадут волость". И иде Глеб Чернигову, а оттуда к отцю, а Ростислав иде в Городец, а по городом посажя посадники своя». См. выше, гл. I.

³³⁰ См. мое исследование об отношениях Новгор. к в. к., стр. 73, 74.

³³¹ Ипатьев. 41: «И начаша ему поведати на Гюргевица на Ростислава, рекуче: "Много зла бяше замыслил, подмолвил на тя люди, берендиче и кианы; толико бы Бог отцю его помог (т. е. во время Изяславова похода на него из Новгорода), и оному было въехавши в Киев, и дом твой взяти, и брата твоего яти, и жену твою и сына твоего; а пусти и к отцю, то твой ворог, держиши на свою голову"».

³³² Там же: «Ростислав же пришед к отцю своему в Суждаль, и удари перед ним челом, и рече: "Слышал семь, оже хочеть тебе вся Руская земля и черныи клобуки, и тако мольвят: и нас есть обезчествовал (т. е. Изяслав дурно поступил с ними); а поиди нань"».

³³³ Что некоторые из переяславских граждан и прежде не были довольны своим князем Мстиславом Изяславичем доказывает следующее место летописи (Ипатьев. 36, Лавр. 138): «Еха Гюргевиць Глеб и зая городок отень (т. е. Городец, принадлежавший прежде отцу его Юрию, отень — прилага-

тельное) у Изяслава, и слышав Изяслав, посла к нему зовя Киеву к себе, обещава же ся ити к нему и не иде; послушав же Жирослава, рекуща ему: "Пойди Переяславлю, хотять тебе Переяславчи", послушав же его иде вборзе к Переяславлю. Свитающи дни, Мьстиславу же лежащю и дружине его, пригнавшесте сторожеве рекоша ему: "Не лежи, княже, Глеб пришел на тя вборзе". Събрав дружину, выступи противу ему из города, и стояв Глеб до заутрея воротися опать; Мьстислав же совокупивъся с дружиною и с Переяславци, гна по нем и угони у Носова на Руде, изоймаша неколико дружины его, а сам иде в Городечь, а Мьстислав иде к Переяславлю». — Из этого видно также, что Изяслав переманивал к себе сыновей Юрия, обещааясь дать им волости на Руси и таким образом показать себя настоящим старшим в роде Мономаха, готовым блюсти интересы всех родичей.

³³⁴ Ипатьев. 41, 42.

³³⁵ Там же, 43.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Ипатьев. 43.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же, 44: «И бысть леть в Переяславчех, рекуче: "Гюрги нам князь свой, того было нам искати и далече", то рекуче и поскочиша; видивше же полци Изаславли и Ростиславли, смятошася».

³⁴⁰ Там же, 44 и 45.

³⁴¹ Ипатьев. 45: «Гюрги же старейшаго сына своего Ростислава посади у Переяславли, Андрея Вышеграде, а Бориса в Белегороде, а Глеба в Канове, а Василка в Суждали».

³⁴² Ипатьев. 60, 61.

³⁴³ Там же, 48.

³⁴⁴ Сын Ярослава Святополчича или Ярополчича: кого именно из двоих, решить невозможно.

³⁴⁵ Ипатьев. 46, 47: «Изяслав же хотяше всих даний к Новугороду новгородцкых, акоже есть и пережи было — и тако не уладишася, и не послуша его Дюрги, прием светника Дюрга Ярославича, и не да даний, а Изяслав их не отступися. И тако створи Дюрги, оже уже ляхове воротишася и Угре, и рече: "Выжену Изяслава, а волость его всю перейму"... и в то время пойде Володимер из Галича полкы своими, и пришед ста на Полоной межи Володимером и Луческом, и тако розъеха с... того дея межи ими ста, хотя е уладити межи ими... Володимеру же молящюся о Изяславе, Ростиславу же сыну Дюргеви с Дюргем Ярославичем не дадуцима миритися, Изяслав же

паче моляшесе о миру. Андрееви же Бог вложи в сердце, и нача молитися отцю, глаголя: "Не слушай Ярославича Дюргя, примири сыновца к собе, не губи отцины своя"».

³⁴⁶ Там же, 48: «Брате! Мирися; хочеши ли не уладивься пойти прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожьжет».

³⁴⁷ Там же: «Юрий не давал и Ростиславу Смоленскому дани с тех Суждальских волостей, которые тянули данью к Смоленску». См. Уставные грам[оты] Ростислава епископии Смоленской 1150 года, в Дополн. к Актам Историч. т. I, № 4.

³⁴⁸ Там же, 49: «Вы мне братья своя, до вас нету речи никоеяже; но обидить мя твой отец, а с нами не умеет жити».

³⁴⁹ Там же, 50: «И тако целоваста хрест у святою мученику на гробе, на том: Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава — на том же и мужи его целоваше хрест, ако межи има добра хотети и чести ею стеречи, а не сваживати ею». — Последнее очень важно, ибо мы постоянно видим, что дружинники ссорят князей.

³⁵⁰ Там же, 51.

³⁵¹ Ипатьев. 51.

³⁵² Там же.

³⁵³ Ипатьев. 54.

³⁵⁴ Там же, 55: «А мы поедем в свой Киев, а в сильный полк в киевский аже въедем в не, то аз веде, ти ся за ма биють».

³⁵⁵ Там же, 50: «Кияне же, услышавше Изяслава, изидоша противу ему с радостью».

³⁵⁶ Дочь Юрия была за сыном Владимира, Ярославом.

³⁵⁷ Ипатьев. 56.

³⁵⁸ Там же, 57: «Присла Вячеслав к Изаславу, и рече: "Сыну! Бог ти помози, оже на мене еси честь возложил, акы на своем отци; а яз паки, сыну, тебе молвлю: яз есмь уже стар, а всих рядов не могу уже рядити, то будеве оба Киеве; а чи нам будет который ряд или хрестьяных или поганых, а идеве оба по месту, а дружина моя и полк мои, а то буди обещаю нама, ты же ряди, а чи кде нам будет мочно обеимши ехати, а оба едеве, паки ли а ты езд с моим полком и с своим"».

³⁵⁹ Ипатьев. 60, 61: «Вячеслав же рече мужеви своему: "Поеди к брату Гюргеви, брата от мене целуй; а вы брата и сына, Изаслав и Ростислав,

слушайта, перед вами и отряжу; тако молви брату моему: аз есмь, брате, тебе много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьяньскы, не погубита Рускы земле, того вас есмь бороня и не правил себе, оже мя переобидила, и первое и другое безчестье на мене еста положила, а полкы имею, а силу имею и Бог ми дал; но яз, Рускыя дела земли и хрестьян дея, того всего не поманул, но и еще то вам есмь явил, оже Изяслав еда биться с Игорем, тако молвит: «Яз Кіева не себе ищю, но оно отец мой Вячьслав брат.старей, а тому его ищю — а то ти молвить биться еда — а и Бог ему помогл, а он же Киев себе, и еще над тем и Туров и Пинск у мене отнял, то ти Изяслав мя тем приобидил; а ты паки, брате, поеда Перяяславу с Изяславом биться», такоже моловиши: «Яз Кіева не себе ищю, оно у мене брат старей Вячьслав яко и отец мне, и тому его ищю — а Бог ти помогл, а ты же Киев себе, и еще над тем Пересопницу и Дорогобужь еси у мене отъял, а ты мя тако переобидил, а мне еси Вышегород один дал; яз же того всего не правил, Рускыя дея земля и хрестьян дея, и еще ваю есмь утягывал, а вы мене не слушаета, то ти ни мене еста не управила, еже рекша, но Богови, и то ми еси молвил: противу молоджьшему не могу ся поклонити, се же Изяславль аче и двоича ступил слова своего, се же ныне добыв Кіева и поклонил ми ся, и честь на мнѣ положил, и в Кіеве мя посадил, и отцем мя назвал, а яз его сыном; даже еси рекл: молоджьшему ся не поклоню, да се яз тебе старей есмь не малом, но многом, азъ уже бородат, а ты ся еси родил; паки ли хоцещи на мое старшинство поехати, яко то еси поехал, да Бог за всим», и тако посла. Гюрги же противу тому присла свой посол, и рече к Вячьславу: «Яз ся тебе, брате, кланяю; тако право естъ ако то и молвиши: ты мне еси яко отец; аже ся хоцещи со мною рядити, ать поедет Изяслав Володимерю, и Ростислав Смоленську, а ве ся сама урядиве». Вячеслав же рече: «У тебе сынов 7, а яз их от тебе не отгоню, а у мене едина два сына Изяслав и Ростислав, а инии молоджьшии (т. е. Святополк и Владимир Мстиславичи) суть же, но я, брате, тебе молваю, Рускы дея земля и хрестьянь дея, поеди же у свой Перяяславль и в Курьск, и с своими сыны, а онамо у тебе Ростов великий, и Олговичи пусти домови, а сами ся урядим, а крови хрестьяньскы не пролеймы; паки ли по своему замыслу пойдеши и проч.»».

³⁶⁰ Там же, 62.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Ипатьев. 62.

³⁶³ Там же, 63: «Съступившимся пълком, бысть сеча крепка».

³⁶⁴ Там же, 65.

³⁶⁵ Ипатьев. 65: «И Андрей испросися у отца наперед Суждалю, река: "Се нам уже, отце, zde у Руской земли на рати, ничтоже, а за тепла уйдем"». Лавр. 144: «Андрей же оттоле иде от отца своего Суждалю, а отцю же вставшю его много; Андрей же рече: "На чом есмы целовали крест, ако пойти ны Суждалю", и иде в свою волость Володимери».

³⁶⁶ Лавр. 345, 346.

³⁶⁷ Ипатьев. 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74.

³⁶⁸ Там же, 74.

³⁶⁹ Там же, 67.

³⁷⁰ Ипатьев. 74.

³⁷¹ Там же, 75: «Вячеслав же видив Ростислава сына своего, и обрадова-ся радостью великою и рече ему: "Сыну! Се уже в старости есмь, а рядов всих не могу рядити; а сыну, даю тебе, якоже брат твой держал и такоже и тебе даю; а ты мя имей отцем и честь на мне держи, якоже и брат твой Изяслав честь на мне держал и отцем имел; а се полк мой и дружина моя, ты ряди". Ростислав же то слышав, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: "Вelmi рад, господине отце, имею тя отцем господином, яко же и брат мой Изяслав имел тя и в твоей воли был". И посадиша в Киеве Ростислава киане, рекуче ему: "Яко же брат твой Изяслав честил Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Киев твой"».

³⁷² Ипатьев. 75: «Ростислав же рече Святославу Всеволодичю сестри-чюю своему: "Се ти даю Туров и Пинеск про то, оже еси приехал к отцю моему Вячеславу и волости ми еси сблюл, то про то наделяю тя волостию". Святослав же поклонися Ростиславу и прия с радостью».

³⁷³ Там же, 76: «Мужи же боронахуть ему пойти Чернигову, рекуче ему: "Се Бог поял строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Киеве не утвердил, а поеди лепле в Киев же с людьми утвердиши; да аче стрый придет на тя Дюрги, поне ты ся с людьми утвердил будеши, годно ти ся с ним уми-рити, умиришися паки ли а рать зачнеши с ним"».

³⁷⁴ Ипатьев. 25.

³⁷⁵ Там же, 45.

³⁷⁶ Ипатьев. 77.

³⁷⁷ Там же, 79: «А Володимир брат его (Ростислава Смоленского) сидя-ше Володимири, и сыновца его Мьстислав и Ярослав».

³⁷⁸ Там же: «Тогда же и Мьстислав Изяславич еха изъездом на стръя своего на Володимира Володимирию, и я жену его и матерь его... а Володи-мир оттуда бежа в Угры».

³⁷⁹ Ипатьев. 80: «Гюрги же Володимирия не собе искашетъ, но целовал бяшетъ хрест к брату своему Андрееви, в животе и еще, яко по животе его волость удержати сынови его, и потом к Володимеру к Андреевичю хрест целова, яко искати ему Володимирия; и про то пойде к Володимирию, ища Володимиру».

³⁸⁰ Там же: «Гюрги же пришед к Дорогобужю, и рече Володимиру Андреевичу: "Сыну! Яз есмь с твоим отцем, и с своим братом Андреем, хрест целовал потом, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоим детям отець и волость удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Владимира ти искати; ныне же, сыну, аче ти есмь Володимирия не добыл, а се ти волость" — и да ему Дорогобужь и Пересопницю и все Погориньския городы, а сыну своему Борисови вда Туров».

³⁸¹ Там же, 79.

³⁸² Там же, 77: «Тогда приеха к Святославу Олговичю сыновець его Святослав Всеволодичь, и целова к нему хрест; тогда же прида ему 3 городы, и Сновеск себе отъя, и Корачев и Воротинск, занеже бе его отступил». Там же, 79: «Изяслав же (Давидович) поима я (половцы) и еха с ними к Березому, на сыновца своего на Святослава на Всеволодича». Издатель Ипатьевской летописи думает, что надобно читать [вместо] Всеволодича Владимировича, о котором была речь выше; но он не обратил внимания на следующие слова летописи (стр. 80): «Том же лете Святослав иде к брату своему Изяславу: ту стояща у Мьстиславля створиста мир с сыновцема своима», т. е. с Владимировичем и Всеволодичем, который, след., также был ратен с ядьми.

³⁸³ Там же, 81.

³⁸⁴ Ипатьев. 81: «И много зла створися втъ день: разграбиша двор его Красный, и другый двор его за Днепром разъграбиша, его же звашеть сам раем, и Василков двор сына его разграбиша в городе; избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче».

³⁸⁵ Ипатьев. 81, 87.

³⁸⁶ Ипатьев. 82.

³⁸⁷ Берладником он назывался потому, что, изгнанный из Руси, должен был проживать в Берладе, притоне всех изгнанников, князей и простых людей.

³⁸⁸ Ипатьев. 84, 85.

³⁸⁹ Там же, 90.

³⁹⁰ Из подробностей этой усобицы замечательны: Ростислав сначала заключил тесный союз с Ольговичами; князья пиروвали вместе и богато дарились (Ипатьев. 86); но киевляне, постоянно питавшие ненависть к Ольговичам, не могли равнодушно смотреть на такую приязнь, и, когда в. князь послал сына своего Рюрика на помощь к Ольговичам против Изяслава Давидовича, граждане киевские и варвары заставили его взять в заложники Всеволода, сына Святослава Всеволодича: «Ростислав бяше поял у Святослава Всеволода сына его, уверяя кияны и Берендее, бяжу бо не верующе за

свое съгрешение» (Ипатьев. 86). Желая изгладить такую неприязнь и недоверчивость между гражданами и Ольговичами, Ростислав выпросил у Святослава Ольговича сына его Олега на житье в Киев: «ать познаеть княны лепшиа, и берендиче, и торкы» (Ипатьев, 89): Святослав согласился. Тогда киевские бояре, чтоб уничтожить этот ненавистный для них союз, наговорили Олегу, что Ростислав хочет схватить его; молодой князь поверил и без отцовского позволения перешел на сторону Изяслава, а между тем черниговские бояре, с своей стороны, поджигали Святослава ко вражде с Ростиславом, однако не успели в своем намерении вполне: Святослав, хотя охлажденный в любви к в. князю, все-таки остался на его стороне (Ипатьев. 89). — Любопытно также, что во время этой усобицы Андрей Юрьевич Боголюбский возобновляет вражду свою к Мстиславичам, выдает дочь за Святослава Владимировича Вщижского (который был на стороне дяди Изяслава Давидовича) и посылает сына своего Изяслава на помощь Давидовичу и Владимировичу против Мстиславичей и Ольговичей. Впрочем, Святослав Владимирович скоро вошел в сыновние отношения к Святославу Ольговичу (Ипатьев. 88).

³⁹¹ Ипатьев. 91, 92.

³⁹² Там же, 92, 93. Дело не обошлось без вражды между двоюродными братьями, сыном Святослава Олегом и Святославом Всеволодовичем, потому что последний обижал Олега, не давая ему должных волостей, наконец через посредство в. князя Черниговские примирились в 1167 году.

³⁹³ Там же, 96: «По Ростиславли смерти начата слати по Мьстислава братья, Володимир Мьстиславич, Рюрик, Давыд, и киане от себе послаша, черныи клобуки от себе послаши; Мьстислав же посла Володислава Воротиславича перед собою к Василкови к Ярополчию вели ему седети Киеве до себе, и тиунь свой посла. И начаша приятели Мьстиславли поведати Василкови и Володиславу, оже Володимирь Мьстиславич, и Андреевичь, и Ярослав Мьстиславль брат, и Рюрик и Давыд, целовали крест, яко же взяти им волость у Мьстислава по своей воли: Володимиру к своей волости Торцьский с всим Поросьем, Андреевичю Берестий, Ярославу Володимерь».

³⁹⁴ Ипатьев, 96. Именно Ярослав Изяславич не получил Владимира и должен был остаться в Луцке, Рюрик Ростиславич получил Овруч, Давыд Вышегород. См. там же, стр. 98.

³⁹⁵ Там же, 97: «И рекоша ему дружина его: "О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали». Володимир же рече, възрев на децскы: «А се будуть мои бояре»».

³⁹⁶ Там же, 98, 99.

³⁹⁷ Там же: «В то же время Володимир Андреевичь нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразуме, оже изветом у него просить волости, рече: "Брате Володимире! Ци давно еси хрест целовал ко мне, и волость взял еси у мене?" Он же разгневавъся иде Дорогобужю. В то же

время бе Андрей Гюргевиц в Суждали княжа, и ть бе не имея любви к Мьстиславу».

³⁹⁸ Ипатьев. 100.

³⁹⁹ Андрей умер в 1174 году, Татищев говорит, что 63 лет; Юрий женился в 1107 году (Лавр. 120); след., Андрей родился в 1111 году, когда Юрий уже должен был княжить в Ростовской земле, ибо князя не любили держать при себе взрослых, женатых сыновей.

⁴⁰⁰ Лавр. 140: «И придоша к Вячеславу в Пересопницу Гюргевица два, Ростислав и Андрей» (Ипатьев. 46). Здесь в первый раз упомянуто имя Андрея в летописи.

⁴⁰¹ Ипатьев. 77: «Тогда же, сед, раздая волости детем: Андрея посади Вышегороде, а Бориса Турове, Глеба в Переяславле, и Василкови да Порожье». — Почему же Юрий посадил Андрея не в Переяславле? По той же причине, по какой Мономах посадил Мстислава в Белгороде, а не в Переяславле, хотя он и считался князем Переяславским (см. выше): Юрию нужно было иметь подле себя храброго Андрея, который бы защищал его от нападений Мстиславичей. Почему теперь посадил он в Переяславле не Бориса, но младшего Глеба? Потому что Глеб был воинственнее Бориса, что мы видим из предыдущих и последующих его подвигов, тогда как Борис вовсе не отличался ратным духом, а Переяславль был опасный стол по соседству с черниговскими князьями и половцами.

⁴⁰² Там же, 78: «Иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отче воле». — Не только Андрей, но и приближенные его не терпели юга: Карамз. II, примеч. 386: «В летописях (см. Синодал. библи. № 349, л. 224): в лето 6663 приде из Киева в град Володимерь князь великий Андрей Юрьевич без отча повеления, его же лестию подьяша Кучковичи». Но прежде, когда он несколько раз уговаривал отца оставить юг, неужели все Кучковичи поднимали его лестию?

⁴⁰³ Этим объясняется, почему старший сын его Ростислав раскаторовался с отцом и удалился на юг к Изяславу: Долгорукий не давал старшим волостей на севере, чтоб тем самым заставить их отыскивать волости на Руси.

⁴⁰⁴ Ипатьев. 81: «Сдумавши ростовци и суждальци и володимирци вси, пояша Андрея сына Дюргева старейшаго, и посадиша ѥ на отни столе, Ростове, и Суждали, и Володимири». — Но мы видим, что володимирцы после отрываются от этого, по их мнению, незаконного избрания.

⁴⁰⁵ Татищ. III, 135.

⁴⁰⁶ Никон. II, стр. 179.

⁴⁰⁷ Ипатьев. 91: «Идоста Гюргевици Царюграду, Мьстислав и Василко, с матерью, и Всеволода молодаго пояша со собою третьяго брата». — Но

кажется и Михаил Юрьевич был также в Греции; это видно из следующего места в летописи (Лавр. 154): «и Михалка князя удариша ратнии двема копьема в стегно, а третьим копьем в руку: но Бог отца его молитвою избави его от смерти, якоже и прежде в Луце моря».

⁴⁰⁸ Ипатьев. 97: «И рекоша ему (Влад. Мет.) дружина его: "О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали"».

⁴⁰⁹ Ипатьев. 91: «Выгна Андрей епископа Леона из Суждаля, и братью свою погна Мьстислава и Васи́лка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи хотя самовластець быти всей Суждальской земли».

⁴¹⁰ Ипатьев. 101.

⁴¹¹ Там же, 105: «Бе же ему болезнь крепка, и начася слати к брату Ярославу, рядовы деля о детех своих. Урядився добре с братом и крест целовав, яко же ему не подозрети волости под детьми его, преставися князь Мьстислав» и проч.

⁴¹² Ипатьев. 107: «Посласта Давыд и Мьстислав по стрья своего Доброгубую, вабяче и Киев на стол; он же, преступив крест к ротником своим к Ярославу и ко Мьстиславичем, иде Киеву утаився, а сына Мьстислава посади Дорогубужи».

⁴¹³ Там же: «Аньдрееви же не любо бяше седенье Володимере Киеве, и посылаше нань, ведя ему ити из Киева».

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Ипатьев. 108: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла к ним Михна, река тако: "Выдайте ми Григоря Хотовича, и Степаньца, и Олексу Святославця, яко те суть умориле брата моего Глеба; а то суть ворове всим нам"; сего же Ростиславичи не послушаша, и пустиша Григоря от себе».

⁴¹⁶ Там же: «и урядишася тако: Михалко бо вохвоти к Торцькому Переяславль. И лишися Андрея брата своего и Святослава Всеволодича Черниговьского, а к Ростиславьчем приступи, бе бо тогда Рюрик в Киеве».

⁴¹⁷ Там же, 109: «И се слышавше Ольговичи, ради быша. Святослав Всеволодичь и вси братья его послаша муже свое к Андрееви, поводяче и на Ростиславиче, а рькуче ему: "Кто тебе ворог, то ти и нам; а се мы с тобою готови". Андрей же прием съвет их, исполнися высокоумья, разгорделся велми, надеяся плотной силе и множеством вой огородився, ражьгся гневом и посла» и проч.

⁴¹⁸ Там же: «Мьстислав бо от уности навькл бяше не уполошится никого же, но токмо Бога единого блюстися».

⁴¹⁹ Ипатьев. 109: «Андрей же то слышав от Михна, и бысть образ лица его попустнел, и възострися на рать и бысть готов».

⁴²⁰ Там же. Любопытно видеть, как летописец сохраняет порядок старшинства между городами.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же: «Идущим же им мимо Смолнск, казал бо бяшесть Романови пустити сын свой смолняны, тако Роман нужею пусти сын свой смолняны, на братью не хотяся объявити, бяше бо тогда в руках его; и полотьским князем пойти повел всим, и туровским, и пиньским, и городеньским. И пришедшим им ко Ольговичем и совокупившимся им обоим противу Кыеву, ту же придоша к ним Дюргевича Михалко и Всеволод, и Ростиславича Мьстислав и Ярополк, Глебовича, и переяславци вси — и перешедше Днепр и въехавше в Киев. Ростиславичи же не затворилися бяхуть в Кыеве, но шлы бяхуть во свое городы: Рюрик в Белегороде затворися, а Мьстислава затвориша Вышегороде и с Давыдовым полком, а Давыд еха в Галичь к Ярославу помочи деля. Святослав же с братьею, и Михалко с братом с Всеволодом и со сыновци, и кыяны совокупивше, и берендеиче и Поросье и всю Рускую землю, полкы поидоша от Кыева к Вышегороду; и бе всих князей боле 20, а всих бяше старей Святослав Всеволодичь».

⁴²³ Там же, 110.

⁴²⁴ Ипатьев. 110: «По сем же приде Ярослав Лучьский на Ростиславиче же, со всею Волянскою землею, ища себе старешиньства в Ольговицех — и не ступишася ему Кыева. Он же сослався с Ростиславичи и урядися с ними о Кыеве, и отступи от Олгович».

⁴²⁵ Он приехал из Новгорода во Владимир Вол[ынский] в 1173 году, см. Ипатьев. 105.

⁴²⁶ См. выше гл. II. «А колко тебе до него, толко и мне»:

Ярослав I	Всеволод
Святослав	Владимир
Олег	Мстислав
Всеволод	Изяслав
Святослав	Ярослав.

К объяснению такой уступчивости может вести только одно предположение, что Святослав исключал из счета деда своего, Олега, не сидевшего на старшем столе.

⁴²⁷ Ипатьев. 110, 111.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же, 115: «Иногда бо аче и гость приходил из Царягорода, и от иных стран из Руской земли, и аче латинин, и до всего хрестьянства, и до всее погани, и рече: в ведете и в церковь и да полати, да видять истинное хрестиянство и крестяться, якоже и бысть, — и болгаре и жидове и вся погань, видивше славу Божию и украшение церковное».

⁴³⁰ Там же, 114: «И прииде Амбал, ключник, Ясин родом, тот бо ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал бяшеть... и рече Кузмище: "О еретиче! Помнишь ли, жидовине, в которых портах пришел бяшет? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит"».

⁴³¹ Воскр. II, 91. О жидовском происхождении Ефрема догадка Арцыбашева, П[овествование] о Р[оссии]. I, примеч. 1255.

⁴³² Ипатьев. 113: «И бе у него Яким слуга възлюбленный им, и слыша от некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволим научением, и тече вопия к брати своей к злым съветником, якоже Июда к жидом, тесняя угодити отцю своему сотоне; и почаша молвити: "День того казнил, а нас заутра; а промыслимы о князе сем"».

⁴³³ Ипатьев. 114.

⁴³⁴ Об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 35 и след.

⁴³⁵ Ипатьев. 117: «Тогда же пришел башеть Роман из Смоленска, к брати своей в помощь; Ярослав же рече: "Привели есте брата своего Романа, а даете ему Киев" и поиде из Киева в Луческ. Они же начаша слати по нем; вабяче опять в Киев; он же не послуша их и поиде в Луческ. Роман же седе в Киеве, на столе деда своего и отца своего».

⁴³⁶ Там же, 125.

⁴³⁷ Там же, 123.

⁴³⁸ Ипатьев. 122.

⁴³⁹ Там же, 123: «И выйде противу ему Всеволод, со всеми суждальскими полкы, и с рязаньскими полкы и муромьскими, и устрете и на Влени реце; и сташа оба полы реки Влены, 2 недели бяхуться обои об реку ту, бе бо река та твердо текущи, бережиста. Суждалци же стояху на горах, во пропаstech и ломох, акоже нелзи их дойти полком Святославим. Святослав же посла попа своя во Всеволоду, река» и проч.

⁴⁴⁰ Ипатьев. 143: «Святослав позва братию свою и почаша с ними думати, хотя на рязаньскии князи: бяхуть бо им речи про волости; и послашася ко

Всеволоду в Суждаль, просячися у него на Рязань. Всеволод же их воде не створи».

⁴⁴¹ Летописец суздальский (Лавр. 182) говорит, что князья были точно виноваты; новгородский (стр. 30) называет Владимировичей клеветниками.

⁴⁴² Лавр. 183: «Посла великий князь Всеволод сына своего Ярослава в Рязань на столе, рязанци же леть имуще к нему, целоваша крест ко Всеволоду, и не управиша, и изымаша люди его и исковаша, а инех в погребех засыпавше измориша; Всеволод же слышав се, иде на Рязань с сынами своими, и пришед ста у града Рязаня, и Ярослав изиде противу отца своего, и целова и с радостью. И прислаша рязанци буюю речь, по своему обычаю и непокорьству; и повеле в. к. всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град, и оттуду иде к Белугороду, и повеле и тъзажещи. И възвратися Володимерь в. к. Всеволод со всеми своими полкы и с сыном своим Ярославом, поим по собе все рязанци и епископа их Арсеня».

⁴⁴³ Ипатьев. 106: «Выбеже княгини Ярославля из Галича с сыном с Володимером... и устрете ѝ весть от Святополка из Галича: "Поедь стряпать, отца ти есмы яли, и приятели его Чаргову чадь избиле; а се твой ворог Настаська". Галичине же накладеше огонь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню въправду — и тако уладившеся».

⁴⁴⁴ Ипатьев. 136.

⁴⁴⁵ Там же: «Бе бо любезнив питию многому, и думы не любяшет с мужми своими, и поя у попа жену и постави собе жену... где улюбив жену, или чью дочь, поимашеть насильем».

⁴⁴⁶ Там же, 187.

⁴⁴⁷ Ипатьев. 136.

⁴⁴⁸ Ипатьев. 137.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же, 138, 139: «Царь же уведав, оже есть сестричичь в. к. Всеволоду Суждальскому, и прия его с любовью и с великою честию, и приставя к нему мужь свой и посла его Казимиру в ляхи, веля ему доправити Галича, по своей воле: ял бо ся бяше давати цареви по 2000 сребра до года. Казимир же приставя к нему мужь свой Миклая, и посла его в Галичь. Галичккии же мужи сретоша его с радостью великою, князя своего и дедича, а королевица прогнаша из земли своя, а Володимер седе на столе деда своего и отца своего; и посла ко Всеволоду ко уви своему в Суждаль, моляся ему: "Отце господине! Держи Галичь подо мною, а яз Божий и твой семь всегда. Всеволод же Суждальский присла ко всим князем и ко королеви в ляхи, и води

я ко кресту, на своем сестричиче Галича не искати николиже под ним. Володимер же утвердився в Галиче, и оттоле не бысть нань никогоже"».

⁴⁵¹ Воскр. II, 119; Никон. II, 260: «Посла князь Великий Всеволод мужи свои к Киеву, и посади в Киеве Рюрика Ростиславича свата своего».

⁴⁵² Ипатьев. 144: «Посла Рюрик по брата своего до Давыда к Смоленску, река ему: "Брате, се ве осталася старейши всех в Руськой земле, а поеди ко мне Киеву; что будет о Руской земле думы и о братии своей, о Володимере племяни, и то все укончаеве, а сами ся во здоровьи видеве... Давыд же позва великого князя Рюрика на обед"» и проч.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же, 145: «Но даяше ему другую волость; он же ее не бреже, но хотяше под Романом которые же просил башеть».

⁴⁵⁵ Там же: «Рюрик же рече ему (Роману): "Язь переже всих дал есмь тебе волость сю; но же Всеволод послал на мя, жалуяся про тебя, ажь есми на нем чести не положили преже, я же есмь тебе являл вси речи его, ты же ми еси ее отступилса по воле, а нам како любо ему было юдати; а нам безо Всеволода нельзя быти, положили есмы на нем старейшинство вся братья во Влодимере племени"».

⁴⁵⁶ Ипатьев. 146.

⁴⁵⁷ Там же, 150.

⁴⁵⁸ Ипатьев. 150. Здесь летописцы северный и южный разногласят, каждый оправляя своего князя (Лавр. 174); но мы приняли рассказ киевского летописца, ибо суздальский слишком пристрастен к своему князю, для оправдания которого приводит такие события, какие никак не могли иметь места, напр., говорит, что Рюрик перешел на сторону Ольговичей; но это противоречит всему ходу событий: «То слышав в. к. Всеволод, оже Давыдов полк побежен и сват ему ать, и от Рюрика речь слышав, ту зиму перестряп, на лето вседе на конь про свата своего и под Рюриком твердя Киев, и пойде к Чернигову с рязаньскими князи и муромьскими, и Давыд и Смоленська; Рюрик же неуправи своее речи, и приступи к Ольговичам».

⁴⁵⁹ По крайней мере мы ничего не знаем о сыновьях его, рожденных от попады.

⁴⁶⁰ Ипатьев. 158, 159.

⁴⁶¹ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 89—95.

⁴⁶² С каким презрением смотрели северные князья на Русь, на Киев видно из ряду между младшими Всеволодичами пред Липецкою битвою:

«Внидоста в шатер с братьею, и начаста делити города, и рече князь Юрьи: "Мне, брате княже Ярославе, Володимерская земля и Ростовская, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дай черниговским князьям, а Галичь нам же"».

⁴⁶³ Пол. собр. Рус. лет. т. I, стр. 213: «И начаша думати князя (пред Липецкою битвою); Костянтин молвит: "Брате князь Мстиславе и Володимере! Оже поидем мимо их, и възмут ны в тыл, а другое мои люди к боеви не дерзи, тамо и разидутся в города"».

⁴⁶⁴ Там же, стр. 202.

⁴⁶⁵ Лавр. 192: «Ярослав усумнеся брата своего Юрия, слушая неких льсти, и отлучи от Юрия Костянтиновича З, Василка, Всеволода, Володимера, и мысляшеть противитися Юрию брату своему; но Бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва их на снем в Суждаль, и исправивше все не любы межю собою, и поклонишася Юрью вси, имуще его отцем себе и господином».

⁴⁶⁶ Никон. III, 4.

⁴⁶⁷ Там же, стр. 18. Владимир был третий дядя, а не четвертый, след., это явление не подходит также под позднейший местнический обычай.

⁴⁶⁸ Лавр. 201: «Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти и, рек ему: "Ярославе! Буди ты старей всем князем в Русском языке"».

⁴⁶⁹ Плано-Карпини, кн. I, гл. 14. *Recueil de Voyages et de mémoires, publiés par la Société de Géographie*. Т. IV. Paris, 1839; см. также: *Иоанн ге Плано Карпини*. История Монгалов. СПб., 1911. — Никон. III, 26: «К. в. Ярослав Всеволодичь бысть в орде у Кановичь, да и оболжен бысть Феодором Яруновичем к царю (Батыю), и много истомления приять от татар за землю Рускую; и отпустиша его уже изнемогша, и мало пошед от Кановичь и представись нужною смертию в иноплеменницех». Ипатьев. 185: «Злобе бо их (татар) и льсти несть конца: Ярослава великого князя суждальского зелием умориша». — Карамзин говорит: «Монголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых». — Хан и мог действовать мечом, мог казнить Ярослава; но здесь дело идет не о хане, а о тайной, женской интриге, о которой хан и не знал; Ярослава сперва хотели оклеветать у хана, и когда это не удалось, то прибегнули к отраве. Иначе как согласить всеобщее свидетельство источников, как своих, так и иностранных, о нужной, т. е. насильственной, смерти.

⁴⁷⁰ Никон. III, 27: «А братаничи свои посажа по городом, якоже уряди брат его к. в. Ярослав Всеволодичь, он же примени слова его».

⁴⁷¹ 6-й сын: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил, Ярослав, Василий. Никон. III, 27.

⁴⁷² Никон. III, 30: «Тогоже лета князь Михаило нарицаемы Хоробрит Ярославль согна с великаго княжения Владимерскаго дядю своего в. к. Святослава, и сам сяде на великом княжении в Володимере». — Михаил назван московским князем в Ростовской летописи (Карамз. IV, примеч. 82). Михаил не был первым московским князем: «Того же лета (1213) Володимер, сын Всеволожь великаго князя, еха в Москву. Того же лета во второе приходи Юрги с Ярославом к Ростову, и створша поряд с Костянтином, и идоста от Ростова к Москве Гюрги с Ярославом; и извед Гюрги из Москвы Володимера, и посла и в Руский Переяславль на стол на отчину свою». Лавр. 185. Вторым московским князем был Владимир Юрьевич. Лавр. стр. 196.

⁴⁷³ Летописцы ничего не говорят о цели поездки Святославовой.

⁴⁷⁴ Никон. III, 31. Лавр. 202: «Тоеже зимы Володимер князь Костянтинович преставися в Володимери; плакася над ним Олександр князь и с братьею много, и проводи и честно из золотых ворот, и везоша и в Угличе поле».

⁴⁷⁵ Татищ. IV, 22. Это место испорчено: вместо Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже после смерти Михаила.

⁴⁷⁶ О старшинстве Александра см. Лавр. 200: «Тако и сих Бог избави от руки иноплеменник, благочестиваго и правовернаго великаго князя Ярослава с благородными своими сыны, беже их б: Олександр, Андрей, Костянтин, Офонасий, Данило, Михайло». О том же см. Никон. III, 3, 26, равно как надпись во владимирской приходской церкви великомученика Георгия: «Сия боголюбивая великая княгиня Феодосия, дщерь галическаго князя Мьстислава Мьстиславича, честнейшая супружница благовернаго великаго князя Ярослава Всеволодича Владимирскаго, с ним же благоговейно и благоугодно поживе, от него же семь сынов породы: Феодора, Александра, Андрея, Константина, Афонасия, Даниила, Михаила, да дщери две Евдокию и Иулиянию». См. краткое известие о Владимирских древностях О. Калайдовича, в трудах Историч. общ. т. I. Труды Общества истории и древностей российских. Ч. I. М., 1815. — Также Дополн. к Акт. Историч. т. II, № 151. Соборное послание российских владык князю Василию Константиновичу Острожскому: «Великий государь наш (Василий Шуйский) из древних лет от корене великих государей великих князей российских... и от великаго достохвальнаго великаго князя Александра Ярославича, иже многие победы на всех вразех своих показавшаго, от него же великаго государя нашего прародители на Суздальское княжение разделишася, якоже обычай в Российском государстве великих государей меншим братьям на уделы садитесь». После этого непонятно, почему Карамзин считает Андрея старшим.

⁴⁷⁷ Татищ. IV, 24. Что Татищев не вымыслил этого события, доказательством служат: 1) Слова Андрея, помещенные в Никонов. сп[иске] (III, 33): «Господи! Что се есть, доколе нам меж собою бранитися, и наводити друг на друга татар». 2) Александр был в это время в Орде и взял старшинство от хана: если б он не был против брата, то почему не умилостивил Сартака, как умилостивлял его после, по случаю восстаний народных? 3) Бегство

Андрея в Швецию и радушный прием со стороны шведов показывает, что они видели в Андрее врага Александра.

⁴⁷⁸ Лавр. 202: «Иде Олександр князь новгородский Ярославич в Татары; и отпустиша и с честью великою, давши ему старейшинство во всей братии его. В то же лето сдума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели царем служити, и побеже на неведому землю». Никон. III, 34: «И собрав воинство свое иде противу их, и сретшеся начаша битись, и бысть битва великая и одолеша татарове». Степ. кн. I, 367: «Великий князь Александр паки прииде во Орду к новому царю Сартаку. Славный же град Владимир и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Он же аще и преудобрен бе благородием и храбростию, но обаче правление державы яко поделие вменяя, и на ловитвы животных упражняся, и советником младоумным внимаю, от них же бысть зело многое нестроение, и оскудение в людех, и тщета имению. Его же ради царь Сартак посла воеводу своего» и проч.

⁴⁷⁹ Татищ. IV, 27, г. 1256: «Сегож года возвратися князь Андрей из Немец, и прият его Александр с любовию, и хотяше ему Суздаль дати, но не смеяше царя... Поеха князь Андрей на Городец и в Новъград нижний княжити, князь же Борис Василкович иде в Татары со многими дары, такоже и князь Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары, просити за Андрея. Князь Борис Василькович Ростовский был у Лавчия и дары отдал, и честь многу прием, и Андрею прощение испроси, и возвратися со мною честию во свою отчину».

⁴⁸⁰ IV, 32.

⁴⁸¹ П. С. Р. Л. т. I, стр. 226: «В лето 6772. Преставися Андрей Суздальский. Того же лета седе Ярослав, брат его».

⁴⁸² Переяславль Залесский был уделом отца его Ярослава и потому по новому порядку вещей переходил постоянно к старшему по нисходящей линии; вот почему он достался старшему сыну Ярослава — Александру, потом старшему сыну последнего — Димитрию, наконец сыну Димитрия — Ивану, с которым пресеклась старшая линия Ярославова рода; что Невский был князем Переяславля Залесского, см. Никон. III, 13: «Розмолвиша новгородцы со Александром Ярославичем, и отиде Александр скоро к отцу своему, и мало пребыв у отца и иде в Переяславль на княжение, иже на Клещине озере». Стр. 14: «Новгородцы послаша с челобитьем к в. князю, просяща у него сына его князя Александра, иже в Переяславле на Клещине озере». — Новгород, стр. 53: «Выиде князь Олександр из Новагорода к отцу в Переяславль».

⁴⁸³ Новгор. 58.

⁴⁸⁴ Там же, 62.

⁴⁸⁵ См. об этом мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 104 и след.

⁴⁸⁶ Новгород. 61.

⁴⁸⁷ Исключая, разумеется, тех, которые умерли, не получив старшинства; иначе Ярослав будет 8-й, а Василий 9-й дядя.

⁴⁸⁸ См. мое исследование о Новгороде, стр. 106.

⁴⁸⁹ См. мое исследование о Новгороде, стр. 107.

⁴⁹⁰ Никон. III, 71.

⁴⁹¹ Никон. III, 72: «И многи дары даде царю и великим князем ординским и всех наполни богатством, и уговори и уласка всех; и испроси себе княжение великое владимерское у царя, под братом своим старейшим. И прииде ему весть из Руси, яко к. в. Дмитриеи Александровичъ собираетъ рать и крепит град, не хочет цареву слову покориться, и зступити съ великого княжения по цареву слову, и сказа сие царю. Царь же повеле ити с ним воеводам своим... И посла (Андрей) по князя Ивана Михайловича Стародубскаго, и по все князи Руския. Пришедшим же им и советовавшим, поидоша вси ратию в Переяславль на в. к. Дмитрея Александровича».

⁴⁹² Никон. III, 73.

⁴⁹³ Татищ. IV, 58.

⁴⁹⁴ Никон. III, 74, 75.

⁴⁹⁵ Никон. III, 76, 77.

⁴⁹⁶ Там же: «и тужаше зело о нем».

⁴⁹⁷ Новгород. 64.

⁴⁹⁸ Никон. III, 84: «Бывшим же татаром в розгонех семо и овамо, и тамо князь великий Дмитриеи Александровичъ собрався со многою ратию и иде на них, и побежа царевичъ в орду, а к. в. Д. А. бояр Андреевых переима».

⁴⁹⁹ Там же, 86.

⁵⁰⁰ Там же, 87.

⁵⁰¹ Никон. III, 90: «Идоша во Орду ко царю князи Рустии жаловатись на великаго князя Дмитрея Александровича Владимирского, брат его меншеи, князь Андреи Александровичъ Городецкии, князь Дмитриеи Борисовичъ Ростовскии, да брат его князь Костянтин Борисовичъ Угличскии; да из двюродных брат их князь Михаило Глебовичъ Городецкии, да тесть князя Михаило Глебовича Белозерскии, да князь Федор Ростиславичъ Ярославскии и Смоленскии, да князь Иван Дмитриевича Ростовскаго, да епискуп Тарасии Ростовскии». — Здесь ошибкою вместо Белозерский написано Го-

родецкий, и потом другая ошибка: «Да тесть князя Михаила Глебовича Белозерский, да князь Федор Ростиславичь Ярославский»; должно читать: «Михаило Глебовичь Белозерский, да тесть князя Михаила Глебовича Белозерскаго князь Федор Ростиславичь Ярославский». Что Михаил Глебович был князь Белозерский, см. Никон. III, 68; что он был зять Федора Ярославского, см. там же, стр. 65, 66. У Татищ. IV, 73 вторая ошибка поправлена.

⁵⁰² Никон. III, 91.

⁵⁰³ Там же, 92.

⁵⁰⁴ Никон. III, 92. Арцыбашев (II, примеч. 496) упрекает Карамзина в голословии; но мнение Карамзина имеет за себя все вероятности и основывается на выставленном мною месте летописи. — Карамзина (IV, примеч. 172) соблазняет свидетельство летописи, что Андрей пошел в Городец; но куда же ему было идти, когда он жил в Городце и, будучи в. князем владимирским, как Ярослав, жил в Твери, Василий — в Костроме, Димитрий — в Переяславле, после Михаила — в Твери, Калита — в Москве.

⁵⁰⁵ Никон. III, 68.

⁵⁰⁶ Там же, 71.

⁵⁰⁷ Никон. III, 62.

⁵⁰⁸ Никон. III, 94.

⁵⁰⁹ Лавр. 208: «Приде Андрей князь из Татар, и совокупи вои, и хоть ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и к Тфери. Слышав же князь Михайло Тферьский и Данило Московьский князь, и совокупив вои, и пришедше и стага близь Юрьева на полчищи, Андрей в Володимери; и тако не даста поити Андрею на Переяславль, бяшетъ Иоан князь, сын Дмитриев, идя в орду, приказал Михаилу князю блюсти отчины свои и Переяславля; и за мало бои не бысть промежи ими, и взяша мир и поидоша свояси».

⁵¹⁰ Никон. III, 98: «Князь Данило Александрович Московский приходил ратию на Рязань, и бишася у града у Переяславля, и князь великий Данило Александрович Московский одоле, и много бояр и людей избил, а князя их Костянтина Романовича Рязанскаго некоею хитростию ял, кромолюю их же бояр рязанских, и приведе его особю к Москве». — Воскрес. (II, 272) прибавляет: «И много татар изби», почему и полагают здесь первую победу русских над татарами; но во 1) избить еще не значит победить: Александр Тверской также избил дружину Шевкала, однако никто не согласится признать это победою; во 2) мы уже видели, что еще Димитрий Александрович заставил бежать татарского царевича, приведенного Андреем.

⁵¹¹ Никон. III, 99: «Бысть съезд всем князем в Дмитрове о княжениях, и бысть молва велия. Князь великий Андрей Александрович Володимерс-

кии, князь Михаило Ярославич Ярославича Тверский, князь великий Данило Александрович Московский, князь Иван Дмитриевич, внук Александр Переславский, и поделившиеся вотчиною меж собою, и смиришася в любви о Христе; а князь Михаило Ярославич Ярославича Тверский со князем Иваном Дмитриевичем Александровича Переславским недоконча, и мира и любви о Христе меж собою не возьмше разыдошася».

⁵¹² Там же, стр. 100: «благослови же в себе место вотчиною своею Переяславем великого князя Данила Александровича Московского дядю своего, того бо любяше паче инех».

⁵¹³ См. духовные князей московских в I т. С. г. г. и д. Также Никон. III, 219.

⁵¹⁴ Никон. III, 100.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Карамз. IV, примеч. 191: В Троицкой: «Тогожь лета (1303) осенью князь вел. Андрей вышел из орды с послы и с пожалованьем царевым, и съехашась на съезд в Переяславль вси князи и митрополит Максим, князь Михайло Тферский, князь Юрий Данилович с братьею, и ту чли грамоты, царевы ярлыки... князь Юрий прия любовь, и взя себе Переяславль». Сего нет в других летописях. (Слова Карамзина.)

⁵¹⁷ Андрей похоронен, по новому обычаю, где жил, т. е. в своем Городце. — Карамзин говорит: «Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского». Поэтому и Дмитрий Александрович, и Василий и Ярослав Ярославичи были недостойные дети отцов своих, потому что были погребены каждый в своем городе, далеко от священного праха родительского?

⁵¹⁸ Воскр. II, 281.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Карамз. IV, примеч. 324. Никон. III, 101, 102, 103.

⁵²¹ Список, которым пользовался Татищев, приводит следующий благородный поступок Юрия Московского: «Князем бывшим во орде и яко кийждо хотяше великое княжение улучити, дающе дары многи хану и ханшам и князем ордынским, тий елико емлюще толико более другаго желажу. Юрий же, слышша, яко Михаил хочет хану дань большую обещати, шед к нему рече: "Отче и брате, аз слышу яко хочещи большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Руская вас (нас) ради, и шедше к хану, объявиша ему о сем. Тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я"» (Татищ. IV, стр. 86). Иначе чем объяснить торжество Михаила на этом аук-

ционе? Дело дошло до обещаний выхода, Михаил набивал цену, Юрий также бы мог набивать; терял тот, кто отступался; но отступить мог только тот, кто жалел отечество, ибо дело шло не о наличных деньгах, но о будущем выходе.

⁵²² Никон. III, 103: «И слышав бывшее о Акинфе и оскорбися зело... иде ратию к Москве, и бысть им брань многа и помале смиришася».

⁵²³ Там же, стр. 104.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Никон. III, 105: «Ходи вдругие к Москве ратию всею силою, и бысть бой у Москвы, и много зла сотвори; а града не взяв отъиде».

⁵²⁶ Воскр. II, 276. Львов. II, 69.

⁵²⁷ См. мое исследование о Новгороде, стр. 109 и след.

⁵²⁸ Никон. III, 109.

⁵²⁹ Там же, 112: «Прииде к. в. Юрьи Данилович Московский на великое княжение изо орды женився, у царя сестру его поняв именем Кончаку; егда же крестися и наречено ей бысть имя Агафия, и приведе с собою послов татарских силных зело, именем Кавгадыя и Астрабыла и Острова. Князь же Михаил Ярославич Тверский и совещався со князи Суздалскими, и собравшемся со многими силами идоша противу их, и сretoша их у Костромы, и стояше о Волзе долго время; также к. в. Юрья Данилович Московский сслався с Кавгадыем и ступився великого княжения князю Михаилу Ярославичу Тверскому». — Что Юрий пришел на великое княжение, но без ярлыка ханского, свидетельствуют слова Кавгадыя Михаилу: «А приходили есмь на тебя со князем Юрьем бес поведения царева» (Никон. III, 114).

⁵³⁰ Там же: «И тако возвратися князь Михаил во свою отчину во Тверь и заложии болший град Кремленин».

⁵³¹ Никон. III, стр. 113, 114. Борис Данилович был взят в плен, след., он уже помирился с братом и был в его войске.

⁵³² Новгород. перв. стр. 72: «и пришедше на Волгу, и dokonчаша с Михаилом князем мир: како ити в орду обема, а брата Юрьева и княгынню пустити». — С. г. г. и д. т. I, № 14.

⁵³³ Новгород. (72) и Воскрес. (II, 279) утвердительно говорят, что Агафия была отравлена; Никон. (III, 114) с оговоркою: «Инииж глаголют».

⁵³⁴ Никон. III, 115.

⁵³⁵ Там же, 114.

⁵³⁶ Там же, 117: «горд еси и не покорлив царю нашему, и посла царева Кавгадыя соромотил еси и с ним бился еси и татар его побил еси, и дани царевы имал еси себе, а царю еси не давал, и в немцы с казною бежати хотел еси, и казну в Рим к папе отпустил еси, и княгиню Юрьеву зельем уморил еси, и князей и татар царевых побил еси». — Михаил ничего не отвечал против обвинения в отсылке казны к папе и в намерении бежать к немцам.

⁵³⁷ Воскрес. II, 285: «И бывшу ему (Михаилу) в Володимере и се приеха посол от царя из Орды именем Ахъмыл глаголя зовет тя царь, поиди в борзе буди за месяц, а щели не будеши, то уж воименова на тя рать и на твои городы; обадил тя есь ко царю Кавгадыи глаголя не бывати ему в орде».

⁵³⁸ Никон. III, 115: «И нецыи глаголаша Азбяку царю сице, аще убиеши сына его, отец его к тебе не приидеть никогдаже».

⁵³⁹ Там же: «Кавгадыи на переем посла многих татар, на князя Михаила Ярославича Тверскаго, и где его обрящут, тако (т.е. тамо) его смерти предадут».

⁵⁴⁰ Там же, 116.

⁵⁴¹ Новгород. перв. стр. 72: «ходи князь Юрьи ратью на Рязань, на князя Ивана Рязанскаго, и докончаша мир».

⁵⁴² Татищ. IV, 111.

⁵⁴³ Никон. III, 126.

⁵⁴⁴ Там же, 127.

⁵⁴⁵ Там же, 129: «Понеже царь Азбяк чтяше князя Дмитрея Михайловича Тверскаго, и он на то надеяся уби в. князя».

⁵⁴⁶ Из этого не следует, однако, заключать, что в два предыдущие отдела князья наши не заключали друг с другом договоров; в летописи встречаем на них указания, напр.: «А к Романови посла (Рюрик) ко зятю своему мужи своя, обличи ѿ и поверже ему *крестныя грамоты*» (Ипатьев. 145). — Так как положения *междукняжеского права* повторяются почти одинаково во всех грамотах, то я не буду здесь ссылаться на отдельные договоры, а цитирую один раз навсегда первый том Собрания государственных грамот и договоров.

⁵⁴⁷ С. г. г. и д. т. I, стр. 57.

⁵⁴⁸ Симбирский Сборник, родословная роспись рода Кикиных. Симбирский сборник. Часть историческая. Т. I. Напрасно один из издателей Сборника думает, что *введенный* означало, «что такой-то и его род введен в общий родовой распорядок государства»: если б Логгин Кикин называл

себя введенным в этом смысле, то зачем же сыну его Тимофею величать себя также введенным боярином (см. там же)? Если отец раз введен в общий родовой распорядок, то, разумеется, вместе с ним введено и все его потомство, и сына незачем вводить вторично.

⁵⁴⁹ С. г. г. и д. т. I. № 34.

⁵⁵⁰ Новик. Древ. Рос. Вивл. т. XV.

⁵⁵¹ Древ. Вивл. т. XX.

⁵⁵² Царь велел за стол сесть постельничему с путем да стряпчему с ключом, и стряпчий Старово бил челом на постельничего Безобразова, «что де мне осударь для того ниже Безобразова сидеть невместно, хотя он меня твоею милостью *честнее путем*». Исследование Валуева о местничестве, стр. 47.

⁵⁵³ С. г. г. и д. т. I. № 35.

⁵⁵⁴ Там же, № 23.

⁵⁵⁵ Там же, № 144: Иван III в духовной своей говорит: «А что ми дал сестричич мой кн. Фед. Васильевич Рязанской свою отчину, на Рязани в городе и в посаде свой жеребей, и Старую Рязань и Перевитеск с волостями и с путми и з селы, и з бортью и з тамгою и со всеми пошлинами, потому, как ся делил с своим братом со князем с Иваном: и яз ту его вотчину, жеребей в городе на Рязани и на посаде, и Старую Рязань и Перевитеск с волостями и с путми и з селы, и з бортью и з тамгою и со всеми пошлинами, со всем потому, как было за князем за Федором, даю сыну своему Василью».

⁵⁵⁶ С. г. г. и д. т. I, № 144, завещание Ивана III: «Да благословляю сына своего Василья, и детей своих меньших в Москве годом княж Константиновским Дмитриевича, что был дан брату моему Юрью, да годом княжым Петровским Дмитриевича, что был дан брату моему Андрею меньшому, да годом княж Михайловским Андреевича; а держит сын мой Василей, и мои дети меньшие Юрьи з братьею на тех годех на Москве своих наместников, переменяя пять лет, по годом. А что был дан брату моему Борису в Москве год княж Ивановской Андреевича, и тот год приходил брата моего Борисовым детем обема дръжати на Москве своего наместника на шостой год, и братанич мой Иван ту полгоду дал мне, и яз ту полгоду даю сыну своему Василью, и братанич мой Федор с сыном с моим с Васильем тот шостой год дръжат по полугоду: сын мой Василей дръжыт своего наместника полгоду, а братанич мой Федор дръжыт своего наместника полжегоду».

⁵⁵⁷ Отсюда выражение: *взять дань по людем и по силе*. С. г. г. и д. т. I, стр. 84.

⁵⁵⁸ С. г. г. и д. т. I, стр. 77.

⁵⁵⁹ «А сел ти не купити в моем уделе ни в в. княженьи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А хто будет покупил земли данные, служни или черных людей, а те хто возможет выкупити, ине выкупят; а не возмогут выкупити, ине потянут к черным людям; а хто не всхочет тянути, ине ся земля съступят, а земли черным людям даром».

⁵⁶⁰ «А что моих людей деловых, или кого буди прикупил, или хто ми ся будет в вине достал, тако же мои тивуни, и посельские, и ключники и старосты, или хто ся будеть у тых людей женил, всем тем людям дал есмь волю, куды им любо; а братье моей, ни моей княгине те люди не надобны». Или: «А хто будеть моих казначеев, или тивунов, или посельских, или хто будеть моих дьяков (на стр. 51: деяков, от глагола: деять — говорить и делать), что от мене будет ведали, прибыль ли который, или у тых хто будет женился, те люди не надобни моим детем, или моей княгини, дал есмь им волю. Также хто будет моих людей купленых, грамотных полных, дал есмь им свободу, куда им любо; а детем моим, ни моей княгини не надобни».

⁵⁶¹ Подробности и перемены: «На старых мытех имати пошлины с воза денга, а косток с человека денга же; а поедет на версе с торговлею, ино денга же; а кто ся промытит, ино с воза промыты 6 алтын, а заповеди 6 алтын, колко бы возов ни было; а промыта то, кто объедет мыть; а проедет мыть, а мытника у зазора не будет, ино промыты нет; а състижеть его мытник, ин возмет свой мыт, а промыты и заповеди нет. А с лодьи пошлина с доски по два алтына, а болши того пошлин нет, а с струга алтын; а тамга и осмничее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свой мыт да костьки, а боле того пошлин нет; а поедет без торговли, ино с того мыга нет и пошлин».

⁵⁶² «А обидному всему межи нас суд и неправа; а о чем ся судьи наши сопрут, ини собе третьего изберут в нашей отчине в в. княженьи, а ис земли вон на третей ся не зовут».

⁵⁶³ В договорах в. князей с великими же имело место следующее условие касательно суда: «А нам князем великим в суды вопчие не вступати: а судьям нашим сести судити, целовав крест в правду, по целованью. А что ся учинит межи нас наше дело князей великих, и нам отслати бояр, и зъехався учинят изправу; а чего не могут управити, о чем ся сопрят, ини едут на третей: а на кого помолвит третей, и виноватый перед правым поклонитца, а взятое отдаст; а не отдаст, ино у него отняти, а то не в измену. А рати не замышляти; а третей межи нас хто хочет, тот воименует три князи крестьяньские: а на ком ищут, тот себе изъберет из трех одного; а судьи наши вопчии о чем сопрутся, ино им третей по томуж». — Подробности: «А суженого не посужати; а татя, разбойника, грабежника, душегубца где имут, туто судят; а иметь ся просити на извод, ино его на извод пустити. А кто имет холопа или должника, а поставит перед волостелем, в том ему вины нет; а выведет из волости, а перед волостелем не поставит, в том ему вина. А холоп и роба почнет ся тягати с осподарем, а пошлется на правду, а не будет по холопе и по робе поруки, ино их выдати осподарю, а по должнике не будет поруки, ино его обинити; а пошлины с семьи три алтына, а з головы алтын; а кой ся не иметь тягати, с того пошлины нет».

⁵⁶⁵ Так, в договоре в. к. Василия Дмитриевича с дядею Владимиром Андреевичем читаем: «А что ординьская тягость и коломеньский посол, коли еси был в своей отчине, а то нам по розочту; а володимерьскийи послы, как ты выехал из своее отчины, а тот ти протор не надобе. А найду себе Муромь или Торусу, или иная места, тот ти протор не надобе: а что тебе Бог дасть иных мест, оприч Мурома и Торусы, а тот протор нам не надобе».

⁵⁶⁶ Стр. 102: «А что есмь занял у гостей и суконьников шесть сот рублев, да заплатил есмь в твой долг в ординьской Резеп-Хозе, да Абину в кабалы, и на кабалах есмь то серебро подписал: и тебе с мене тот долг ту шесть сот рублев сняти, а с теми гостьми ведатися тебе опроч мене самому; а мне тебе тех сказати, у кого есмь то серебро заимывал».

⁵⁶⁷ «А что мои люди грабили бояр твоих, или и нятцев твоих, или людей твоих опроч бою, ино то отъдати: а не отъдадут, ино тому суд и исправа, опроче съестного».

⁵⁶⁸ Стр. 95: «А кто будет того полону запродан за рубеж или инде где, и тебе тот полон выкупити весь безхытростно, да отдати мне в. князю».

⁵⁶⁹ «А что мои наместници и волостели и посельскийи и их тивуни ведали твою отчину и села боярский в твоей отчине, и о том нам отослати по боярину, и они о том учинят исправу; что будет взято право, то остало; а что будет взято криво, то отдати по исправе», стр. 87.

⁵⁷⁰ «А что были межи нас в наше нелюбие войны и грабежи, или дани иманы, или где что взято и положеное, и тому погреб на обе стороне».

⁵⁷¹ «А што села княгининские пошлые, то ее и есть; а ведает те села пошлые княгининские дотоле княгини моя, доколе даст Бог женится сын мой, а потом ина даст те села сына моего княгине, своей сносе, которые были издавна за княгинями».

⁵⁷² Слово «опричина» явилось на севере вследствие разрушения родового быта и уничтожения понятия об общей родовой собственности; причина употребляется иногда в смысле удела, который принадлежит князю в полную, отдельную собственность и противопоставляется великокняжеской области Владимирской, переходящей к старшему в роде, напр. св. Михаил Тверской говорит Юрию Московскому: «Оже дал царь тебе великое княжение то и аз отступаюся тебе. Княжи на великом княжении. Но в мою *опришину* (т. е. в Тверь) не вступаися» (Воскрес. II, стр. 282).

⁵⁷³ «А што ее примысл, в том волна, по душе ли даст, сыну ли даст; да к тому ей даю в *опришину* два села (имярек), в тех дву селех так же волна, по душе ли даст, сыну ли даст».

⁵⁷⁴ «А ис тех волостей и с сел, што есм писал княгине своей, хто ся имет жаловати на волостелей, или на тиунов, ли на посельских, или на доводчиков, то судит княгини моя, или кому прикажет; а сыну моему князю в те суды не вступатися. А переменит Бог татар, и княгини моя емлет с тех волостей и с сел дань себе; а сыну моему князю Ивану также в ту дань не вступатися. А коли придет дань или ям, и княгини моя даст с тех волостей и с сел по розочту, што ся иметь». Или: «Дал есмь ей Лужу и со всеми слободами и с волостями и с околицами и с селы и з бортью, с тамгою и с мыты и с озеры и со всеми пошлинами... А на мытников и на таможников дети мои на Городецьских матери своей приставов своих не дают, ни судят их, мытников своих и таможников судит их княгини моя: а в мыт и в тамгу дети мои не вступаются ни каковыми делами... А судит княгини моя удел свой и те села и бояре свои сама, а дети мои в то не вступаются... А учинится в Луже душегубство или в волостех в лужевьских и в слободах и в околицах удела княгини моей, и те душегубства потянут к Луже; а дети мои в те душегубства не вступаются».

⁵⁷⁵ «А кто учнет бояр служити моей княгине, а тех бояр дети мои блюдите с одиного».

⁵⁷⁶ Никон. III, 136: «И бяше убо веселие непрестанно посреди обоих духовное, князю убо во всем послушающу, и честь велию воздающу отцу своему».

⁵⁷⁷ Там же, стр. 135: «И зело возлюбил его (Калиту) божий святитель, и начать болше инех мест жити во граде том».

⁵⁷⁸ Никон. III, 139, 140: «Иным же князем многим не много сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуща».

⁵⁷⁹ См. Исследование В. Григорьева: о достоверности ярлыков, данных ханами русскому духовенству, стр. 50.

⁵⁸⁰ Никон. III, 137, 138.

⁵⁸¹ Там же, 138.

⁵⁸² Новгород. стр. 74.

⁵⁸³ Там же, 139: «Вся земля Тверская пуста, и все быша лесы и пустыни непроходимые».

⁵⁸⁴ Никон. III, 152.

⁵⁸⁵ Там же, 153: «аще пойдем на князя Ал. Мих. Тверскаго и се псковичи вси яшася за него всею крепостию, и обещеваются вси умерети за него; близ же суть их и немцы, и се им помощь».

⁵⁸⁶ Псков, летопись, изд. Погода, стр. 21.

⁵⁸⁷ Новгород, стр. 75: «Приидоша послове из Плескова от князя Александра, и от Гидимона послове, и от всех князей литовьских к митрополиту, и приведоша с собою Арсения, хотяще его поставити на владычество в Плесков, а Новагорода не творя ничим, възнес бо ся высокоумием своим, нъ Бог и святаа София низлагаеть всегда высокомыслящих, зане плесковичи изменили крестное целование к Новугороду, посадили себе князя Александра из литовския руки».

⁵⁸⁸ Никон. III, 163: «Князь великий Александр Михайлович Тверский нача тужити и скорбети живя во Пскове, глаголя сице: приму смерть zde, что убо ми будет и детям моим! Видят бо вси языцы, яко отбежа княжения своего и смерть прия, и тогда дети мои лишени будут княжения своего».

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Там же, стр. 164.

⁵⁹¹ Никон. III, 164: «Тогож лета (1336) отъехаша бояре мнози от князя Александра Михайловича Тверскаго на Москву к великому князю Ивану Даниловичу». Карамз. IV, гл. IX: «Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые вельможи завидовали». — Догадка вполне, по нашему мнению, справедливая; это явление объясняется местничеством: новые бояре Александровы заехали старых тверских.

⁵⁹² Новгород, стр. 79.

⁵⁹³ Татищев (IV, 136) приводит известие еще о других виновниках гибели Александровой: «Бывшу же Александру Михайловичу в Немцах и Литве, мнози истязашу от него многие дары и обеты прирекающе ему помогати, но ничто полезно ему сотвориша. И он издав имения своя живяше во стране чужих в велием убожестве и нищете. И егда прият от хана княжение тверское, ничьею, но токмо Божескою помощию и своею мудрою кротостию, тогда тии немцы и литовстии вельможи прошаху от него обетов. Он же яко ведый себе неповинна и неимуца что дати, разорено бо еще бе княжение его, отказа им, а иных проси да подождут до исправы. Тии же шедше во орду начаша хану Азбяку жаловатися и клеветати на князя Александра».

⁵⁹⁴ Никон. IV, 204.

⁵⁹⁵ Никон. IV, 204, 205: «Егда видоста во град Ростов тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живушая в нем, и гонение много умножись, и не мало их от ростовец москвичем имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоришноу взимающе, и тщию рукама отхожаху, иже последняя бедства образ; яко не токмо имения обнажения быша но и раны наплоти своей подьяша, и язвы жалостно на себе носиша и претерпеша. И что подобает много глаголати толико дерз-

новенна над Ростовом содеяша, яко и самого того епарха градскаго, стареишаго боярина ростовского именем Аверкия стремглав обесиша, и возложиша на ня руле свои, и оставиша поругана точию жива, и бысть страх велик на всех слышащих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его и во властех, и в селех... и ростовския ради мужа и насилования и злоб разбегошась людие мнози».

⁵⁹⁶ Новгор. стр. 79: «Ходи князь велики Иван в орду, его же думою приславише татарове, позваша Александра, и Василиа Давыдовича Ярославскаго, и всех князей, в орду. Князь же Александр послал бе прежде себе в орду сына своего Феодора, чаа оттоле вести; и присла по него царь и поиде в орду, и Василий Ярославский, нань же посла князь Иван, тесть его, в 5-сот переимать, нъ отбися их».

⁵⁹⁷ Никон. III, 170.

⁵⁹⁸ О прозвище Калита см. Карамз. IV, примеч. 321.

⁵⁹⁹ С. г. г. и д. т. I, № 21 и 22.

⁶⁰⁰ Юрий, Александр, Афанасий, Борис.

⁶⁰¹ Калита купил Углич, Белозерск и Галич; но ни в духовной самого Ивана, ни в духовной сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Донской говорит о них как о купле деда своего. — Карамзин (IV, гл. IX) делает предположение, что эти прикупы принадлежали не к Москве, но к великому княжению! Но как мог Калита прикупать к в. княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет. Дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владетельных, подчиненных однако в. к. московскому, а при Димитрии Донском они были лишены этих прав. Сам же Карамзин (примеч. 327) говорит, что в 1339 году белозерский князь вместе с Александром Тверским ездил в Орду и что галицкий князь Димитрий был изгнан из этого удела Димитрием Донским.

⁶⁰² Воскр. II, 312; Соф. врем. I, 324.

⁶⁰³ Татищ. IV, 146.

⁶⁰⁴ Там же, стр. 175.

⁶⁰⁵ Герберштейн у Старчевского: *Historiae Ruthenicae Scriptorum externi* t. I, p. 7. *Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI* / Ed. Adalbertus de Starczewski. V. 1. Berolini et Petropoli, 1841; см. также: *Герберштейн С. Записки о московитских делах.* СПб., 1908.

⁶⁰⁶ Никон. III, 195.

⁶⁰⁷ Кажется, у Симеона оставался малолетний сын, который скоро умер; это видно из следующих слов завещания: «Приказываю своей братье свою княгиню и своего...» — С. г. г. и д. т. I, № 24.

⁶⁰⁸ Летописец упоминает об отцовских боярах как о редком, чрезвычайном явлении; так, описывая сношения Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, летописец говорит: «И бысть к велику дни на веревницу, и ту преставися добрый старечь Петр Ильичь, иже бе отца его (Святослава) мужь» (Ипатьев. 29). Также, говоря о воеводе Всеволода III Дорожае, летописец прибавляет: «То бо бяшетъ ему отнь слуга» (Там же, 125). Вот все случаи, где летописец упоминает об отцовских боярах!

⁶⁰⁹ Никон. III, 184, 185.

⁶¹⁰ Там же, 190, 191.

⁶¹¹ Никон. III, 191, 191

⁶¹² Никон. III, 196.

⁶¹³ Там же, 211.

⁶¹⁴ Воскр. II, 310.

⁶¹⁵ Никон. III, 170.

⁶¹⁶ Там же, 178.

⁶¹⁷ Карамзин (IV, примеч. 302) упоминает о летописи в Синодал. библиот. XV в., № 349, л. 226, где говорится, что Узбек поделил между Александром Васильевичем Суздальским и Иваном Калитою, причем Владимир достался первому и уже по смерти его перешел к в. к. московскому. — Это известие очень подозрительно, ибо у Александра не было никаких прав на Владимир; здесь может иметь место только одно предположение, а именно, что Калита уступил Владимир на время Александру, чтоб иметь в нем союзника против опаснейшей Твери, и точно — мы видим, что Александр постоянно ходит с войском Калиты.

⁶¹⁸ См. завещание Ив[ана] Ив[ановича]. См. также договорную грамоту Олега Рязанского с Димитрием Донским в 1381 году, С. г. г. и д. т. I, № 32: «А что на Рязаньской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, Почен, Лопастна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничь с месты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичю, та места к Рязани». Здесь выражение: «доселе потягло к Москве» означает, что Донской снова присоединил их к Москве; князья тарусские и Федор Святославич были поверенные — первые со стороны Москвы, второй со стороны Рязани, — которые заключили мирный договор при Иване.

⁶¹⁹ «Приехав ис Чернигова в Тверь Борис Федорович, прозвище ему было Половой; и был в Твери боярин, у Бориса сын Федор и тот во Твери

боярин же был, у Федора сын Михайло Шетен, а во Твери был тысяцкой, у Михаила сын Константин Шетнев, а во Твери был тысяцкой же. А у Константина детей: Иван Шетнев, тот был во Твери тысяцкой же» (Москвит[янин]. 1843 г., № 1). — Тысяцкий был муж из дружины князя, назначался князем; быть назначену от князя тысяцким выражалось: *принять от князя тысячу* (Ипатьев. 180). Что тысяцкий был муж из дружины князя, видно из следующего места (Соф. врем. I, 120): «А се устави великий князь Владимир Всеволодич Манамах, по Святополце созвав *дружину* свою на Берестовом: Ратибора тысячьского киевского, и Прокопия тысячьского белгородьского, Станислава тысячьского переяславльскаго». Если граждане брали от известного князя его тысяцкого, то это значило, что они передаются этому князю. Будучи предводителем городского ополчения на войне, тысяцкий и во время мира сохранял важное значение среди граждан, был как бы посредником между ними и князем: так, мы видим, что князь посылает тысяцкого на вече с известными предложениями народу (Новгор. стр. 37). Князь, выходя из одной области в другую, брал своего тысяцкого с собою; могло случиться, что в новом городе он находил старого тысяцкого, после прежнего князя оставшегося; тысяцкий, пришедший с новым князем, сменял старого; но могло случиться, что князь, заметив, что прежний тысяцкий пользовался расположением граждан, оставлял его на прежнем месте, желая чрез то приобрести его расположение и вместе расположение граждан; так, напр., Игорь Ольгович по смерти брата своего в. к. Всеволода сказал тысяцкому Улебу: «Держи ты тысячу, как еси у брата моего держал» (Ипатьев. 23). Из особ светских тысяцких, после князя, играл первую роль в городе: в летописи имена тысяцких упоминаются вместе с именами князей, напр., такое-то событие случилось при таком-то князе и при таком-то тысяцком. Ипатьев. 33, Кёнигсберг. 129.

⁶²⁰ С. г. г. и д. т. I, № 23: «А что Олексе Петрович вшел в коромолу к в. князю, нам князю Ивану и князю Андрею к собе его не приимати, ни его детей, и не надеяться ны его к собе до Олексеева живота; волен в нем князь великий, и в его жене и в его детех. А тебе господине к. в., к собе его не приимати же в бояре: а мне князю Ивану, что дал к. в. из Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни иным ничим не подмагати их».

⁶²¹ Никон. III, 207. Карамз. IV, примеч. 381: здесь слово *дружина* знач [ит] товарищи, близкие, т. е. бояре, как прямо говорит Никонов., а не дружина в военном смысле, что ввело в заблуждение Карамзина, который говорит: «Тысяцкий столицы, важнейший из чиновников и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною».

⁶²² Никон. III, 207, 208: «Убиение же его страшно и незнаемо и неведомо ни от кого же; точию обретеса убиен лежа на площади егда завтреню благовестят. И нецыи глаголют о нем, яко совет сей сотворися или от бояр, или от иных в таине. И тако убиен бысть, якоже князь великий Андрей Боголюбский от Кучковичев; и бысть мятеж великий на Москве того ради убиства. И тако тоеже зимы по последнем пути большии бояре московстии отъехаша на Рязань з женами и з детми».

⁶²³ Там же, 210: «К. в. Ив. Ив. прииде из орды, и перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михаиле и зять его Василие Васильевичь».

⁶²⁴ Но Симеон отказал свой участок жене своей Марье, которая еще была тогда жива, как видно из завещания Иванова, и владела многими местами в уделе Димитрия, почему сказано, что по ее смерти все ее владения переходят к Димитрию; но она же, по завещанию мужа, должна была владеть Можайском и Коломною? Стало быть, она уступила их после в. к. Ивану. В завещании последнего упоминается еще о какой-то княгине Ульяне, после которой владения разделяются между Димитрием, Иваном и Владимиром, ибо на то была воля Калиты, т. е. Калита дал кн. Ульяне волости с тем, чтоб по ее смерти они были разделены между его сыновьями, а теперь они должны были быть разделены между их потомством. Карамзин (IV, стр. 179) называет Ульяну женою Андреевою, что не может быть принято, ибо Андрей женился в 1343 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, след., последний не мог распоряжаться делами невестки, которой еще не было.

⁶²⁵ Никон. III, 215; Татищ. IV, 188.

⁶²⁶ Никон. там же.

⁶²⁷ Татищ. IV, 188.

⁶²⁸ Там же, стр. 195.

⁶²⁹ Ипатьев. 213, 214, 215, 216, 218.

⁶³⁰ Карамз. IV, примеч. 268.

⁶³¹ См. Зубрицкого — Повесть временных лет Галицкой, или Червонной, Руси, перевод с польского О. Бодянского, стр. 103.

⁶³² Ипатьев. 202.

⁶³³ Никон. III, 174; Татищ. IV, 175.

⁶³⁴ Никон. III, 174.

⁶³⁵ Там же, 182.

⁶³⁶ Там же, 187.

⁶³⁷ Никон. III, 192.

⁶³⁸ Новгород. стр. 84.

⁶³⁹ Никон. III, 195.

⁶⁴⁰ Сын Константина Суздальского Борис женился на дочери Ольгердовой; в. к. Иван отдал дочь за Кориадова сына Димитрия: Никон. III, 204, 206.

⁶⁴¹ Там же, 207.

⁶⁴² Никон. III, 213.

⁶⁴³ Никон. IV, 5: «Тогда вси князи отъехаша в Новгород Нижний ко князю Дмитрею Костянтиновичю, скорбяще о княжениях своих». О князьях ростовских см. Арцыбашева п. о Р. II, примеч. 795.

⁶⁴⁴ Симеон Константинович Тверской приказал свой удел двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дядей Михайловичей (Древ. летоп. I, 240); Андрей Константинович Нижегородский отдал удел младшему брату Борису мимо старшего Димитрия (Никон. IV, 8, 9).

⁶⁴⁵ Никон. IV, 10: Димитрий отдал Борису Городец, а себе взял Нижний. Каким образом Городец, стольный город Андрея Александровича, перешел к суздальским князьям? Здесь два предположения: 1) или они захватили его, пользуясь борьбою московского князя с тверским; 2) или Калита уступил его им, не желая иметь и отсюда соперников: точно так, как уступил на время Владимир (см. выше).

⁶⁴⁶ Никон. IV, 10.

⁶⁴⁷ Там же, 12.

⁶⁴⁸ Там же, 15.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Никон. IV, 16.

⁶⁵¹ Там же, 19.

⁶⁵² Никон. IV, 11, 22: «А прежня сего таково зло небывало к Москве от Литве, аще и от татар много зла бывало но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаянно и всегубительно».

⁶⁵³ Летописец, содерж. Рос. Историю от 1206 до 1534 г. стр. 117.

⁶⁵⁴ С. г. г. и д. т. I, № 31: здесь ошибкою вместо 1372 г. поставлен 1371.

⁶⁵⁵ Там же, № 28; здесь год опять выставлен ошибочно.

⁶⁵⁶ Никон. IV, 84.

⁶⁵⁷ Никон. IV, 49.

⁶⁵⁹ Северный князь Константин Ростовский сам признается Мстиславу Удалому, что его люди «к боеви не дерзи, тамо и розидутся в городаы» (П. С. Р. Л. т. I, стр. 213). Вспомним отзыв венгерского полководца о южных русских полках: «Русь тщиви суть на брань, да стерпим устремление их, не стерпими бо суть на долго время на сечю» (см. мою статью о нравах и обычаях в древней Руси, напечат. в Чтениях И. О. И. и Д. Р. № 1); вспомним, что теперь наши полки отличаются противоположным качеством: о русском солдате говорят, что его можно убить, но не сдвинуть с места; это солдат новой, Северной Руси. В означенной противоположности характеров древнего и нового войска нашего видно все различие между старою и новою Русью, Русью дружинною и Русью государственною: в первой должно было господствовать беспокойное, порывистое движение, во второй — прочность, твердость; в первой — завоевание, распложение земли, во второй — собиране, сплочение воедино и сохранение.

⁶⁶⁰ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, примеч. 283.

⁶⁶¹ Никон. IV, 31. Еще прежде под 1208 годом суздальский летописец выразился так о рязанцах: «И прислаша рязанци буюю речь, по своему обычаю и непокорьству» (Лавр. 183).

⁶⁶² Никон. IV, 32.

⁶⁶³ В договоре Василия Дмитриевича с Олеговым сыном Федором говорится о московских воинах, возвращавшихся с Дону и захваченных в земле Рязанской: «А будет в твоей отчине тех людей, з Дону которые шли, и тех ти всех отпустите» (С. г. г. и д. т. I, № 36).

⁶⁶⁴ С. г. г. и д. т. I, № 32.

⁶⁶⁵ Никон. IV, 132: «Князь Олег Рязанский срете царя Тахтамышша на украинах своя земля Рязанская и доби ему челом, дабы не воевал ево земли, и обведе его около своей земли, и броды ему указа на Оце».

⁶⁶⁶ Там же, 138: «Землю его воеваша и огнем пожгоша, и плениша вся и пусту всю сотвориша; злее ему стало и Татарские рати».

⁶⁶⁷ Никон. IV, 146, 147.

⁶⁶⁸ Там же, 148.

⁶⁶⁹ Там же, 155, 156: «И рече им дядя их: милыи мои сыновцы, ныне яз от вас плачу, потом же и вы восплачете от врагов своих».

⁶⁷⁰ С. г. г. и д. т. I, № 27.

⁶⁷¹ С. г. г. и д. т. I, № 29.

⁶⁷² Никон. IV, 157.

⁶⁷³ На эти неприязненные действия указывают следующие слова духовного завещания Донского: «А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткинского села княгини моее к Берендееве слободе».

⁶⁷⁴ С. г. г. и д. т. I, № 33.

⁶⁷⁵ Ник. IV, 41.

⁶⁷⁶ Там же, 80.

⁶⁷⁷ Там же, 85.

⁶⁷⁸ Никон. IV, 184.

⁶⁷⁹ Допол. к Актам Историч. т. I. № 8: «Се яз князь великий Димитрий Иванович пожаловал есмь Евсеевка Новоторжца, что идетъ из Торжку в мою вотчину на Кострому... а приказал есмь его блюсти дяде своему Василью тысяцькому».

⁶⁸⁰ Летопись, служащ. продолж. Нест. стр. 183.

⁶⁸¹ Соф. врем. I, 389. Пусть эта речь выдумана, изукрашена сочинителем: для нас важны не собственные слова в. князя, но то, как представлялись современникам отношения его к боярам.

⁶⁸² Никон. IV, 202.

⁶⁸³ С. г. г. и д. т. I, № 34.

⁶⁸⁴ Никон. IV, 191.

⁶⁸⁵ Никон. IV, 239 и след.

⁶⁸⁶ Никон. IV, 240 и 241.

⁶⁸⁷ Там же, 304.

⁶⁸⁸ Никон. IV, 265 и след.

⁶⁸⁹ Карамз. V, примеч. 177.

⁶⁹⁰ Никон. IV, 283.

⁶⁹¹ Там же, 298, 302, 305, 306.

⁶⁹² Там же, 308.

⁶⁹³ Никон. IV, 309.

⁶⁹⁴ Летоп. содерж. в себе Росс. ист. от 852—1598 г., стр. 123, 124: «И слышав князь великий Василий Дмитриевич, и рече князю Юрью: приехал еси с лестию, а смолянном велел датися за Витовта, и возложи нелюбие, и князь Юрью побеже с Москвы в Великий Новгород».

⁶⁹⁵ Никон. IV, 310.

⁶⁹⁶ Летопис. содерж. Росс. ист. от 1206—1531 г., стр. 21.

⁶⁹⁷ Псков, стр. 43: «Псковичи биша челом князь великому Василию, абы им помогл. И князь великий Василий разверзе мир со князем литовским с Витовтом, с тестем своим, псковския ради обиды: занеже неверник и отступник правыя веры Христовы повоева Псковскую волость и город Коложа взя на крестном целованьи».

⁶⁹⁸ Лет. содер. Рос. ист. от 1206—1531 г., стр. 221. Арцыб. п. о Р. II, примеч. 1141.

⁶⁹⁹ Никон. IV, 317.

⁷⁰⁰ Зубрицк. Повесть врем. л., стр. 234.

⁷⁰¹ Который, след., был взят у Нелюба.

⁷⁰² Никон. V, 21 и след.

⁷⁰³ Там же, 17.

⁷⁰⁴ Никон. V, 109: «Князь Юрью князь великийи будет на Москве, а в Литве князь великий побратим его Ствистригаило».

⁷⁰⁵ Там же, стр. 30.

⁷⁰⁶ С. г. г. и д. т. II, № 15.

⁷⁰⁷ Вот что сказано в Супрасльской рукописи (стр. 136) о поблажке Василия замыслам Витовта: «Князь же Юрии (Смоленский) съехася с князем Василием с Московским, и выеха из Смоленска не во мнозе дружине, а княгиню свою и бояр оставив в граде и приказа ждати себя на срок на пръвый и на другый и на третий, а сам приеха на Москву и бил чолом князю великому Василию, прося в него помощи: князь же Василии обеща ему дати силу свою и удръжа его на тыя сроки, а норовя тьстю своему Витовту».

⁷⁰⁸ Кроме Федора Кошки и сына его Ивана, в княжение Василия Дмитриевича был знаменит также боярин Данило Федорович, год смерти которого записан летописцем, причем сказано: «Иже много служил в князю во орде и на Руси и по чужим землям». Никон. IV, 251.

⁷⁰⁹ С. г. г. и д. т. I, № 36.

⁷¹⁰ Никон. V, 14, 15.

⁷¹¹ С. г. г. и д. I, № 14.

⁷¹² Никон. IV, 297, 299, 307, 313; V, 9, 17, 43.

⁷¹³ Карамз. V, примеч. 207.

⁷¹⁴ С. г. г. и д. I, № 35.

⁷¹⁵ С. г. г. и д. [I], № 38.

⁷¹⁶ Там же, № 40.

⁷¹⁷ С. г. г. и д. I, № 37; Акты арх. эксг. I, № 10.

⁷¹⁸ С. г. г. и д. I, № 39.

⁷¹⁹ Там же, № 43, 44.

⁷²⁰ Никон. V, 73.

⁷²¹ С. г. г. и д. [I], № 39.

⁷²² С. г. г. и д. т. I, № 41.

⁷²³ Там же, № 42.

⁷²⁴ Что же касается до известия, сообщаемого Герберштейном (у Старчев.: Hist. Ruth. script. exteri saeculi XVI, vol. I, p. 8), будто Василий Дмитриевич, подозревая жену свою Анастасию (в м[иру] Софию) в неверности, отказал в княжение не сыну Василию, но брату Юрию, то это сказка, выдуманная и рассказанная Герберштейну боярами, озлобленными на потомство Василия Темного.

⁷²⁵ Никон. V, 82.

⁷²⁶ Карамз. V, примеч. 257. Ср. Никон. V, 83.

⁷²⁷ Никон. V, 85.

⁷²⁸ С. г. г. и д. I, № 43 и 44.

⁷²⁹ Там же на обороте написано: «А сю грамоту кн. великому прислал съкладною вместе князь Юрьи, к Орде ида».

⁷³⁰ Никон. V, 109 и след.

⁷³¹ Никон. V, 110.

⁷³² Там же, 111.

⁷³³ Никон. V, 112.

⁷³⁴ Никон. V, 112.

⁷³⁵ Там же 113.

⁷³⁶ Никон. [V,] 114, 115.

⁷³⁷ Никон. V, 115.

⁷³⁸ Акты Историч. I, № 40.

⁷³⁹ С. г. г. и д. т. I, № 49 и 50.

⁷⁴⁰ С. г. г. и д. т. I, № 51.

⁷⁴¹ Там же, № 45, 46, 47, 48.

⁷⁴² Никонов. V, 118.

⁷⁴³ С. г. г. и д. т. I, № 52 и след.

⁷⁴⁴ О поведении Косого во время войн с Василием Московским см. Никон. V, 120: «И город Устюг взял; а воеводу великого князя Василия Васильевича князя Глеба Ивановича Оболенского убил, а десятилка владычия ростовского Иева Булатова повесил, и многих устюжан сек и вешал». См. также Акты Историч. т. I, № 40: духовенство пишет к Шемяке: «И брат ваш старейший, князь Василий въскоте княжения великого, и колико крови христианские проля, и священников и черноризцев просече и извеша!»

⁷⁴⁵ Герберштейн у Старч. Hist. Ruth. script. ext. 1, p. 57: «Regio palustris et sterilis est, servorum fugitivorum velut asyllum quoddam».

⁷⁴⁶ С. г. г. и д. т. I, № 52.

⁷⁴⁷ Никон. V, 119.

⁷⁴⁸ Акты Арх. Эксп. I, № 29.

⁷⁴⁹ Никон. V, 120.

⁷⁵⁰ Летоп. содер. в себе Рос. Ист. от 852 до 1598 г., стр. 147: «Приде же весть великому князю на Москву, что вятчана князя Александра и со княгинею поимали, и на Вятку сведи, и князь великий велел князю Василью Косому очи выняти».

⁷⁵¹ С. г. г. и д. т. I, № 60.

⁷⁵² Никон. V, 157. В послании духовенства к Шемяке, в Акт. Историч. I, № 40: «Егда приходил к Москве безбожный царь Махмет; и князь вел. Вас. Вас. колькое послов своих по тебе посылал, такоже и грамот, зовучи тебе к собе на помощь? И ты к нему не пошел».

⁷⁵³ Послание духовенства к Шем[яке]. Акт. Истор. I, № 40: «А по тебе брат твой старейший, князь великий посылал послов своих до четыредесяти, зовучи тебе к собе за христианство помогати: и ты ни сам к нему не поехал, ни воевод своих с своими людьми не послал». Кажется, здесь выражение «40 раз» употреблено вместо «много раз».

⁷⁵⁴ Никон. V, 197 и след.

⁷⁵⁵ Там же, 200; в Степ. книге: «Шемяка увеща Бигича, еже убиену быти в. князю».

⁷⁵⁶ Никон. V, 200; Карамз. V, примеч. 329.

⁷⁵⁷ Карамз., там же.

⁷⁵⁸ Там же.

⁷⁵⁹ Никон. V, 201.

⁷⁶⁰ С. г. г. и д. т. I, № 61, г. 1445. Андреевичи говорят в. князю: «А что ти, господине князь велики, на нас на свою братью на молодшею было на сердце; и то ти, господине, по се наше докснчанье заднее все нам оставити».

⁷⁶¹ Никон. V, 202.

⁷⁶² Там же: «Мнози же и от москвичь в думе с ними бяху бояре же и гости; беже и от чернцев в той думе с ними».

⁷⁶³ Там же, 203: «А ко князю Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому вести по вся дни посылаеми бяху с Москвы от изменников».

⁷⁶⁴ Карамз. V, примеч. 334.

⁷⁶⁵ Никон. V, 207.

⁷⁶⁶ Никон. V, 206.

⁷⁶⁷ Вероятно, южный русин.

⁷⁶⁸ Никон. V, 197, 213.

⁷⁶⁹ Там же, 208.

⁷⁷⁰ Там же, 209.

⁷⁷¹ Никонов. V, 210: «А князь великий пред ним смиряшися, и во всем вину на ся возлагая: яко и не сие мне пострадати было грех ради моих и беззаконии многих, и преступлении пред вами пред всею старейшею братьею, и пред всем православным христианством, его же изгубих и еще изгубати хотел есмь».

⁷⁷² Летопис. содерж. Росс. истор. от 852—1598 г. стр. 152, 153.

⁷⁷³ Никон. V, 211.

⁷⁷⁴ Летоп. содерж. Росс. [истор. от] 852—1598 г. стр. 153: «Игумен же Трифон, и со всею братьею благослови великаго князя Василья Васильевичя и его детей на великое княжение, а ркуче так: "Государь! Тот грех на мне буди и на моей братии и на главах наших, что еси целовал крест, и крепость дал на себя князю Дмитрею Шемяке, поиди государь с Богом, и с своею правдою, на свою вотчину, на великое княжение на московское"».

⁷⁷⁵ Там же, стр. 154.

⁷⁷⁶ Никон. V, 212.

⁷⁷⁷ Никон. V, 212, 213: «А князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайской еще стояли тогда на Волоце, а князь великий в ту пору послал к Москве изгоном боярина своего Михаила Борисовича Плещеева с малыми зело людьми как бы им мочно проити мимо рать Княжедмитриеву; и тако придоша к Москве ноцию противу Рожества Христова. В самую же завтренью приидоша к Николским воротам, а в ту пору во град ехала к завтрене княгиня Ульяна Княжевасильева Володимеровича к празднику и вратом отворенем бывшим. Они же часа того внидоша во град, наместник же Княжедмитриев Федор Галичской и за пречистыя у заутрении убежа; а Княжеиванова наместника Василия Шигу бежаща из города на коне изымал истобничишко великие княгини Ростопчею звали, и приведе его к воеводам и сии сковаша его; а протчих Княжедмитриевых и Княжеивановых имеющих грабяху и коваху, а граждан приведоша к целованию за великаго князя Василия».

⁷⁷⁸ С. г. г. и д. т. I, № 62.

⁷⁷⁹ С. г. г. и д. т. I, № 67.

⁷⁸⁰ С. г. г. и д. т. I, № 63.

⁷⁸¹ Там же, № 64.

⁷⁸² Там же, № 71 и 72.

⁷⁸³ Там же, № 66.

⁷⁸⁴ Там же, № 69.

⁷⁸⁵ С. г. г. и д. т. I, № 64.

⁷⁸⁶ Акты Историч. I, № 40.

⁷⁸⁷ Акты Историч. I, № 40: «Господину князю Дмитрию Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старейшего великого князя Василия Васильевича и вашего благородия общии, Ефрем владыка ростовский, Аврамий владыка суздальский; Иона владыка рязанский, Варлаам владыка коломенский, Питирим владыка пермский, и мы ваши нищии и молебници, Терентий архимандрит симановский, Мартиниан игумен Сергиева монастыря и с прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всех святых обителей настоятели и со всим еже о Христе братством нашим, со всеми священно-иноки и со всеми священники всех святых Божиих церквей, челом бьем и благословляем».

⁷⁸⁸ Никон. V, 215.

⁷⁸⁹ Летописец, содерж. в себе Росс. историю от 852—1598 года, стр. 156, 157: «И князь Дмитрий Шемяка город Устюг засел, а земли не воевал, а людей добрых привел к целованию; а которые добрые люди не хотели изменить великому князю Василью, и они не целовали за князя за Дмитрея, и он их казнил, Емельяна Лузсково, да Миню Жугулева, да Давида Долгошеина, да Еуфимья Ежевину, метал их в Сухону реку, вяжучи каменеие великое на шею им, един же от них Ежевина Еуфимей на дне седе изрешись, и выплове вниз жив, и утече на Вятку. Тогож лета князь Дмитрий Шемяка пойде на Вологду, и Вологду воевав, и на Устюг приде, и жил на Устюзе два годы не полны».

⁷⁹⁰ Никон. V, 278.

⁷⁹¹ Летопис. содерж. Росс. ист. от 352 — 1598 г., стр. 159, 160; Львов. лет. II, 348.

⁷⁹² Акты историч. I, № 43.

⁷⁹³ Там же, № 53.

⁷⁹⁴ Акты Арх. эксп. I, № 372.

⁷⁹⁵ Никон. V, 278.

⁷⁹⁶ Акты Историч. I, № 56.

⁷⁹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, № 49: «Се яз князь Федор Львович Воротыньский записываюся господару своему Казимеру, королю польскому и великому князю литовьскому, русскому, жемойтскому и иных, и имаюся его милости по зяте своем, по князе Иване Андреевиче Можайском: коли его господарь мой король посадить на великом княженьи на московском, и ему писаться, господару нашему коро-

лю в докончалных и во всяких грамотах братом младшим; а (с) свое отчины, з великого княженья московского, дати имает зять мой, князь Иван, господару нашему, королю и великому князю литовскому город Ржову да город Медын (а в Козелеск князю Ивану не вступатись). А коли где пригодиться господару нашему королю пойти на войну, где будет кривда великому княженью литовскому: ино князю Ивану, зятю моему, з его милостью, з нашим господарем с королем пойти на его неприятеля, самому, своим животою и со всеми своими людьми, послати воевод своих и люди свои вси, без хитрости. А где будет надобе князю Ивану Андреевичу на его неприятеля, и господару нашему королю боронити его потомуж, аж его не зайдет какое дело; а зайдет его што, и ему князя Ивана боронити своими воеводами и всеми своими людьми, как и великого князства Литовского. А особно боронитися мает князь Иван Андреевич, на границах, от Татар, з господарем нашим первореченным королем Казимером заодно, обеюх земель их. А люди господара нашго короля, которые зашли из Литовского княженья в Московскую землю, князю Ивану Андреевичу выпустити добровольно, со всеми их статкы. А коли ся тое дело почисться межы господарем моим королем и межы князем Иваном Андреевичем, тогда господарь мой король маеть князю Ивану Андреевичу поцеловати крест честный, а князь Иван Андреевич Можайский маеть господару нашему королю поцеловати крест честный, штож им на обе стороне сее дело, что в сей моей грамота писано, правити. А посадить ли господарь мой Казимер, король польский, великий князь литовский, русский, жомойтский и иных, зять моего князя Ивана Андреевича на великом княженьи: и я князь Федор Львович имаюся за своего зятя, за князя Ивана Андреевича Можайского, што ему тое верху писаное дело полнити; а некоторыми делы тое и не станет, а господарь мой король зятя моего, первореченного князя Ивана Андреевича, на великом княженьи не посадить: ино ся моя грамота не грамотою, а дело не делом».

⁷⁹⁸ С. г. г. и д. т. I, № 78 и 79, 84 и 85.

⁷⁹⁹ До сих пор мы упоминали о князьях служебных; в договоре с боровским князем упоминаются в первый раз князья — бояре московские.

⁸⁰⁰ Русский временник, сиречь Летописец, содерж. Росс. историю от 862 до 1681 лета, ч. II, стр. 37.

⁸⁰¹ II, 27.

⁸⁰² С. г. г. и д. I, № 75.

⁸⁰³ Акты Арх. эксп. [I,] № 70.

⁸⁰⁴ Никон. V, 289.

⁸⁰⁵ Акты арх. эксп. I, № 25.

⁸⁰⁶ Акты арх. эксп. I, № 26.

⁸⁰⁷ Акты арх. эксп. I, № 65: «А со князем пронским и с его братьею любовь взял еси ты князь велики Иван; а что ся промеж вас учинит, ино промеж вас управити мне в. к. Вас[илию] Вас[ильевичу], а вам мене слушати».

⁸⁰⁸ Никон. V, 284.

⁸⁰⁹ Акты, относ. к ист. Запад. Рос. I, № 33.

⁸¹⁰ Далее: «А рубеж отчыне моего господина деда, великого князя Витовта по старыне. А которыи места порубежныи потягли будут к Литве, или к Смоленску, а подать будут давали ко Тферы: ино им и нынечы тягнути по старому; а которыи места порубежныи потягли будут ко Тферы, а подать будут даивали к Литве или к Смоленьску: ино им и нынечы тягнути по давному, а подать давати по давномуж. А што вчиниться межы вашыми людьми и нашими, и волостели нашы вчинят исправу; а чому нашы волостели не вчинят исправы, и нам, зъехавься, да вчинить исправа без перевода; а земли и воде и всему обидному делу межы нами суд объчый. А што будет вчинилося в нашей любви и в наших перемирьях, тому всему суд и право без перевода; а судити судьям объчым, целовав крест; а о што ся сопруть судьи, ино положыти на моего господина деда, в. к. Витовта; а суженое, заемное, положеное, порученое отдати по исправе; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника выдати по исправе. А людем нашим, гостем, гостити межы нас путь чист, без рубежа и без пакости; а пошлины имати з моих тферских людей в моего господина деда, в. к. Витовътове отчыне, у Смоленьску, у Витебьску, на Киеве, в Дорогобужы, у Вязме и по всему великому княженью, по давному, а нового не примышляти; а по моей отчыне к. в. Борыса Александровича пошлины имати з людей моего господина деда, в. к. Витовта, во Тферы, в Кашине, в Городку, в Зубцове и по всему моему в. княженью, по давному, а нового не примышляти. А на сем на всем я к. в. Бор. Ал. дал есми правду своему господину деду, в. к. Витовту, и крест целовал к нему; а по сей ми грамоте правити».

⁸¹¹ Подробности см. у Зубрицк. Повесть врем. лет.

⁸¹² Акты арх. эксп. I, № 33.

⁸¹³ «А к Орде ти, брате, путь чист ко царю, и твоим детем и внучатом, и твоим людем».

⁸¹⁴ Акты, относ. к истор. Запад. Росс. I, № 50: «А к. в. Борис Александрович Тферский и со своею братьею и з братанычи своими в твоей стороне, а со мною с в. кн. Васильем в любви и в докончаньи; а суд о земли и о воде мне с ним держати во всех обидных делех по старыне; а о чем ся судьи наши сопрут, и они положат на третей, хто будет обейма сторонам люб. А с новгородцы в. к. Борысу жити по старыне, а всем обидным делом давати им межы собою суд и исправа, на обе стороне, без перевода; а о чем ся сопрут, и они сложат на митрополита, кто будет обейма нама люб: и митрополит на кого помолвит, помолвитли на новгородца, а не исправитца, а ему

послати ко мне, к в. к. Василью, и мне то оправити; а помолвит ли на тферигина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. к. Казимира, и тебе то исправить». — Здесь мы видим даже, что касательно смешного суда между тверскими и новгородскими подданными дело идет непосредственно между в. князьями московским и литовским, как будто бы Новгород совершенно принадлежал Москве и Тверь Литве.

⁸¹⁵ Там же, № 51. В этом же договоре упоминается о недавней вражде, бывшей между в. к. литовским и тверским: «А што был еси взял подо мною Ржову, будя со мною не в любви, и я тебе в. князя перепросил, с тобою взял любое, и ты ся Ржовы мне отступил». — В остальных статьях договор сходен с прежним Витовтовым, прибавлено только «а бояром и слугам нашим волным воля межи нас».

⁸¹⁶ С. г. г. и д. т. I, № 76 и 77.

⁸¹⁷ Акты Историч. I, № 51.

⁸¹⁸ С. г. г. и д. т. I, № 80 и 81.

⁸¹⁹ Подробности см. в приведенном выше сочинении Зубрицкого.

⁸²⁰ Никон. V, 109.

⁸²¹ Там же, стр. 157.

⁸²² Там же, стр. 194; Зубрицк. стр. 343, 344.

⁸²³ Акты, относ. к истории Западной России, т. I, № 50: «По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се яз князь великий Василей Васильевич, московский и новгородский и ростовский и пермьский и иных (вот первоначальный титул московских государей!), а братья моя молодшая, князь Иван Андреевич; и князь Михаило Андреевич, и князь Василий Ярославич, чинимы знаменито каждому, кто на сю нашу грамоту узрить, или чтучи услышитъ, комуж будет того потребно ведати. Я князь великий Василей, и моя братья молодшая, дали есмо сесь запись брату нашему Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому и русскому и жомойтскому и иных, што есмь взяли с ним братство и любовь и вечное докончанье. Жити нам с ним в любви, по сей грамоте, а быти нам с ним везде за один, а добра нам ему хотети и нашей земли, везде, где бы ни было. А хто будет ему друг, то и мне друг; а хто будет ему не друг, то и мне не друг... А князь Василей Иванович Торуский и з братьею и с братаничы служат мне в. к. Василью, а тебе королю и в. к. Казимиру в них ни вступатися; а Федора Блудова, и Александрова Борисова сына Хлепенского, и князя Романова Фоминского, и их братья и братаничов отчины, земли и воды, все мое в. к. Васильевы; також Юрьева доля Ромейковича и княжа Федорова места Святославича, все за мною за в. к. за Васильем, и тебе, брате, всех тых мест блости, и не обидети и не вступатися, також и у вотчыну мою в Мещеру не вступатися, ни приймаи их».

⁸²⁴ И точно, в. к. рязанский не жил в дружбе с Казимиром, см. о неудо-
вольствиях между ними в Актах относ. к истории Западной России, т. I, № 58.

⁸²⁵ Карамз. VI, примеч. 480.

⁸²⁶ Акты, относ. к Запад. России, I, № 52.

⁸²⁷ Там же, № 139.

⁸²⁸ Акты арх. эксп. I, № 49. Послание митрополита Ионы польскому королю Казимиру: «Превысокому, благородному, славному, великому королю Казимиру полскому, и великому князю литовскому и русскому и жмуцкому и иных многих, богомолец, господине, великого вашего господства общий, Иона митрополит Киевский и всеа Руси, благословляет и челом бьет. Что еси, господине и сыну, прислал к нашему сыну, а к своему брату, в. к. Василью Васильевичю своего посла Германа с речми и с листы о ваших делех о земьских, а ко мне еси своему богомолцу приказал же с ним, чтоб ваш богомолец общий попечение имел меж вас великих государей о вашем братстве и о любви и о прочном о добром житии, чтоб како дал Бог ваше братство и любов прочна была: а яз господине и сыну, по твоему приказу, великого короля, своему сыну, а вашему брату, в. к. Василью Васильевичю твои речи говорил с благословением и с молбою; и князь великий, господине, брат ваш, велми хочет братства и любви и прочного добраго жития и беречи хочет всего господства, чтоб было неподвижно. А о которых еси делех к нему на своих листех написал и речми еси к нему с своим послом приказал, и брат ваш к. в. о всем к тебе на своем листу написал и речми к тебе с своим дяком (в некоторых списках: Степаном, т. е. Бородатым, отравителем Шемяки и знаменитым знатоком летописей, которому Иван III после поручил перечислить новгородцам все их вины) приказал, и Бог даст, господине и сыну, на его листу и о всем великое ваше господство познает и от его посла послышиш. И благодарю и благословляю великое ваше господство, чтоб есте к своему брату, а к нашему сыну, в. к. Вас. Вас. братство и любовь свою имел по тому крестному целованию, на чем еси меж себе честный и животворящий крест целовали; а брат ваш, а наш сын в. к. того же хочет; а яз ваш общий богомолец, по своему святительскому долгу, Бога молити рад колико мочно и попечение свое имети, чтоб как дал Бог великаго вашего господства с твоим братом с в. к. любовь преисполнена была. А о великом вашем жаловании и о ваших поминках великого вашего господства благодарю и благословляю. А о чем ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу имет мой дяк Василей Карло говорить речми, и ты б тому о всем верил как и нам самим».

⁸²⁹ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 41.

⁸³⁰ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 48.

⁸³¹ Там же, № 57.

⁸³² Там же, № 63.

⁸³³ Там же, № 52: «Казимир король. Всим бояром брянским, и местичом и всим мужем брянцом. Дали есмо Брянск, у вотчину, князю Ивану Андреевичу Можайскому, так как за нами был, а ему нам с того верно служити».

⁸³⁴ С. г. г. и д. т. I, № 86.

⁸³⁵ Духовенство поддерживало это значение княгинь-матерей в семьях княжеских; до нас дошло любопытное послание митрополита Ионы каким-то князьям, не повинующимся своей матери (Допол. к Акт. Истор. I, № 11): «Благословение Ионы митрополита всея Руси о Святем Дусе сыновом нашего смирения, благородным и благоверным князем... Била ми челом, сынове, на вас мати ваша, а моа дчи княгини... жалуся на вас, на своих детей; нечто по грехом, оплошением ли вы своим, или диаволим навожением, или своею молодостию, живете, с нею не дръжите, да еще деи и обидите ее во всем: чим деи ее пожаловал был ваш отец, а ее муж, князь... что ей подавал во опришнину, чим ей было прожити, доколе ей Бог велит пожити, а по своем животе и души бы своей помощь учинити, а вас отец ваш, своих детей, опрично того жаловал, подавал вам ваши уделы, и вы деи, чрез то свое даное, да что ей дано и вы деи то у своей матери поотымали. Ино то, сынове, богопротивно дело делаете, на свою душевную погибель, и временно и будуще. Аще ли не поминаете словеси Господня, глаголющаго (след[ует] текст из Св. Пис.)... И благословляю вас своих детей, чтобы есте, сынове, нашей дчери, а своей матери... челом добили, а у нее бы есте себе прощение взяли и честь бы есте к ней пошлую родительскую имели во всем, по Божию повелению и по божественных Писаний указанию и по нашему благословению, и были бы есте ей всячески послушливы во всем: а обиды бы есте ей не чинили ни в чем, а ее бы есте доволное ей отдали все, она бы ведала свое, а вы бы свое ведали, чим вас Бог помиловал, а отец ваш, а наш сын, вас своих детей благословил, тобы есте свое Богом данное вам и вашим отцем и знали. А как, сынове, с своею матерью, а с нашею дчерью, управитесь, и вы к нам отпишите: и мы за вас хочем и Бога молити, по своему святительскому долгу, а по вашему чистому к Богу покаянию. А чрез то пак сынове, то имеете по старине Богом ненавидимое какое дело делати, а свою мать, а нашу дчерь, гневити и оскорбляти и обиду ей какову чинити: и мне, сынове, самому Бога боячись и по своему святительскому долгу, у нужи да посылати ми по своего сына; а по вашего владыку... и по иных по многих священников, и соборне возря в божественная правила священная, да по вашему непокорству и непокаянному вашему сердцю, а с своим сыном, с вашим владыкою, обговоря и разсудив, да учинити нам вам так, как бы есте наши дети, Бога познати и свое православное христианство и в чистое к Богу покаяние и умиление вошли, взложить ми на вас духовная тягость церковнаа и свое неблагословение и прочих священников, кому Бог повелит тогда с нашим смирением быти, а дотоле Богом узаконеная нам сделати; и то вам будет ни от кого, но самим от себе; да и дчери наши, и ваши матери, на вас не токмо неблагословение, но и клятва, и в си век и в будущий, донележе в чюство приидете и в чистое к Богу покаяние».

⁸³⁶ С. г. г. и д. [I], № 88 и 89.

⁸³⁷ Соф. врем. II, 229; Карамз. VI, примеч. 272; Акты, относящ. к истории Западной России, т. I, № 79.

⁸³⁸ Соф. врем. II, 230.

⁸³⁹ С. г. г. и д. т. I, № 119 и 120.

⁸⁴⁰ Соф. врем. II, 231.

⁸⁴¹ Никон. VI, 120. Супрасльская рукоп., стр. 135: «Взя град Тферь в. к. московский Иван Вас., под великим князем Михаилом Борисовичем Тферьским израдою своих ему боярь».

⁸⁴² Последние известия о последнем из тверских князей суть следующие: 1) Упоминки князю Тверскому, 1489 г. «Князю великому тферскому дано в Кракове, мая в 10 день, индикта 7: два поставы сукна Махалского, а три поставы сукна Новогоньского, а 30 коп. грошей из скарбу. В Кракове, мая 20 индикта 7, к. в. тферскому дано: 20 яловиц а 20 баранов з мыта Луцкого, а 20 яловиц а 20 баранов з мыта Берестейского, да колода меду пресного с ключа Луцкого, а другая колода меду с ключа Берестейского. Сентября 10, индикта 7, з Нового места послано к. в. тферскому: шуба соболя, волоочная аксамитом або адамашькою, а другая шуба кунья; а два поставы сукна Махалского, а три поставы Новогоньских с скарбу; а две колоде меду пресного с ключа Луцкого; а 50 бочек овса на кони тамъже, а 9 стирт сена з дворов Володимерских; а 30 коп. грошей из скарбу». — Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 89. 2) Посольские речи Казимира Польского Ивану III, 1486 г.

«Казмир, король польский и в. к. литовский, всказал: "Перво сего посылали есмо до тебе наши послы, маршалка нашего, наместника новгородского и слонимского пана Солтана Александровича, и писара нашего Петрашъка, о великом князе Михаиле Борисовичи Тферском, и уже тебе о том сведомо, за чим есмо до тебе послали".

Казмир, король и в. к., всказал: "Ино и самому тебе о том гораздо ведомо, што в. к. Михайло Борисович Тферский с нами в докончаньи и крестном целованьи, приехал к нам до наше отчины до в. княжества Литовского, и мы его приняли. И бил нам чолом, абыхмо ему помогли. И мы обмыслили есмо о том, как бы он к отчине своей прийшол добрым концем, без кровопролитья; а посмотрели есмо в докончаньи отца твоего, как есмо с ним докончали, ино на вас помочи есмо не дали ему, а хлеба и соли есмо ему не боронили: покуль была его воля, потуль у нас был; а как к нам в нашу землю добровольно приехал, так есмо его добровольно отпустили". 3) Жалованная королевская грамота 1505 года кн. Василию Глинскому на Лососинскую отчину: «Дали есмо ему тот двор наш Лососиную со всем, потому как держал кн. Михайло Борисович Тферский. А што есмо придали были князю Михайлу Тферскому села Белавичи а Гоцово, то есмо тыми разы привернули за ся к Слониму». — Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 218.

⁸⁴³ Никон. VI, 120. Как благодарил Иван III тверских крамольных князей, и бояр, показывает следующее известие: «Пойма к. в. князя Михаила

Холмского и взяточение на Вологду посла за то что отступил князя своего Михаила Тферского, и целовав ему крестъ, изменил, а в князю на него лгал, рекучи: не добре вериги тому, кто Богу лжет». См. мою статью: О продолжении истории Татищева, в Москвит[янинe.] 1845 г. № 10.

⁸⁴⁴ Никон. VI, стр. 2.

⁸⁴⁵ С. г. г. и д. т. I, № 115 и 116.

⁸⁴⁶ С. г. г. и д. т. I, № 127.

⁸⁴⁷ Там же, № 144.

⁸⁴⁸ Карамз. VI, примеч. 563.

⁸⁴⁹ Летопис. содерж. Росс. ист. от 852—1598 г., стр. 166.

⁸⁵⁰ Летописец, служащ. продолж. Нестор., стр. 284.

⁸⁵¹ С. г. г. и д. т. I, № 90.

⁸⁵² Там же, № 92.

⁸⁵³ С. г. г. и д. т. I, № 93.

⁸⁵⁴ Там же, № 113.

⁸⁵⁵ Соф. врем. II, 228.

⁸⁵⁶ С. г. г. и д. т. I, № 118.

⁸⁵⁷ С. г. г. и д. т. I, 121.

⁸⁵⁸ Там же, № 122.

⁸⁵⁹ С. г. г. и д. т. II, № 22.

⁸⁶⁰ С. г. г. и д. т. I, № 95.

⁸⁶¹ Там же, № 96.

⁸⁶² Летопис., служащ. продолж. Нестор., стр. 284.

⁸⁶³ С. г. г. и д. т. I, № 97 и 99.

⁸⁶⁴ О поведении кн. Ив. Лыка сохранилось известие в записи о Ржовской дани, напечат. в Актах, относящ. к истор. Зап. России, [т. I,] № 71: «Как к. в. московский взял Новгород и вecho им сказал, ино въехал на Ржову кн. Ив. Лыко, и ехал через Влицы, и судил и грабил люди, што хотел то на

них брал, и оставил слуг своих Тимофея и Бурца; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотели то брали: на Климку два рубли взяли, на Дениску Голубькиничу рубль взяли, на Одроне полтора рубля взяли, на Панкрате полтора рубля взяли, и на инших людех много побрали, на ком два, на ком три, на ком пять, того и не счести; а многии люди с тых грабежов разбеглися по заграничью, кое ко Пскову, кое инде где; а того всего слуги Лыковы взяли рублей на тридцать, ино по клетем ходечи грабили, што было в клетех то выграбили у людей... наехал кн. Лыко на Ржову и на Луки, и тут во Ржове почал судить и радить, и вины брати, и грабити, што хотел, то чинил, а владыце новгородскому и бояром не дал ничего их пошлин брати, вси на себе почал брати».

⁸⁶⁵ Соф. врем. II, 203 и след.

⁸⁶⁶ См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, напечат. в Москвит. 1845 г., № 10.

⁸⁶⁷ Летопис., содерж. в себе Росс. историю от 852—1598 г., стр. 185 и след.

⁸⁶⁸ Соф. врем. II, 206.

⁸⁶⁹ Летопис., содерж. Росс. ист. от 852—1598 г. стр. 187.

⁸⁷⁰ С. г. г. и д. т. I, № 106.

⁸⁷¹ Там же, № 110.

⁸⁷² С. г. г. и д. т. I, № 112.

⁸⁷³ Там же, № 125.

⁸⁷⁴ Там же, № 123, 125.

⁸⁷⁵ Соф. врем. II, 232.

⁸⁷⁶ Там же, II, стр. 238.

⁸⁷⁷ Летопис., содерж. Росс. истор. от 852—1598 г., стр. 200 и след.

⁸⁷⁸ См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, в Москвит. 1845, № 10.

⁸⁷⁹ Летопис., служащ. продолж. Нестор., стр. 339.

⁸⁸⁰ С. г. г. и д. т. I, № 129.

⁸⁸¹ Там же, № 132.

⁸⁸² Карамз. VI, примеч. 588.

⁸⁸³ Сказ. кн. Курб. изд. Устрял. 2-е, стр. 4.

⁸⁸⁴ Этими словами Курбский хочет сказать, что Иван III завещал сыну истребление родичей.

⁸⁸⁵ Курб. стр. 57.

⁸⁸⁶ Там же, стр. 127.

⁸⁸⁷ Акты Арх. Эксп. I, № 172.

⁸⁸⁸ Ипатьев.

⁸⁸⁹ По свидетельству одного из них, племянница Константина Палеолога так уговаривала мужа не давать более дани в Орду: «Отец мой и аз не хотехом дань давати лутче отчины лишихомся, и аз не хотя иных богатых и сильных князей и королей веры ради прияти, тебе причетахся, а се ныне хочещи мя и моя *дети ганники учинити*, имаши воинство много и Бога по себе помосчника; почто хочещи *раб твоих слушати*, а не стаяти за честь свою и веру святую, почто боишися множества вой нечестивых ведуще яко той силен дати крепость и победу тебе, и яко первее отрек им, тако и ныне откажи недавать дани и выходов». Тот же летописец так оканчивает рассказ о княжении Ивана III: «Сей блаженный и доздохвальный в. к. Иоан великий, Тимофей прежде нареченный, многи княжения к в. князю присовокупи, и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже, и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и много от Орды данники себе учини, многи ремесла въведе, их же прежде незнахом, со многими далными государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави, во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его, в. к. Софья». См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, в Москвит. 1845, № 10.

⁸⁹⁰ Соф. врем. II, 353: «Восполелся к. в. Ив. Вас. всеа Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе; того ради, что он сведав от дьяка своего от Федора Стромиллова то, что отец его в. к. хочет пожаловати в. княжением Володимерским и Московским внука своего, кн. Дмитрея Ивановича, нача думати князю Василью второй сатанин предотеца Афанасий Арапченко; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромиллов, и Поярок Рунов брат и иные дети боярские, и иных тайно к целованию приведоша на том, чтобы князю Василью от отца своего в. к. отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитрием израда учинити. И изведав то и обыскав к. в. Ив. Вас. злую их мысль и повелел изменников казнити; и казниша их на Москве на Реце по низ мосту шестерых, Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсекиши и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромиллову, да Вододимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тем четырем главы ссекоша: и иных многих детей боярских велел к. в. в тюрьму пометати».

⁸⁹¹ Там же.

⁸⁹² См. Курб. в приведенном уже месте.

⁸⁹³ См. чин венчания в С. г. г. и д. II, № 25.

⁸⁹⁴ Степен. кн. II, 160.

⁸⁹⁵ Летопис., содерж. Российск. Истор. от 852—1598 г., стр. 215.

⁸⁹⁶ Карамз. VI, примеч. 454. Любопытен отзыв Ивана III о поведении кн. Рязполовского и одного из сыновей Гатрикеева, Василья: давая наставления послам своим, отправлявшимся к польскому королю, Иван говорит им: «Чтобы о всем межи вас было гладко, а пили бы есте бережно, не до пьяна; а где ни лучится вам пити, и вы бы себя берегли, пили бы есте бережно, чтобы вашим небреженьем, нашему имени нечти не было; ведь что учинити не по пригожу, ино нам нечесть, а вам нечесть же, и вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семен Рязполовский высокоумничал (с) князем Васильем княжим Ивановым сыном Юриевича». Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 192.

⁸⁹⁷ Степен. кн. II, 160.

⁸⁹⁸ Карамз. VI, примеч. 455. Иван III дал следующий наказ послам своим, ехавшим в Литву: «Спросит котораго (посла) дочь великого князя (Елена), или иной кто в Литве, про то: как князь в. пожаловал сына своего в. к. Василья великим княжеством? И Петру с товарищи говорите: пожаловал государь наш сына своего, в. к. Василья, учинил его государем так же: как государь сам на государствах своих, так и сын его, к. в. Василей, с ним на всех тех государьствах государь. А взмольят то: а ведь был к. в. наперед того пожаловал в. княжеством внука своего, и он у внука взял ли великое княжество? И Петру с товарищи говорити: которой сын отцу служит, и норовит, ино отец того боле и жалует; а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати? Да боле того, про то не говорити ничего. — А спросит дочь в. князя: да где ныне внук его и сноха? И Петру с товарищи говорити: внук его, госпоже, и сноха живут ныне у в. князя, потому же, как наперед того жили». — Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 192.

⁸⁹⁹ Соф. врем. II, 269.

⁹⁰⁰ Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 192: «А приказали с ними (послами) к королю оба великие князи и князь Семен, и князь Ондрей поклон; а дочери своей князь великий болшой, и князь великий Василей сестре своей, и князь Семен, и князь Ондрей приказали поклон».

⁹⁰¹ Летопис., содерж. Росс. Истор. 352—1598 г., стр. 206 и 214; Карамз. VI, примеч. 538.

⁹⁰² С. г. г. и д. I, № 147.

⁹⁰³ Никон. VI, 185.

⁹⁰⁵ Здесь князь указывает на опустошение Воротынской земли Ахматом: «И слышав то царь Ахмат, что к. в. смирился с братьею, и убояся братьи в. князя, и побежа от Угры, не дождався короля, и бежачи нача воевати королевскую землю, Воротынеск, и иныя городки, и в полон поведе, сел, и волостей, и много поймав в полон поведе безчисленно множество». Летоп., содерж. Росс. Истор. от 352—1598 г., стр. 187.

⁹⁰⁶ Акты, относящ. к истор. Запад. Рос., т. I, № 106.

⁹⁰⁷ Соф. врем. II, 242, 243.

⁹⁰⁸ Там же, стр. 234.

⁹⁰⁹ Там же, стр. 235.

⁹¹⁰ Соф. врем. II, 243.

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 109.

⁹¹³ Там же, № 110.

⁹¹⁴ Сборн[ик] Муханова [1 изд. М., 1836]. № 41; Карамз. VI, примеч. 396.

⁹¹⁵ В Архив. списке, напечат. у Карамзина: Говдыревьсково.

⁹¹⁶ Они вступили в службу к Александру, см. Акты, относящ. к истор. Западной России, I, № 122.

⁹¹⁷ В архив. списке: «А которые князи служат мне, в. к. Александру, с своих вотчин и тебе и твоим детем их блюсти и необидети, а которые князи служат тебе и твоим детем с своих отчин, и мне их блюсти, а не обидети».

⁹¹⁸ «Былаь бы на то воля Божья, абы еси дал за нас девку свою, абыхмо в лепшой в кровной приязни и в лепшом житьи были с тобою, потому, как дед наш, в. к. Витовт, в таком звезаньи был с твоим дедом с в. к. Васильем». Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 114.

⁹¹⁹ Иван говорил после чрез послов Елене: «А как ты наша дочи к нему пришла, и яз чьяя того, что, как ты к нему придеш, ино тобою всей Руси, греческому закону, укрепление будет». Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 192. Надеясь иметь чрез Елену и детей ее влияние на Литовскую Русь, свою отчину, Иван с неудовольствием услышал, что Александр хочет уступить часть ее брату Сигизмунду; вот что писал он к дочери по этому случаю: «Слышал я, каково было нестроение в Литовской земли, коли было государей много; а и в нашей земли, слышала еси, каково было нестроение при моем отце, а опосле отца моего, каковы были дела и мне с

братью, надеюсь, слышала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыгимонт будет в Литовской земли, ино вашему которому добру быти? И яз приказываю то к тебе, того дея, что еси дея наше; и что ся не потому ваше дело почнете делати, и мне того жаль. А захочеш о том говорити с в. князем, а ты бы говорила с ним от себя, а не моею речью; да и ко мне бы еси о всем отказала, каково ваше дело». — Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 136. Здесь видно стремление Ивана III отстранить Ягеллонов — католиков от владычества над Литовскою Русью, что после явно выразил сын его Василий домогательством получить литовскую корону по смерти Александра мимо того же Сигизмунда.

⁹²⁰ «И ты бы, брат наш, на чом нам молвил и лист свой дал, на том бы еси стоял, шtbody еси нашей дочери некоторыми делы к римскому закону не вернул и не нудил; а и похочет ли нагла дочь приступити к римскому закону, и мы своей дочери воли не даем на то, а тыб ей на то воли не давал же, шtbody межи нами про то любовь и прочная дружба не нарушилася, доколе дасть Бог, дерьжала бы наша дочь свой закон греческий». — Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 116.

⁹²¹ Там же, № 192: «А о дочери о нашей так уговорили его панове Петр и Станислав с нашими бояры, что нашей дочери, будучи за ним, дрьжати свой греческой закон во всем, а ему ее к римскому закону не нудити ничем; а как дасть Бог, наша дочи будет у него в Вилне, ино ее венчати митрополиту, а не будет митрополита, ино владыце нашего греческаго закона; а церковь Божию греческаго закона поставити было ему дочери нашей у нее на сенех; а панов и паней приставити было ему к ней, все греческаго закона, а не римскаго; да и список у нас панове его Петр и Станислав взяли, какову ему нам о нашей дочери, о греческом законе, свою утвержденную грамоту дати... А как прислал к нам по нашу дочь своих панов, кн. Александра Олшаньского, пана виленьского, да Яна Заберазского, пана троцского; и они нам от в. к. Александра тож говорили, что нашей дочери, будучи за ним, дрьжати свой греческой закон во всем, и ему ее к римскому закону не нудити ничем, а учинити ему о всем потому, как уговорили с нашими бояры его панове Петр и Станислав».

⁹²² Александр после заперался, что ничего не слышал об этом от своих послов — «абы о том которое слово або впомянанье было». — Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 179. Но если бы даже послы ничего не говорили об этом с боярами, то Иван наказывал сам Александру: «Шtbody еси, наш брат и зять, учинил нас дея, велел нашей дочери, а своей великой княгини, поставити церьков нашу греческаго закону на переходех, у своего двора, у ее хором, шtbody ей близко к церькви ходити». (Там же, № 116). И потому Иван III имел и в этом случае полное право сердиться за презрение своей просьбы, тогда как он именно говорил: «нас дея».

⁹²³ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 116.

⁹²⁴ Сама Елена, по-видимому постоянно державшая сторону мужа, писала к отцу: «А нас укоряют безпрестанно, а зовут нас некрестьми». Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 192.

⁹²⁶ Там же, № 192: «А что еси нам говорил от в. к. Александра, что к нам наше имя, в своих грамотах, писал не по нашему с ним докончанию, а писал к нам так, как отец его писал: ино мне с отцем его с королем и докончание не бывало; а наперед того о нашем имени к нам приказал, с своими послы с Станиславом с Глебовым да с писарем с Ивашком с Сопегиным, что нашего имени по докончанию к нам не пишет, за тем, что Киев в наших докончаниях не написан; а веснось о нашем имени к нам приказал, с своими послы с Станиславом с Кишкою да с писарем с Федком, что нашего имени к нам по докончанию не пишет, за тем, будто после нашего докончания, в коротком часе, из наших земель, от наших людей его людем почались чинити великие кривды. И князь великий бы положил то на своем разуме: гораздо ли к нам так приказывает? Не хотя нам правити, да безлепичные речи к нам приказывает».

⁹²⁷ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, 155: Письмо Шестакова к Оболенскому: «Государю моему, князю Борису Михайловичю. Здесь, господине, у нас сталося замытенье великое межи латыны и межи нашего христианства. В нашего владыку смоленского диявол ся вселил, с Сопекою, отметником их, на православную веру: к. великий неволил государыню нашу, в. княгиню Олену в латинскую проклятую веру; и государыню нашу Бог научил, да помнила науку государя отца своего, и государыня в. княгиня отказала так: "Памятуешь государь с государем с отцом моим как еси рекл; и яз, государь, без воли осподаря отца своего, не могу того учинить, а обошлю государя отца своего, как мя научит". Да и все наше православное христианство хотят оқстити, ино наша Русь велми ся с Литвою не любят. И тот бы списочек послал до государя, а государь сам того не разумеет».

⁹²⁸ Соф. врем. II, 264: «Приеде к в. князю Ивану Вас. бити челом кн. Семен Иванович Бельский о том, чтобы его пожаловал князь велики и с вотчиною взял служити, а сказывает: что по них пришла великая нужда о греческом законе; посылал деи князь велики Александр к своей в. княгине Елене о том отметника православныа веры греческаго закона Иосифа владыку смоленского да бискупа своего виленьского и чернцов Бернядинов, чтобы приступила к римскому закону; а к руским и к виленьским воеводичем и ко всей Руси; которые дръжат закон греческой, а нудят их приступити к римскому закону». — Князю Бельскому не было никакого неудовольствия на Александра; последний, по примеру отца, подтвердил ему отчину брата его Федора, отъехавшего прежде в Москву. См. Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 126. След., одни причины религиозные могли побудить его к отъезду.

⁹²⁹ Александр писал о Бельском: «Он тебе, брату нашему, не умел правды поведати, как-то лихый человек а зрадца наш: мы вжо его третий год и очима не видали». Иван отвечал: «И есть дей ведомо допозна про то дело, что он не хотя быти отступником греческаго закона и не хотя своей головы потерять, к нам поехал служити и с своею отчиною. Ино, которая его в том зрада?» — Акты, относ. к ист. Запад. Росс., I, № 179. Ян Юрьевич,

воевода троцкий, писал к московскому боярину Якову Захарьину, воеводе коломенскому: "Ино того посмотри: хто се-зде не верно служил, там ему приехавши как добро говорити? Ведь то ему и говорити, с себе складаваа, а межи государей не житъа хотя, штобы за государскою незгодою и не житьем сам прожил. А о Белских самому тебе явно, какии люди оны есть: перед тым брат его, и ныне он, которую веру через свои присяга государю нашему вказали? А што одному вчинили, другому тож вчинят. И чуол есми, штож ваш государь, в. к. Ив. Вас., у-в отказе пишет через пана Станислава Нарбутовича, будто наш государь посылал бискупа, а владыку смоленского к его дочери, а к своей великой княгини, нудячи ее, абы приступила к римскому закону. Ино, пане Якове, верь мне и присязе моей, што того ни коли не было, а ни пак наш государь ни в уме того држал, штобы свою в. княгиню с тым словом обсылал, а любо бы греческому закону силу чинил"». Яков Захарьич отвечал ему: «Пане, то дело было не тайно, явно; ведомо то в вашего государя землях и в нашего государя землях всем людем, что посылал; а которые государя вашего панове радные в нятстве у государя нашего, и они тож сказывают: ино, пане Яне, коли межи великих государей их добрые люди хотят доброго дела, и они пишут межи собою правые дела, как бы межи государей, дал Бог, доброе дело състалосся». Там же, № 192.

⁹³⁰ Там же, № 167: «Мы, впамятавши его к отцу нашому доброе памяти королю его милости и к нам верную службу, з ласки нашое, тыи вышей писанныи замки, выслугу отца его, што выслужил на отцы нашом короли его милости Стародуб и Гомей, и теж што от нас выслужил замок Чернигов, и волости Карачов и Хотимль, подтверждаем сим нашим листом, вечно ему и его княгини, и их детем и потом будущим их счадком».

⁹³¹ Соф. врем. II, 242.

⁹³² Там же, стр. 264: «что на них пришла велика нужда о греческом законе».

⁹³³ Там же, стр. 265; Акты, относящ. к истории Западной России, т. I, № 180; Иван велел сказать Александру: «Наперед того, от твоих предков и от твоего отца, князем русским и всей Руси такая нужда их вере не бывала; и мы ныне князя Семена и князя Василья приняли к собе в службу и с теми города и волостями, которые они держат: и тебе бы то ведомо было». Александр отвечал: «О том ведает сам государь ваш, как тых князей отцы выехали от его отца к отцу господара нашего, королю его милости, и над его отцом и над ним самим которую зраду вчинили; и отец господара нашего их отцом подавал города и волости свои, им на поживенье, а о их городех и волостех господар наш не ведает, ведает его милость и держит свою отчину. А што ся дотычет о нужы римского закону, ино господар наш к ним князя бискупа и нареченного митрополита и владыку о том не посылывал. Много на его милости дворе княжат и нанят греческого закона, а ни кому нужы его милость в законе неделаает, как же то бывало за предков и за отцы его милости; а тыи зрадцы чого звыкли делати от отцов своих, то и тыми разы вчинили, и над государем вашим напотом тоеж вчинят».

⁹³⁴ Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 188: «А то бы ваша королевская милость, таковую помоч его милости пану нашему, на тот час, не только для крове и братское милости вчинили, але и для веры светое христианское, которая ж есть там в земли Литовской вольно вщепена из великою прадою и печою, через славное памяти деда вашего ясности, короля польского и в. князя литовского Владислава, есть вкоренена. Тако бо от оных лет, аж до нынешних часов, Русь покушаются ее сказити и згладити, не только Москва, але и от подданных княжат земли нашего милостивого пана некоторые, яко часу щастное памети отца вашего милости, короля Казимера, на его милость, не для иного, нижь для веры святой, повстати умыслили, так и на вашу милость, сынов его милости, панов наших милостивых. О которых же его милость своею мудростью и опатрностью то поразумел, и некоторых з них за то скарал, а иные для того к тому ж москвитину збегли».

⁹³⁵ Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192.

⁹³⁶ Там же: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина». И после повторял Александру: «То он (Александр) правду к нам приказал, что каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему Александру королю и в. князю, что Русская земля вся, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская; и нам чего дело тех городов и волостей, своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит на Литовской земле с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192: «Да говорил, чтобы город Киев и иные города писати вотчинами; ино тому нельзя быти: писати Киев и иные города землями, как и в. князя города писаны землями».

⁹³⁹ Там же: «И ты, брате, памятуй: коли еси к нам присылал своих панов, дочери наши у нас просити, чтобы за тебя дочь свою дали, и тогда нам от тебя нашего брата твои панове о папе и слова никакова не говорили: и нам о своей дочери, о том деле, о чем к папе посылати своего посла? О том нам деле о своей дочери к папе не посылати».

⁹⁴⁰ Акты арх. эксп. I, № 138.

⁹⁴¹ Этому Сапеге Иван III доверял более, чем дочери; вот как он писал к нему: «Иоанн, Божьею милостью государь веса Русии и в. князь, володимерский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и пермский, и болгарский и иных, королеву Александру и в. кня-

зю писарю и нашей дочери, королевы и в. княгини Олены канцлерю Ивашку Сопежичю. О котором еси нам деле от нашия дочери от королевы и в. княгини Олены говорил, и мы о том деле к дочери своей приказали с своими бояры: и ты бы то нашей дочери сказал, да молвил бы еси нашей дочери, чтобы к нам с нашими бояры отказала о своем деле, о всем подлинно, а не крылабыся от наших бояр ни в чем». — Акты, относящ. к истории Запад. России., т. I, № 192.

⁹⁴² Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192: «А се речь, что говорити бояром в. княгине на-одине:

“Говорил ми от тебя твой канцлерь Ивашко Сопега, что еси еще, по нашему наказу, в нашем законе греческом нерухома да и от мужа от твоего, от нашего зятя, в том тебе налога мало, а много тебе про наш закон про греческой укоризны от арцибискупа от краковского от Фредерика, и от бискупа от виленского, и от панов от литовских, а говорят деи тебе так, будто ты не кщена, да и иные деи речи не добрые, на укор нашего закона греческого, тебе говорят; да и к папе деи они ж приказывали о том, чтобы папа к мужу твоему послал, а велел тебя привести в послушество Римской церкви и папе. А доколе, даст Бог, зять наш, а твой муж здоров, и ты дотоле не начеешься ни которые нужи себе о греческом законе; а пасеешься того, нешто, по грехом, мужа твоего, и нашего зятя, в животе не станет: ино нешто тогда арцибискуп и бискупы и панове о греческом законе тебе силу учинят. И нам бы ныне у своего зятя, а у твоего мужа взяти новаа грамота утверженнаа о тебе, о греческом законе, с его печатью, да чтобы и арцибискупу краковскому и бискупу виленскому к той грамоте велел печати свои приложити, да и руку бы бискуп виленской на той грамоте дал нашим бояром, на том что тебе нашей дочери держати свой греческой закон во всем, а зятю нашему, а твоему мужу тебя к римскому закону не нудити ничем; да и список бы мы при Сопеге написали, по его речем, как ты ему наказала, какове той грамоте быти: ино то, дочка, делаешь гораздо, что своей души бережешь да и имени своего, и наш наказ памятуешь и имени нашего бережешь”».

⁹⁴³ В одной летописи сохранилось любопытное известие об условиях брака между Александром и Еленою, из которых видно старание Ивана III отворотить по возможности литовских Ягеллонов от латинства; вот эти условия: «детем их сыновьям в отцове, а дочери в материне вере, а буде князь Александр сыновей крестит в православную веру, ино к. в. Иван Васильевич даст им по два города и сuezды к Литве, коли князь в. Александр умрет, ино княгиню Елену отмустити со всем ее скарбом и людми, и денги ея сцела отдать, да от Литвы дать столькоже, а даст ей к. в. Иван Васильевич денег 3000 рублей, а умрет в. к. Елена, ино к. великий денег ея, и кузни и порт не взысчет». См. мою статью о продолжении истор. Татищева, в Москвит. 1845 г., № 10.

⁹⁴⁴ Так перешел на службу к Ивану Евстафий Дашкович. Александр требовал его выдачи, на основании договора; Иван отвечал: «Которой тать, или разбойник, или душегубец, ли иное каково лихое дело учинив да сбежит на кого сторону, ино о тех людех писано, а и тех по исправе выдавати.

А Остафей Дашкович у короля был метной человек, и воевода бывал от него во многих местех на украине, а лихого имени есмь про него не слыжали никакова, и держанья имел от него великие города, и к нам приехал служить доброволно, а сказывает, что никому не учинив некоторые шкоты: а и наперед того, при нас и при наших предках и при его предках, меж нас на обе стороны люди ездили без отказов; Дашкович так же ныне к нам приехал служить, ино то есть наш слуга». — Там же.

⁹⁴⁵ С. г. г. и д. т. I, № 144.

⁹⁴⁶ «А что есми дал детям своим Юрью з братьею у города у Москвы селца з дворы з городцкими, и учинится в тех селцах и в дворех в городных душегубство или поличное: и то судит наместник болшей сына моего Васильев. А что есми дал детям своим Юрью з братьею села в станех в московских и над теми селы суд и дань моих детей; а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селах промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московскаго болшаго сына моего Васильева; а грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк Ямьской сына моего Васильев, как было при мне; а опричь того на Москве грамот полных и докладных не пишет никто. А которые есми города и волости подавал детям своим Юрью з братьею в вуделы, а тянули душегубством к городу к Москве: и те города и уезды, и волости тех городов тянут душегубством к городу к Москве по старине; а дети мои Юрьи з братьею в то не вступаются». — След., над теми городами, которые не тянули прежде душегубством к Москве, удельные князья сохраняли право уголовного суда.

⁹⁴⁷ «А сын мой Юрьи з братьею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят; а деньги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне. А откуп ведает сын мой Василей, а в откуп у него мои дети Юрьи з братьею не вступаются». — Кажется, этот откуп относится также к битью монеты.

⁹⁴⁸ С. г. г. и д. т. I, № 144.

⁹⁴⁹ Карамз. VII, примеч. 243.

⁹⁵⁰ Вероятно, он жил в Москве на поруках: *liberis custodiis mandatus*, как говорит Герберштейн. Об деле рязанского князя см. Герберштейна, *Reg. Mosc. Com. у Старчевского: Hist. Ruth. Script. exteri, vol. I, p. 45*; Летописец, содерж. Росс. ист. от 852—1598 года, стр. 224; Акты Историч. I, № 127.

⁹⁵¹ Гербершт. стр. 45.

⁹⁵² Акты Историч. I, № 124.

⁹⁵³ Что и прежде были обговоры, см. С. г. г. и д. т. II, № 28 и 29 — «опасные грамоты Шемячичу от в. князя и митрополита Симона для приезда в Москву с оправданием». Эти грамоты отнесены к генварю 1511 года: ина-

че и быть не могло, ибо митрополит Симон умер апреля 30 того же года, см. Соф. врем. II, 290 и Никон. VI, 190.

⁹⁵⁴ Гербершт. стр. 45.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ См. в завещании, в С. г. г. и д. т. I, № 151.

⁹⁵⁷ Никон. VI, 189.

⁹⁵⁸ Акты Историч. т. I, № 186.

⁹⁵⁹ Акты Историч. I, № 136.

⁹⁶⁰ Акты Истор. I, № 130.

⁹⁶¹ Стр. II: «Imperio, quod In suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et Id quod pater Incooperat, Ipse perfectit».

⁹⁶² Курб. стр. 127, 128.

⁹⁶³ Летоп., служащ. продол. Нестор. стр. 381.

⁹⁶⁴ С. г. г. и д. I, № 103.

⁹⁶⁵ Там же, № 104.

⁹⁶⁶ Никон. IV, 184.

⁹⁶⁷ С. г. г. и д. т. I, № 149.

⁹⁶⁸ Там же, № 152.

⁹⁶⁹ Там же, № 153.

⁹⁷⁰ Там же, № 154.

⁹⁷¹ Там же, № 159.

⁹⁷² С. г. г. и д. т. I, № 162.

⁹⁷³ С. г. г. и д. т. I, № 155.

⁹⁷⁴ Там же, № 156.

⁹⁷⁵ Соф. врем. II, 325.

⁹⁷⁶ С. г. г. и д. т. I, № 160.

⁹⁷⁷ Соф. врем. III, 326.

⁹⁷⁸ Соф. врем. II, 324.

⁹⁷⁹ Львов. IV, 6 и след.

⁹⁸⁰ Царств. кн., стр. 35.

⁹⁸¹ До нас дошла его челобитная новгородскому архиепископу Макарию о том, чтобы Макарий печаловался о нем пред государем и его матерью (Дополнен. к акт. Историч. т. I, № 27); сообщаем ее здесь как образец подобных грамот: «Великому Архиепископу, святейшему пастырю, православному светилнику, церковному солнцу, святейшему отцу, блаженному учителю, святых соборных апостольских церкви светло сияющему просвещением, небесного разума озарения великого света яснозрительных херувимов блистаясь, чудноумному и светлому серафиму, у престола всех царя трисвятую ему песнь принося о всех и за вся, государю архиепископу Макарию, озимствованный во тлю сени смертныя, в место озлобленное, в опале, идеже положен есмь ныне и оболочен смертною кожею, Ондрей Шуйской, сердечными слезами плачет и молит вашего святительства милости. Не может бо от человек данныя ти милости словом изрещи, аще кто и всех премудрости разум язык имать, но токмо еже от усердия веры плачась к тебе, всесвятейшему Божию, святой мужю! Прости ми, владыко, руку твою, погружаемому в опале сей горкой, и не остави мя, владыко; аще ты не потщися кто прочее поможет ми? Сам, государь, божественного писания разум язык имашь, аще достойного спасти, аще праведного помиловать, ничто же чудно, грешного спасти то есть чудно: ибо врач тогда чудим есть, еда не врачюемый недуг исцелит, но и царь тогда чудим и хвален есть, еда не достойным дарует что. Государь архиепископ Макарие! Пошли мне свою милость, православному государю в. к. Ивану Василиевичу и его матери, гос. в. княгине Елене, печалуйся, что бы государи милость показали, велели на поруку дати. Божество вас соблюдет во многа лета, святейший и блаженнейший отец государь архиепископ Макарие В. Новгорода и Пскова». — Шуйский обратился к Макарию, а не к митрополиту Даниилу, потому что последний не был в ладах с этою фамилиею, как увидим после.

⁹⁸² Львов. IV, 82. Что в княгиня Елена была вынуждена употребить такие меры против Юрия, доказательством служит поступок ее с Иваном Ягановым, которого заключили в оковы за пустой донос.

⁹⁸³ С. г. г. и д. т. I, № 163. Эта запись отнесена здесь к 1537 году ошибочно; в ней говорится: «А что ми слышав о твоём добре или о лихе... *от брата ли своего*». Но брат Андреев Юрий умер еще в 1536 г.

⁹⁸⁴ С. г. г. и д. т. II, № 31. Эта грамота помещена здесь не у места.

⁹⁸⁵ Никон. VII, 13 след.

⁹⁸⁶ Царств. кн., стр. 65.

⁹⁸⁷ С. г. г. и д. т. II, № 30.

⁹⁸⁸ Там же.

⁹⁸⁹ Царств. кн., стр. 67.

⁹⁹⁰ Там же.

⁹⁹¹ С. г. г. и д. т. II, № 52, Акты Истор. I, № 139.

⁹⁹² Царств. кн., стр. 69.

⁹⁹³ Царств. кн., стр. 71.

⁹⁹⁴ Царств. кн., стр. 54.

⁹⁹⁵ Царств. кн., стр. 38.

⁹⁹⁶ Там же.

⁹⁹⁷ Гербершт. I, стр. 19 в изд. Старчевск. Одеборн там же. *Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI. V. 2. Berolini et Petropoli, 1842.*

⁹⁹⁸ Древ. Рос. Вивл. XX, 27.

⁹⁹⁹ Курб. стр. 183.

¹⁰⁰⁰ Псков, летоп., изд. Погод., стр. 183: «А А[ндрей] М[ихайлович] Шуйский, он был злодей; не судя его писах, но дела его зла на пригородех, на волостех, старья дела и суды наряжая, правя на людех, ово сто рублей, ово боле; а во Пскове мастеровья люди все делали на него даром, а большии люди подаваша к нему з дары».

¹⁰⁰¹ Царств. кн., стр. 75.

¹⁰⁰² Курб. стр. 184; царь Иван пишет: «Не восхотел под рабскою властью быти, и того ради князя Ив. Вас. Шуйского от себя отослал на службу».

¹⁰⁰³ Львов. IV, 138 и след. Это было в 1541 году; чрез несколько времени в. князь допустил его к себе, возвратил ему отцовский удел, дал бояр и детей боярских, но не отцовских. Царств. кн., стр. 100.

¹⁰⁰⁴ Царств. кн., стр. 100.

¹⁰⁰⁵ Царств. кн., стр. 101.

¹⁰⁰⁶ Там же, стр. 103.

¹⁰⁰⁷ См. вышеприведенную челобитную Андрея Шуйского к Макарию о печаловании.

¹⁰⁰⁸ Курб. стр. 6 и 7.

¹⁰⁰⁹ Курб. стр. 182.

¹⁰¹⁰ Мы видели, для чего Шуйский жаловал и верстал детей боярских.

¹⁰¹¹ Курб. стр. 183 и 184.

¹⁰¹² Царств. кн., стр. 112.

¹⁰¹³ Царств. кн., стр. 114.

¹⁰¹⁴ Там же, стр. 119.

¹⁰¹⁵ Там же.

¹⁰¹⁶ Там же, стр. 124.

¹⁰¹⁷ Цар. кн. стр. 124; Курб. (стр. 8) говорит еще о других казнях.

¹⁰¹⁸ Львов. IV, 181; Никон. VIII, 49.

¹⁰¹⁹ Царств. кн., стр. 142.

¹⁰²⁰ Там же, стр. 143.

¹⁰²¹ С. г. г. и д. т. II, № 37.

¹⁰²² Курб. стр. 187: Царь пишет: «До того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику в нашего царствия дворе, в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившуся, нам же такие измены от вельмож своих видевшие, и тако взяв сего от гноища и учинил с вельможами, чающе от него прямыя службы».

¹⁰²³ С. г. г. и д. т. II, № 37.

¹⁰²⁴ Царств. кн., стр. 343.

¹⁰²⁵ Львов. IV, 138.

¹⁰²⁶ Я здесь употребляю это слово не в собственном смысле, потому что Сильвестр никогда не был духовником царским.

¹⁰²⁷ Курб. стр. 187 и след.

¹⁰²⁸ Курб. стр. 64. Курбский говорит: «Нашому тогда цареви советници некоторые, мужие храбрые и мужественные, советовали и стужали, да подвигнется сам, с своею главою, с великими войски на Перекопского... но наш царь о сем тогда мало радяше... Мы же паки о сем, и паки царю

стужали и советовали: или бы сам потщился итти, или бы войско великое послал в то время на Орду; он же не послушал».

¹⁰²⁹ Там же, стр. 191: Царь пишет: «Та же убо наченшася война, еже на Германы, попу же убо Селивестру и с вами своими советники, о том на нас люте належаше, и еже убо, согрешений наших ради, приключаются болезней на нас и на царице нашей и на чадах наших, и сия убо вся вменяху, аки ради же нашего к ним непослушания сия бываху!» Стр. 200: «Брань, еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего и воеводу кн. М. В. Глинского с товарищи, Герман воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, их же несть подобну глаголати! Ежели какова скорбного ни сотворится нам, то вся сия Герман ради случися!»

¹⁰³⁰ Там же, 229.

¹⁰³¹ Обо всем о том см. Царств. кн. со стр. 338.

¹⁰³² Акты Арх. эксп. т. I, № 238, стр. 246: «Государю преосвященному Макарию, митрополиту всеа Русии, и всему освященному собору, благовещенской поп Селиверстишко челом бьет... А про Артемья, бывшего троицкого игумена, сказывает Иван (Висковатый), что мне с ним совет был: ино, государь, до троицкого игуменства никакож я его не знал, и как избирали к Живоначальной Троице игумена на Серапионово место, и того Артемья привезли из пустыни, и государь Артемью велел побыти в Чудове, а мне велел к нему приходить, и к себе его велел призывати и смотрити в нем всякого нрава и духовных ползы». Царь пишет (Курб. стр. 187, 188): «Он же (Сильвестр) восхитихся властью, яко Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским... и вас начал причитати к вотчинам ко градом и к селам, еже деда нашего в. г. уложением, которыхы вотчины у вас взимали и которым вотчинам еже часть потреба от вас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил... ни единыя власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение уллучиша». В делах военных и гражданских такое же влияние имел Алексей Адашев, пользуясь неограниченною доверенностию царя касательно выбора людей; так, в местнических делах читаем: «А Федор Ласкирев на государевы разряды слалжеся, что он со князем Васильем с Хилковым не был, а бил челом на князя Ондreja на Хованскаго, и челобитье его записано, а в городничие в Казань послал был отца его по недружбе Олексей Одашев». Дела по местничеству. собр. Ивановым, и напечат. в Русск. Историч. Сбор. т. II, стр. 65, 66 // Русский исторический сборник. Т. II. М., 1838.

¹⁰³³ Курб. стр. 216.

¹⁰³⁴ Там же, стр. 38, 78.

¹⁰³⁵ С. г. г. и д. I, № 167.

¹⁰³⁷ Вот как после сам царь описывал это событие (Курб. стр. 190): «Таже, нам прешедшим во царствующий град Москву, Божие милосердие к нам множащи и наследника нам тогда давши сына Димитрия, — малу же времени минувшу, еже убо владыкам быти случается, нам немощию одержиму быти и зельне изнемогшу; тогда убо еже от тебе нарицаемые доброты возшаташася, яко пьянии, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, имевше нас в небытии быти, забывши благодеяний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в колене князя Володимира; младенца ж нашего, еже от Бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Володимира. По неже бо аще и во внешних писаниях древних речено, но обаче прилично есть: "Царь убо царю не кланяется; но единому умершему, другой обладает". Се убо нам живым сущим такова от своих подовластных добротства насладихомся: что же убо по нас будет!»

¹⁰³⁸ Св. Иосиф [Волоцкий] пишет: «И кн. вел. молвил: яз де ведал ересь их; да и сказал ми, которую дръжал Олексей протопоп ересь, и которую держал Федор Курицын; а Иван де Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел».

¹⁰³⁹ Курб. стр. 5.

¹⁰⁴⁰ Там же, стр. 40.

¹⁰⁴¹ Акты арх. эксп. I, № 172.

¹⁰⁴² С. г. г. и д. т. I, стр. 414, 420, 423, 425, 433, 448.

¹⁰⁴³ Курб. стр. 42 и след.

¹⁰⁴⁴ Курб. стр. 217; см. также Синодик [опальных царя] Ивана Грозного.

¹⁰⁴⁵ С. г. г. и д. I, № 165.

¹⁰⁴⁶ Там же, № 166.

¹⁰⁴⁷ Курб. стр. 191: Царь пишет: «Таже по сем собака и изменник старый, ростовский князь Семен, иже по нашей милости, а не по своему до-сужеству, сподобен быти от нас сигклитства, своим изменным обычаем литовским послом пану Станиславу, да Воину с товарищи нашу душу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших детей; и мы то его злодейство сыскавши, и еще милостиво казнь свою над ним учинили». То же самое говорит и летопись (Никон. VII, 211 и след.). — Впрочем, Семен недолго был в заточении, как видно из слов царя (там же): «И после того поп Селивестр и с вами злыми своими советники, того собаку начал в великом бережении держати и помогати ему всеми благами, и не токмо ему, но и всему его роду».

- ¹⁰⁴⁸ С. г. г. и д. I, № 172.
- ¹⁰⁴⁹ Там же, № 174.
- ¹⁰⁵⁰ Там же, № 175, 176.
- ¹⁰⁵¹ Там же, № 177.
- ¹⁰⁵² Там же, № 178, 179.
- ¹⁰⁵³ Там же, № 180, 181.
- ¹⁰⁵⁴ Там же, № 182.
- ¹⁰⁵⁵ Там же, № 185.
- ¹⁰⁵⁶ Там же, № 186.
- ¹⁰⁵⁷ Там же, № 189, 190, 191.
- ¹⁰⁵⁸ Там же, № 194.
- ¹⁰⁵⁹ Там же, № 195.
- ¹⁰⁶⁰ Карамз. IX, примеч. 352.
- ¹⁰⁶¹ Там же, примеч. 404.
- ¹⁰⁶² С. г. г. и д. I, № 195.
- ¹⁰⁶³ С. г. г. и д. I, № 198, 199.
- ¹⁰⁶⁴ Там же, № 201.
- ¹⁰⁶⁵ Курб. стр. 44.
- ¹⁰⁶⁶ Курб. стр. 220.
- ¹⁰⁶⁷ Там же, стр. 233.
- ¹⁰⁶⁸ Курб. стр. 231.
- ¹⁰⁶⁹ Царств. кн., 290; Никон. VII, 167; Дополн. к Акт. Историч. т. I, № 91.
- ¹⁰⁷⁰ Курб. стр. 49.

¹⁰⁷¹ Вот доказательство, что старинными притязаниями были заражены не одни члены старшей дружины, или бояре: стрелецкий голова также отъехал и также толкует о праве отъезда. О Тетерине как стрелецком голове см. Дополнен. к Акт. Историч. т. I, № 68.

¹⁰⁷² Курб. стр. 374.

¹⁰⁷³ Т. е. дабы муж не отъехал.

¹⁰⁷⁴ Отъезжикам не хочется называть Ивана царем.

¹⁰⁷⁵ Эти слова Тетерина подтверждаются грамотами царя к новгородским дьякам, в которых он выговаривает им за неисправную присылку доходов: дополн. к Акт. Историч. т. I, № 94: «И вы тое нашии ноугородские казны, бранья нынешнего 64 году, к нам на Москву ко крещенью Христову не присылавали, да и после крещенья февраля по первое число не присылавали же: и вы то чините негораздо». Там же, № 101: «Писали есмя наперед в своих грамотах, не единова, к дияку Федору Сыркову да к тебе, к Казарину Дубровскому, чтоб есте прислали к нам на Москву таможенные новорусские и порховские тамги денги, прошлого лета 7062 году, и вы и посяместа тех наших таможных недоборных денег к нам на Москву не присылавали: и вы то чините не гораздо».

¹⁰⁷⁶ Курб. стр. 158, 160, 161.

¹⁰⁷⁷ Курб. стр. 157.

¹⁰⁷⁸ Там же, стр. 161.

¹⁰⁷⁹ Там же, 194, 195.

¹⁰⁸⁰ Курб. 195.

¹⁰⁸¹ Там же, 179, 180.

¹⁰⁸² Курб. стр. 171.

¹⁰⁸³ Курб. стр. 172, 173.

¹⁰⁸⁴ Курб. стр. 210.

¹⁰⁸⁵ Курб. стр. 168.

¹⁰⁸⁶ Там же, 177, 178.

¹⁰⁸⁷ Там же, 190.

¹⁰⁸⁸ Курб. стр. 6.

¹⁰⁸⁹ Там же, стр. 178.

¹⁰⁹⁰ Курб. стр. 161.

¹⁰⁹¹ Курб. стр. 214, 215.

¹⁰⁹² Там же, 189, 190.

¹⁰⁹³ Курб. стр. 224.

¹⁰⁹⁴ Там же.

¹⁰⁹⁵ Курб. стр. 32.

¹⁰⁹⁶ А Курбский обвиняет в том же самом царя, будто тот спешил возвращением.

¹⁰⁹⁷ См. об этом Царств. кн., стр. 295.

¹⁰⁹⁸ Курб. стр. 199, 207, 214.

¹⁰⁹⁹ Стр. 38.

¹¹⁰⁰ Царств. кн. (стр. 337) вот что говорит о поведении мудрых и разумных по взятии Казани: «Бояром приказал государь без себя о казанском деле промышляти, да и о кормлениях сидети: они же от великого такого подвига и труда утомишася, и малого подвига и труда не стерпеша докончати, и возжелеша богатества, и почаша о кормлениях седети; а казанское строение поотложиша».

¹¹⁰¹ Курб. стр. 52.

¹¹⁰² См. Палицына, Кубасова, Флетчера, Кельха. Русские достопамятности. Ч. I. М., 1815; Fletcher C. Of the Russe Common Wealth. L., 1594; см. также: Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906; *Kelch Christian. Liefländische Historia.* Reval, 1695.

¹¹⁰³ С. г. г. и д. т. I, № 168.

¹¹⁰⁴ В третьей записи прибавлено: «и твоему брату князю Юрью Васильевичю».

¹¹⁰⁵ С. г. г. и д. т. I, № 169.

¹¹⁰⁶ Александро-Невская у Карамз. т. IX, примеч. 86.

¹¹⁰⁷ С. г. г. и д. т. I, № 187, 188.

¹¹⁰⁸ Таубе и Крузе. см. у Эверса: *Beitäfige zur Kenntn. Russlands*, стр. 213 и след. *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte / Hrsg. von G. Ewers und M. Engelhardt.* Dorpat, 1816; см. также: Послание Иоганна Таубе и Элэрта Крузе.

¹¹⁰⁹ Гвиньини, у Старчев. *Hist. Ruth. Script, ext. v. I*, p. 40. *Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI. V. 1.*

¹¹¹⁰ Карамз. IX, примеч. 277. Пристрастные описыватели тиранств Грозного утверждают, что вместе с Владимиром погибли и сыновья его, но вот что говорит царь в своей духовной 1572 года: «А что был дал есми князю Володимеру Андреевичу, в мену против его вотчины городов и волостей и сел, города и волости и села, и князь Володимер передо мною преступил, и те города и волости и села сыну моему Ивану, а княж Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотри по настоящему времени, как будет пригоже» (Дополн. к акт. Историч. т. I, № 222).

¹¹¹¹ Курб. стр. 224, 225.

¹¹¹² Житие св. Филиппа, у Карамз. в примеч. к IX т., гл. II.

¹¹¹³ С. г. г. и д. т. I, № 193.

¹¹¹⁴ Дополн. к акт. Историч. т. I, № 222.

¹¹¹⁵ В дополнительных указах к Судебнику видим старание Грозного ограничить право князей и бояр располагать своими отчинами, равно как старание ограничить переход отчин по наследству ближайшими линиями. Так, читаем: «Которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Белозерскими, за Воротынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими, и за иными служилыми князьями вотчины старинныя, и тем князем вотчин своих не продавати, и не меняти, и за дочерьми своими и за сестрами в приданья не давати; а которого князя бездетна не станет, и те вотчины имати на государя. А который князь напишет в своей духовной грамоте вотчину своей дочери или родной своей сестре, и душу свою напишет с той вотчины строити: и тех вотчин дочерям и сестрам в приданья не давати, а отдавати в приданья и душу тех вотчичев поминати из животов их; а у котораго князя живота его, с приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чем душа поминати, столко не будет, и государь разсудя по вотчине, что кому дати пригоже, велит дати из своая казны, а те вотчины велит государь имати на себя. А которой князь вотчину свою напишет брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего родного брата сыну, или которому своему ближнему роду, опричь тех, как кому можно меж собою женитися: и государь того посмотри, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ учинити... А которого князя не стало бездетна, а останется у него жена, а напишет ей муж ее духовную, что из своей вотчины, а ей на той вотчине жити до своего живота; а как ее не станет, а та вотчина на царя и в. князя, а душу ее велит государь из своая казны устроить. А которой будет князь напишет жене своей духовную, всю свою вотчину, а вотчина будет великая, и государь о той вотчине указ учинит. А которой князь напишет жене своей духовную, что из своей вотчины, и вольна она ту вотчину продати, и променяти, и по душе отдати; и той жити жене на той вотчине до своего живота, а после ее живота та вотчина государя царя и в. князя. А котораго боярина или сына боярскаго не станет бездетна, а ближняго роду и духовныя у него не будет; и та вотчина государя царя и в. князя; а жене его из тое

вотчины государь указ учинит, как ей мочно прожить, и душу умершего государь велит устроить из своей казны». — Далее читаем: «Которой брат родной умрет бездетен, а останутся у него братья родные, и та вотчина родным братьям и детям и внучатам; а которой сын, или внук умрет бездетен, и те жеребьи отдати братьям их родным, которые останутся, и дядьям, и племянникам, и внучатам; а дале внучат вотчин не отдавати роду; а которой внук умрет без денег, а останутся братья его меж собою в правнучатех, и та вотчина, тот жеребей, взяти на государя, а правнуку правнучьи вотчины не отдавати». — Акты Историч. т. I, № 154. — Какая страшная конфискация княжеских отчин имела место при Грозном, видно из его духовной, в которой завещатель, перечисляя села и деревни, назначаемые старшему сыну Ивану, постоянно прибавляет, что эти села и деревни были прежде за таким-то и таким-то князем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Отдел первый	
ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА	
ДО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО	9
Глава I. О РОДОВЫХ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВООБЩЕ	11
Глава II. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА ДО СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I	26
Глава III. О РАСПОРЯДКЕ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ЯРОСЛАВА I	40
Глава IV. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ВЛАДИМИРОВИЧА МОНОМАШИЧА	44
Глава V. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ДО ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО	70
Отдел второй	
ОТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО	
ДО ИОАННА КАЛИТЫ	105
Глава I. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АНДРЕЕ БОГОЛЮБСКОМ	107

Глава II. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ВСЕВОЛОДЕ III И ПО СМЕРТИ ЕГО ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА СТАРШИЙ СТОЛ СЫНА ЕГО ЯРОСЛАВА	116
Глава III. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ВСТУПЛЕНИЯ НА ВЛАДИМИРСКИЙ СТОЛ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА ДО НАЧАЛА БОРЬБЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО	129
Глава IV. БОРЬБА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО	134
Глава V. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ПРИ АНДРЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ	140
Глава VI. БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ ДО ИВАНА КАЛИТЫ	143
Отдел третий	
ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ИОАННА КАЛИТЫ ДО ИОАННА III	149
Глава I. ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ВООБЩЕ	151
Глава II. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ КАЛИТЕ	163
Глава III. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СИМЕОНЕ ГОРДОМ	169
Глава IV. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ ИОАННОВИЧЕ	175
Глава V. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ	178
Глава VI. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО	184
Глава VII. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА	201
Глава VIII. ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО	213

Отдел четвертый	
ОТ ИОАННА III ДО КОНЧИНЫ ИОАННА IV	249
Глава I. ИОАНН III	251
Глава II. ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ	282
Глава III. ИОАНН IV	294
ПОЛОЖЕНИЯ.....	348
ПРИМЕЧАНИЯ	351

Учебно-методическое пособие

Соловьев С.М.

**История отношений
между русскими князьями
Рюрикова дома**

Редактор *И.О. Гриценко*
Технический редактор *Г.А. Этманова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *К.С. Парсаганяна*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
сел. Новокаякент, ул. Новая, 20

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Жукос-Сити», 65-66 км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, 3 мкрн, кор. 360, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24 км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- Архангельск, 103 квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, д. 132а, (0722) 31-48-39
- Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1; Волжская наб., д. 107
- Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- Ростов-на-Дону, пр-т Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- Новороссийск, сквер Чайковского
- Орел, Московское ш., д. 17
- Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1, 7 этаж. Тел. (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Согласно исторической концепции выдающегося историка С.М. Соловьева (1820–1879), смыслом русской истории был постепенный переход родового быта в быт государственный, последовательное превращение племен в княжества, а княжеств — в единое государственное целое. По мнению ученого, историю отношений князей из династии Рюриковичей можно разделить на два периода: «в первом, от Рюрика до Андрея Боголюбского, мы видим исключительное господство родовых отношений; во втором, начиная с Боголюбского, является попытка сменить родовые отношения государственными, которые вступают в борьбу с родовыми и наконец торжествуют над ними».

Историческая библиотека

ISBN 5-17-017477-2

9 785170 174775